ББК 84, 4Фр
Ф84

ФРАНЦУЗСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Перевод с французского *А. Дроздовского*
по изданиям:

Boileau — Narcejac
«LA PORT DU LARGE»
Edition Denoel, Paris, 1968

Boileau — Narcejac
«LES LOUVES»
Edition Denoel, 1968, Paris

Boileau — Narcejac
«EN BOIS DORMAUT»
Edition Denoel, 1969, Paris

Ф 4703010100-001 / СП «Крещатик»-90

ISBN 5-7707-0595-7

ISBN 5-7707-0595-7

В книгу включены произведения двух видных французских романистов, авторитетнейших представителей детективного жанра. Писатели сознательно ставят своего героя в сложные ситуации, из которых он должен выходить сам, без помощи других. Специфические черты психологического детектива, характерные только этим авторам, их стиль и манера повествования привлекают к этим произведениям читателей многих стран мира.

ББК 84. 4Фр.
Ф84

Составитель *Рачок А. В.*
Технический редактор *Подгорная С. Г.*
Корректор *Еременко Т. П.*

ВРАТА МОРЯ

РОМАН

Глава 1

— Остановись здесь, — сказал Сэвр. — Иначе я не смогу выйти.

Ветер раскачивал малолитражку «Рено», фары которой выхватывали из темноты тусклым и как будто задутым бурей светом фасад, скорее похожий на колышущиеся тени и живые облака, чем на здание.

Сэвр почувствовал, как Мари-Лор нащупала его руку.

— Прошу тебя, Жорж, вернись. Ты с ума сошел!

Он поискал ручку сетки, лежащей у него между ног.

— Они бы тебя отпустили, только и всего, — продолжила она умоляющим и дрожащим голосом. — Ну что же теперь будет с тобой?

Сэвр открыл дверцу, и ее тут же мощным порывом ветра чуть было не вырвало у него из рук.

Косой дождь хлестнул его по лицу, словно пригоршня крупной дроби, и зашлепал по куртке. И сразу же вода начала скатываться с кончика носа и заливать глаза. Зажав в руках забившуюся, как взятый за уши кролик, сетку, он решительно захлопнул дверцу. Его сестра, нагнувшись к сидению, еще что-то кричала ему вдогонку, однако он уже не слышал ее слов. Ей пришлось опустить стекло и высунуть руку. И тут Сэвр увидел, как она протягивает ему забытый на сидении фонарик. Мари-Лор жалобно смотрела на него, а ее лицо медленно исчезало за постепенно запотевающим ветровым стеклом. Многократно и четко, будто бы разговаривая с глухим, она настойчиво артикулировала, обращаясь к нему. Наконец он понял, что

она говорит: «До четверга» — и подал ей знак, объясняя, что разобрал ее слова. Чтобы окончательно расстаться, он часто замахал ей рукой — так машут, когда хотят прогнать привязавшееся животное. Машина тронулась и поехала, качаясь от невидимых ураганных порывов ветра.

Сэвр ступил несколько шагов, остановился и оглянулся. Возможно, еще не поздно... Она бы отвезла его в полицейский участок, и он рассказал бы там правду... Красные габаритные огни то исчезали в водовороте дождя и ветра, то вновь выныривали... На какое-то мгновение ему показалось, что машина Мари-Лор остановилась.

Нет, он ошибся... Эти два красные огонька, напоминающие глаза затаившегося кота, по-прежнему смотрели на него из сумрака. В этом кромешном мраке — настолько кромешном, что он даже не мог различить очертаний своих собственных рук, — он остался совершенно один. Стоило ему только развернуться, как ливень опять хлестанул по лицу. Казалось, что шел не дождь, а происходило какое-то невероятное перемещение пространства, издающего свист и раскачивающего его, словно дерево. Ветер обшаривал его щупальцами, добирающимися, несмотря на его плотную одежду, аж до самого тела. Он все явственнее ощущал, что на его ноги будто бы накатился шквал вставших на дыбы волн.

Тяжело дыша и согнувшись вдвое, Сэвр повернул налево, где, как ему казалось, находилось углубление подъезда, в котором отражались шумы и эхо. Луч фонарика освещал иглы дождя, пронизывающие клевавшие носки его сапог, а затем упал на цементную дорожку. Здесь, наконец, Сэвр оказался в укрытии и, задыхаясь, дотронулся рукой до каменной облицовки.

Сюда доносился лишь шум дождя и журчание струек, скатывающихся вниз по склонам. Все еще оглушенный громом рокочущей стихии, он неловко расстегнул куртку и достал ключи. Луч фонарика, словно это была тросточка слепого, позволял ему медленно продвигаться вперед. Повернув налево, он прошел мимо накренившегося щита с планом гаражей до двери парадного, но никак не мог всунуть плоский ключ в замочную скважину со сложной конфигурацией. И тут им овладела непреодолимая ярость. Он был зол на себя, на Мерибеля, упавшего там в домике возле кресла, за все, что обрушилось на него за эти последние несколько часов!.. Столько потрясений сразу! А тут еще этот ключ никак не хочет стыковаться со скважиной — закапризничал в совсем неподходящий момент!

Сэвр начал тыкать ключом в дверь. Наконец ему удалось вставить ключ в скважину. Сразу же за открывшейся дверью показался шикарный холл. Скользнув по мрамору, луч фонарика подсветил позолоту лифта. Захлопнув за собой дверь, Сэвр снова вставил ключ в замок и повернул его, как бы еще надежнее отделяя себя от всех опасностей этой ночи. А завтра... завтра, наверное, он включит электроэнергию и сможет воспользоваться лифтом, передвигаться по дому и устраиваться в нем.

А пока ему нужно поспать. Он в нерешительности остановился перед лестницей, покрытой красным, блестящим, как кровь, новым ковром. Тут он заметил, что с него капает вода и он повсюду оставил свои мокрые следы...

Ну и что? Ведь в этом доме он один, и здесь еще долго никто не появится.

Прислушавшись, Сэвр сквозь царящую здесь тишину различил глухой шум разбушевавшейся стихии, но шум этот доносился откуда-то издалека, так, как будто дождь шел в каких-то неведомых местах, которые он посетил во сне, а не сразу же за спиной. Теперь здесь все торжественно сосредоточивалось на нем — словно вещи смотрели на хозяина и почему-то не узнавали его. Он начал подниматься по лестнице, держась за перила. Стены, сад, бассейн и даже аспект освещения летним солнцем двух фасадов — с видом на деревню и с видом на море — все это было рассчитано, построено, оборудовано им, Сэвром. Он был подлинным хозяином этого огромного здания, которое как будто сосредоточивалось на нем и прислушивалось к шлепанью его мокрых сапог, переступающих со ступеньки на ступеньку. Сэвра охватило чувство стыда.

Зайдя в квартиру-образец, разработанную парижским дизайнером, он воздержался от того, чтобы осветить большое зеркало прихожей, из которого бы на него посмотрел мужчина, все еще одетый в охотничий костюм — почерневшую и одеревенелую от воды куртку, брюки из плащевой ткани, заправленные в оранжевые резиновые сапожки, на одном из которых, на левом, на уровне лодыжки виднелась круглая резиновая заплатка — такая, какими вулканизируют велосипедные камеры.

Войдя в кухню, он поставил на стол фонарик, а затем прислонил его к стенке. В этой образцовой кухне, чистой и нереальной, напоминающей ему картинку каталога, он почувствовал себя совершенно неуместным. Осторожно присев на стул с нежным рисунком, Сэвр принялся снимать сапоги, не в силах удержаться от мысли, что эти

комнаты, обставленные с такой утонченностью и вкусом, были абсолютно не пригодны для проживания в них.

Видимо, он все же понапрасну спроектировал и построил этот комплекс. Напрасно он его благоустраивал, противясь советам друзей, напрасно... напрасно... Уже многие месяцы подряд он все делал понапрасну и во всем был не прав...

И вот в конце-концов...

Уже в носках он подошел к крану, чтобы попить воды, но вода, как назло, не побежала. Сэвр почувствовал, что он наконец окружен враждебностью: ему вдруг стало холодно. Как это сказала Мари-Лор? «Ты совсем сумасшедший...» Вот-вот, именно так: он сумасшедший. Только сумасшедший мог удрать в эту безумную ночь, чтобы искать укрытия... и, собственно говоря, от кого?.. от чего?.. Он и сам не знал, но в его ушах все еще звенел оружейный выстрел, от которого задрожали перегородки. Да, Мерибель теперь обрел вечный покой, а вот ему приходится скрываться, и в итоге его затравят, словно какого-то злоумышленника.

Войдя в гостиную, Сэвр провел ладонью по мебели из светлого дерева, вспоминая фразы из им же созданного буклета: «Самый красивый архитектурный ансамбль на всем побережье Кот д'Амур — всего в пятистах метрах от Периака. Вы покупаете счастье — голубое небо и безмятежную радость! Вы помещаете свой капитал прямо в счастье!»

В то время он еще не знал и даже не подозревал, что в какой-то степени бессовестно обманывает людей... Так. Хватит об этом. Завтра... послезавтра... у него будет предостаточно времени, чтобы отыскать причины краха и разобраться во всем, а сейчас надо поспать. Сняв куртку, он машинально вынул из ее карманов все их содержимое. Усталость так парализовала его внимание, что некоторое время он с недоумением рассматривал трубку, кисет, зажигалку, бумажник — предметы, к которым его пальцы никогда не прикасались и которые принадлежали Мерибелю. Даже часы и обручальное кольцо на его руке — все это тоже было не его, а Мерибеля. Еще несколько часов назад ему пришлось снять с руки Мерибеля обручальное кольцо, чтобы надеть ему на палец свое собственное. И вот теперь труп Мерибеля стал его, Сэвра, трупом... Ну, так кто сказал, что он сумасшедший? Да он просто мертв! Мертв! С этой мыслью Сэвр принялся за поиски спальни: план квартиры совершенно выветрился у него из головы.

Возвратясь в вестибюль, он стал ощупывать стены. Ага, вспомнил! Ведь окна спальни должны выходить на море! Завывания ветра в спальне доходили до такой низкой музыкальной ноты, что он даже остановился на миг у кровати, склонив голову вниз.

Ему пришлось наблюдать не одну бурю в Бриеро, но эта была не такой, как все предшествующие. Она позаимствовала из его собственной трагедии дикие нотки, словно он сам как бы своими же поступками разбудил спящую стихию.

Кровать была широкой, покрытой роскошной тканью, однако на ней не было ни одеял, ни простыней. Она была иллюзией и служила лишь для соблазна посетителей, ходящих по комнатам, как по музею, несколько оглушенных светом и совершенной гармонией цветов: «Вот бы пожить здесь!»

Сэвр снял брюки и бросил их на обитое мягким, как пух, бархатом кресло. Холод в принципе был сносный. Сквозь плотно закрытые окна ощутимо просачивался запах моря, похожий на дыхание, пахнущее тиной и гнилыми водорослями. Однако влажность, делающая ткань липкой, была куда хуже холода. Матрац был влажным, а покрывало то и дело прилипало к коже. Выключив фонарик, Сэвр прилег и потер друг о дружку заледеневшие ноги. Тьма была кромешной, однако он все же по привычке закрыл глаза, чтобы хоть таким образом остаться наедине со своими мучениями, но через несколько минут понял, что заснуть ему не удастся...

Мари-Лор сейчас, наверное, звонит в ближайшую жандармерию, ну а завтра, конечно же, разразится скандал, и все с изумлением узнают, что Жорж Сэвр совершил самоубийство, застрелившись из ружья, а его шурин Филипп Мерибель скрылся. На самом же деле все гораздо сложнее: застрелился-то Мерибель, а Сэвр, то есть он сам, наскоро раздев покойника, переоделся в его одежду, а затем переодел того в свою, чтобы все подумали, что застрелился именно он, Сэвр. Ну, конечно! Здесь не сходятся концы с концами, и следователь непременно раскроет истину. И тогда его обвинят в убийстве Мерибеля. К счастью, он сможет показать им письмо, но...

Он не хотел больше размышлять — он чувствовал себя слишком усталым. Скрутившись калачиком и завернувшись в покрывало, он попытался таким образом сохранить тепло и несмотря ни на что выжить, потому что, возможно, у него оставалось еще немного надежды. Он коченел,

терял сознание. Шквал обрушился на стену, а по ставням застрочил дождь, будто кто-то бросил пригоршню гальки. Застонав, он повернулся на другой бок... Дениз!... Сегодня впервые со времени своего траура, ложась спать, он не вспомнил о Дениз. Если бы она была рядом с ним... Он начал засыпать с открытым ртом, а затем им неожиданно овладела та ясность, которая обычно приходит ночью и освещает сознание как бы унылым лунным светом. И он почувствовал себя погибшим; он заболеет, и прийти ему сюда на помощь будет некому — в декабре владельцы квартир сюда уже не приезжали, комплекс был тщательно заперт и законсервирован на зиму. Даже не говоря уже о том, что эта бездельница — матушка Жосс не удосуживалась проветривать квартиры, закрытые вплоть до пасхи. Сэвр почувствовал себя куда более одиноким, чем моряк, потерпевший кораблекрушение, попавший на необитаемый остров и лишенный абсолютно всего. Уезжая, Мари-Лор сказала: «До четверга!» Напрашивается вопрос: удастся ли ей ускользнуть от всех тех, кто будет ее беспрестанно атаковать? Великолепная пожива для газетной братии: женщина, у которой застрелился брат и сбежал муж! Ну а если уж и полиция докопается до истины, то случится непоправимое: она станет вдовой мужа, которого убил ее же собственный брат! При этом, если она будет упорно молчать, то неминуемо станет его сообщницей.

А если...

Включив фонарик, Сэвр сел на кровать и оперся спиной о стену. Нет! Это невозможно! Хотя... Успей он предугадать последствия, он, пожалуй, принял бы все события так, как они и произошли на самом деле. Теоретически он мог еще возвратиться — стоило ему только позвонить и...

Вскочив с кровати, он пошел в гостиную. Телефон! Там на маленьком столике стоял телефон — совершенно белый, напоминающий до белизны вылинявшие кости рыб, которые иногда находишь на пляже. Но... он был таким же мертвым, как и они, — всего лишь бутафорский неподключенный телефон, этакий небольшой штрих роскоши в этой элегантной квартире у моря. Теперь в эту скомканную ночь между Сэвром и всем остальным миром протянулись бескрайние, затопленные дождем поля. Посмотрев на часы, он убедился, что до утра еще далеко — настолько далеко, что он даже вздрогнул. А ведь ему придется продержаться здесь целых пять дней и пять ночей!

Свернувшись клубочком в кресле, он обмотал ноги курткой. Почему бы сейчас ему не сесть и не написать

все прокурору? Кажется, в подобных случаях следует обращаться именно к нему.... Хорошо, но где взять писчую бумагу, ручку, конверт и марки? Если бы он смог объяснить все происшедшее именно сейчас, когда образы в его памяти еще свежи, когда все детали ясны, словно в кино!.. Вот, например, охотничий домик, а справа от него заросли камыша, склоняемого ветром к земле, да рябь на поверхности воды... «Ну и погодка, — пробурчал тогда Мерибель. — В такую погоду ни один хороший хозяин не выгонит на двор свою собаку». Вот тогда все и началось. Невозможно рассказать все то, что произошло раньше, — ведь в таком случае придется без конца возвращаться к случайностям, которые управляют нашей жизнью, раздвоением событий, перепутанными между собой, будто нити рельсов. Так какие же стрелки направляли к нему Дениз, а затем и Мерибеля? И почему он женился на Дениз? Почему Мари-Лор вышла замуж за Мерибеля? Да нет, начинать нужно не с этого. Прокурор должен знать, что все началось еще тогда, когда Мерибель спросил: «Ну что, возвращаемся?».

Они оба подняли головы к серому небу, потом он перегнул свое ружье, пока Мерибель нагнулся, чтобы выйти из охотничьей засады. И они зашлепали по грязи, а в этот самый момент посланец беды уже ехал по направлению к их маленькой ферме, к их «хижине», но они этого еще не знали. Когда же это случилось? Ах, да, вчера вечером! Как раз надвигалась ночь, но вот в котором это было часу? Ведь прокурор захочет узнать точное время. Кажется, было где-то около половины пятого. Когда они ступили уже на более твердую почву, Мерибель еще сказал: «Завтра будет сильный юго-западный ветер».

На всем протяжении болот виднелись лишь два силуэта. Охотничий домик располагался подле дороги, ведущей в Ля Рош-Бернара, — это более чем в получасе ходьбы. Нужно ли объяснять прокурору, зачем Мерибель купил это временное жилище? Если прокурор не любит ни охоту, ни рыбалку, то он никогда не поймет Мерибеля. Быть может, именно это пристрастие и погубило беднягу Филиппа?

Его нельзя было назвать ни высоким, ни сильным, но что подходило одному из них, то было вполне по размеру и другому, хотя при этом Филипп обладал еще и какой-то непостижимой жизнеспособностью. Он всегда пребывал в движении, всегда носился одержимый какой-нибудь очередной идеей, он демонстрировал замашки богача, хотя

этот домик Мерибель переоборудовал сам — ведь он умел делать своими руками абсолютно все! И этот домик стал его настоящей берлогой. Квартира в Нанте была хороша для Мари-Лор да разве что для визитов клиентов, но и то он чаще всего встречался с ними в кафе. Стоило ему сойти с поезда, как он сразу же мчался в свой охотничий домик и долго колдовал там над ружьями или удочками. А еще он любил заправски хозяйничать на кухне, он ведь был первоклассным гастрономом и чревоугодником и интересовался всеми необычными рецептами. А еще он заражал всех своей энергичной деятельностью. Даже Дениз вела себя с ним раскрепощенно...

Вытянув затекшие ноги, Сэвр принял более удобное положение. Во дворе что-то с грохотом упало. Вероятно, здесь уже необходимо кое-что отремонтировать. Но... Сэвра уже не существовало, и если ветер сорвал крышу, это была уже не его вина... Так же, как и не было его вины в том, что Мерибель выстрелил себе же в голову. И вообще: в чем была его вина? В том, что он вовремя не раскрыл себе глаза? Но ведь и Дениз, от которой он ничего не скрывал, тоже ведь ни о чем не догадывалась! Вот еще одна деталь, которую прокурор, возможно, не поймет. Если он когда-нибудь и станет допрашивать Сэвра, то уж непременно спросит:

— Почему вы не контролировали деятельность вашего шурина?

— Ну, потому что он был моим компаньоном.

— Именно поэтому время от времени вы и должны были проверять его! Ведь нельзя же давать полную свободу действий человеку, склонному к авантюризму!

Дениз же, напротив, считала, что Мерибеля совершенно нельзя держать в ежовых рукавицах, а Сэвр не привык оспаривать ее мнение. Ну и что дальше? Тогда, наверное, его попросят рассказать о Дениз? Судьи и адвокаты непременно захотят узнать, почему он женился на Дениз? Не потому ль, что она была богата и происходила из зажиточной семьи? Да ему просто рассмеются в лицо, если он скажет, что влюбился в нее! Говорящего о любви вдовца поднимут на смех!

Сэвр встал. Так, куда он дел свою сетку? Сейчас его интересовало, догадалась ли Мари-Лор положить ему аспирин? Наверное, все же забыла.

Щелкнув фонариком, он направился в кухню. Сетка лежала здесь, возле стола. Увидев ее, он вспомнил, как

они вместе с Мари-Лор в горячке отъезда запихивали в нее разную всячину.

Высыпав на стол все содержимое, он первым делом разложил консервные банки: крабы, зеленый горошек... Что он будет делать с этим горошком без кастрюль, без воды, без огня?.. Рагу, рыба, пачка сухарей, банка варенья, бутылочка кетчупа... Ну и набор! Они явно оба потеряли голову... И никаких медикаментов. На самом дне — электробритва. Значит, ему придется продержаться целых пять дней на этих дурацких консервах. Просто смешно!

Он почувствовал, как у него разболелась голова, вполне возможно, что он простудился. Ах, как ему хотелось курить! Он, конечно же, мог воспользоваться трубкой покойного, но до такой степени одичания он еще не дошел. По крайней мере, в данный момент...

Часы показывали немногим более пяти часов, но ветер так и не утихал. Подумав, что он должен экономить батарейки, Сэвр потушил фонарик. Да, продержаться здесь целых пять дней ему будет нелегко.

До спальни он уже добрался на ощупь. Дождь хлестал по стенам дома, а с моря доносился непрерывный басистый гул, похожий на ворчание органа, из-за которого иногда дрожали стекла. Сэвр прилег, натянув на себя покрывало и куртку. Да, так на чем же он остановился? Ага, на письме к прокурору. Это было так же абсурдно, как и все происходящее, но это, по крайней мере, занимало его мысли. Итак, все начиналось на обратной дороге. Во дворе домика, перед гаражом, в котором они держали свои машины, стоял красного цвета спортивный «мустанг».

— Ты не знаешь, чей это? — недоверчиво спросил Мерибель. Сэвр знал, что Мерибель не любил, когда к нему приезжали сюда и докучали делами.

Подойдя поближе, они увидели номерной знак с арабской вязью и две большие буквы «МА».

— Машина из Марокко? Здесь?

Мари-Лор поджидала их как всегда — с видом, выражающим смирение, готовая тут же извиниться.

— Дело в том, что он настаивал на встрече, — поспешно прошептала она. — Ну, я и пустила его в комнату для курения.

— Кто бы это мог быть? — недовольно пробормотал Мерибель. — Да еще в такое время!

Тем не менее ни один, ни другой не испытывали никакого беспокойства. Сэвр вспомнил, что, проведя рукой по щекам, сказал: «Может, мне стоит побриться?» В свиде-

тельских показаниях каждое слово имеет огромное значение. Так зачем же скрывать перед прокурором естественное желание выглядеть свежим, опрятным? То есть вполне соответствовать тому образу, который люди заранее создают себе относительно управляющего большой фирмой, человека, финансирующего местное строительство.

Мерибель зачастую подтрунивал над ним: «Ты похож скорее на начальника отдела». Но дело было не в этом, а в том, что он всегда хотел нравиться Дениз. И хотя она была уже мертва — тем не менее, он все равно хотел ей нравиться. О ней Сэвр не мог думать и говорить хладнокровно... Он никогда не сможет им сказать... Его отношения с Дениз были слишком сложны для их понимания.

Да, так вот. Сначала они оба зашли в кухню и прислонили свои ружья к высоким стенным часам. Мерибель не спеша приподнял крышку кастрюли на чугунной печке и вдохнул ароматный пар.

— Не забудь хорошенько посолить!

Мари-Лор посмотрела на них — таких похожих между собой в своих охотничьих костюмах, в складках которых оставались влажные полосы.

— Могли бы пойти и переодеться, — вскользь заметила она. — Сразу видно, что не вам здесь убирать!

Мерибель лишь пожал плечами и толкнул дверь комнаты для курения. Непрошеного гостя они узнали с первого взгляда. Он почти не изменился, хотя стал элегантнее и выглядел весьма уверенным.

— Здравствуй, Мерибель.

В сером костюме, который лишь подчеркивал его худобу, визитер казался немного выше Мерибеля, однако это была только видимость. Мерибель сразу же ринулся в атаку. Вид у него был такой, словно он принимал своего арендатора.

— Странное время для отпуска...

Удивительно, что он так запомнил каждую фразу, каждую реплику, надежно сохранив в памяти все образы. Поленья весело потрескивали в камине; от их охотничьих курток исходил пар, и в комнате пахло влагой.

— Я приехал не в отпуск, а специально, чтобы повидаться с вами... После всего того, когда вы... — он, должно быть, чуть было не сказал: вышвырнули меня за дверь, но вовремя спохватился, — ...ну, после того, как мы с вами расстались, я основал в Марокко свое собственное дело... Пока у меня все идет хорошо. Кстати, на земельных участках можно такое проворачивать... При условии, конечно,

что будешь соблюдать правила игры... Да что я вам рассказываю — ведь вы это все знаете куда лучше меня, правда, Мерибель?

Фраза была сказана так, что они оба сразу же насторожились.

— К чему вы клоните, Мопрэ? — спросил Мерибель.

Бросив взгляд на свои часы, Мопрэ взял папку, лежащую возле кресла, которую до сих пор они не заметили. Поигрывая молнией папки, он продолжал:

— Некоторые мои клиенты тоже вкладывают капитал в Испании — именно в том районе, который вас интересует... И вот появились кое-какие слухи... Когда я говорю слухи, то...

Мерибель встал, чтобы подложить в камин поленья. Со стороны все выглядело так, будто все трое сидели и мирно беседовали, однако истинная причина уже начинала вырисовываться. Она неминуемо должна была привести к взрыву и привела к нему.

— Продавать квартиры — дело, конечно, доходное. А вот продавать те же квартиры, но уже по нескольку раз... Это уже куда доходнее. Не говоря уже о взятках, то есть о сделках с предпринимателями... У меня здесь об этом собрано целое досье.

И он мило улыбался, барабаня пальцами по папке.

— Я поссорился с вами, когда был только вашим коммивояжером, за гораздо более мелкие дела, чем вот эти.

И, резко раскрыв молнию, он принялся извлекать из папки бумаги — планы, счета...

— Это, разумеется, всего лишь копии, — уточнил он, по-прежнему улыбаясь своей несколько судорожной улыбкой. — Большинство клиентов не могут жить в уже заселенном месте и, естественно, обращаются к строителю домов. А компания месье Сэвра, разумеется, вне всяких подозрений...

Вот с этого момента и начались все драматические события. Мерибель, облокотившись о колени и обхватив голову руками, рассматривал свои сапоги. Он должен был бы... но нет! Он казался слишком подавленным.

Сэвр опять пережил то мгновение, и его сердце забилось быстрее.

Никто — а особенно судьи — никто не поверит, что он, Сэвр, был не в курсе всех тех махинаций, которые так лихо проворачивал его шурин.

Мопрэ даже не обращал на Мерибеля никакого внимания. Он обращался лишь к Сэвру — своему бывшему

хозяину. Он даже не угрожал — в этом у него не было никакой необходимости. Бумаги, которые он держал в руке, были гораздо опаснее нацеленного дула револьвера.

— Я оставлю вам это досье, — закончил он. — Пока что о том, что я обнаружил, никто не знает. Пока это всего лишь... так сказать, неосторожности, которые можно, еще можно исправить... Только нужно поторапливаться! Я думаю, что мы сойдемся с вами в сумме, и я спокойно вернусь в Касабланку. Не забывайте, что это всего лишь услуга, которую я вам оказываю... Итак, заплатите мне, скажем, тысяч 200 франков. Наличными, разумеется, и из рук в руки... Ведь вы, кажется, привыкли действовать именно так, не правда ли?

И он с удовольствием прикурил сигарету.

Глава 2

Когда он проснулся, то подумал, что даже не заметил, как заснул. Вокруг по-прежнему царила кромешная тьма. Правда, ветер, немного изменив свое направление, теперь со всей силой обрушивался на южный фасад здания. Было слышно, как от его мощных, рикошетом отскакивающих порывов пронзительно скрипят оконные рамы.

Сэвр пошарил под кроватью, но найти сразу свой закатившийся под нее фонарик ему не удалось. Наконец, найдя его, он подсветил часы — стрелки показывали четверть восьмого. Значит, уже утро? Во рту он ощущал какой-то неприятный привкус, будто бы во время сна его десны кровоточили, а тело одеревенело и стало, как кусок мяса, только что вынутый из морозильника.

Свесив с кровати ноги, он принялся массировать их, а затем попытался согреть свои ступни окоченевшими руками. Мысли его заработали в том же направлении и сфокусировали его внимание на «хижине»... и трупе... Интересно, выедет ли на место происшествия прокуратура? Было как-то странно произносить про себя это слово в положении, в котором он оказался. Ведь прокуратура состояла из хорошо знакомых ему людей. Он был лично знаком с прокурором и как-то даже заключил с ним сделку о продаже недвижимости в Гранжуане, а с председателем окружного суда, который, как и он, являлся членом Ротари-Клуба, Сэвр традиционно обедал раз в месяц, неизменно за одним и тем же столиком. Впрочем, ему даже не было известно, кому именно поручат вести следствие. Вполне вероятно, что первоначально этим занимаются по-

лиция или следователь... В таком случае на место происшествия приедет и Кулондр. А ведь они когда-то вместе играли в бридж... Но, скорее всего, дело постараются замять. А его самого все будут жалеть и приговаривать, что он слишком уж высоко метил. Будут, наверное, болтать, что в то время, как в Ла Боль начали распродавать гостиницы, этот его проект о постройке нового пляжа и гостиничного комплекса был настоящим сумасшествием. Да и о махинациях Мерибеля, конечно же, узнают не сразу. Но больше всего его удручал тот факт, что его собственное ведение дел будет совершенно несправедливо раскритиковано. Обидно! Ведь несмотря на некоторый застой в делах, он всегда вел их кристально честно. То, что он высоко метил, было, конечно, правдой, и, возможно, он метил слишком высоко! Однако, если бы Мерибель не предал его, то он, Сэвр, несомненно бы достиг своей цели! Единственная его ошибка заключалась в том, что он слушал их обоих — и Дениз, и Мерибеля. Они оба только и говорили об Испании — о постройках на берегах этого чуть ли не Эльдорадо в Коста-Брабо и Каталонии. И он уступил им... Но кто? Кто сможет объяснить все это в Гранжуане? И вообще — как этот никчема-функционеришка, с нетерпением ожидающий каждый месяц получения своего жалования, сможет разобраться в его, Сэвра, делах, исчисляемых в сотнях миллионов франков и требующих все новых и новых инвестиций? Сколько раз он говорил себе, что ему следовало бы уже давно основать свою собственную компанию, ведь время ведения дел всем семейным кланом уже давно миновало. А он почему-то наотрез отказался последовать этой общеизвестной истине. А доверив Мерибелю ведение дел по строительству в Испании, вообще совершил роковую ошибку. Но, с другой стороны, разве он мог предвидеть, что его шурин окажется опытным мошенником? Кому только могло прийти в голову, что этот парень — такой деятельный, такой оборотистый и такой ловкий — на поверку окажется человеком слабым? Даже больше того — трусом, сломавшимся сразу же, при первой же угрозе... Ведь с Мопрэ все-таки можно было еще договориться.

Он попытался припомнить всю эту сцену, но вчерашние события полностью затуманились в его сознании, все произошло так стремительно быстро... Из-за этого возникшего тогда спора... Каждое его слово несло в себе удар... Но главное то, что Мерибель даже не пытался отрицать своей вины. Но, правда, он признавал за собою лишь некоторые,

хотя и не слишком серьезные, но все же нарушения и яростно оспаривал величину суммы, в краже которой его обвинял Мопрэ. Этот грубый, неприятный спор тогда лишь чудом не закончился дракой. Мерибель даже протянул уже руку к ружьям — эти ружья были его гордостью. Целый десяток их всегда стоял в пирамиде, будучи готовыми к использованию по назначению. И вот, когда они, умерив свои страсти, вновь присели, все трое заметно побледнели и стали тяжело дышать. Однако великолепно владеющий собой Мопрэ не растерялся и попытался разрядить атмосферу. Если бы ему самому не приходилось в прошлом сталкиваться с подобными трудностями, он бы, пожалуй, сюда не приехал. А теперь он считает себя вправе рассчитывать на некую компенсацию в обмен на молчание... Некую... в двести тысяч франков!.. Впрочем, цена эта была вполне умеренной.

Слушая все это, Мерибель повернулся к ним спиной и принялся перемешивать угли в камине. Пламя начало разгораться, а ветер время от времени доносил в комнату дым камина.

— Я вернусь через три дня, — закончил Мопрэ. — Полагаю, у вас вполне достаточно времени для изучения досье и денежных операций... Мне же просто необходимо отдохнуть. Я ехал сюда безостановочно от самой границы и чувствую себя совершенно разбитым.

Встав, он чуть было не протянул им руку для прощания.

— Итак, до скорого. Я уверен, что нам с вами удастся договориться. Вот увидите: вы сами еще будете благодарить меня.

Сэвр, наконец, оторвал себя от кровати. Он готов был отдать все, что угодно, лишь бы перестать думать. Тем более, что думать сейчас было уже поздно и совершенно бесполезно. Воспоминания однако буравили его мозг, словно черви падаль. Натянув брюки и еще влажную куртку, он решил пройтись, чтобы хоть немного согреться. Но, зайдя в кухню, в нерешительности остановился перед сапогами. Зачем ему, собственно говоря, выходить из квартиры? И куда он пойдет?

Сквозь ставни просачивался тусклый свет. Здесь со стороны сада ветер бушевал куда меньше. Не без труда ему удалось раскрыть разбухшее от дождя окно. Очевидно, подрядчик использовал дешевые сорта древесины, а может, во всем был повинен этот несносный климат, разъедающий буквально все: и лакокрасочные покрытия, и ме-

талл, и даже цемент. Приоткрыв ставни, он все же рискнул выглянуть наружу. И здания противоположного крыла, и поблескивающие от воды аллеи сада, и бассейн, полный опавших листьев, — все это теперь казалось словно нарисованным угольком на фоне пасмурного утра. Под козырьком входа на сквозняке, неистово стуча всеми своими частями, истязаемая ветром, раскачивалась вывеска: «Мобиль». Это тоже была идея Дениз.

Дождь вроде прекратился, однако дымом клубящиеся тучи проплывали чуть ли не над самыми крышами. Тщательно закрыв ставни, Сэвр устало вздохнул. Да, теперь пасмурная погода установилась прочно и, возможно, не на одну неделю. Необходимо было срочно улучшить свои жилищные условия. Сэвр критическим взглядом вновь осмотрел свои съестные припасы: варенье и сухарики можно было есть, но вот все остальное?.. Где же раздобыть консервный нож? Находясь так близко от населенного пункта, голодать из-за отсутствия консервного ножа — глупо! Он погрыз несколько сухариков, затем сорвал пергамент, которым была запечатана баночка с вареньем. Ложки, конечно же, не было. Запускать же пальцы в варенье Сэвру вовсе не хотелось. До этой стадии голода он еще не дошел. Тогда до чего он, в сущности, дошел? Сидя здесь без денег и без повседневной одежды, он целиком и полностью зависел от Мари-Лор. Что же с ним станет, если ей по какой-либо причине не удастся приехать сюда через пять дней?..

Сухари неприятно хрустели и вызывали у него жажду. Пора уже было включить счетчики, чтобы пользоваться хотя бы водой и светом. Да, так что же его ожидает?.. Ведь даже если он покажет полиции записку, написанную Мерибелем перед самоубийством и безоговорочно доказывающую это самоубийство, даже если эксперты признают эту записку подлинной, нужно будет еще неоднократно доказать и все остальное. А кому это под силу, если даже он сам уже ничего не понимал. И вообще, что он делает здесь, в этой чистенькой кухоньке, с этими сухариками и вареньем, с отросшей, как у клошара, бородой и немытыми руками? Что же помешало ему решиться и признать свое поражение, с достоинством выдержать скандал, а затем спокойно воспринять разорение? Он долго пытался найти ответ на этот болезненный вопрос, однако чувствовал, что не в силах отыскать его. В глубине души он знал, что ничто не заставит его сдаться, хотя, конечно, он кубарем скатывался с вершины. Быть может, это была своеобразная

расплата за то, что он когда-то натворил? Все было, как в тумане... Он впервые задавался такими вопросами. Боже! Ему придется сидеть здесь одному целых пять дней! И за это время следствие может быть закончено.

Выйдя из квартиры, он было закрыл дверь на ключ, но этот жест сразу же показался глупым. Ведь во всем блоке, во всем доме он был совершенно один! Но именно этого наполненного эхом одиночества он и не выносил. Особенно была тягостна открывающаяся перед ним пустота лестницы. Он почти раздвоился, и теперь рядком с ним шел двойник-Сэвр, очень пугающий его.

Счетчики находились в нише, расположенной у входа в подвал. Открыв нишу, он машинально переключил все рубильники. Теперь, наконец, он может подняться на лифте. Войдя в него, он нажал кнопку третьего этажа, но кабина даже не шелохнулась. Вероятно, ветер оборвал высоковольтную линию. В этом случае ремонт линии затянется не на один час. Да, это явное невезение! А может быть, переключая рычаги, он ошибся?.. Вернувшись назад, он возвратил рычаги рубильников в прежнее положение, а затем, спустившись в подвал, щелкнул выключателем. Светильники неожиданно загорелись и залили лестницу, грубые цементные стены и проход, ведущий в темноту и похожий на подземелье, тусклым желтым светом.

Несколько раз он включал и вновь выключал свет в подвале. Ох уж эта растяпа Жосс! Наверняка, это она забыла выключить счетчики! Сэвр решил немедля уволить ее, но тут же вспомнил, что он уже фактически никто и что отныне решения будет принимать тот, кто унаследует его предприятие. И вообще, какое это сейчас имеет значение?

...Лифт бесшумно поднял его наверх, и он вошел в квартиру. Ему казалось, что электрический свет как-то скрасит его одиночество, но свет этот оказался неприятней, чем темнота. Сэвр медленно обошел квартиру, осматривая кресла, обитые медового цвета кожей, небольшую библиотеку, состоящую не из книг, а лишь из стоящих рядом светлого цвета корешков с позолоченными надписями. Казалось, дизайнер хотел перехватить солнечные лучи и взять в плен их отблески.

...За закрытыми ставнями снова заморосил дождь, а прибой обрушивал свои волны на песок пляжа. Сэвр чувствовал себя не в своей тарелке. Помусолив во рту сухарик, он наконец отважился и кончиком пальца выловил сгусток варенья, но сразу же стал противен сам себе. Кухня была снабжена абсолютно всем — в ней был даже

мангал, а вот шкафчики с раздвижными дверцами, ящики, стекла которых закрывались голубыми шторками, оказались совершенно пустыми... Попив воды прямо из ладоней, он вытер лицо носовым платком Мерибеля. Нет! Он не может здесь больше остаться. Просмотрев прихваченную им связку ключей, он обнаружил среди них ключ от агентства. Нужно будет пойти поискать, а вдруг можно будет устроиться где-нибудь в другом месте? О! Уже половина десятого! А Мари-Лор, наверное, все еще в домике и по-прежнему отвечает на бесконечные вопросы. Сумеет ли она умело лгать до самого конца? В принципе, ей даже и не нужно лгать, а только постараться утаить правду. Что же касается Мопрэ, то он, вероятно, поостережется давать о себе знать... Сэвр безотчетно принялся разматывать провод своей электробритвы... Один только Мопрэ мог бы пролить полицейским свет на происшедшее, ведь Мари-Лор толком ничего так и не знала. Ей вообще ничего не было известно о том, что произошло после ухода Мопрэ. Будучи в разгоряченном состоянии, Мерибель по злобе признался во всем... в своей двойственной жизни, в своих грязных махинациях. Он прекрасно понимал, что в один прекрасный день все его дела будут раскрыты, но он уже ничего не мог с собой поделать! «Ты не можешь понять!» — он повторял и повторял эту фразу. О боже! Лучше было бы заткнуть уши. Сэвр резко воткнул вилку в розетку. Сперва послышался треск, затем свет замигал, и бритва остановилась. Черт! Ведь напряжение в сети было 220 вольт, а бритва была включена на 127 вольт. Сгоревший мотор источал едкий запах гари. Все у него наперекосяк! Когда возвратится Мари-Лор, она увидит перед собой подобие какого-то бродяги, а не своего брата. Бросив электробритву в мусорное ведро, он провел ладонью по щеке. Отросшая щетина уже колола руку.

А этот несчастный Филипп? Тоже мне! Стал корчить жертву, потому что, видите ли, не смог устоять перед искушением! Все, конечно, понимают, что работа часто бывает монотонной, да и Мари-Лор, должно быть, не слишком привлекательная женщина! Ведь зарабатывать деньги там было гораздо проще, чем здесь. Но, пожалуй, кроме этих основных причин, существовали еще и другие, о которых Мерибель явно умолчал. Да и кем, в сущности, был этот Мерибель? Стоя перед этим охваченным ненавистью незнакомцем, говорящим чудовищные вещи: «Я подыхаю в этой вашей Франции!.. Я собрался обосноваться в другом месте!.. Я бы продал «хижину»... Да! Для меня нет ничего

святого...» — Сэвр действительно почуял приближающуюся катастрофу. Но от Мерибеля невозможно было добиться чего-нибудь толком.

— Да в конце же концов, сколько миллионов ты истратил? Я хочу знать реальную цифру!

В ответ Мерибель лишь пожимал плечами:

— Понятия не имею... Все вроде шло как по маслу!

— Шестьдесят?.. Весемьдесят? Сто?

— Может быть.

— А может быть, больше?

Он вспомнил, как, подойдя к окну, Мерибель вытер со лба пот. Ветер начинал трепать плохо прикрепленный ставень — в той хибаре все было на соплях. Огонь в камине разгорелся еще ярче.

— Но ты истратил, надеюсь, по крайней мере, не все?

— Нет, не все.

— А куда ты дел деньги? Положил в банк?

— Я пока еще не круглый идиот.

Все это он говорил с такой ненавистью, будто Сэвр превратился вдруг в заклятого врага.

— Ну, а как же Мари-Лор? Ты подумал о ней?

— Ха! Мари-Лор!

— Ты думаешь, она бы поехала с тобой?

— Она не привыкла спорить.

— Ну, а я?

Они стояли друг перед другом и пристально смотрели друг другу в глаза. Потом Мерибель пробормотал почти шепотом:

— Значит, выходит, ты не знал, что я негодяй?

У Сэвра в ушах до сих пор звенела интонация этой фразы, произнесенной с какими-то оттенками жалости, иронии и насмешки. Он должен был бы вцепиться ему в горло, но вместо этого ограничился тем, что спросил:

— Очевидно, ты сам ведешь свои бухгалтерские записи?

— Разумеется, однако хочу предупредить, что ты в них все равно ничего не сможешь разобрать.

— Ты что, ведешь их собственноручно?

— Неужели ты воображаешь, что я могу вести бухгалтерские книги?! Это всего лишь обыкновенный красный блокнотик, лежащий в ящике моего стола.

Сэвр на мгновение задумался, а потом пробормотал:

— Двести тысяч франков!.. Это же двадцать миллионов старыми! Откуда, он думает, я возьму их?

Мерибель резко пожал плечами:

— Если бы мы еще точно были уверены в его молчании!

— Но ведь он пообещал, что...

— Сразу видно, что ты его не знаешь.

Ну вот! Выходит, он вообще никого не знал. И Мерибеля он знал не лучше, чем Мопрэ. Он всегда вел свои дела честно и с честными людьми. Обязательства всегда оставались обязательствами, подписи — подписями. Его отец и дед были нотариусами. Офис Сэвра всегда считался образцовым и серьезным, солидным, словно банк. Во всяком случае, так было до тех пор, пока не распространилась эта, охватившая всех, строительная лихорадка. Все видели друг у друга площади под застройки, раскупали побережье. Того, кто не поспешил бы приобщиться к этой всеобщей волне, просто-напросто эта самая волна и смыла бы. Все спекулировали, однако в авантюры не пускались. Клиент, как всегда, оставался свят. И доказательством тому служило то, что, как только Мопрэ перестал честно вести дела, он тут же был выставлен вон. А ведь тогда именно сам Мерибель открыл ему глаза на махинации Мопрэ. Интересно, почему он это сделал? Может, он и сам уже тогда занимался мошенничеством? Или, может, все это было лишь простым сведением счетов между сообщниками? Какие же козни строились за его спиной?

Он вспомнил эту отвратительную поездку в Ла Боль под проливным ливнем, когда «дворники» его машины не могли совладать с потоками низвергающейся воды. Офис Сэвра располагался в новой пристройке, к счастью, занятой, в основном, помещениями с административными функциями. Здесь вполне можно было не опасаться какой-нибудь неприятной или непредвиденной встречи. Красный блокнот действительно лежал в указанном месте, но, как и предупреждал Мерибель, расшифровать его записи было невозможно. Какие-то цифры, инициалы, адреса, даты...

Время текло, а Сэвр все сидел и терпеливо перелистывал блокнот. Он, конечно же, привык работать с цифрами, однако перед этими записями чувствовал себя совершенно беспомощным, одураченным и заинтригованным. И тем не менее не верилось, что Мерибель успел промотать все это состояние!.. Ведь даже если бы он тратил ускоренными темпами — как можно было взять и растратить такую сумму?! Что он мог купить? И вообще, что означает слово «растратить»? Перелистывая уже в который раз блокнот, Сэвр с некоторым ужасом задавал себе все эти вопросы. Уважение к деньгам ему привили еще в

детстве одновременно с уважением к хлебу. Впоследствии через его руки ежедневно проходили значительные суммы, а жил он довольно скромно — например, довольствовался своим стареньким «Пежо 404», в то время как Мерибель разъезжал в роскошном «Шевроле». И в конце концов, что же это такое — деньги? Пожалуй, это — крепостной вал! Это непробивная стена, за которой можно жить более или менее спокойно. И вот она была сооружена против... против всего, что движется, изменяется, подкапывается и подрывает ее основы. Это — своеобразная дамба, сооруженная против морского прилива. При этом все человечество делится на тех, кто строит, и тех, кто грабит. Мерибель явно принадлежал ко вторым. А этот красный блокнот с зашифрованными записями походил на бортовой журнал пиратского судна. Хорошо, но тогда возникает вопрос: где же хранятся сокровища? И в какую сумму они оцениваются?..

Сэвр бросил блокнот обратно в глубину ящика. В это мгновение зазвонил стоявший на столе телефон, и его сердце на мгновение замерло. Находясь в смятении, он машинально снял трубку и сказал:

— Сэвр слушает.

Звонила Мари-Лор. Ее голос был испуганным, и она то и дело задыхалась, как будто не могла остановить дыхание после быстрого бега.

— Немедленно приезжай!.. Он хочет застрелиться!..

— Что?!

— Да, да, ты не ослышался — застрелиться! Он закрылся в курительной комнате и не отвечает. Что ты ему сказал?.. После твоего отъезда он мне наговорил такое!.. Но я все равно абсолютно ничего не поняла.

— Ну, если ты уж хочешь знать правду, то я скажу: он оказался мошенником.

— Он?! Мошенником?.. Но это невозможно!.. О господи!.. Скорее возвращайся обратно! А то я здесь с ума сойду...

— Еду.

Об этой недолгой отлучке Мари-Лор, разумеется, умолчит. Так, по крайней мере, они условились. О Мопрэ, конечно, тоже не будет сказано ни слова. Значит, практически ее заявление будет сводиться к рассказу о возвращении с охоты, о ссоре шурина с зятем, начавшейся, вероятно, еще по дороге домой... Затем о бегстве мужа и о его, Сэвра, самоубийстве... в курительной комнате. Вот, пожалуй, и все. Что же касается остального, например, причин

ссоры — хотя, возможно, докопаются и до финансовых затруднений, —то здесь Мари-Лор будет лишь поплакивать и твердить, что ей об этом ничего не известно. Фактически, так оно и было в действительности! Ведь поскольку она ничего не смыслила в его делах, то они в ее присутствии часто обсуждали различного рода проекты и при этом никогда не призывали ее в свидетели и не спрашивали ее мнения. Бухгалтерские счета его офиса содержались в идеальном порядке, а следовательно, не могут дать следствию никаких зацепок. Значит, правосудию придется подождать, пока не объявятся покупатели несуществующих земельных участков и квартир, да и то — полное досье будет составлено очень и очень не скоро. А он тем временем, если, конечно, ему будет сопутствовать удача... Ну, ладно, хватит! О будущем лучше не рассуждать!.. Предстоящее уже даже недостойно называться будущим...

Выключив свет, Сэвр спустился вниз. В его голове крутилось одновременно множество безутешных мыслей, как у шахматиста, удерживающего в уме одновременно позиции фигур в нескольких партиях. У него даже нашлось время и место, чтобы думать о растяпе Жосс, которая так плохо справляется со своими обязанностями. Она совсем уж разленилась, зная, что хозяева далеко и что от праздника всех святых до пасхи здесь не появится ни одна живая душа. Да здесь же может с комфортом устроиться любой клошар!..

Он прошел через парк, называемый в буклетах «личным садом». Казалось, вздохи моря доносятся со всех сторон одновременно. Даже земля неощутимо покачивалась, как палуба плывущего корабля. В воздухе стоял неприятный запах затушенного костра, а из всех водосточных труб лилась вода. Это Дениз захотелось окрестить этот комплекс «Вратами моря». Бедная Дениз! Она зачастую тоже подталкивала его на совершение множества глупостей!

Подняв воротник и засунув руки в карманы куртки, в одном из которых он нащупал трубку Мерибеля, Сэвр подошел к задней двери агентства. Здесь ему пришлось повозиться с плохо открывающимся замком. Неужели он уже успел заржаветь? А может, просто он был бракованным? Пришлось подналечь, дверь нехотя, скрипя, подалась. Сэвр не стал ее закрывать, чтобы в помещении было побольше света. В этом полумраке комната казалась зловещей. Точнее, это был кабинет, обставленный в американском стиле, — с вертящимся креслом, металлическими папками и начинающими уже отклеиваться от сырости

проспектами. Все это казалось претенциозным и хлипким. Обычно все купчие оформлялись в офисе Сэвра, а само агентство должно было существовать лишь для того, чтобы во время сезона оно производило благоприятное впечатление на приезжих туристов. Время от времени они заглядывали сюда и просили показать им квартиру-образец... А после этого все они обещали еще вернуться сюда.

Проведя пальцами по пустому столу, Сэвр почувствовал, что они стали липкими. Да... Здесь абсолютно все — вплоть до мельчайших предметов — становилось каким-то жирным и покрывалось чем-то вроде пленки из грязного пота. Но нельзя же было включать на всю зиму отопление только для того, чтобы держать в сухости совершенно пустой дом! Все ящики были пусты, а в папках содержались материалы по каждой купленной квартире. Сэвр, наконец, нашел то, что искал: карточки с именами владельцев. За два года приобрести здесь квартиры нашлось аж шесть желающих!.. Да!.. Ведущие расследование не стали бы удивляться!..

Он встал у порога, чтобы прочитать написанное на карточках: Ван дер Нот... Клостерман... Ольсен... Фрек... Фондокаро... Блази... Оформлением этих купчих занимался начальник его отдела по продаже, а затем, возможно, и Мопрэ. Из шести покупателей лично он сам видел лишь этого Фондокаро, пьемонтца, занимающегося автомобильным делом. На карточках было написано неумелой рукой старушки Жосс: «Найти горничную на июль месяц... Начать чистить картофель с мая месяца... Водосток расположен над кухней... На август месяц найти студента, желающего давать уроки французского...»

Все они бывали здесь лишь в период с мая по сентябрь. Теперь Сэвра здесь уж точно никто не потревожит — ему останется только выбирать. На деревянном щите висели связки ключей от квартир. Сэвр принялся взвешивать все «за» и «против». В какой же именно квартире ему лучше всего обосноваться? Ведь за пять дней, пожалуй, он не намусорит. Ах, да, ведь Мари-Лор приедет в ту квартиру-образец! Ему, наверное, все же необходимо быть поблизости. Значит, остается выбирать между квартирами Фрека и Блази. Взяв две связки ключей, он расставил по своим местам все остальное. То, что он вознамерился совершить, было для него совсем не просто. Ведь это было куда хуже, чем обыкновенное отсутствие деликатности. Это же почти взлом! Но ведь у него нет другого выхода: он так мерзнет!

Закрыть дверь оказалось невозможным: ключ застрял

в замке. Тогда, просто прикрыв дверь, Сэвр оглянулся вокруг. Квартира Блази располагалась на пятом этаже. Вместо того, чтобы обратно идти напрямик, так же, как он шел сюда, Сэвр пошел вдоль стен. Его никто не мог видеть, но, к несчастью, он сам видел себя, крадущегося, словно вор; он видел, какой он грязный, заросший и дрожащий. И в этот момент он возненавидел себя.

Глава 3

Северный блок всего жилого комплекса носил имя Кассара[1], западный — Дюгэ-Труэна[2], южный — Жана Барта[3], а восточный — Дю Геклена[4]. Сэвр помнил, как он понапрасну убеждал Дениз, доказывая ей, что Дю Геклен вовсе не был корсаром, как все упомянутые. Однако Дениз все же настояла на своем, свято веря, что будущие клиенты-квартиросъемщики не будут отличаться особой эрудицией, это имя должно непременно понравиться им, ибо легко вызывает ассоциации с именами-образами легких корсаров.

Дверь квартиры некой Блази, не известной Сэвру, подалась сразу. Войдя в нее, Сэвр поначалу не осмелился включить свет; он остановился и начал прислушиваться. В памяти проносились неоднократно виденные сцены из телевизионных сериалов: во тьме вырисовывается замерший, настороженный силуэт человека, а луч фонарика нервно выхватывает предмет за предметом. Все так, только с той разницей, что он ищет вовсе не драгоценности, а лишь предметы, необходимые для жизни.

...Оставив слева от себя гостиную, Сэвр решительно направился в кухню. Вначале он обнаружил лишь несколько пустых бутылок, тарелку и пластмассовые стаканчики, один из которых тут же, не раздумывая, сунул себе в карман; в одном из ящиков лежали вилки, ножи и ложки из мельхиора, песочные часы для варки яиц всмятку и штопор, но консервного ножа так и не оказалось.

В шкафах висели лишь пустые плечики. Ну, разумеется, уезжая, курортники увозили с собой все свои вещи; зато спальня — с полным комплектом постельных принадлежностей — оказалась вполне пригодной для сна, и это

[1] Жак Кассар (1679—1740), французский моряк, отличившийся в сражении против английского флота.

[2] Рене Дюгэ-Труэн (1673—1736), французский корсар времен Людовика XIV.

[3] Жан Барт (1650—1702), известный корсар эпохи Людовика XIV.

[4] Бертран Дю Геклен (1315—1380), французский коннетабль, сражавшийся против англичан во Франции.

было ясно с первого же взгляда. Сэвр подумал, что сюда можно будет вернуться в том случае, если квартира не известного ему типа по фамилии Фрек придется ему не по душе. Ладно, это потом, а в данный момент для него важнее проблема пищи. Да и с одеждой, в принципе, было так же туговато, но это — уже забота Мари-Лор. В случае, если дом в Ла Боль находится под наблюдением, она сможет взять ее в Нанте, там она будет затруднена лишь выбором: шурин и зять, к счастью, обладали одним ростом и комплекцией.

Выходя из квартиры Блази, Сэвр тщательно закрыл за собой дверь. Его постигло разочарование: от этой квартиры он ждал гораздо большего. В квартире Фрека он решил устроиться, потому что она располагалась прямо над квартирой-образцом. Стоило ему спуститься этажом ниже — и он оказывался у себя дома. А вдруг этому Фреку тоже пришла в голову прекрасная мысль захватить с собою все свои вещи?.. Кстати, интересно, где же он живет? Через минуту Сэвр уже пытался открыть как назло неподдающуюся дверь конторки, где хранились данные квартиросъемщиков и ключи от их квартир. Повесив на место, вероятно, ненадолго, ключи от квартиры Блази, он порылся в картотеке, и отыскав карточку Фрека, прочел: Фрек, Доминик, проживает: Испания, г. Валенсия, улица Сан-Висент, 44. Вот это да! Приезжать сюда из самой солнечной Валенсии! Чтобы... погреться на солнышке! Впрочем, нет, этот Фрек, пожалуй, наоборот — испытывает приступы ностальгии по французскому ветру, грязноватому дождю и серому горизонту. Он, вероятно, британец по происхождению... Стоит ли оставаться в таком случае в его квартире?.. Прада, это всего лишь на пять дней... Впрочем, чем он рискует?

...Сад дрогнул от очередного обрушившегося с неба шквала капель. Сэвр зашлепал по лужам, и, уже задыхаясь, вбежал в холл, где еще до этого успел наследить. Черт возьми, придется, пожалуй, вымыть пол — иначе у матушки Жосс возникнут подозрения.

Квартира Фрека ему понравилась сразу, и Сэвр не мог толком понять, почему именно: наверное, все же потому, что она выглядела обжитой. А возможно, и из-за стоящего в воздухе запаха духов — запаха едва различимого... А, может, это пахли вовсе не духи? Да и кухня выглядела как-то богато, если даже не роскошно. Именно это слово и напрашивалось для определения, хотя, в принципе, правильней было бы сказать, что она выглядела просто хоро-

но оборудованной — ведь в ней он тоже не нашел никакой еды. А вот ящики его не разочаровали: среди множества мелочей Сэвр сумел разглядеть швейцарский многоцелевой нож, на котором, конечно же, имелось лезвие для открытия консервов, и это было несомненной удачей.

Сэвр придирчиво пересмотрел свои находки: полный набор посуды, столовые приборы, три коробки спичек да еще кое-какие инструменты — молоток, клещи, разводной ключ, отвертка... Кроме того, попалась начатая пачка сигарет «Честерфилд». Он сразу же закурил одну из них, почувствовав себя уже уверенней. Так, запасные лампочки, электроплитка и даже бутылка коньяка, правда, уже наполовину начатая, которую он обнаружил в глубине одного из шкафчиков. Теперь, имея все это, он сможет продержаться здесь целую неделю.

В шкафу аккуратно лежали чистые полотенца, мочалки, голубые и розовые простыни... вот только этот неуловимый запах духов в спальне — чем-то он смущал его... Сэвр не очень разбирался в духах — Дениз, кажется, пользовалась духами с запахом амбры, а Мари-Лор какими-то другими, которые пахли довольно-таки заурядно и название которых он никогда у нее не спрашивал. Утонченность же этого запаха приводила его чуть ли не в замешательсво. Вдыхая его, Сэвр словно шел по следу: сначала он покрутился вокруг огромной кровати, а затем направился к ванной. Наконец он решился зажечь свет: ведь все равно с этой стороны дома его никто не заметит, тем более, что все окна, выходящие на море, в течение всего зимнего периода были закрыты плотными ставнями и крест-накрест поверх заколочены досками. Если смотреть со стороны, весь комплекс походил на какую-нибудь крепость или же портовый блокгауз. А ветер по-прежнему дул с такой силой, что даже просачивался сюда, донося запах морских водорослей, который пытался перебить затхлый запах квартиры.

Сэвр просмотрел стоящие на полочке над умывальником флаконы — они были пусты, но по этикеткам нетрудно было определить, что все они содержали парфюмерные изделия: средства для снятия косметики, кремы... Значит, этот Фрек женат. На вешалке висел старый банный халат, а возле ванной лежали два кусочка мыла. Сэвра охватило безудержное желание тут же окунуться в ванну, смыть с себя всю грязь, но он вспомнил, что вода еще не была подключена. Ладно, с этим можно подождать... Самое главное сейчас — это поесть. Изнывая от желания попить кофе, он еще раз обшарил все ящики и шкафчики, но без-

успешно... Что же, тем хуже. Придется опять поесть варенья, но на этот раз можно будет приготовить себе грог. Грог с вареньем!..

Когда он опустился на этаж ниже, чтобы забрать свои консервы, его уже больше не мучили никакие сомнения. Устраиваться, так устраиваться! И удобнее всего ему будет у Фрека. Перенеся туда все свои вещи и поставив на огонь кастрюлю с водой, он подключил горячую воду и, обернув халат у пояса, долго плескался, отмывая руки и лицо. Торчащая во все стороны щетина вызывала у него отвращение, хотя, кто знает, может быть, она-то и надежнее всего защитит его — ведь с отросшей бородой он станет практически неузнаваем. Усилием воли он заставил себя накрыть на стол, поборов желание перехватить чего-нибудь стоя, и принялся не спеша есть, чего уже не случалось с ним с тех пор, как умерла Дениз...

Дениз умерла!.. Почему его рука не дрогнула при воспоминании об ее имени? Почему сегодня он воспринимает вполне естественно то, что еще вчера изо всех сил отвергал? Быть может, он переутомился? Или же, перевоплотившись в Мерибеля, он стал кем-то другим — человеком без прошлого, похожим на людей, утративших память и вынужденных учиться всему заново? Дениз... Это имя как будто бы утратило свое магическое воздействие... Вот он, Сэвр, сидит здесь в этом нелепом одеянии — халате и сапогах, неторопливо ест, а где-то там лежит обезображенное, безглавое тело, которое затем будет погребено в его фамильном склепе.

Сэвр стал мысленно повторять имя Дениз, с нетерпением ожидая, что до боли знакомые ему чувства вновь охватят его ум и сердце. Но что это?! Ему уже больше не удавалось заставить себя страдать, и все его попытки разбудить чувства близкими его сердцу образами, заканчивались безрезультатно. Тут он понял, что все без остатка кануло куда-то в далекое прошлое помимо его воли и желания... А все то, что ему пришлось испытать накануне — ведь еще вчера он был потрясен этим до глубины души, — на поверку оказалось минутным потрясением, затянутым пеленой неясности, где он сам исполнял роль то следователя, то подследственного. А, может, он просто играл роль священника, давно потерявшего веру... и никогда ее не имевшего... Дениз!..

Его вновь охватили воспоминания...

...Неожиданно вернувшись с полдороги в охотничий домик, он тогда страдал по-настоящему. Ведь не присни-

лось же ему все. Мари-Лор поджидала его вся в слезах.

— Ты только послушай, что он несет! — прошептала она.

Они оба подошли к двери комнаты для курения, где Мерибель заперся и расхаживал из угла в угол. В тишине было слышно, как скрипели его резиновые подошвы, когда он разворачивался.

— Филипп! — позвал его Сэвр.

— Убирайтесь! Оставьте меня в покое! — заорал в ответ Мерибель.

— Филипп! Послушай меня!

— Если ты не отвяжешься, я буду стрелять в дверь!

— Вот видишь он совершенно спятил.

Мари-Лор зарыдала навзрыд. В свою очередь, выйдя из себя, он схватил ее за плечи и встряхнул.

— В конце концов, ты можешь ответить мне, что здесь у вас произошло? Когда я уехал, то он вовсе не был похож на доведенного до отчаяния человека... Ты что — начала его в чем-то упрекать?

— Да...

— Ну и в чем же?

— Да я уже не помню... кажется, я сказала ему, что он думает лишь о себе... что он сделал меня несчастной. Одним словом, произошла глупая ссора!

— Ну и?..

— Ну и тогда он закрылся...

— Прошу тебя, ради бога, перестань плакать!

Но при этих словах Мари-Лор разразилась еще большими рыданиями, а он опять подошел к двери.

— Филипп!.. Открой... Нам необходимо поговорить.

— Пошли вон!

— Да опомнись же ты, в конце-то концов!

И тут его осенило: а может, Мерибель... Но при Мари-Лор об этом поговорить не удастся.

— Подожди меня здесь — я пойду посмотрю, нельзя ли залезть в комнату для курения через окно.

Пройдя через сад, он обогнул дом. Дождь и ветер уже тогда слепили его. Подойдя к окну, он ударил кулаком в тяжелый ставень.

— Филипп!.. Я здесь один!.. Ты слышишь меня, Филипп?

Буря так шумела, что ему пришлось приложить ухо к мокрому ставню.

— Филипп! Ответь мне!.. Я все понял... Скажи только

да или нет, Филипп, ты что, пошел на все это из-за женщины?

Он был уверен, что Филипп, открыв окно, стоял с другой стороны ставня.

— Все еще можно уладить...

И тут, наконец, где-то близко послышался почти взволнованный голос Мерибеля:

— Я хочу покончить со всем этим. Я больше не могу!

— Да говорю же тебе, что все еще можно уладить.

— Нет!

Ему никогда не удастся забыть эту сцену, но вместе с тем он стал к ней почти равнодушен, и она стала для него всего лишь одной из сцен из его прошлого, ни больше. Он, как сейчас, видит шелестящую своими ветвями грушу и привязанное к ней на канате ведро, бьющееся о край колодца. Этот продолжающийся бессмысленный диалог был внезапно прерван сильным стуком.

— Убирайся! — заорал Мерибель. — Если ты еще хоть раз дотронешься до двери, я начну стрелять!

Он обращался к Мари-Лор. Так! Все старания Сэвра из-за этой идиотки опять впустую! Быстро возвратившись обратно, он увидел, как Мари-Лор крушит дверной замок топором для колки поленьев.

— Прекрати! Немедленно!

Но она и не думала его слушать, поэтому ему пришлось силой вырвать топор из ее рук.

— Я вас предупреждал!.. — раздался искаженный страхом, злостью и отчаянием голос Мерибеля. И сразу же раздался выстрел. Он прозвучал так близко и так громко, что они даже на какой-то момент оцепенели, оглушенные и ошеломленные, силящиеся понять — в кого же стрелял Мерибель: в них или в себя? От потолка отвалился кусок штукатурки, послышались стоны Мари-Лор, и только тогда Сэвр схватил топорик и начал отчаянно рубить дверь. Несколько сильных ударов — и дверь треснула, еще несколько ударов — и он уже просунул в щель руку и нащупал ключ. Первое, что он увидел, открыв дверь, было лежащее на полу тело. Или нет! Вначале он увидел кровь...

— Не входи, — сказал он Мари-Лор.

Кровь забрызгала все: заряд крупной дроби, выпущенный в упор, почти обезглавил Мерибеля. По крайней мере, так ему показалось, и он сразу отвернулся от этого кровавого месива, потому что к горлу подступала тошнота, в голове помутнело, и общее состояние было близко к обморочному. И все-таки он вошел в комнату, обогнув лужу

крови. Он задыхался, ему хотелось воздуха! Хоть немного свежего воздуха! Сэвр хотел было уже открыть ставень, как вспомнил, что ему ни к чему нельзя прикасаться — ни к ставню, ни к лежащему на столе листу бумаги... Ружье должно было лежать там, где оно упало... К трупу же не следовало подходить, чтобы не пооставлять потом в квартире кровавых следов.

Что было потом — он не помнил: то ли он плакал, то ли погрузился в полуобморочное забытье, но когда очнулся, то увидел, что сидит в одном из кресел комнаты для курения, а Мари-Лор влажным полотенцем вытирает ему лицо. Он вспомнил, что произнес тогда: «Во всем случившемся обвинят, конечно же, меня!». И как только могла прийти ему в голову такая мысль — в свою очередь тоже исчезнуть?! Но это была даже не мысль, а, пожалуй, подсознательное побуждение. Его рука вдруг сама собой потянулась к ружью. Он не только не обдумывал своих действий, но даже не отдавал себе отчета в том, что он делает, чувствуя лишь усталость и отвращение; это ружье было ему также необходимо, как больному снотворное. Тем не менее он не стал противиться, когда Мари-Лор оттолкнула его. Все смешалось. На фоне ревущего ветра слышались разрывы грома, вспышки молний и стоны Мари-Лор. Но он не обращал на нее внимания — с бедной Мари-Лор никто никогда не считался, и если бы ему в тот момент сказали: «Да ведь она оплакивает своего мужа!» — то Сэвр непременно переспросил бы: «Какого еще мужа?» В тот момент Мерибель стал для него чужаком, незнакомцем, преднамеренно явившимся сюда с целью зачеркнуть целых 20 лет усилий, скрупулезности, размышлений, подсчетов, успехов Сэвра! То, что он покончил с собой, их не касалось бы, если бы вместе с собой он не уничтожал их всех! Возможно, именно эти рассуждения и навели Сэвра на мысль, что он уже и сам не существует, и он начал называть себя «Сэвром», так, словно это был кто-то другой, а не он сам. Это раздвоение, вызванное постигшей его страшной катастрофой, как ни странно, в какой-то степени придало ему хладнокровия. Он как бы стал смотреть на себя со стороны, став пассивным наблюдателем. В течение многих лет он оставался просто Сэвром, работающим по 12 часов в сутки, никогда не посещавшим театр и забирающим по воскресеньям на дом свои папки с делами. А теперь этот трудяга Сэвр потерпел крах, обанкротился, и ему остается лишь исчезнуть с лица земли.

Исчезнуть, правда, не означало умереть. Последнее бы-

ло бы слишком просто, а ему необходимо лишь фиктивно прекратить свое существование, оставаясь при этом в живых. «Ты понимаешь, — объяснял он с ужасом смотрящей на него Мари-Лор, — Сэвра больше не существует! Был, да весь вышел — мы его просто вычеркиваем! Смотри! Вот где Сэвр!» С этими словами он указал ей на обезображенное тело. Эта игра была куда страшнее нервного срыва, но она внезапно увлекла его...

...На Мерибеле был такой же охотничий костюм. Они были с ним одного роста и одинакового телосложения, в почти одинаковой одежде, но вот только у Мерибеля вместо лица было кровавое месиво. Для этой дерзкой подмены все в общем-то было готово. Поскольку именно Мерибель оказался канальей, то пусть все и считают, что удрал именно он. Сэвр же — раз он обесславлен — должен благородно покончить жизнь самоубийством. Такой поворот событий закономерен и всем понятен. Фактически это было нормальным ходом вещей и даже больше того — тем, что в принципе должно было бы произойти на самом деле. Ну, ладно, это уже в последний раз — Мерибелю удалось спутать ему карты. Теперь с этим покончено; оставалось только развернуть труп, чтобы придать сцене надлежащий вид.

Чем больше Мари-Лор умоляла его ничего не трогать, тем тверже он стоял на своем, улыбаясь какой-то улыбкой ненормального и считая, что он совершит нечто похожее на суд чести. А что бы он интересно делал, если бы у него отсутствовали свидетели?.. Вероятно, просто-напросто вызвал бы полицию? Он был не в силах честно ответить на этот вопрос. Теперь он понимает, что в его отчаянии было что-то... как бы это получше сказать?.. нечто условленное, заранее принятое, будто он уже давно только и ждал этого случая. И ведь действительно — в его плане все мгновенно состыковалось: одна деталь сочеталась с другой и комбинировалась с третьей, а все в целом выглядело совершенно правдоподобно. Эта история была до того абсурдна, что даже начинало казаться, будто бы она ловко подстроена, но ведь деваться некуда! Хотя, впрочем, есть один выход: квартира-образец... О том, чтобы добираться до ближайшей границы, не могло быть и речи — прежде всего, разумеется, из-за отсутствия одежды, а по этому охотничьему костюму его сразу заприметят. Черный же костюм, в котором он сюда приехал, полиция должна была обнаружить тотчас же и именно в охотничьем домике, чтобы поверить в его самоубийство. По той же причине он вынужден был бросить свою машину, пускаться в длительное путешествие

на машине Мерибеля он бы ни за что не решился, а кроме того, он никогда не сидел за рулем той машины и не знал ее; малейшая случайная неисправность могла бы его погубить...

Мари-Лор молча слушала его, отрицательно качая головой, однако остановить его она уже не могла. А его уже понесло: слова воздействовали на него, как наркотики, и по мере того, как у него зарождался план, он все больше и больше верил в него. Абсолютно все возражения им тут же отметались — даже те, которые никогда бы не пришли в голову его сестре и которые он сам выдвигал: «К себе, в Ла Боль, я поехать не могу. Ты что, не понимаешь почему?.. Нет? Да ведь Мария непременно услышит, что я вернулся! Она всегда не спит, а дремлет, прикрыв лишь один глаз, и как обычно перед сном непременно зайдет ко мне и предложит чашку липового чая... Уж я-то изучил ее. Пусть даже сегодня у нее выходной, но она все равно сидит дома по вечерам... Короче: выбора у меня нет! Поэтому придется несколько дней пожить в комплексе. Из двух одно...»

Второй Сэвр, сидящий где-то в глубине души и никогда не осмеливающийся подать свой голос, слушал это все с изумлением.

«Одно из двух: либо следствие констатирует мою смерть — что наиболее вероятно, — и тогда, немного погодя, без особого риска я смогу перебраться за границу. Либо же полиция обнаружит подлог, но в этом случае не произойдет ничего страшного — у меня будут оправдания благодаря вот этому письму.

И, встав, он взял со стола листок бумаги, который бросался в глаза, и тут же прочел его вслух:

«Я решил исчезнуть. В моей смерти прошу никого не винить. Я прошу прощения у всех тех, кому я невольно нанес материальный ущерб и у всех моих близких. Филипп Мерибель».

— Благодаря этой бумажке, я опять-таки смогу выкрутиться, понимаешь? Я прикрыт.

Вопреки своему желанию, он произнес слово из своего прежнего финансового лексикона, из своей прежней жизни. Теперь он полностью влезает в чужую шкуру.

— Бедный мой мальчик — прошептала в ответ Мари-Лор.

И он в бешенстве принялся вываливать на стол все содержимое своих карманов: носовой платок, патроны, перочинный нож, пачку сигарет «Голуаз», ключ от машины

и документы на нее, бумажник с несколькими сотнями франков, адреса и две фотографии Дениз. Сперва он хотел оставить их у себя, но раз уж он решился на подлог, нужно было идти до конца. Поэтому он снял свои часы с браслетом и свое обручальное кольцо. Тело должно быть опознано сразу же, без малейших колебаний!

— Нет! Нет! Жорж, прошу тебя, не надо!

Но отступать было уже поздно, и поддерживала его не храбрость, а какое-то похожее на опьянение возбуждение, необъяснимая спешка поскорее сжечь все мосты и тем самым отрезать себе пути к отступлению. Он почти без отвращения обыскал труп, и в принципе, в случае необходимости, он даже мог бы поменяться с ним одеждой. Никакой поступок больше не вызывал в нем отвращения. Обручальное кольцо легко соскользнуло с пальца Мерибеля, а Мари-Лор тем временем тихо скулила: «Ты не имеешь права! Ты не имеешь права!..»

Когда он выпрямился, то почувствовал, что его ноги несколько обмякли, но в целом он был почти доволен собой... Бросив в огонь камина принесенную Мопрэ папку с документами, Сэвр вышел на кухню смыть кровь со своих пальцев и уже тут, намыливая руки, он продолжал объяснять свой план Мари-Лор:

— Через несколько дней ты привезешь мне одежду и деньги... Лучше выждать немного, а то если ты поедешь к себе сейчас, то тебя непременно заметят на бензозаправке... да и ваша служанка тоже... нет, нет, лучше не стоит... Нужно выждать несколько дней.

— И ты думаешь, что полиция не организует за мной наблюдение, полагая, что Филипп Мерибель скрылся?

Возражение вполне резонное, но, в сущности, ничего не меняющее.

— Тебя слишком хорошо все знают, — ответил он. — Никому и в голову не сможет придти, что ты была в курсе махинаций своего мужа. Не забудь, что именно из-за него я и пошел на это самоубийство! Ты бы никогда не стала вынашивать вместе с ним против меня какие-то злые умыслы. Это же ясно как божий день! Нет, тебе нечего опасаться.

И он продолжал в том же духе, даже не отдавая себе отчета в том, что его слова наносят глубокие раны сестре.

— Прежде всего, полиция оповестит все пограничные пункты, а тобой серьезно никто заниматься не станет... Если ты подъедешь ко мне, скажем, в четверг, во второй половине дня... Часам к пяти. Уверяю тебя, все обойдется.

И он защелкнул на руке изящный золотой хронометр Мерибеля.

— Прошу тебя, откажись от этой дурацкой затеи!

Слезы и мольба возобновились с новой силой.

— Послушай, — мягко сказал Сэвр, положив руки сестре на плечи, — твой муж оказался мошенником, ты хоть отдаешь себе в этом отчет? Он разорил нас, ты хоть это понимаешь?.. Ну, так чего же я по-твоему должен сидеть и ждать?.. Чтоб меня вываляли в грязи?.. Если ты этого хочешь, то так и скажи. Лично я предпочитаю попытать счастье в другом месте.

— Но каким образом?

— Я пока еще не решил, где и как. Но до четверга у меня будет предостаточно времени, чтобы тщательно обдумать это. Давай-ка лучше возьми сумку или какую-нибудь сетку и собери мне в нее продуктов, да побольше.

Заняв ее сборами, он вернулся в комнату для курения, взял листок бумаги, переписал на него содержание записки Мерибеля, подписался под письмом и сунул его под пачку табака. Время подгоняло его, поэтому, бросив последний взгляд на труп, он вышел. Теперь ему нужно было как можно скорее возвратиться в свой кабинет, чтобы взять там ключи от летнего комплекса и от квартиры-образца. Он помог Мари-Лор наполнить сетку, подхватывая на лету все то, что выпадало у нее из рук, а затем вместе с ней пошел в гараж. Его машину, разумеется, лучше оставить, Мари-Лор поедет на своей, ну а ему, несмотря на все опасения, все же придется рискнуть и сесть за руль на «Шевроле» Мерибеля.

— Я брошу его у вокзала Сен-Назер. Рано или поздно машину там непременно заметят и решат, что Мерибель улизнул ночным поездом... Потом ты отвезешь меня в Ла Боль, а затем в резиденцию. Порядок?

— Но ты же не прав! — попыталась было снова начать Мари-Лор. — Ну, чего тебе-то бояться?!

— Все! Хватит! Я сам все знаю! Делай, что тебе говорят... Когда вернешься в охотничий домик, то сразу же позвонишь в полицию. Будь внимательна в показаниях и смотри не ошибись! Значит, так: мы с Филиппом повздорили, после чего твой муж уехал, а я заперся у себя в комнате. Затем, услышав выстрел, ты попыталась открыть дверь, но у тебя это заняло много времени, и ты выломала ее. Все это выглядит вполне правдоподобно... Если же тебя начнут расспрашивать, почему ты не позвонила сразу же, то ты ответишь, что это не пришло тебе в голову

и что ты просто обезумела от страха. Я могу рассчитывать на тебя, Мари-Лор?

— Хорошо... Я попытаюсь помочь тебе...

Да, в этом была она вся: всю жизнь она пыталась! Смиренно и с таким искренним желанием помочь, что временами становилась просто назойливой. Вот и в этот четверг она будет «пытаться», и потом, когда они останутся вдвоем... Ведь ее тоже придется забрать с собой... Это как раз и было той неминуемой частью плана, которую предстояло обдумать. Боже, как ему тогда захотелось жить одному!

Глава 4

Мечта жить одному давно вынырнула откуда-то из глубины его подсознания и, разумеется, оставалась не более чем мечтой.

Тщательно собрав крошки и нажав педаль стоящего под раковиной мусорного ведра, Сэвр сбросил их туда... Только бы не сбросить чего-нибудь по инерции в мусоропровод — не то матушка Жосс наверняка заметит его. Вот что значит жить одному! Ты постоянно вынужден заниматься всевозможными мелкими и неприятными делами, беседовать исключительно с самим собой, беспрестанно переживая все те же проблемы, и вести жалкое существование на уровне пещерного ископаемого...

Часы показывали половину седьмого. Удивившись, Сэвр поднес их к уху: оказалось, что они стоят. Он настолько привык к своим автоматическим часам, что ему даже и в голову не пришло заводить часы Мерибеля. Знать точное время ему, правда, ни к чему, но все же он мог бы по крайней мере представить, чем приблизительно занимаются в это время другие, что, например, говорит полицейским Мари-Лор... Теперь же, потерявшись во времени, он оказался окончательно оторванным от всего мира... Сейчас Сэвр мог сравнить себя разве что с шахтером, отрезанным от мира где-то в лабиринтах шахты, замурованным в ней вследствие взрыва газа и обвала. Он тотчас же понял, что, если немедленно не найти себе какого-нибудь занятия, то станет, словно параноик, все больше и больше погружаться в пространные мечтания, никак не связанные с реальной жизнью. Со вчерашнего дня он окопался здесь и жил как бы вне общества, но если уж он хочет выкарабкаться из этого, хотя бы в наказание ниспосланного ему положения, то желательно хотя бы в минимальной степени окружить себя комфортом.

От кисловатого грога ему стало чуть теплее, и он решил тщательно исследовать всю квартиру. Убрав со стола приборы и повесив тряпку над посудомойкой, Сэвр вернулся в спальню и, выбрав пару голубых простыней, постелил себе. Да, под этим тонким шерстяным одеялом, пригодным только для летнего сезона, ему будет не жарко... А в этой квартире постельных принадлежностей гораздо больше... Может, взять оттуда на время одеяла? Ладно, посмотрим...

Пройдя коридором, он зашел в гостиную, в которой ему сразу бросилось в глаза бледное пятно телеэкрана. Включив свет, Сэвр понял, что интуиция не обманула его: перед ним стоял больших размеров «Филиппс». Ну, вот и первый подарок, приподнесенный ему случаем, судьбой, удачей — словом, всем тем, от чего может зависеть наша погибель или наоборот — наше спасение. Теперь у него есть возможность следить за ходом следствия, и он будет в курсе того, что скажут о нем, о Мерибеле, о его крахе. Нетерпеливо Сэвр воткнул вилку в сеть, однако телевизор, по-видимому, был ламповым, и ему необходимо было прогреться. Наконец, покрутив ручки настройки, он услышал голос проповедника: «Господь бог заботится о каждом из нас, братья и сестры мои. Поэтому что все мы со времени Пасхи являемся его плотью и кровью...»

А вскоре не замедлило появиться и изображение: спины верующих и виднеющийся вдали алтарь, перед которым маячил белый силуэт. Это трансляция воскресной мессы. Значит, сейчас где-то около четверти двенадцатого. Развалившись на диване, он уверенно завел свои часы и, выставив на них время, удовлетворенно вздохнул. Слова проповедника пролетали мимо ушей — ведь только что он узнал время, а время было для него куда важнее истины. В каком-то смысле именно это и было его истиной — истиной, поместившей его сюда, в это воскресенье, определившей в ночи его местонахождение, его широту и долготу, словно он был сбившийся с курса корабль.

Время от времени, вероятно, когда ветер слишком уж яростно трепал антенну, изображение сменялось полосами. Сэвр решил выключить телевизор, словно желая поберечь его и не утомлять ненужной работой. Он включит его потом, попозже и растянет таким образом это удовольствие подольше...

Гостиная состояла фактически из двух комнат, разделенных посередине широкой аркой. С одной стороны располагался салон, а с другой — гостиная. Все выглядело до-

вольно шикарно, повсюду стояла добротная дорогая мебель, тем не менее висящие в гостиной картины особой ценности не представляли. Вероятно, этот Фрек не особый знаток искусств. В застекленном шкафу стояли книги — дешевые карманные издания, купленные, вероятно, в магазинчике, что на первом этаже. Кстати, Сэвр совершенно позабыл о нем — очевидно, потому, что магазинчик размещался в противоположном блоке. В сентябре он скорее всего опустел, и все же в нем, по всей вероятности, должен быть продовольственный склад; значит, наведаться туда все же стоит. Исходя из того, что сказала в свое время Дениз, магазинчик представлял собой этакий старомодный супермаркет в миниатюре. Сэвр вспомнил, как поспорил с Дениз тогда из-за этого слова. Он терпеть не мог все эти американизмы, которые так охотно и часто употребляла Дениз.

Шкафы гостиной оказались пустыми, но все-таки Сэвру удалось обнаружить лежавший в коробке электрокамин, по своей значимости равный для него телевизору. Отнеся его в спальню, он поставил его у кровати и включил. Камин моментально нагрелся и превосходно излучал тепло. Сев на ковер, Сэвр протянул руки к теплу. На улице попрежнему свирепствовал ветер, но в комнате стало тепло и почти уютно. Вокруг тишина, лишь часы тикают. Стоп! Это звук не его часов. Он ведь гораздо медленнее и какой-то неровный. Сэвр подскочил, будто случайно сел на змею. Где-то поблизости шли настенные часы! Это просто невероятно! Ведь с самого конца лета здесь никто не жил. Этот звук, как и запах тех духов, доносился отовсюду и ниоткуда: здесь его совсем не слышно, а там он едва различим.

Сэвр, как тень, заметался по комнате — где он, этот звук, который представлял собою кого-то. Интуитивно встав на колени и заглянув под кровать, он обнаружил там будильник — маленький дорожный будильник в кожаном чехле с двумя створками.

Взяв его в руки, Сэвр рассвирепел: будильник показывал десять минут пятого! Наверное, это он сам сбросил его на пол, когда зашел в спальню еще в первый раз, — ведь место этого будильника здесь, на ночном столике возле кровати. И вследствие падения механизм, вероятно, пришел в движение. Но, когда Сэвр попытался его завести, то оказалось, что пружина... заведена до отказа!

Его прошиб холодный пот... Стоп, не стоит делать поспешные выводы. Если кто-то завел будильник, то скорее

всего выставил бы на нем точное время. Так, ну а дальше?.. Необходимо срочно найти этому приемлемое объяснение, в противном случае квартира станет подозрительной... опасной... и непригодной для жизни. Он заметил, что дыхание его стало глубже, а руки задрожали. Повернувшись лицом к двери и прислушиваясь ко всем доносившимся звукам, Сэвр присел на краешек кровати... Однако, кроме бесконечного завывания ветра, он так ничего и не услышал... Нечего выдумывать себе разные глупости... А что касается объяснений, то их можно найти сколько угодно. Ну, вот хотя бы самое простое — будильник сломан. Завели его уже давно, но он почему-то остановился, а упав на пол, опять пошел. У Сэвра когда-то тоже был такой же дорожный будильник с капризами. Пройдет еще час, другой, и он сам по себе остановится, и проблема отпадет. Вот загадка и разрешится... если только будильник действительно остановится. Но даже, если он и будет продолжать идти, это ничего не меняет — ведь в квартире явно уже давно никто не жил.

И все же Сэвр с некоторым недоверием смотрел на этот стоящий на столе полуспрятавшийся за своими створками, словно зверек в норке, громко тикающий будильник. Выдвинув пальцем эти створки, Сэвр увидел на одной из них позолоченные инициалы: «Д. Ф.». Ага, Доминик Фрек... Сэвр не мог удержаться от ребяческого жеста и не повернуть будильник лицом к стене. Ему предстояло заняться гораздо более серьезными делами. Не исключено, впрочем, что это и дело рук матушки Жосс. Ведь забыла же она выключить счетчики! Так почему бы ей не поразвлечься и не завести будильник?!

Встав перед электрокамином, Сэвр попытался упорядочить свои мысли. Что бы могло произойти, если бы он не стал устраивать эту мистификацию, а остался дожидаться полиции?.. Тогда пришлось бы вернуть деньги всем этим обманутым. Но, с другой стороны, где он бы их взял, эти деньги?.. Взял бы взаймы? Так какую же сумму ему пришлось бы одолжить?.. Если учесть то, что Мерибель решился на самоубийство, значит, его махинации гораздо серьезнее, чем он сам говорил. В любом случае, пришлось бы прибегнуть к экстренным мерам, и... прощай, фирма Сэвра! Не миновать ему разорения! Да он и так разорен, хотя теперь, сойдя за самоубийцу, он может действовать свободно. Наверное, в конечном итоге он все же окажется прав. А если бы прошла еще пара месяцев и Мерибель удачно провернул бы оставшиеся дела, то уже ничто бы

не смогло помешать ему, Сэвру, улизнуть за границу и, благодаря уже накопленному опыту обращения с недвижимостью, создать там свою серьезную, честно функционирующую фирму... Для этого с самого начала даже не нужно обладать большим капиталом. Мари-Лор, например, сама распоряжалась своим состоянием, а брачный договор был составлен так, что ограждал ее от наложения ареста на ее личное имущество. Квартира в Нанте была на ее имя, и ее легко будет продать. Этим, кстати, тоже не следовало бы пренебрегать. Кроме того, Мари-Лор являлась его единственной наследницей. Даже после выплаты долгов она сможет вступить во владение несколькими миллионами. Кстати, почему бы ей не запросить о разводе? И хотя с первого взгляда это предложение выглядит не слишком уж этичным, но ведь оно вполне логично, не так ли? Ведь вокруг все считают, что Мерибель удрал, и не беспричинно. А при таких обстоятельствах может ли такая респектабельная дама, как Мари-Лор, оставаться женой банкрота и мошенника? И если в один прекрасный день она обоснует где-нибудь за границей свое собственное дело, под девичьей фамилией, то вряд ли кого-нибудь это удивит. Итак, будущее следует планировать именно таким образом. Он же, стоя за кулисами, лишь будет дергать за веревочки. Одному ему не управиться, а вот с Мари-Лор, прикрываясь именно ее именем, он сможет начать все с начала. Если, разумеется, только никем не будет узнан, в частности, Мопрэ. Но все же пока что не стоит заглядывать так далеко, на данном этапе главное — выиграть игру с полицией. Если расследование пройдет «успешно», то есть так, как ему нужно, и если фортуна не изменит ему, то он, Сэвр, как всегда, выкарабкается!.. Ну, а за ходом событий можно следить по телевизору.

Засев в своем кожаном футляре, будильник неустанно тикал. Сэвр встал с места. Ему не хотелось продолжать терзать себя сомнениями. После стольких часов полнейшего отчаяния его вновь охватило привычное желание бороться. Он пошел в ванную и открыл кран горячей воды, но она уже так давно была отключена, что еще не успела нагреться. Хотя... Принятие ванны можно отложить на потом, а сейчас куда важнее заняться приготовлением обеда — грибов с зеленым горошком. Раскурив сигарету и подсчитав, что в пачке их осталось всего шестнадцать, он понял, что этого запаса ему надолго не хватит. Сухарики тоже уже заканчивались. Чтобы чем-нибудь заняться, Сэвр разложил свой провиант на четыре кучки, по дням: на поне-

дельник, на вторник, на среду и на четверг. Теперь, если Мари-Лор задержится, то он очутится в критическом положении.

Наскоро пообедав, Сэвр поленился вымыть посуду. Стрелки часов приближались к часу дня — в самый раз посмотреть выпуск новостей. Зайдя в гостиную, он включил телевизор и снял с себя сапоги, которых крайне стыдился. На толстом, плотном ковре сидеть было так же мягко, как и на газоне. Вскоре на экране замелькали кадры: Биафра[1]... Вьетнам... Ну, вот, наконец, и обычные новости: на европейском континенте бушует непогода, в Северном море сбился с курса сухогруз... наибольшая сила ветра находится на высоте 160 метров — на вершине Эйфелевой башни... Взволнованно и напряженно Сэвр ожидал своего появления на экране. Наконец, диктор объявил:

«Из Нанта нам сообщают о самоубийстве хорошо известного бизнесмена, финансирующего различные строительства, — Жоржа Сэвра, который выстрелил себе в голову из охотничьего ружья. Полагают, что мотивом самоубийства могли стать серьезные финансовые затруднения покойного».

Вот и все сообщение. Затем последовало перечисление дорожных происшествий. Сэвр выключил телевизор. О нем сообщили немного, но главное-то, что версия о его самоубийстве официально принята. Если бы этот вопрос стоял под сомнением, то сообщение не было бы столь категоричным. Полиция вела расследование еще со вчерашнего вечера, так что у нее было достаточно времени, чтобы составить свое мнение. Итак, самое сложное для Мари-Лор — уже позади. Растянувшись на диване, Сэвр раскурил еще одну сигарету. Ну вот, теперь можно и отдохнуть. Он был доволен тем, что, даже находясь в состоянии паники, мог обернуть ситуацию в выгодную для себя сторону. Раз уже ему удалось сымпровизировать сцену, введшую в заблуждение даже полицию, то составить план прочного обоснования за границей ему уже не представит особого труда.

Глаза закрывались сами собой, и все же засыпать он не хотел — ведь ему нужо было очень многое обдумать и над очень многим поразмыслить. Он уже давно не оставался вот так, один на один с самим собой, и ему казалось очень важным то, что он должен откровенно взглянуть на все эти тягостные истины... Взять хотя бы его обращение

[1] Сепаратистское государство на юге Нигерии, просуществовавшее не без участия наемников с 30.05.1967 г. по 12.01.1970 г. Пребывало в состоянии войны с законным правительством Нигерии. (Прим. пер-ка).

с Мари-Лор... Он же манипулирует ею, как своим банковским чеком. Но дело даже не в этом. Он еще тогда постоянно возвращался к удивившему его неожиданно возникшему желанию исчезнуть. И он ухватился за первый же подвернувшийся ему случай, подобно злоумышленнику, желающему сбить с толку своих преследователей. А ведь он никогда не совершал ничего плохого и всегда считался хорошим сыном, любящим братом и примерным мужем. Даже, можно сказать, безупречным, всегда выполняющим свои обязанности, всегда и во всем скрупулезным, но, возможно, немного безвольным. Особенно с Дениз... Несмотря на все это, он ни на минуту не сомневался и даже не пытался бороться с соблазном подмены. Он вдруг «увидел» себя на месте Мерибеля, и ему ужасно захотелось оказаться именно на его месте. Видимо, все же не стоит осуждать Мерибеля и смотреть на него свысока. Мерибель ведь не смог устоять перед деньгами, ну а перед чем не смог бы устоять сам Сэвр? Он этого не понимал, и это сильно раздражало его. Ведь если ему удастся обосноваться в другом месте, то там он будет продолжать вести такое же размеренное, без всяких неожиданностей существование, как и раньше. А это странное и необъяснимое нарушение обычного хода вещей канет в далекое прошлое... Необъяснимое... Это словно сменилось странными сновидениями: он вроде заснул, но во сне он услышал свои собственные стоны. Вдруг захотелось пить, он повернулся на бок и чуть было не упал, с трудом заставляя себя проснуться. И вот опять во сне появился этот незнакомец со своими вечными вопросами...

Оказалось, что уже за семь часов — выходит, он проспал весь день. Стоящий на столе будильник по-прежнему шел... Нет, хватит! Никаких вопросов! С вопросами покончено!

Он наполнил ванну водой и погрузился в нее с уже забытым наслаждением. Если бы он проконсультировался у психиатра, тот бы объяснил ему, что странное поведение человека, пережившего нервный стресс, является обычной вещью. И не нужно ничего выдумывать, следует лежать в теплой воде, лениво слушая шум дождя.

Он долго вытирался полотенцем, и только отсутствие чистого белья мешало ему ощутить себя по-настоящему умиротворенным. Завтра же он займется стиркой. Чтобы не пропустить выпуск новостей, Сэвр сначала включил телевизор, а уж затем принялся открывать крабов. Из гостиной доносились музыка и голоса: он вновь погрузился

в забытые воспоминания. Когда еще Дениз была жива, он часто вот так же слушал новости, сидя на кухне — на чтение газет времени у него не хватало, он довольствовался тем, что слушал доносящиеся издали информационные выпуски под аккомпанемент рассказов Дениз.

— Ты слышишь, что я тебе говорю?

— Конечно... Ты пригласила мадам Лувель на чашку чая.

Сэвр избегал этих чаепитий, на которых только и говорили, что о политике. Дениз была отъявленной клерикалкой и часто упрекала его в безразличии к этим вопросам. Он вдруг представил себе, что она тоже сидит вот здесь, напротив него, и ест крабов, однако фантазия эта показалась ему до того неуместной, что он мысленно попросил у Дениз прощения. Раньше Сэвр никогда не позволил бы себе зайти в гостиную с тарелкой в руках под предлогом того, что ему необходимо послушать новости дня. И никогда не стал бы вытирать рот носовым платком... Общий рынок... Да ну его! Он им больше не интересуется. А ведь было время, когда он в него верил... Ядерное разоружение... Все это происходило в каком-то другом мире... Торжественное построение во дворе Дворца Инвалидов... Он слегка улыбнулся, вспомнив, как Дениз интриговала, чтобы его наградили орденом... Наконец перешли к происшествиям. Сэвр поставил тарелку на подлокотник дивана. Опять про бурю... В Морбиане посрывало с домов крыши... Траулер «Мари-Элен» из Конкарно потерял часть личного состава и трал... Это все не то... Что дальше? Ага, вот! Наконец-то о нем!

«...Продолжается следствие по делу о самоубийстве бизнесмена Жоржа Сэвра. Наша студия из Нанта сообщает...»

На экране появилось изображение охотничьего домика и стоящих во дворе полицейских машин.

«Судя по полученным сведениям, Жорж Сэвр покончил с собой после состоявшейся крупной ссоры со своим шурином Филиппом Мерибелем. Последний исчез, однако его машина марки «Шевроле Анпала» была найдена на стоянке вокзала Сен-Назер».

Теперь камера хроникера объезжала вокруг «Шевроле». Возле машины, заложив палец за пояс, стоял полицейский. Затем вновь показали заливаемый дождем охотничий домик, и вдруг на экране крупным планом появилось лицо Мари-Лор; при сером освещении оно походило на лицо нищенки.

«Мадам Мерибель не может представить следствию никаких сведений. Ее брат прекрасно находил общий язык с ее мужем, и, несмотря на всеобщий кризис, их дела, казалось бы, процветали... Комиссар Шантавуан отказался дать интервью. Это самоубийство повергло в уныние весь район, где у покойного осталось много друзей».

Увидев на экране появившуюся собственную фотографию, Сэвр невольно отпрянул. Его портрет был в траурной рамке — таким его завтра увидят миллионы людей. Эта фотография трехлетней давности относилась к тем временам, когда он заканчивал строительство «Врат Моря», Выглядел он на ней достаточно важно и вполне уверенным в себе.

«После кончины его супруги — мадам Дениз, безвременно ушедшей из жизни вследствие неизлечимой болезни, месье Жорж Сэвр вел весьма замкнутый образ жизни. Этот его отчаянный шаг можно еще отчасти объяснить и утратой жены...»

После этого сообщения диктор перешел к спортивным новостям, и Сэвр выключил телевизор. На этот раз победа осталась за ним. Он взял тарелку в руки и стоя доел своего краба. Им овладело какое-то смутное недовольство: нет, эта утрата ничего не объясняет, однако, если комиссар так считает, то тем лучше! Он же хорошо знал, что дело вовсе не в этом... Поначалу эта разлука с Дениз, разумеется, казалась невыносимой. Даже сейчас ему тяжко думать о ней... И тем не менее...

Вымыв посуду, он смел в угол крошки. Чем бы это ему заняться сегодня вечером? Может, попытаться заглянуть в магазинчик, а заодно и проветриться? Одевшись, он положил фонарик в карман куртки и вышел.

Буря несколько стихла. Уже в саду Сэвр заметил, что дождь прекратился. Наконец, он рискнул ступить на тротуар. Ночь была темной, но время от времени небо озарялось молниями, и он вспомнил, что наступило полнолуние. Ему захотелось закурить, но он все же сдержался, ведь со стороны поселка его могли бы заметить — ближайшие дома находились всего лишь в ста пятидесяти метрах, по ту сторону от пустыря. Несмотря на темень, он легко представлял себе земельные участки с уже вырисовавшимися улицами и фонарями, которые, возможно, так никогда и не зажгутся, с указателями, на которых крупным шрифтом было выведено: «Офис Сэвра», «Ла Боль», «Авеню Ласточек». Наверняка, они все были сорваны бурей. Вот и еще один недобрый знак. Слева располагался пляж: там бу-

шевало море, наполняя ночь своим рокотом. Никому и в голову не придет приезжать сюда и обыскивать дом.

Сэвр медленно направился к комнате агентства — к этому доброму гению, хранящему в себе все доверенные матушке Жосс ключи. Дверь оказалась приоткрытой — вероятно, от порыва ветра. Войдя, Сэвр снова стал рыться в ящиках и папках и, наконец, наткнулся на висящие на одном кольце ключи с этикетками: «Железные жалюзи», «Дверь во дворе», «Гараж». Склад магазина, если он существует, то находится скорее всего в гараже. Вот только в котором из гаражей? Гаражи ведь размещались в подвалах под всеми блоками. Стоило только повернуть от подъезда направо, как тут же можно было оказаться перед наклонным спуском. Сэвр сбежал по нему вниз. Свет фонаря оживил тени, а его шаги пробудили эхо. Он начал свое исследование с первых двух ближайших гаражей, однако к ним ключ не подходил. Тогда Сэвр прошел через весь огромный подвал, с удовольствием констатируя, что стены и пол здесь совершенно сухи. Четвертый гараж открылся безо всякого труда. Весь он оказался завален ящиками, пакетами и тарой для бутылок. Да это же настоящая кладовая! Лампа скользила по консервным банкам, многие из которых были разбросаны на полу в беспорядке. Это казалось даже странным. Сэвр посветил повыше, чтобы увидеть весь склад. Создавалось такое впечатление, что либо все товары были свалены в кучу, либо здесь кто-то уже похозяйничал. Но кто мог здесь похозяйничать? Скорее всего, владелец магазинчика доверил своему не слишком добросовестному приказчику сложить продукты здесь, а он все свалил в кучу в самый последний момент перед отъездом.

Сэвр наскоро прикинул, что из пищи можно было захватить с собой. Опять крабы! Он на них уже смотреть не мог! Так, тушеное мясо, сардины в масле, консервированная говядина — словом, все то, что можно найти в любом бакалейном магазине и на чем можно продержаться не один месяц, мучаясь при этом от цинги. Здесь были в изобилии различные соки и минеральные воды, но вот кофе так и не удалось обнаружить. Сэвр натыкался на детские ведерочки, мячи, шезлонги, коробки со складными бумажными змеями и всевозможными пляжными играми. Его руки нащупали пустую коробку с сорванной крышкой... Но действительно ли она была сорвана?.. Кажется, он становился слишком подозрительным, как загнанное животное...

В глубине гаража, среди выстроенных из коробок пи-

рамид, он нашел самые распространенные лекарства, кисточки для бритья, зубные щетки, а вот лезвий не оказалось — здесь бы они уж точно заржавели. Положив в карман несколько коробок сардин и пачку аспирина, Сэвр решил, что перегружать себя ни к чему. В любой момент он сможет вернуться сюда и выбрать то, в чем появится необходимость. На три с половиной дня ему этого вполне хватит. Проблема питания была решена окончательно, и он с облегчением закрыл за собой дверь. Раз уж он вышел, то нужно будет непременно по дороге зайти в квартиру Блази и захватить там красное одеяло, которое он заметил еще накануне, а заодно и мышцы поразмять. Завтра же он попытается починить дверь агентства. Хотя мастером на все руки его не назовешь, но все же эта незакрывающаяся дверь действовала ему на нервы, ведь туда мог войти кто угодно. Если бы матушке Жосс пришла бы вдруг в голову мысль наведаться сюда и посмотреть не пострадало ли чего от бури, то она сразу же обнаружила бы, что в агентство кто-то проникал, и он, Сэвр, был бы выявлен. Поэтому ни в коем случае не следовало пренебрегать всеми мерами предосторожности.

Небо начинало уже светать, а блестящие и прозрачные облака так быстро и так низко проплывали над крышами, что, казалось, задевали их, и было удивительно, что их не слышно. Шум моря, похоже, усилился, но теперь можно было различить удары и всплески каждой волны. Если бы он посмел, то, пожалуй, с удовольствием пошел бы побродить по этому бесконечному пляжу... Ведь теперь он был свободен, как никогда. Интересно, не это ли являлось причиной его тревоги?..

Сэвр внимательно осмотрел всю квартиру Блази, однако красного одеяла так и не обнаружил. Вероятно, он ошибся, и его тут никогда и не было... Но все же...

Глава 5

На следующий день буря разыгралась с новой силой. Сэвр приоткрыл выходящие на эспланаду окно гостиной, из которого открывался вид на ближайшие дома поселка. Они смутно вырисовывались сквозь непрекращающиеся потоки и казались заброшенными, напоминая унылый пейзаж во время войны, — все было под свинцовой пеленой дождя. Не найдя способа хоть как-нибудь сократить эти томительные часы, Сэвр решил лечь спать. Один лишь телевизор кое-как скрашивал его затворничество, а в пау-

зах между нечастыми передачами понедельника, он, кашляя, слонялся из комнаты в комнату, чувствуя, что ему никак не миновать насморка, который без особых надежд он пытался предотвратить грогом и аспирином. Чтобы хоть как-то убить время, он начал придумывать себе всевозможные мелкие занятия, которые старался растянуть подольше. Например, решил осмотреть содержимое бумажника Мерибеля. Однако его шурин, будучи по натуре человеком осторожным, носил при себе совсем немного денег да несколько цветных фотографий с образцами домов и их интерьеров. Вероятно, это и были те самые «квартиры под ключ», которые он продавал по несколько раз. Несмотря на совершенное знание всех тонкостей своей профессии, Сэвр так и не мог уразуметь, на что все-таки рассчитывал Мерибель, который не мог не знать, что рано или поздно его мошенничество раскроется. Вероятно, он просчитал все: и риск, и период, во время которого он мог безбоязненно проворачивать свои махинации. Но ведь этот период не мог длиться долго, следовательно, и растраченные суммы не могли оказаться слишком большими. Интересно, сколько же он растратил? Пятьдесят-шестьдесят миллионов франков? Сэвра уже начинали одолевать сомнения — стоило ли вообще поддаваться панике? Ведь эти несчастные пятьдесят миллионов можно было просто полюбовно вернуть клиентам. Не слишком ли он драматизировал с самого начала положение вещей, тут же ухватившись за представившуюся возможность исчезнуть и сразу же согласившись и поверив в виновность Мерибеля, будто это вполне его устраивало? Ему, по крайней мере, следовало сразу же внимательно изучить принесенные Мопрэ документы. Так нет же! Он тут же стал ругаться и возмущаться, как праведник... У Мерибеля даже не было времени встать на свою защиту. А может, он застрелился по причине задетого самолюбия?..

Но, если хорошенько поразмыслить, то не все так просто, как кажется: ведь, начиная воровать, Мерибель заранее наметил себе какую-то цель. Если разобраться, то все указывает на то, что он рассчитывал на какую-то отсрочку... Скажем, на полгода... или на год... а по истечении этого срока он, разумеется, собирался исчезнуть. Обворовывая клиентов, он в то же время подготавливал пути к отступлению... Так. Ну, а пошел ли бы он на такой риск из-за каких-то пятидесяти миллионов? Стоила ли игра свеч?..

Сэвр пересел в другое кресло. Теперь ему уже стало душно, и он задыхался в этих трех комнатах с закрытыми

окнами. Сигареты уже заканчивались, а в воздухе пахло окурками, затхлостью и привокзальным залом ожидания. Размышления опять приводили его все на те же перекрестки сомнений. Итак, что, в сущности, знал он о Мерибеле? Что тот был одним из друзей детства? Тех, которых мы якобы знаем, и всего лишь потому, что вместе подрастали и вместе выносили провинциальную скуку; Мерибель был одним из тех, с которыми мы всегда на «ты», но нам даже в голову не приходит, что у нас может оказаться что-то общее. Они просто всегда вертятся неподалеку от нас, а в один прекрасный день мы им говорим: «Тебе следовало бы жениться на моей сестре!» И нас даже не удивляет их немедленное согласие! Мы никогда не задаемся вопросом: счастливы ли они, любимы ли? На это все попросту нет времени. Может, сами того не замечая, мы уже давным-давно стали с ними врагами? Доказательством тому могут быть аферы Мерибеля в Испании. Кстати, кто вообще первым заговорил об этой Испании? Все произошло как-то постепенно... и даже Дениз была вовсе не против этого проекта, наоборот — она активно ратовала за него. А когда Мерибель предложил съездить и самому осмотреть все на месте, то он, Сэвр, даже обрадовался избавиться на время от поднадоевшего ему шурина. И все же эти его чувства проявлялись не явно, а как-то затаенно. Жизнь можно сравнить с морем: мы и не догадываемся, что там творится в его глубинах.

Бросив бумажник в один из ящиков стола, Сэвр решил, что, уезжая, заберет его оттуда. Теперь все эти предметы, которые Мерибель носил при себе и которые принадлежали ему, стали для Сэвра отвратительны. Он снял часы и кольцо и положил туда же, куда и бумажник, оставив при себе лишь предсмертную записку Мерибеля. Вечерняя программа местного телецентра почти полностью оказалась посвященной случившейся с ним трагедии. Камера панорамировала сначала хижину, потом крупным планом показала ружье и только затем лицо Мерибеля... лицо, превращенное зарядом в кровавое месиво, но об этом ведь не знал никто, кроме него и Мари-Лор, в свою очередь, появившейся на экране в трауре. Перед Сэвром предстала уже совсем иная женщина, которой горе придало взволновавшее его благородство. Чья-то рука налаживала микрофоны, в то время как чей-то голос произносил:

«Мадам Мерибель желает сделать заявление».

Неуклюжая, скованная своей скромностью, Мари-Лор заговорила шепотом, как когда-то рассказывала катехизис:

«Филипп... если ты слышишь меня... прошу тебя, вернись. Я уверена, что вина твоя невелика и ты сможешь объяснить полиции, почему застрелился мой брат...»

Милая Мари-Лор! Она придумала эту уловку, чтобы отвести какие бы то ни было подозрения, надежнее прикрыть его, а играла она эту роль с такой тонкостью и самоотверженностью, на которые только была способна. И так же страстно, с несчастным видом вдовы, она продолжала:

«Вернись, Филипп... Я осталась совсем одна, и не в силах ответить на вопросы, которые мне задают... Здесь говорят, что вы занимались бесчестными делами, но я не верю в это...»

Она не могла больше сдерживать слезы, поэтому микрофон у нее забрали.

«Вы только что слышали патетическое обращение мадам Мерибель, — продолжал репортер. — Тем не менее похоже, что подозрения об испытываемых фирмой Сэвра трудностях, увы, подтверждаются... Нам удалось связаться с комиссаром Шантавуаном, согласившемся сказать для нашего репортажа пару слов».

На экране, опять-таки крупным планом, появилось лицо комиссара, который походил на Клемансо [1] и говорил басом, от которого то и дело содрогались его большие усы:

«Да, действительно. Благодаря некоторым имеющимся в нашем распоряжении сведениям, мы можем уточнить кое-какие аспекты этого дела, остающегося по-прежнему довольно-таки таинственным... Покойный развернул смелую программу по возведению жилищных комплексов на побережье, ради которой и мобилизовал все свои средства. Вероятно, вследствие затронувшего всех кризиса, он, как и его коллеги, столкнулся с некоторыми финансовыми затруднениями. Следует признать их довольно серьезными, однако не такими уж и критическими. Кроме того, у нас имеются все основания полагать, что месье Мерибель, занимавшийся, так сказать, заграничными постройками, увлекся за спиной своего шурина делами, по меньшей мере, неосторожными. Расследование только еще началось, однако уже сам факт бегства месье Мерибеля зарождает множество подозрений... Ордер на его арест уже, разумеется, подписан».

Затем последовал репортаж о торжественном открытии моста в Вандее. Телевизор Сэвр не выключил, однако уже

[1] Бывший премьер-министр Франции в 1906—1909 и 1917—1920 гг. (прим. пер-ка).

и не смотрел его. Он все еще боялся тишины и долго не мог заснуть после окончания ночных программ, когда экран потемнел и стал похож на повязку на глазах слепого. «Если меня когда-нибудь арестуют и осудят, — подумал он, — такой вот и останется моя жизнь». И он почувствовал под ребрами ту же щемящую боль, как и тогда, когда закрыли гроб Дениз. Но за что его сажать в тюрьму? Разве записка Мерибеля не говорит о его невиновности? Он заметил, что всегда и при всех обстоятельствах опасался худшего. Если бы его не толкнули на это, он никогда не пошел бы на авантюру с постройкой квартир-люксов, в которых он сейчас волею случая практически агонизировал! Даже свою профессию — и ту он никогда не любил... В сущности ему так никогда и не удавалось делать именно то, что ему по-настоящему хотелось... А чего же ему все-таки хотелось? Вот этого он и сам не знал. Если разобраться, то он обладал лишь некоторыми скромными способностями — крупицами таланта, пожалуй, которые он пытался выстраивать сейчас в своих мыслях, докуривая последние сигареты. Работал в принципе много, но лишь отдавая дань традициям семьи, да еще потому, что он был человеком абстрактного мышления. Под этим понятием он понимал необходимость сначала все определить, а уж затем свести все к простейшим схемам: кроме того, сюда входила необходимость урезать жизнь в том, в чем она изобилует, в ее вечной непредсказуемости и необычности! Вначале все ограничивается готовыми формулами, и это даже успокаивает. Но затем вдруг неожиданно возникает ситуация, состоящая из страстей, вожделений, слабостей, грубости и крови... И мы не выдерживаем! Мы не выдерживаем ее потому, что мы сами неправдоподобны! Вот так-то!..

Вникая в эти свои горькие открытия, Сэвр отсчитывал часы по циферблату будильника. Все вокруг него вдруг оказалось неправдоподобным. Но, к счастью, у него есть еще Мари-Лор. Вторник протекал медленно, как бы нехотя, и дневное время становилось таким же устойчивым, как и ветер. Казалось, было слышно даже, как оно кружится вокруг стен, — это бестолковое дневное время, вызывающее лишь болезненные мысли.

Сэвр похудел, и со странно блестящими глазами, отросшей бородой, из-за которой его щеки казались почему-то впалыми, в халате, напоминающем монашескую рясу, он походил на тех фанатиков, которых изображают в книгах по истории заносящими кинжал над какой-нибудь коронованной особой.

Во вторник вечером он наблюдал свои похороны: экстренный выпуск местной телестанции был целиком посвящен этому событию. Оператор снимал все с необдуманной жесткостью, а весь видеоряд озвучивался еще и высокопарно произносимым комментарием. Сэвр зачарованно впился взглядом в черные ленты с буквой «С» и фургон автомобиля, заваленный венками... Вот крупным планом показали ленту с надписью: «Любимому брату»... и группу друзей, укрывшихся под навесом... Все шевелили губами, что-то произносили, и он даже наклонился вперед, будто только стоило прислушаться и он наверняка услышал бы, о чем говорят эти движущиеся тени, или смог бы понять их слова по движению губ.

...В руках гробовщиков появились бутылки с пивом. Нагнувшись и прикрыв лицо от дождя, они почти бегом направились к машине и принялись поспешно сталкивать гроб по салазкам. Было ясно: буря украла у него похороны; все делалось наспех и как бы тайком. Изображение слегка плыло и не отличалось качеством. Над бульваром сгустились тучи, а кладбищенские кипарисы, напоминающие черные парусники, все склонялись на одну сторону.

Вот открыли семейный склеп, склеп, в котором покоились два поколения Сэвров. Теперь он примет к себе Мерибеля! Это казалось кощунственным и смешным. Несмотря на самоубийство, организаторам похорон все же удалось привести священника. Одежда присутствующих надувалась на ветру, становясь похожей на висящее на веревке белье. Все пытались пригладить растрепанные волосы — со стороны казалось, будто бы они пытаюся отдать честь; маленький мальчик-хорист, стоявший у края ямы, в которой исчезал гроб, держал крест. И это все?.. Нет, вот еще показывают Мари-Лор, принимающую сокращенные варианты соболезнований. Даже лучшие друзья и те спешили скрыться от дождя и стыдливо убегали, перескакивая через лужи. Пройдут, вероятно, годы, и кто-нибудь из них непременно скажет: «А помните?.. Это происходило в середине декабря... ну, в тот день, когда хоронили Сэвра...»

Сэвр понял, что его похороны прошли как-то скомканно, и тут же с удивлением отметил, что теперь ему это совершенно безразлично. Он спал лучше, чем обычно, проснувшись утром в среду, подумал, что сидеть здесь в ожидании ему осталось всего лишь тридцать часов. Ну, а после этого он исчезнет навсегда. Он бесповоротно уяснил, что отныне возврата к прошлому уже нет. Ведь если многое из этой

мистификации простилось бы ему, то уж не эти бутафорские похороны. Он ведь по-издевательски надул свой клан и тем самым навсегда отрезал все пути назад.

Все это утро Сэвр занимался обдумыванием двух вопросов: куда ехать и чем заняться? Менять профессию, когда тебе сорок, — дело нелегкое. Поел он наспех, стоя, хватая на ходу какие-то куски, словно пассажир в забегаловке, боящийся пропустить свой поезд. Несмотря на то, что он уже все время жил начеку, он так и не обратил внимания на заставший его врасплох шум поднимающегося лифта, который слился с шумом бури; даже скрип вставляемого в замочную скважину ключа он распознал не сразу. Только услышав, как хлопнула дверь, он выпустил из рук консервную банку и, не в силах шевельнуться, прислонился к стене. Кто-то пришел! Здесь кто-то проживает... Да ведь это ему давно уже было известно!.. Счетчики... будильник... В его голове замелькали отрывочные воспоминания, а рука сжала сердце, как сжимают кусающуюся и царапающуюся добычу... Все пойдет прахом! И именно тогда, когда он уже почти стоял у цели!.. Но кто это может быть?.. Может, такой же клошар, как и он?.. А вдруг ему придется вступить в драку? Его охватил ужас. Бросившись в вестибюль, он увидел там... прислонившуюся к дверям женщину. Она было открыла рот, чтобы закричать, но крик словно застыл и никак не мог вырваться у нее из горла, напоминая сцену из какого-то фильма ужасов. Сэвр встал как вкопанный. Их разделял большой чемодан из свинной кожи.

— Не прикасайтесь ко мне, — выдавила пришелица, находясь на грани обморока.

Он ступил еще шаг вперед.

— Нет... нет... Прошу вас... Деньги вот здесь...

С этими словами она протянула ему сумочку, отмеченную также, как будильник, инициалами «Д. Ф.».

— Но я вовсе не вор, — произнес наконец Сэвр.

Она постепенно приходила в себя, однако ее потрясение оказалось до того велико, что руки бессильно обвисли, а пальцы выпустили связку ключей, которую она даже не пыталась поднять. Через какое-то мгновение она пробормотала:

— Можно мне сесть?

Сбитые с толку, они наблюдали друг за другом с усиленным вниманием, боясь лишь одним неловким жестом вызвать худшее. Она первой пришла в себя, Сэвр же, оставаясь верен профессиональной привычке, пытался «прощупать клиента». Он сразу же отнес эту женщину к категории

тех, сторговаться с которыми практически невозможно из-за их пристрастия к спору, критике и жгучему желанию оставить за собой последнее слово. Наклонившись, он поднял с пола ключи и вставил их в замочную скважину. Она вновь заволновалась, увидев, что он, закрыв дверь на ключ, уверенно положил связку себе в карман.

— Дайте мне выйти отсюда... Поршу вас, дайте мне выйти... немедленно!

— Я не причиню вам ничего плохого.

Однако эти уверения вовсе не успокоили ее. Быть может, она опасалась, что перед ней сумасшедший? Он заметил, как она пристально всматривается в черты его лица, пытаясь представить его без щетины, морщин, усталости и бледности от страха. Почувствовав себя несколько увереннее, Сэвр взял чемодан и отнес его в гостиную. Она последовала за ним, и он ощутил тот же запах духов, что и в первый день своего пребывания здесь. Войдя, она сразу же поставила между ними стол и потребовала дрожащим голосом:

— Немедленно верните мне ключи! Я у себя дома!

— А где же месье Фрек?

Сэвр выиграл очко, понимая, что таким приемом заинтригует ее, слегка запугает и раздует ее любопытство.

— А вы что, знакомы с ним?

— Я спрашиваю: где он?

— В Валенсии, разумеется.

— А чем вы сюда добрались?

— Самолетом.

— А затем?

— Автобусом.

— Он знает, где вы?

— А вам-то что до того?

А вот и первое проявление хамства. Дениз назвала это «отметиной простонародья». Сэвр сразу понял, что именно в незнакомке вызывало его сомнения: слишком высокая прическа, слишком обильный макияж, слишком большая грудь, слишком уж красный лак на ногтях и слишком массивные перстни. И вместе с тем она выглядела довольно-таки элегантно и даже была красива: брюнетка с этаким золотистым оттенком и загорелой кожей. Это даже смущало Сэвра, равно как и ее глаза: несколько выпуклые, нежного черного цвета, выражающие скорее грубость, чем злость.

— Ну, что? Теперь вы, наконец, отпустите меня?

— Нет.

— Вы слишком много себе позволяете. Вы что, думаете, что это вам так даром сойдет?

— Подождите, когда вы приехали?

— Но... Только что... Я сюда пришла прямо с автобуса.

— Будет лучше, если вы скажете мне правду. Вы ведь уже давно здесь живете. Не лгите, мне все известно.

— Вы совершенно... — но, прервав себя на полуслове, она лишь пожала плечами. — Отдайте мои ключи!

— А к матушке Жосс вы не заходили?

— Нет... Говорю же вам, что я только что приехала... А вы сами? Кто вы такой? Да и как вообще смеете так себя вести? Если здесь кто-то и может требовать каких-то объяснений, то это я, а не вы.

— Я просто беглец...

На ее лице отражались все смешанные чувства и переживания, преувеличенные и стилизованные, как у актрис на экране. Она приподняла брови: они были выщипаны и слегка подведены карандашом по направлению к вискам. Она слегка улыбнулась:

— Беглец? Потрудитесь лучше подыскать другое объяснение.

Однако, будучи уже заинтригованной, она ожидала продолжения.

— Я ничего не собираюсь объяснять вам. Вы же сами видите, что у меня нет никаких дурных намерений... Извините, что я навязываю вам свое общество, но я просто вынужден скрываться.

— От полиции?

— И да, и нет. Будьте спокойны: я не вор... и не убийца... Скажем так: я просто вынужден исчезнуть. Даю вам честное слово, что завтра же вечером я уеду отсюда.

Она склонила голову на бок, как животное, когда оно пытается проникнуть в сущность сказанного. Голос Сэвра, несомненно, удивил ее: это был хорошо поставленный голос уверенного в себе человека, привыкшего спокойно отдавать приказания.

— Вы вполне могли бы спрятаться и в другом месте, — заметила она.

— А какая разница — здесь или в другом? А что, кстати, привело сюда вас в такую пору?

— Я могла бы ответить, что вас это никаким образом не касается... Но я вам все же скажу: проезжая через Нант, я узнала, что буря нанесла ущерб прибрежным постройкам. Вот я и захотела убедиться, все ли в порядке... Я дорожу этой квартирой. Ну, ладно, дайте-ка мои ключи!

— Я же вам только что объяснил...

— А меня это не касается. Можете убираться отсюда!

На этот раз гнев поборол удивление — она, должно быть, не привыкла, чтобы ей перечили.

— Весьма сожалею, — ответил Сэвр, — однако я вынужден остаться здесь. Для меня это почти что вопрос жизни и смерти.

— Ну, тогда идите в какую-нибудь другую квартиру, их здесь хватает.

— Дело в том, что именно в этой квартире у меня назначено свидание.

Она презрительно рассмеялась:

— Значит, в таком случае уйти придется мне. Не стеснять же мне вас своим присутствием. Открывайте-ка дверь!

— Я не открою. О моем пребывании здесь никто не должен знать. Ну а вы ведь молчать не станете. Ведь так?

— Уж будьте в этом уверены!

Она осмотрелась вокруг, и Сэвр понял, что она ищет, чем бы запустить ему в голову.

— Если вы воображаете, что сможете держать меня здесь в заточении, то глубоко заблуждаетесь. Предупреждаю вас, что я буду кричать.

— Вы что, надеетесь, что вас услышат в поселке?.. Вам лучше сидеть спокойно, уж поверьте мне. Я пробуду здесь всего лишь сутки.

— Ну, а если я пообещаю вам, что никому ничего не расскажу, вы отпустите меня?

— Нет.

— Вы что, не верите мне?

— Нет.

В очередной раз они смерили друг друга взглядами, после чего она медленно сняла свою шубу и осталась в костюме темного цвета, а затем сняла двубортный пиджак, под которым оказалась белая блузка из очень легкого материала, так плотно облегающая тело, что сквозь нее, как сквозь мокрую ткань, просвечивал узор бюстгалтера.

— Как вы только выносите такую духоту? — спросила она почти любезным тоном.

Пройдя по комнате к ближайшему окну, она было уж протянула к нему руку.

— Не открывайте!

— Ах да! — сказала она с деланной веселостью, сквозь которую проскальзывало бешенство. — Если я правильно поняла вас, мне здесь запрещено абсолютно все!

И повернувшись, она подняла руку вверх и щелкнула

пальцами, как это делают в классе ученики, желающие задать учителю вопрос:

— Месье! А месье!.. Могу ли я осмотреть свою квартиру?

Она явно провоцировала его, поглядывая с хитринкой, и уже наверняка отыскивала вариант побега, чувствуя, что шутка могла бы сломить этого странного, бдительно и тревожно следящего за всеми ее движениями человека. Но так как он ничего не ответил, она прошла коридором в спальню.

— Вам придется спать в другом месте. Ну и манеры!

Она остановилась на пороге ванной.

— Да, вы чувствуете себя как дома!.. По крайней мере, могли бы вымыть после себя ванну!

Она вернулась обратно в гостиную, а он поспешно отступил, чтобы дать ей пройти. Он не предвидел, что она столь быстро воспользуется своим преимуществом. Ему было стыдно за то, что творилось на кухне: валяющиеся повсюду консервные банки и висящий на спинке стула халат.

— Идеальная чистота! — сказала она, от отвращения скривив рот. — Вы что, живете в пещере?.. Я попросила бы вас одеться как-нибудь иначе... Мои гости обычно в сапогах не приходят.

— У меня нет ничего другого.

— Ну, тогда... я поеду куплю вам одежду.

Она произнесла эту фразу с поразительной естественностью.

— Нет, — твердо отрезал Сэвр.

— Ах, да. Я совсем забыла!

Порывшись в своей сумочке, она достала оттуда портсигар и зажигалку. Заметив, что Сэвр не в силах отвести взгляд от ее портсигара, она сказала:

— Поскольку вы говорите мне все время только «нет», то я не предлагаю вам закурить.

Раскурив сигарету и пустив клуб дыма в сторону Сэвра, она вернулась в гостиную и села, высоко задрав юбку и открыв таким образом свои восхитительные ноги, а затем измерила Сэвра взглядом с ног до головы, будто бы пришла на демонстрацию моделей мод, а Сэвр был манекеном.

— Вы что — дезертир?

— Я уже вышел из призывного возраста.

— Тогда кто же? Торговец наркотиками?.. Впрочем, нет, это не в вашем стиле... Вы, вероятнее всего, из мест-

ных, раз уже знаете матушку Жосс... А к тому же вы назначили здесь свидание! Вероятнее всего — женщина!.. И опасаетесь ее мужа... Вот так!.. Это забавно, однако.

Скрестив руки на коленях, она расхохоталась от всего сердца.

— Однако по вашему виду вас скорее можно принять за мужа... А вы не очень-то разговорчивы, месье. Нет... А я вот обожаю, чтобы со мной разговаривали.

Она прошептала это таким вызывающим тоном, что Сэвр даже отвернулся, подумав про себя: еще целых 24 часа! Ох, и не легкими же они будут, эти часы!

Глава 6

Чувствовать на себе этот настороженный и непрерывный взгляд было для него нестерпимой мукой. Но Сэвр ни на секунду не мог позволить себе расслабиться, боясь, что она сможет воспользоваться этим. И он вовсе не был уверен, что вышел бы победителем из завязавшейся схватки. Через некоторое время, затушив в пепельнице окурок и глубоко вздохнув, она произнесла:

— Ну, ладно, допустим, что завтра вы встретитесь с этим человеком, которого вы здесь ждете... Ну, а что сделаете со мной? Куда вы денете меня?..

— Ну-у-у... вы останетесь в своей спальне.

— Вы что, закроете меня там?

— Боюсь, что мне придется поступить именно так.

— Даже если я буду этому противиться?

Она догадалась обо всех его мыслях и уже, несомненно, взвешивала свои шансы на победу в рукопашной схватке с ним.

— Даже если вы будете этому противиться, — добавил Сэвр с неожиданной для него самого грубостью.

Ему вдруг захотелось, чтобы она испугалась его и согласилась на все его уступки. Она же и не думала его бояться, а хотела лишь втянуть в спор, чтобы таким образом заставить пойти на уступки, ослабить его позицию и, наконец, заставить сдаться. Нужно вести себя, поосторожнее. Он и так слишком уж много наговорил. Все, хватит.

— Ну, а что вы намерены со мной потом... — спросила она, — то есть после вашего свидания... что вы сделаете со мной?

Сэвр упорно молчал.

— Не хотите ли вы сказать, что?..

В ее голосе вновь появился страх, и он чуть было опять

не попался на эту уловку, но, лишь пожав плечами, вновь принялся ходить по гостиной взад и вперед.

— А вы ведь вроде не похожи на человека с дурными намерениями!

— Нет, нет. У меня нет никаких дурных намерений, — буркнул Сэвр. Он не смог удержаться, чтобы не ответить.

— Ну, так что?.. Я смогу уехать после этого?.. Скажем, час спустя?.. Или этого вам мало?.. Может, два часа спустя?

Он остановился перед ней.

— Послушайте! Я...

Увидев ее попытку посмотреть на него с мольбой и сжав кулаки в карманах брюк, Сэвр вновь начал расхаживать по комнате.

— Вы что-то хотите мне сказать?.. — продолжала она. — Может, вы видите другой выход?.. Уходя, вы меня закроете... Вот видите — я начинаю участвовать в вашей игре.

Вот дрянь — бьет не в бровь, а в глаз! Еще немного, и он начнет прислушиваться к ее словам, а там и ответит ей.

— Оказавшись в безопасности, вы позвоните кому-нибудь из местных жителей и сообщите, что я здесь закрыта. Таким образом, я выйду отсюда тогда, когда вы сами того пожелаете. Сигнал к моему освобождению вы сами и подадите же... Идет?

А может, она действительно боится его? В таком случае следует продолжать упорствовать. Отойдя от нее на некоторое расстояние, он присел на подлокотник кресла. А она, закурив очередную сигарету и прищурив глаза от дыма, внимательно следила за ним. Ее манера курить была чисто мужской — сигарету она держала кончиками губ даже тогда, когда разговаривала.

— Ведь согласитесь: мое предложение вполне разумно, не правда ли? В результате мы оба, и вы, и я, останемся на свободе. Не будем же мы связывать себя невыполнимыми обещаниями, а пока лучше заключим джентльменское соглашение. Лично я за соглашение.... А вы? Да не молчите же! Ну, скажите хоть слово... Не хотите? Ну, ладно! Как вам угодно.

Встав с места, она потянулась, зевнула, а затем, не обращая на него никакого внимания, присела на корточки возле своего чемодана и принялась его распаковывать.

— А почему вы не оставили его в камере хранения?

Эти слова вырвались у него невольно, и от досады он

готов был кусать локти. Вместе с тем он терпеливо ожидал ответа, который мог бы рассеять зародившееся у него подозрение. Зачем, скажем, обременять себя чемоданом, когда едешь всего-навсего на несколько часов в забытое богом и людьми место? Медленно, с какой-то мечтательной чувствительностью погладив кожу своего чемодана, она сказала:

— А я, знаете ли, слишком дорожу своими вещами, чтобы доверять их камере хранения.

С этими словами она открыла чемодан, и Сэвр почувствовал, что его присутствие в комнате более чем неуместно. Но не извиняться же ему, в конце концов? Впрочем, ему показалось, что она намеренно извлекала при нем все свои вещи: колготки, комбинации, белье, которое затем аккуратно раскладывала прямо тут же, на ковре. После этого она принялась разворачивать свои шерстяные костюмы и блузки и складывать их на диван, чтобы они разгладились.

— С этими вещами необходимо обращаться бережно, — пояснила она. — Вы, должно быть, и сами об этом знаете, вы ведь женаты.

— Но я...

— Хотя вы и сняли свое обручальное кольцо, след-то от него остался... Такие вещи видны с первого взляда...

— А что вы еще заметили?

— То, что вы воображаете, будто бы я целиком поглощена вами.

Диалог завязался вновь, и она не преминула этим воспользоваться.

— Положите-ка эту стопку в шкаф... Там, справа, внизу, в ящик.

Как ей в этом отказать? Теперь ему пришлось сновать между спальней и гостиной, с бешенством и отвращением перенося носовые платки, трусики, мочалки и прочие надушенные вещи, которые он с величайшим удовольствием просто бы разбросал по квартире. Но что поделаешь? Хотя ему пришлось стать тюремщиком, но уж невоспитанным мужланом он становиться не желал! Сэвр протянул руку к какому-то футляру, но она тут же выхватила его с криком:

— А! Там мои сережки! — и тут же рассмеялась приводящим в смущение смехом доброй старой подруги. — Это не драгоценности, вы не думайте.

С этими словами она открыла шкатулку, доверху наполненную всевозможными сережками. Одни из них имели форму цветов, другие — фруктов, а все же некоторые, ка-

залось, были изготовлены из драгоценных камней. Она выбрала пару розовых сережек, по форме напоминающих ракушки.

— Не правда ли, мило? Я купила их как-то в Нанте случайно, когда ждала автобус.

Сколько же ей лет? По крайней мере, не меньше тридцати пяти... И вместе с тем в ней присутствовало что-то ребяческое. Усевшись по-турецки на ковре, она стала любоваться этими серьгами.

— Голубые мне тоже нравятся, но, к сожалению, голубой цвет лично мне не идет.

Висящие в ушах сережки она заменила на те, что держала в руках, и, повернув голову к Сэвру, спросила:

— А вам нравится?

Что это? Очередная уловка? Он никак не мог понять. Дениз вела себя совсем иначе. Обычно, примеряя новый костюм, он спрашивал у нее совета, а она уж говорила, где и что необходимо подогнать. С некоторым отвращением Сэвр наблюдал за незнакомкой, которая вдруг встала и подошла к ближайшему зеркалу.

— Я совершенно растрепалась, — пробормотала она.

И ловкими движениями кончиков пальцев, напоминающими ткущего свою паутину паука, она поправила прическу, придав ей прежний искусный вид. Теперь она казалась самой естественностью: ни тени боязни, смущения, дерзости или жеманности — она почувствовала себя в своей тарелке, но именно это и пугало больше всего Сэвра, и одновременно зачаровывало. Он наблюдал за ней с каким-то смешанным чувством ужаса и сдерживаемого порыва. С таким же чувством он смотрел в детстве на клоунов в цирке, на наездниц и эквилибристов — на этих существ из другого мира, вытворяющих невероятные вещи с неизменной улыбкой на губах.

— А как вас зовут? — спросил он.

— Вы же прекрасно знаете: мадам Фрек.

— Я спрашиваю, как ваше имя.

— Доминик.

Про себя он опасался, что по случайному совпадению ее могли звать Дениз. Она подошла к нему слегка виляющей походкой и, положив руки на бедра, насмешливо, но беззлобно спросила:

— Ведь вас интересует мое имя? Ну, так вот, меня звать Доминик. Я же предпочитаю... А, кстати, как вас зовут?

— О, мое имя не имеет никакого значения. Можете

называть меня Дюбуа, Дюран или же Дюпон — словом, как вам заблагорассудится.

— Ага, понятно... Итак, месье Никто! И по-прежнему одни секреты... Вы не передумали оставаться здесь.

— У меня нет выбора... Вы не беспокойтесь — я устроюсь вот здесь, на краешке дивана, и не сдвинусь отсюда ни с места. Я буду спать.

— Вот оно что! И вы намерены провести ночь здесь?

— Но я же объяснил вам, что...

— Да, да, конечно... Никак не могу привыкнуть к этой мысли.

Вновь воцарилось молчание, однако это уже было молчание, вовсе не похожее на прежнее. Теперь между ними появилось нечто вроде сообщничества, а в отношениях нечто смутно волнующее после того, как она спросила: «Вы намерены провести ночь здесь?..»

— Имею ли я право закрыться в своей собственной спальне? — поинтересовалась она со вновь проскользнувшей в голосе насмешкой.

— Уверяю вас: вам незачем меня опасаться.

— А что, она лучше меня?

— Кто?

— Ну, эта ваша подружка... та, которую вы ждете...

Она и не думала складывать оружие, а напротив — пыталась найти слабое место в его обороне. С твердым намерением не проронить больше ни слова, Сэвр присел на краешек дивана.

— Я ведь в любом случае увижу ее, так что можете мне ответить.

Сэвр совершенно упустил из виду эту сторону проблемы, ведь говорить с Мари-Лор в присутствии той женщины — дело совершенно немыслимое. Даже в том случае, если он запрет ее в спальне... Что же все-таки делать? Спуститься в квартиру-образец?.. Но тогда придется оставить Доминик здесь одну... Это замешательство в мыслях, должно быть, отразилось на его лице, потому что она продолжила:

— Я предупреждаю, что здесь вам не дом свиданий... Хотя я человек широких взглядов, однако...

— Да я жду здесь свою сестру! — заорал Сэвр вне себя от бешенства.

— Ах, вот оно что, сестру!.. Сестру!

Совсем ничего не понимая, она пристально всматривалась в Сэвра, пытаясь определить, не делает ли он из нее дурочку.

— А вы не думаете, что будет куда лучше, если вы все же расскажете всю правду?.. Вы вот утверждаете, что не являетесь ни вором, ни преступником, но раз так, тогда вам нечего и утаивать. Если, конечно, речь не идет о какой-то семейной тайне.

— В том-то и дело, что речь идет именно о семейной тайне!

— Ну, как хотите!

Словно испанская танцовщица, она повернулась на каблуках, и из-под крутнувшегося подола платья показалась подвязка. Увидев, что она направляется к себе в спальню, Сэвр окликнул ее:

— Мадам Фрек, я клянусь вам, что это сущая правда... Я действительно жду здесь свою сестру... И поэтому хотел бы... Ну, словом, принять ваше предложение: я закрою вас здесь, а затем сообщу об этом в жандармерию... Это действительно оптимальный выход. Когда я увижу, что моя сестра уже на подходе сюда, я закрою вас на ключ, а сам уйду... А вот если бы вы еще согласились ничего ни о чем не рассказывать полицейским... я был бы вам весьма и весьма признателен...

— Что, неужели дело настолько серьезно?

— Да. И никто не должен знать, что я ждал здесь свою сестру. Если бы вы еще, скажем, описали меня... ну, так сказать, несколько неточно, вы понимаете, о чем я говорю?

— Ага! Вам уже мало того, что вы держите меня пленницей в моем собственном доме, так вы еще и считаете вполне естественным, чтобы я стала соучастницей чего-то такого? А не кажется ли вам, что это уж слишком, месье Дюран?

Хотя она и повысила тон, но не было похоже, что разозлилась по-настоящему. Скорее, она имитировала возмущение, чтобы выудить из него дополнительные признания.

— Я глубоко сожалею, — развел он руками.

Она тотчас же повторила его жест:

— Я тоже глубоко сожалею...

С этими словами она зашла в спальню и прикрыла за собой дверь.

Сэвр понял, что его планы оказались под угрозой срыва. Дай она его подробное описание, добавив к этому, что он ожидал здесь сестру, и у полицейских могут зародиться нежелательные подозрения. Как же избежать этого?.. Как нейтрализовать эту женщину, чьи мысли будут заняты одним лишь мщением? И чем дольше она будет ждать свое освобождение, тем хуже будет для него. Мало того, обо

всем этом придется рассказать Мари-Лор, рискуя тем самым довести ее до панического страха. Что же делать? Не может же он задушить эту Доминик, чтобы помешать ей... Стоит лишь сжать пальцы вокруг шеи... там, где кожа наиболее нежна, там, где пульсирует жизнь... Сжать лишь слегка только для того, чтобы посмотреть...

Дверь спальни вновь открылась, и на пороге в прозрачном, небрежно завязанном на поясе пеньюаре и марокканских шлепанцах без задников появилась Доминик. Несмотря на то, что ее тело было почти что голым, держалась она совершенно естественно. В руках у нее оказался какой-то красный флакончик и кисточка.

— Если вы собираетесь держать здесь меня долго, — сказала она все с той же одновременно притворной и непосредственной игривостью, — то мой муж явно будет обеспокоен моим отсутствием. Следовательно, это тем хуже для вас.

— Он слишком далеко отсюда, — пробурчал Сэвр.

Открыв флакончик, она начала наносить лак на ногти левой руки.

— Всего лишь три часа лету!

— Он что, ревнив?

— И да, и нет... Он уже постарел. Все это слишком сложно объяснить. Он столько раз бывал на волосок от смерти, что каждый новый для него день — подарок провидения.

— На волосок от смерти?

— Да... Видите ли, он воевал в составе колониальной армии под Ораном [1], а там была настоящая мясорубка.

От лака исходил резкий запах эфира. Сэвр наблюдал за деликатными движениями кисточки, которой женщина водила так сосредоточенно, что даже приоткрыла рот и нахмурила брови. Не отрывая глаз от ногтей, она вслепую отступила к стоящему напротив Сэвра креслу и, покачнувшись, присела. Полы ее пеньюара разошлись, и оттуда показались черные чулки, защелкнутые треугольником подвязки.

— Я так до сих пор и не понимаю, как нам тогда удалось остаться в живых, — продолжала она. — В те времена мы еще не были женаты — он женился на мне уже позже, когда мы оказались в Испании, потому что там еще сохранились строгие взгляды на этот счет. Не могли

---

[1] Имеется ввиду колониальная война Франции в Алжире в 1954—1962 гг. (Прим. пер-ка).

бы вы подержать этот флакончик? Я так неловка на левую руку.

Протянув ему флакон, она опустила в него кисточку, а вынимая, капнула лаком ему на руку.

— О! Простите... Не волнуйтесь, это очень легко стирается... А ваша жена не красит ногти?

— Она умерла, — пробурчал Сэвр.

Лишь подняв на него взгляд, она заметила, что пеньюар у нее распахнут, и не спеша поправила его.

— Я искренне сочувствую вам, — сказала она. — А давно это произошло?

— Два года тому назад...

— Это тоже... входит в вашу тайну?

Откинув затылок на спинку дивана и вытянув ноги, как человек крайне уставший, Сэвр пробормотал:

— Вы думаете, я не понимаю, к чему вы клоните?... Вы все увиваетесь вокруг да около... откровенничаете здесь, чтобы я, в свою очередь, обмяк и развязал язык... Ну, что, не так, что ли?.. И вам непременно нужно знать, зачем я здесь сижу!..

— О! Вовсе нет. Если я и откровенничаю, как вы выразились, то лишь затем, чтобы вы поняли, что и мне пришлось побывать в различных переделках. И даже в таких, какие, несомненно, вам и не снились... Кроме того, у меня сложилось впечатление, что вы из тех людей, которые делают из мухи слона.

— Да уж, из мухи слона! — ухмыльнулся он. — Хорошенькое выраженьице.

И вдруг, резко вскочив с места, он наклонился к ее лицу с блестящими от гнева глазами.

— Да я уже умерший человек! — гаркнул он. —Вы это понимаете? Мертвый! Все! Меня уже нет в живых!У меня больше нет ни семьи, ни гражданского статуса, ни денег, ничего! Через такое вам еще не довелось проходить? Вам — так много испытавшей, на своем веку?! Да, если хотите знать, я уже похоронен, зарыт в землю, а моя могила усыпана цветами и венками! Вот только произнести надгробные речи непогода помешала!

Прекратив красить свои ногти, она жадно и восхищенно впилась в него глазами, а он, хлопнув бутылочкой с лаком по столу, принялся ходить по комнате из угла в угол.

— И уже никто и никогда не должен обо мне слышать! — продолжал он.

— Ну, а как же тогда ваша сестра?..

— Она единственная, кто посвящен в это! И она долж-

на привезти мне сюда деньги и одежду... Так вот: если вы на меня донесете...

— Я никогда ни на кого не доносила, — резко оборвала она. — И все же я бы предпочла не быть втянутой в эту историю. У меня тоже есть своя личная жизнь, и вы, похоже, в этом не сомневаетесь.

— Что? Но ведь вы приехали сюда для того, чтобы проверить, не пострадала ли от бури ваша квартира!..

— Это я вам так сказала.

— А зачем же вы тогда приехали на самом деле?

— Вас это не касается... Но, если бы я была мужчиной... хорошо воспитанным мужчиной... то выложила бы свои карты на стол... И все до единой, а в противном случае просто бы ушла.

После этих слов между ними вновь воцарились недоверие и враждебность. Сэвр пошел на попятную.

— Вас, вероятно, неприятно поразило слово «доносить»? Но я произнес его, совершенно не подумав. На самом же деле я в общем-то и вовсе не считаю вас способной на такое. И все же мое положение обязывает меня держать вас здесь до того как...

Чтобы поскорее просушить лак, она подняла руки и замахала ими.

— Еще никто, никогда и нигде не держал меня вопреки моей воле. Вы что, желаете быть первым? Так на что же мы спорим?

Сэвр никогда не выносил дерзости.

— Прошу вас, — превозмог он себя, — постарайтесь же понять меня!

— Я пока еще не считаю себя полной идиоткой, и если всякое ничтожество, вроде вас, начнет меня...

Устав от всего этого, Сэвр резко отвернулся, но тут же почувствовал мягкий удар в плечи: она бросила в него диванной подушкой.

— Прекратите, — взорвался он. — Это же просто смешно!

Но она уже схватила массивную хрустальную пепельницу, которая с грохотом ударилась о стену, и по ковру рассыпались окурки. Сэвр едва успел уклониться от удара.

— Прекратите!.. Доминик!..

Он кинулся к ней и обхватил ее руками как раз в тот момент, когда она пыталась приподнять стоящую в головах дивана массивную медную лампу. Но она вывернулась, и Сэвр заметил изготовленные поцарапать его лицо красные ногти. Он мигом заломил ей за спину одну руку, но увер-

нуться от второй ему уже не хватило ловкости. Щеку ожгла боль, и Сэвр тут же отпустил Доминик, задыхаясь. Она поправила на груди пеньюар.

— Вытрите свое лицо, — сказала она. — Оно у вас в крови.

И с этими словами она отступила к спальне. Свернув носовой платок в комочек, Сэвр приложил его к щеке. Его одолевало желание наброситься на нее и отлупить так, как он никогда еще никого не бил.

— Рекомендую вам закрыться, — сказал он и сам не узнал свой голос.

Закрыв дверь, она щелкнула замком.

— Дрянь! — кинул он ей вдогонку, так, словно наступил босой ногой на рептилию.

Потрясенный до глубины души этой быстротечной дуэлью, Сэвр в изнеможении свалился на диван. Он опять пытался вспомнить о соприкосновении с этим энергичным телом, с этими выскальзывающими из рук бедрами... и во всем этом ощущалось что-то непристойное, нечто такое, что ему яростно хотелось бы разметать и уничтожить...

Вот мерзавка! А ведь еще минуту назад он чуть-чуть было не доверился этой женщине!.. Совершенно безо всякой видимой причины... быть может, из-за какого-то несколько душещипательного слова... Ну, теперь уж дудки! Он ей не даст ни малейшей возможности выманить у него хитростью сведения!..

...С трудом встав с дивана, он решил рассмотреть раны в зеркальном панно библиотеки. Из-под щетины ярко выступали две красные царапины-полосы. Высохнув, конечно, они не привлекут ничьего внимания.

Глубоко вздохнув, чтобы разогнать какой-то образовавшийся в груди спазм, он прислушался к доносящемуся шуму воды: она, по-видимому, набирала воду в ванну. Правда, доносились и еще какие-то звуки... ага, это она, кажется, что-то напевает, что-то мурлычет себе под нос, да еще и с непосредственностью, приводящей его в замешательство. Чтобы убедиться в том, что он не ошибается, Сэвр подошел к двери и приложил к ней ухо. Однако он тут же устыдился своих действий и отошел. Он просто не узнавал самого себя. С тех пор, как появилась здесь эта женщина, Сэвр перестал быть самим собой. Он, казалось, чуть ли не заболел ею и даже думать забыл о том, что произошло с ним накануне. Мерибель, хижина... Все это казалось каким-то очень далеким дурным сном... Сном, никоим образом не связанным с действительностью.

А кожаный чемодан, так и не распакованный до конца, по-прежнему стоял на полу. Заглянув в него, Сэвр увидел, что там остались лишь шерстяные вещи, но тут же услышал, что Доминик открывает дверь, быстро отошел в сторону. На этот раз она появилась уже совершенно голой и прошла мимо Сэвра так, будто бы ей и в голову не могло прийти, что здесь может находиться мужчина. Захлопнув чемодан решительным жестом, она унесла его в спальню. Но осталась стоять у Сэвра перед глазами, словно ярко освещенный предмет, надолго запечатлевшийся в памяти и появляющийся всюду, куда бы он ни посмотрел. Сэвр переводил взгляд с дивана на библиотеку, а видел лишь ее, маячившую перед глазами... Он уже знал, что начнет вспоминать каждую деталь и возбуждаться. Сейчас же он был лишь ошеломленным зрителем. Вот она вышла оттуда, а он мысленно проводил ее глазами... она прошла пять или шесть шагов, наклонилась, а затем, выгнувшись, распрямилась. Чемодан был почти такого же цвета, как и ее ляжки. Ее кожа носила ровный загар. Солнечные ванны она, должно быть, принимала совершенно голой. Ее распущенные волосы доходили до талии... А она даже не взглянула на него! Будто бы он и не существовал! Она находилась у себя дома и имела полное право ходить в том виде, в каком ей хотелось... А если же ему что-то не нравилось, то он, мол, волен уйти отсюда. Именно на успех этой тактики она, вероятно, и рассчитывала! Теперь она даже не закрыла дверь, и до него по-прежнему доносились ее мурлыканье, всплески воды в ванной и бульканье упавшего в воду, выскользнувшего у нее из рук мыла...

Так что, уйти? Опять в неуютную квартиру-образец? Нет, он не доставит ей такое удовольствие. С другой стороны, если он останется здесь, то ему придется терпеть все ее возможные провокации. Он почувствовал, что у него не хватит сил противостоять ей. И это признание для него было гораздо невыносимее того выстрела, крови и бегства... Щека все еще горела, и Сэвр с силой помассажировал ее. Как ему выбросить из мыслей эту женщину? Ведь он же годами жил в мире с самим собой! У него была жена, и он любил ее... А стоило только этой самке очутиться здесь у него на пути, как им тут же овладело похотливое желание... Сэвр вновь принялся ходить из угла в угол, отшвыривая время от времени на своем пути невидимые преграды.

А вода из ванной, должно быть, уже вытекала, и она, вероятно, стояла и вытиралась полотенцем. Он вновь четко

увидел ее тело, красивей, чем тело статуи... Такой женщиной он никогда не обладал... и, наверно, не будет обладать. При этой мысли Сэвр понял, что его охватило смятение. Если она сейчас зайдет в спальню, с первого же взгляда поймет, что победа осталась за ней. А он, в свою очередь, должен будет делать вид, что не замечает ее, а лучше вообще вести себя так, будто она полностью одета. Нет уж, просто так он не сдастся. Уже четыре часа! Надо пережить один вечер, одну ночь и один день... Он клянется, что сдастся.

Лишь после этого, несколько уверившись в себе, Сэвр, опять поддавшись искушению, вызвал в памяти ее образ: его глаза прошлись по коричневой блестящей коже ее плотной груди, потом по животу. Он остановил свою мысль, увидев себя стоящим посреди гостиной со сморщенным от какой-то несуществующей боли лицом, и пожалел, что не прервал в тот вечер все свои мучения выстрелом в висок...

Глава 7

Несмотря на прикрытую дверь спальни, Сэвр все же мог видеть, что там происходит, когда во время своих хождений по гостиной вплотную подходил к стене. На этой стене висело полотно с изображением серой глади воды на фоне каких-то металлических силуэтов, виднеющихся вдали, на горизонте... Может быть, это побережье Луары?.. Всякий раз, подходя к картине, он задавался этим вопросом, потом вопреки своему желанию поворачивал обратно и непременно заглядывал в спальню. А Доминик по-прежнему находилась там и что-то напевала. Иногда Сэвру все же удавалось увидеть ее, например, когда она снимала с кровати покрывала... складывала их, а потом вдруг исчезала из поля зрения... и вновь появлялась, но уже с розовыми одеялами в руках, так ни разу и не повернув голову в сторону гостиной. Она, видимо, прекрасно осознавала, что Сэвр пытается наблюдать за ней, и все же вела себя так, будто даже и не подозревала о его присутствии в квартире. Видимо, Доминик решила показать, что она здесь одна. Итак, их сражение вступало в решающую фазу.

Доминик вновь надела свой пеньюар, под которым, как легко было догадаться, уже ничего не было. Сама она, скорее всего, тоже наблюдала за ним, спрашивая себя, сколько же еще времени он сможет так продержаться. Вероятно, она рассчитывает овладеть ключами после того, как он окажется в ее объятиях. Эти мысли вяло зарожда-

лись, расплывались и исчезали в тумане бессознательности. Увидеть ее! Только лишь бы увидеть ее! Все остальное уже не имело значения. Доминик по-прежнему старалась повернуться так, чтобы стоять к нему спиной; он же, наконец, заметил, что по ту сторону кровати стоит зеркало, смотря в которое, она не упустила ни малейшего его движения. Значит, они следили друг за другом по теням и отражениям. Уверенная в своем превосходстве, она вдруг замешкалась подле кровати, явно демонстрируя, что она не обращает на Сэвра никакого внимания. Чтобы доказать, что сила все же на его стороне, Сэвр остановился в самом отдаленном углу гостиной. Она вдруг перестала напевать и так промолчала до тех пор, пока вновь не услышала шум его шагов. Все это походило на какие-то очень странные брачные игры, напоминающие таинственные повадки животных, которые стараются обольстить друг друга показом своих телодвижений.

Она вышла из спальни, неся голубые простыни, те, на которых он накануне спал, и с отвращением забросила их глубоко в шкаф. На обратном пути она уже прошла мимо, почти вплотную к нему, но даже и бровью не повела. В ее взгляде не было и тени принужденности, которая могла бы послужить доказательством тому, что она вовсе не желает обращать на Сэвра никакого внимания. Доминик полностью игнорировала его присутствие; для нее он занимал куда меньше пространства и был менее реален, чем даже дым от его сигареты. Неожиданно она подошла и включила телевизор, о котором Сэвр напрочь забыл. Ну, вот, из информационного выпуска в половине восьмого она все и узнает о нем. Подождав, пока она удалится, он подошел и выключил его. Она же, вернувшись, как показалось, была удивлена тем, что телевизор не работает, и окинув его недовольным взглядом, словно злясь на тех, кто его продал, но затем спокойно подошла и, вновь нажав клавишу включения, села рядом. Вскоре появилось изображение — передавали школьную пограмму по математике... Чья-то рука вычерчивала на доске геометрические фигуры и писала уравнения... Доминик слегка наклонилась вперед, словно заинтересовавшись передачей. Ее распущенные волосы падали на одно плечо, и Сэвр увидел ее обнажившийся затылок, при виде которого он растаял, сделал несколько нерешительных шагов вперед и остановился позади нее. На экране цифры отплясывали какой-то асбурдный танец, мел сам по себе прыгал по доске, а появившаяся вдруг из небытия тряпка стирала все с экрана, оставляя

место для новых иксов, игреков и квадратных корней... А Сэвр видел перед собой лишь этот живой, нежный, золотистый затылок... Ему неудержимо захотелось наклониться и всласть напиться из этого источника, поглощающего все его внимание... напиться до одури... Она же сидела неподвижно, ожидая соприкосновения с этим медленно приближающимся лицом, крадущимся к ней, словно хищник.

Ветер с силой, словно кулаком, ударил по ставням. Сэвр выпрямился, хотя и с полузакрытыми глазами, все еще находясь в забытьи. Ведущий программы уже заканчивал: «На следующей неделе мы пройдем с вами проекцию предмета на...» Но ни он, ни она не слушали слов диктора, внимая лишь волнению своей крови. Отступив назад, Сэвр подумал, что она несомненно должна обернуться, и, коль уж она совершит ошибку, он наверняка найдет в себе силы улыбнуться и противостоять ей... Но Доминик не обернулась. Вместо этого, вынув из кармана пеньюара расческу, она принялась расчесывать свои волосы со сладострастной медлительностью; в это время по телевизору вместо заставки между программами показывали стены какого-то замка. Расческа аж стонала в ее распущенных густых волосах, Сэвру казалось, что треск исходит как бы от их расчесываемых нервных волокон. Но тут минутная слабость исчезла, и, догадываясь об этом, она приподнялась. Расческа замелькала уже быстрее. Разделив на части, Доминик начала заплетать волосы в косички, направляясь при этом к зеркалу. Теперь он видел ее в профиль, с поднятыми вверх руками и кудрявыми прядями волос, ниспадающими на плечи. Ему уже вовсе не нужно было к ней прикасаться —она и так полностью принадлежала ему... и даже больше, чем Дениз! Это имя показалось ему каким-то неуместным, словно имя чужой и незнакомой женщины. Он мимоходом вспомнил о Мерибеле, занявшегося махинациями во имя женщины, и в душе даже одобрил шурина. Странно, что с тех пор, как появилась Доминик, злоба Сэвра исчезла. Теперь он злился лишь на самого себя, но не за то, что он сделал тогда, а за то, что его гордость помешала ему — да и неизвестно, как долго еще будет мешать? — сказать Доминик следующее: «Сдаюсь». Сэвр увидел в зеркале отражение ее лица: часть лба, чертовски живой глаз и уголок рта. Это изображение походило на внезапно ожившее полотно футуриста, вокруг него крутились завитушки черных, как смоль, волос. Ему уже нравился каждый ее жест и нравилась эта новая прическа, открывшая ушки и шею. Ушки у нее были крошечными,

словно это было тончайшей резной работы изделие, со всеми рельефами и нежными тенями. Он чуть было не выразил свое одобрение, когда она, наконец, опустила руки и покрутила головой, чтобы хорошенько осмотреть свою работу. И тогда она со своим так глубоко взволновавшим его жизненным порывом сцепила над головой руки и хрустнула пальцами. Затем положив руки на бедро, она произнесла что-то вполголоса, предназначающееся исключительно для себя, — ведь она находилась в квартире «одна». И тут неожиданно подошла к Сэвру, да так, что он невольно отступил.

— А теперь только посмей сказать мне, что она лучше меня!.. Все эти сказки про «сестер» прибереги для кого-нибудь другого!.. Лгунишка!

Увидев его растерянность, она рассмеялась и направилась в кухню: близилась пора ужина. Все уже!.. Это слово «уже» никогда раньше не возникало у него в мыслях. Он был не в силах связать свои суждения воедино и даже не пытался отыскать точный ответ или возражение. А она, скорее всего, находила его смешным и ненавистным.

Привлеченный грохотом посуды, Сэвр вышел в коридор. В этой крохотной кватире он, казалось, был приговорен видеть ее лишь сквозь перегородки, постоянно прикидывая: под каким же углом лучше смотреть? Она все время то тут, то там возникала у него перед глазами и, вместе с тем, оставалась невидимой. Выбрав позицию, он заметил электроплитку с греющейся на ней кастрюлькой, к которой время от времени протягивалась рука и помешивала ее содержимое деревянной ложечкой. А вдруг она готовит на двоих и не преминет высмеять его, если он не придет разделить с ней этот ужин? Напустив на себя безразличный вид, Сэвр прислонился плечом к дверной раме, как тюремный надзиратель, рассеянно задержавшийся возле заключенного во время прогулки. На столе стояла лишь одна тарелка, один стакан и лежала лишь одна салфетка. А может, она все-таки спросит у него сейчас: «А вы не голодны? Не желаете ли пообедать со мной?..» Доминик тем временем сновала между плиткой и столом... Тушеное мясо издавало дразнящие обоняние запахи; она даже не посмотрела в сторону двери: для нее Сэвр опять не существовал.

Положив себе на тарелку еду, она села и спокойно принялась есть, совершенно не обращая внимания на того, кто с жадностью следил за ней, напоминая пса, лежавшего у ног своего обедающего хозяина. Ситуация выглядела

до того глупо и фальшиво, а молчание было до того невыносимым, что они оба готовы были к какому-то неожиданному взрыву или вспышке ярости. Тем не менее, оба сдерживали себя и до конца оставались спокойными. Встав, Доминик помыла за собой посуду и убрала ее. Сэвр же отошел в сторону, чтобы дать ей пройти, а затем поставил на плиту ту же кастрюлю и в свою очередь открыл банку тушеного мяса. Это выглядело довольно абсурдным, но он тем не менее тоже имел право поужинать, тем более, пока он наблюдал за Доминик, у него сильно разыгрался аппетит. Но вот теперь он уже почему-то с трудом заставил себя проглотить эту жирную массу, которую он даже как следует не сумел приготовить. Где она сейчас? Чем занимается? Что замышляет? В спешке Сэвр проглотил все, почти не прожевывая, и готов был кинуться в гостиную, если бы вдруг до него перестали долетать издаваемые Доминик звуки. Ведь, сидя здесь, он следил за ней и за всеми ее малейшими движениями по раздававшимся звукам; иногда он переставал есть и, приоткрыв рот, с ужасом думал: что это она открывает? Нет, нет... это не окно, — это шкаф, стоявший в спальне, он узнал его по скрипу. А зачем это ей понадобилось открывать шкаф?.. Подобная ловля звуков была просто чудовищной, а он поступал не только неправильно, но и отвратительно... Однако при мысли, что завтра ему придется с ней расстаться, у него опускались руки.

Помыв наспех посуду, Сэвр мерным шагом, как сытно поужинавший человек, направился в гостиную. Она смотрела телевизор. Стрелка часов приближалась к семи. Уже... Он тихо присел в одно из кресел, а она, выключив люстру, включила светильник, который, казалось, скорее затмевал комнату, чем освещал ее. За окном по-прежнему завывал ветер. Все тот же ветер! Поджав под себя ноги и спрятав руки в рукава пеньюара, она забилась в самый угол дивана и выглядела так послушно и серьезно, как школьница. Вот Дениз всегда была одинаковой: что в кровати, что в церкви... Эта же... В который раз он уже пристально всматривался в нее. В профиль она выглядела восхитительно, в анфас же ее лицо казалось несколько широковатым. Профиль придавал ей вид этакой страстной худобы... Сэвр вздрогнул, когда диктор объявил о местных новостях. Что же, тем хуже!.. В сущности, он не возражал против того, чтобы все пустить насамотек. Что будет, то пусть и будет. Если пришло время во всем сознаться, то он сознается. Однако дело Сэвра уже потеряло сенсационность. Вот со-

всем другое дело — пожар в аптеке, переброшенный ветром на соседние здания... Струи воды, каски, дым. «По предварительным подсчетам нанесенный ущерб превышает пять миллионов...» Затем на экране вновь появилась студия, и диктор, бросив взгляд на свои записи, сообщил: «Полиции неизвестно, удалось ли сбежавшему Филиппу Мерибелю пересечеь границу Швейцарии... Есть предположения, что в Женеве его могли бы встретить и узнать бывшие клиенты... Расследование продолжается...» Сразу после этого последовало сообщение о постройке нового моста через Луару. Доминик равнодушно сидела и слушала все это, однако эти новости ее вовсе не интересовали. Она зевнула, прикрыв рот рукой, а затем, должно быть, вспомнив, что играет комедию, якобы не замечая его присутствия, потянулась, при этом сильно выпятив грудь. Она выключила телевизор именно тогда, когда уже начиналась «Вечерняя программа», затем открыла книжный шкаф, взяла первую попавшуюся под руку книгу и зашла в спальню, оставив дверь приоткрытой.

Сэвр вновь включил телевизор, однако, чтобы не мешать ей, приглушил звук. Не в силах усидеть на месте, он принялся мерить комнату шагами, но тут же заметил, что, сидя на краю кровати, она одевает сиреневые пижамные брюки. Сэвр отошел от двери, а когда вернулся к ней вновь, то увидел, что Доминик лежа читает или же делает вид, что читает при свете стоящей на ночном столике лампы. Где же он теперь проведет ночь? Неужели на диване? В такой близости от нее?.. А на экране люди жестикулировали, широко раскрывая рот, но вся их жестикуляция полностью была лишена смысла. Хотя для него уже все давным-давно утратило свой смысл. Она читала, он расхаживал по комнате, а на экране мелькали бессвязные изображения. Доходя до противоположной стены, Сэвр поворачивал и возвращался к картине, бросая в спальню быстрый, словно молния, взгляд. Доминик, расстегнув куртку пижамы, так и продолжала лежа читать. Сгорбившись и заложив руки за спину, он отходил, взглянув мимоходом на крутящегося на цыпочках танцовщика, задавая себе вопрос: что же он увидит в спальне, когда заглянет в нее в следующий раз? Ничего. Она лишь переворачивала страницы, поскрипывая кроватью. Наконец, раздался глухой удар: книга, вероятно, выпала у нее из рук, а сама она, отбросившись на подушку, казалось, спала.

Сэвр несколько успокоился. Выключив телевизор, он расстелил диван и, не раздеваясь, лег. Чувствовал он себя

неудобно, ему было слишком жарко, да к тому же и пища переваривалась мучительно. Сэвр задавал себе множество вопросов, возникающих обычно в темноте. Прежде всего его интересовало, действительно ли она спит и насколько правдоподобен этот сон. Быть может, она просто разыгрывала перед ним этакое бравое бесстрашие, а сама сейчас лежит и дрожит от страха? А почему она назвала его лгунишкой?.. Что она хотела этим сказать? «Вот, — подумал он, — ни о чем не подозревающая женщина приходит к себе домой и застает в квартире странного субъекта с признаками сумасшествия. Но, когда проходит первый страх и удивление, она собирает все свое хладнокровие и вовсю тщится искусить телом этого незнакомца...» Но ведь в конце концов это можно расценивать только так и не иначе!.. Однако необходимо еще и убедиться в этом! Из двух одно: либо она спит, то есть ничего не боится и уверена, что ей помогут, а значит, в Нанте или еще где-нибудь поблизости есть некто, кто обеспокоен ее отсутствием и придет ей на помощь... Либо она не спит, и это означает, что она всего-навсего бедная, напуганная женщина, вознамерившаяся перехитрить его... Все это выдумки! Он думает сейчас вовсе не об этом! Как она была права, назвав его лгунишкой! Он ведь мечтал лишь о том, чтобы встать и по-волчьи подкрасться, посмотреть на нее и остаться подле нее, а затем воспользоваться этим ночным временем, чтобы помечтать о другой жизни. А если она действительно спит, то он ее разбудит, потому что ему совершенно необходимо именно сейчас рассказать ей все. Ему следовало бы... поступить так еще с самого начала... А она бы наверняка поверила ему, и они не стали бы врагами... Он ей расскажет абсолютно все... и про то, что произошло в охотничьем домике, и про самоубийство Мерибеля, и про его неожиданное решение покончить со всем, что раньше ему было дорого и близко... что и ему, как и Мерибелю, тоже все это порядочно надоело... Но объяснить, что именно ему и шурину надоело, все же будет сложно... Вероятно, все это кладбищенское спокойствие, эта тишь да гладь, эта комфортабельная пустота, а ему к тому же еще и Дениз. Ведь он все время, не отдавая себе в этом отчета, пытался покончить с ней! Сэвр давно уже готовился к этому бегству... Нет, это все не совсем так. Доминик все равно должна была понять его, потому что она именно та женщина, которая наиболее способна его понять... Теперь ему необходимо было говорить... говорить... говорить... И он бесшумно поднялся. Его волнение оказалось до того сильным, что он

даже с трудом дышал. На пороге спальни он остановился. Доминик лежала с закрытыми глазами, однако, стоило ему только ступить еще один шаг, как она прошептала:

— Ни с места.

— Доминик...

— Что вам угодно?

Он заранее продумал и взвесил слова, выбрал тон, но все произошло вовсе не так, как он предполагал, и поэтому его лицо от гнева зардело.

— Только не поймите меня превратно, — сказал он, — я вовсе не намерен вас...

— Я знаю, вы мне это уже говорили... Я ведь не в вашем вкусе...

Она открыла глаза, и по их блеску он понял, что она ни секунды не спала. Она даже не воспротивилась тому, чтобы он сел у нее в ногах.

— Что вы думаете обо мне? — поинтересовался он.

— Вы что... не нашли более подходящего времени для подобных вопросов?

— И все же ответьте мне.

— Я думаю, что вы все же опасный тип, месье Дюпон-Дюран.

— Кто? Я — опасный тип?

— Да, вы. Хотя, судя по вашему добропорядочному виду, можно подумать, что вы такой несчастный и такой искренний!

— Но... это действительно так.

— Да, да... оставшись с женщиной наедине, все мужчины говорят так же.

— У вас что, очень большой опыт общения с мужчинами?

— О! Не пытайтесь достать меня подобными речами... Я действительно хорошо знаю мужчин. Во всяком случае, достаточно, чтобы догадаться, чего вы от меня ждете.

— Вы хотите, чтобы я удалился? Хотите, чтобы я ушел из этой квартиры?

— А вы, вероятно, хотите чем-нибудь поразить меня?.. Ну, что ж, это совсем не так уж и глупо. И все это после того, как я вам сказала, что вы — опасный тип!

— Вы можете взять их, — сказал он и вынул из кармана ключи.

— Я уж сама как-нибудь заберу у вас... когда пожелаю... Вы ведь находитесь у меня в гостях, месье Дюбуа, не забывайте, и я не желаю терпеть от вас одолжений.

Сэвр снова положил ключи в карман.

— Я явился к вам с дружескими намерениями.

Сцепив руки на затылке, она разразилась гортанным смехом.

— Ну, разумеется! И смотрите на меня сейчас тоже по-дружески?

Он отвернулся: в его висках бешено запульсировала кровь.

— Я хотел бы вам все рассказать...

— Семейную тайну? Надеюсь, вам уже хватило времени до тонкостей продумать все детали?.. Уверена, что ваш рассказ растрогает меня.

— А вы по-прежнему думаете, что я — лжец?

— Я не думаю так, я в этом уверена.

— Ну, в таком случае...

— Да, нам не о чем больше разговаривать.

Сэвр глянул на нее так сурово, что она, уже готовая обороняться, даже приподнялась на локтях, хотя взгляд не опустила.

— Идите-ка спать, месье Дюпон, — прошептала она. — А выходя, закройте за собой дверь... Спасибо.

Он не смог удержаться, чтобы не хлопнуть дверью. Никогда Сэвр не чувствовал себя столь глубоко оскорбленным. Чтобы побороть наступающую мигрень, он принял две таблетки аспирина и запил их стаканом воды, а после вновь принялся, как заключенный, ходить из угла в угол и не лег спать до тех пор, пока не почувствовал себя совершенно обессилевшим. До самого утра он держался начеку, ожидая, что она вот-вот зашевелится. Предпочтя состояние войны, ей необходимо будет немедленно переходить в атаку — ведь время встречи с Мари-Лор приближалось.

Итак, что же она могла предпринять? Открыть окно? Позвать на помощь? Да и кто бы ее услышал?.. И потом, Доминик была не из тех женщин, которые зовут кого попало себе на помощь. Она, видимо, хочет одержать над ним победу самостоятельно. Будет ли она дожидаться, чтобы он заснул, прежде чем полезть к нему в карман за ключами? На этот раз ей не удастся сделать это, не разбудив его. И что же тогда?.. Нападет она на него, пока он будет спать? Ударит ли чем-нибудь? Ранит?.. Нет, все это не в ее стиле. Возможно, она решила дождаться того момента, когда он откроет дверь для Мари-Лор, чтобы затем оттолкнуть его и выбежать, воспользовавшись замешательством его сестры... В таком случае, ее планам не суждено сбыться, ибо он не станет ждать Мари-Лор здесь,

а выйдет ей навстречу... Таким образом, борьбе у двери не бывать! Кроме того, несмотря на всю свою внешнюю уверенность, она ведь совершенно бессильна. Ага, вот в чем, наверное, причина вспышек ее ярости и провокации... С этими размышлениями он в конце концов и заснул, а проснулся совершенно неожиданно от привычного звона посуды, доносящегося из кухни. Значит, ей все же удалось увидеть его спящим, не готовым к битве и побежденным усталостью! А теперь она пытается заманить его еще и на кухню, чтобы предстать перед ним свежей, накрашенной и готовой к финальному поединку. Ему так и придется уйти из этой квартиры, не сломив ее сопротивление!.. Она же по-прежнему будет делать вид, что не замечает его, уже после того, как обвела его, словно мальчишку, вокруг пальца... Ведь она все рассчитала... и со знанием дела... негодяйка! Ладно! Пусть она оказалась сильнее, но ведь мог же он больше не думать о ней и вести себя так, будто он здесь один!

Часы показывали девять. Еще каких-нибудь семь-восемь часов, и он уедет отсюда вместе с Мари-Лор... Как у него разболелся живот!. Раньше такого с ним не случалось... Он сразу же уедет... Выбора нет.

В дверь гостиной постучали. Подняв голову, Сэвр увидел Доминик — она улыбалась, осторожно держа в руках чашку.

— Как вам спалось?.. Пейте, пока еще теплый.

Накрашенная и одетая, она выглядела свежо, словно была готова для выхода в свет.

— Это чай, — объяснила она. — Я всегда держу здесь небольшой запас.

— Но я ведь повсюду искал...

— Ну, значит плохо искали. Вы можете пить без опаски, здесь ничего не подмешано.

Он предчувствовал это: вот она, возможно, та самая последняя уловка.

— Может, вы предпочитаете тот, что остался в чайнике?

Но он все же выпил, стремясь хоть на этот раз выглядеть не глупо. Она же по-прежнему улыбалась и никогда еще не выглядела столь желанной.

— Отдохните, — сказала она, — а я пока что уберу здесь... Можно, я проветрю комнату?.. А то здесь пахнет, словно в берлоге... Что подумает ваша «сестра»? — Последнее слово она произнесла с легкой, почти незаметной иронией.

— Она вовремя приедет, —сухо ответил Сэвр.

— А я в этом не сомневаюсь. Не могли бы ли вы описать мне ее?

Задетый за живое, Сэвр начал:

— Ну, небольшого роста... с походкой жительницы Вандеи... брюнетка...

— Словом, она похожа на тысячи других женщин. Вы могли бы заранее продумать этот ваш ответ, месье Дюбуа... А когда назначенный час минет и мы оба уверимся в том, что здесь никто не появится, что вы тогда выдумаете? На нашем месте я бы просто сейчас принялась за обдумывание вариантов.

Она забрала у него чашку, и он услышал, как она наводит в кухне порядок. Крышка мусорного ведра захлопнулась в последний раз, и она вернулась в гостиную с вопросом:

— Так могу я открыть окно?

Некоторое время он находился в нерешительности, но если даже предположить, что кто-нибудь издали заметит Доминик, то ему это ничем не грозит. В ответ он лишь пожал плечами.

— Я открою, чтобы вам было удобнее наблюдать за прибытием вашей «сестры», — сказала она веселым, дразнящим тоном, словно тщательно прятала свои коготки.

Сквозь открытые ставни в комнату вместе со свежим воздухом проник шум моря. По ковру рассыпались капли дождя.

— Ну и погодка, — заметила она, — ни одной собаки на улице. Не говоря уже о «сестре».

— Прекратите! — закричал Сэвр. — Хватит!

Однако это новое развлечение пришлось ей по вкусу, и она все утро подходила к окну и сообщала ему о том, что видно на горизонте:

— Вижу почтальона... Нет, он идет не сюда... Он вернулся в бистро... Смотрите-ка, мясник заменил свой грузовичок... А ваша «сестра» намеревается приехать автобусом или машиной?..

Воздерживаясь от ответа, Сэвр злился на себя за свой вроде бы обиженный вид, но все же никак не мог придумать, что бы ей сказать. Он ненавидел ее, но стоило ей скрыться в свою спальню, как он уже с нетерпением ожидал ее возвращения, изнемогая от напряжения. В полдень она отправилась готовить обед, и он, воспользовавшись ее отсутствием, занял наблюдательный пост у окна. Весь пустырь оказался затоплен водой, по которой от льющегося дождя плыли быстро лопающиеся пузыри. Иногда низко

пролетала чайка. Задавленный стихией, поселок дымил всеми своими трубами. Не видно было ни души... Почтальон... Мясник... Да где там! Должно быть, она их выдумала, чтобы подразнить его. От волнения у него даже пропал аппетит, а она уже не включала телевизор, вдоволь наслаждаясь его все нарастающей нервозностью. Начиная с двух часов, она каждую секунду смотрела на часы.

— Она издалека едет?.. В таком случае, она уже, вероятно, собралась бы в дорогу.

Поскольку он не мог попросить ее замолчать, то он принялся собирать свои вещи и проверять содержимое карманов.

— На вас посмотреть, — сказала она, — так можно подумать, буд-то вы и впрямь собрались куда-то уезжать. Вы ведь талантливый актер, месье Дюпон... Договор есть договор, как вы сами изволили выразиться. Итак, в пять часов вам придется отсюда уйти... Я завела свой будильник на это время. Ходит он неважно, но в пять часов он все же прозвенит... Договорились?

С половины четвертого Сэвр вновь занял у окна свой пост. Доносились лишь шум ветра да всплески дождя. Мало-помалу небо начало чернеть, и опустились сумерки. На окраине поселка зажегся фонарь. «Сейчас она приедет», — беспрестанно повторял про себя Сэвр. Он даже тихонько подгонял ее: «Ну, приезжай, приезжай поскорее. Быстре же, Мари-Лор! Я больше не могу здесь!..» В комнату проскользнули сумерки, и Доминик превратилась в силуэт с неясными очертаниями. В этот момент и зазвенел будильник.

— Ну, вот. А что я говорила? — прошептала Доминик.

Глава 8

— Ее могла задержать только непогода, — задумчиво предположил Сэвр.

— А откуда она едет... по-вашему?

— Из Нанта.

Доминик включила настольную лампу.

— Давайте ключи, — властно начала она. — Вот теперь-то они мне как раз и нужны. Я долго проявляла терпение — тут уж вы ничего не скажете, но всему тоже есть предел... Давайте-ка сюда ключи!

— Подождите еще немного... Она может прибыть с минуты на минуту.

— Нет, хватит. Мне надоело слушать ваши россказни.

Бросив еще раз взгляд на дома поселка, Сэвр подошел к окну и тщательно закрыл его. Вовсе ни к чему, чтобы горящий в блоке свет привлек чье-то внимание. Затем, повернувшись к Доминик, сказал:

— Ладно, так уж и быть — я вам все расскажу.

— Сначала отдайте ключ.

— Да поймите же! Завтра она наверняка приедет, потому что она знает, что мне позарез нужна ее помощь.

— Вы что — воображаете, что я намерена ждать, когда эта особа соизволит явиться сюда? И вообще: крайне сомнительно, что она действительно существует. Эта комедия мне уже порядочно поднадоела.

— Доминик!

— Я запрещаю вам так называть меня, и давайте покончим с этим!

Отбросив всякое кокетство, она уже не хитрила, а наоборот, намеренно подчеркивала свои права, напоминая восставшую женщину, всегда готовую обвинить мужчину в двуличности. От гнева у нее даже побелели губы.

— Я тоже, между прочим, нахожусь здесь не в гостях, а у себя дома! И не только в этой квартире, но и во всем здании, потому что они построены на мои средства и принадлежат мне! Поэтому-то я здесь и спрятался... Квартира-образец располагается как раз под вами, но она, к сожалению, совершенно непригодна для жилья.

— Я не верю ни одному вашему слову.

— Меня зовут Сэвр... Жорж Сэвр... Я живу в Ла Боль.

Она пыталась отгадать по его лицу, говорит ли он правду или лжет, а когда он собрался было сесть на противоположный край дивана, то она поспешно вскочила с места:

— Не прикасайтесь ко мне... Не приближайтесь!

— Я только хочу рассказать вам, в каком идиотском положении я очутился. Дело в том, что мой шурин покончил с собой... Мы возвращались с ним с утиной охоты...

По мере того, как он говорил, до него самого все отчетливее доходила абсурдность его исповеди. Почувствовав, что он теряет уверенность, она оборвала его.

— При вас должны быть какие-нибудь документы... Чем вы, например, докажете, что вы именно тот, за кого выдаете себя?

— В том-то и дело... Все свои документы и личные вещи я оставил в карманах одежды своего шурина, желая, чтобы его труп приняли за мой... Подождите!.. Я знаю, что это выглядит на первый взгляд невероятно, однако

сейчас вы все поймете... Я веду... точнее, вел... одно прибыльное дело — строил на свои средства дома, а затем продавал их. Ну, моим компаньоном был шурин... Мерибель... муж моей сестры...

Теперь она слушала внимательно, следя за движением губ рассказчика, как это делают дети, когда история их захватывает.

— Короче говоря... — продолжал Сэвр, — по вине Мерибеля мы оказались в серьезных финансовых затруднениях...

— А в чем его вина?

Сэвр с удовольствием заметил этот признак интереса к его рассказу. Вот именно! Да ему следовало еще с первых минут знакомства с Доминик признаться ей во всем. И тогда не пришлось бы терпеть столько мучений!

— Мой шурин, которого я считал человеком порядочным, на самом деле оказался обыкновенным мошенником. Он одни и те же квартиры продавал разным людям по нескольку раз... Это классический трюк... Но это кое-кто обнаружил... Некий Мопрэ, наш бывший служащий... Он хотел нас пошантажировать... А Мерибель не выдержал и выпустил себе в голову из ружья заряд дроби. Не знаю, представляете ли вы себе, что такое выстрел из ружья в голову...

— Замолчите! — пробормотала Доминик, пряча лицо в ладони.

— Вот тогда-то мне и пришла в голову мысль о подмене — ведь после всего этого я был разорен... Ничего другого, кроме как исчезнуть, мне не оставалось... Поэтому я должен был на время спрятаться в пустынном, заброшенном в это время года месте, где бы меня никто не смог увидеть... Вот таким образом я и оказался здесь, в этой квартире, расположенной в удобном для меня месте и вполне пригодной для жилья... Сестра должна привезти мне все необходимое для окончательного побега — одежду... и немного денег. Я вот только не подумал о том, что она, вероятнее всего, находится под наблюдением полиции. А моя версия прошла... Я следил за всеми событиями по телевизору... И пока моя смерть ни у кого не вызывает никаких сомнений... Но полиция все же разыскивает Мерибеля и, наверняка, полагает, что моей сестре известно, где он скрывается, так что, следя за ней, они смогут выйти на ее мужа. Она непременно приедет... Возможно, правда, что не раньше, чем завтра или послезавтра, как только ей

предоставится подходящий случай... Теперь-то вы мне верите?

Она опустила руки и посмотрела с взволновавшей его тревогой.

— Вы вполне можете рассказывать мне все, что вам взбредет в голову, я ведь все равно не могу ничего проверить, — возразила она.

— Клянусь вам, что это чистейшая правда. Рассудите сами: прежде всего этот дурацкий охотничий костюм, столь удививший вас, но теперь вполне понятный, банки консервов... Ведь, уезжая, я хватал все, что попадалось мне под руку... А вот еще одна деталь — моя электробритва! Понимаете, я забыл, что здесь напряжение в сети 220 вольт, а не 127, и, разумеется, сжег ее. Вот мне и пришлось отпустить бороду и усы. Хотите посмотреть на бритву? Она лежит там, в мусорнике, я могу за ней сходить.

Слова эти так и не убедили ее.

— Вы можете задавать мне какие угодно вопросы! — в отчаянии воскликнул Сэвр.

— Я, пожалуй, хотела бы поподробнее узнать об этом самоубийстве, — сказала Доминик, колеблясь. — Ведь человек не может вот так просто расстаться с жизнью, тем более, что ваш шурин не мог не знать, что в один прекрасный день все его махинации будут раскрыты.

— Минутку! Вы забываете, что это произошло совершенно спонтанно. Мы возвратились с ним с утиной охоты, он даже ни о чем и не подозревал... И потом, при этом присутствовала его жена... и я сам... Ведь эти тяжкие обвинения были предъявлены ему в нашем присутствии. Вот он, бедняга, и не выдержал...

— Странно однако!.. Ну, и как много денег он украл?

— Не знаю, вероятно, не один десяток миллионов.

— Но ведь он не признал своей вины?.. Или, может, вы поверили на слово какому-то шантажисту?

— Кто вам такое сказал?.. В том-то и дело, что Мерибель признал свою вину, вот только не пожелал назвать украденную им сумму.

— Ну, а если бы вас допрашивали полицейские, то вы рассказали бы им все то же, что и мне?

— Разумеется.

— Неужели вы полагаете, что они бы вам поверили? Лично я в этом очень сомневаюсь.

Сморщив лоб и машинально теребя кисточку диванной подушки, она пыталась вникнуть в суть услышанного.

— Это полиция, — продолжила она, — располагает воз-

можностью проверить ваши слова, у меня же такой возможности нет... Вот этим-то вы и пользуетесь. Кто знает, может, вы выдумали это самоубийство, чтоб произвести на меня впечатление и выставить себя в лучшем свете?

— Значит, по-вашему, я лгу?

— Не знаю, — ответила она устало. — С меня уже довольно всего этого!.. Вас... и ваших несчастий! Дайте мне спокойно уехать отсюда!

Крайне разочарованный, Сэвр опять попытался найти способ убедить ее.

— У меня имеются еще и другие доказательства, — вспомнил он вдруг.

Подойдя к столу, он вынул из ящика бумажник и обручальное кольцо Мерибеля, вернувшись, положил их на диван между ними.

— Ну и что? — спросила она. — Подумаешь, какой-то бумажник и обручальное кольцо... Это еще ничего не значит.

— Это его личные вещи, а на обручальном кольце выгравированы его инициалы. — Включив люстру, он взял кольцо в руки и, повернувшись к свету, прочел: — «М-Л в подарок Ф»... Это означает: Мари-Лор в подарок Филиппу... С указанием даты их свадьбы. Это тоже, по-вашему, выдумки?

Подняв на нее взгляд, Сэвр увидел, что ее лицо как бы одето в гипсовую маску ненависти, и внутренне ужаснулся.

— А может быть, вы просто украли эти вещи?..

Резко встав с места, она подошла к нему вплотную — так близко, будто бы намеревалась ударить его.

— Вначале вы убили его, а затем обокрали... Вот версия, в которую я склонна поверить куда охотнее.

Она вдруг упала на диван и забилась в рыданиях. Он же, исчерпав все свои аргументы, отчаянно пытался найти способ переубедить и уверить ее в своей правоте. Встав на колени, он протянул ей руки.

— Доминик... Послушайте меня... Ведь вы прекрасно осознаете, что вам не к чему меня опасаться.

Она подскочила, будто ее полоснули по лицу, и, грубо оттолкнув его, выбежала на кухню и закрылась там. Совершенно подавленный, Сэвр увидел в зеркале гостиной свое отражение, которое больше походило на приведение. Совершенно обессилев, он прислонился к стене.

— Доминик! Прошу вас! — отчаянно выкрикнул он, прижавшись губами к двери кухни. — Если бы я желал

причинить вам зло, то не стал бы мешкать так долго.

— Убирайтесь!

Подергав за ручку, он прналег на дверь плечом. Изнутри она не запиралась. Должно быть, Доминик заблокировала ее стулом или гладильной доской. Сэвр налег еще сильнее, и на несколько сантиметров дверь приоткрылась. Теперь он слышал, как она, стоя за дверью, глубоко дышала.

— Доминик... Опомнитесь... Может быть, я скомканно объяснил вам... Но я не хочу, чтобы между нами существовали какие бы то ни было подозрения... Я слишком дорожу вами, Доминик!..

О, господи! Что это он говорит! Однако эти слова уже струились из него, словно кровь из раны.

— Я люблю вас, Доминик!.. Вот... И я хочу, чтобы вы знали об этом... Мужчина, любящий вас, не способен на убийство... Вы можете, наконец, понять это?

Сэвр прислушался, Доминик замерла, словно напуганный зверек. Нужно было говорить опять, ни на секунду не останавливаясь, говорить что угодно, рассказывать ей все, что взбредет на ум, но только успокоить ее.

— Может, вы полагаете, что это я тоже придумал? Но коль уж вы знаете мужчин так хорошо, как претендуете на это, то вы должны были почувствовать, что я не лгу! Да, я действительно люблю вас!.. Быть может, это выглядит и глупо, и смешно... Но что я могу поделать?.. Взамен я ничего от вас не жду. Я хочу только, чтобы вы перестали подозревать меня... Клянусь вам, Доминик, я ни в чем не виновен! Абсолютно ни в чем!.. Факты пока действительно против меня. Но разве вам никогда не приходилось быть откровенной так, чтобы в это же время вам никто не верил?.. Вы знаете, какое это несчастье? Это худшее, что может быть, и вот именно это со мной сейчас и происходит... У меня, возможно, остался один, пожалуй, последний шанс, чтобы убедить вас... Я был так потрясен, что только сейчас вспомнил о нем.

Пошарив по карманам, Сэвр достал оставленное Мерибелем письмо. Его пальцы так дрожали, что вначале он уронил его, а потом все никак не мог развернуть.

— Вот, смотрите! Именно с этого документа мне и следовало начинать... Это его письмо... Его предсмертное письмо...

Доминик недоверчиво посмотрела в щель.

— Сейчас я прочту вам его, — сказал Сэвр.

«Я решил исчезнуть. В моей смерти прошу никого не

винить. Я приношу свои извинения всем тем, кому я нанес материальный ущерб, а также прошу прощения у моих близких». Подпись: «Филипп Мерибель».

— Покажите!

Она еще не сдавалась, однако уже соглашалась поддерживать диалог. Сэвр взял письмо за уголок и расположил его перед щелью.

— Так я ничего не вижу, — сказала Доминик. — Дайте мне его сюда.

— Тогда откройте мне.

— Вот видите! У вас на уме одни злые умыслы. Вы во что бы то ни стало хотите помешать мне защититься от вас!

— Вам не нужно защищаться от меня, Доминик, уверяю вас... Откройте мне...

— Сначала дайте мне прочесть письмо!

Немного поколебавшись, он все же просунул руку в щель, не выпуская письмо. Но она резко дернула его так, что бумага разорвалась. У Сэвра в руках остался лишь обтрепанный клочок. И тогда он изо всех сил навалился на дверь.

— Доминик! Умоляю вас... Это письмо может мне спасти жизнь! Это единственное доказтельство тому, что Мерибель покончил с собой!

— Отдайте мне ключи!

— Что?

— Отдайте мне ключи!

Он опять налег на дверь, и та еще немного подалась.

— Если вы войдете сюда, я порву это письмо!

Сэвру показалось, будто бы его сердце застряло где-то между ребрами. Вдруг он услышал чирканье спички.

— О, боже! Доминик!.. Вы что! Не смейте этого делать!..

И он с разбега вновь бросился на дверь. Послышался треск дерева. Теперь, поднатужившись, он почти мог протиснуться в кухню. Доминик подносила горящую спичку к краю письма. Пламя то лизало бумагу, то отдалялось. Сэвр пытался протиснуться между косяком и дверью, однако его толстая куртка, зацепившись за ручку двери, не пускала его.

— Не смейте, Доминик!

Охватив краешек письма, пламя вдруг резко поднялось вверх, к руке, державшей бумагу. От тщетных усилий у Сэвра на шее вздулись вены. Он видел, как разрастается черное пятно, пожиравшее написанные Мерибелем строчки.

Все! Он опоздал! Мускулы его ослабли, он слегка отступил и тем самым высвободил себя. Теперь ему казалось, что из него выжали всю кровь — до последней капли; письмо же превратилось в скрученный комок пепла и, отделившись от пальцев Доминик, упало и рассыпалось на множество кусочков, лежащих на полу, словно отпавшая кожа. Сэвр в отчаянии прислонился к стене.

— Ну, что, — спросил он, — теперь вы, наконец, довольны?!

Она медленно опустила руку, державшую письмо. Ярость мало-помалу сходила с ее лица. Она вначале закрыла глаза, а затем вновь открыла их, как бы пробуждаясь от глубокого сна.

— Вы не должны были провоцировать меня на этот шаг, — сказала она.

Приподняв стул за спинку, он поставил его перед собой, ноги уже не держали.

— Если меня вдруг арестуют, — пробормотал он, — я погиб. Вы только что подписали мне смертный приговор... А ведь я никого не убивал! — И с горьким смехом он добавил:

— Я на такое вообще не способен. Если бы я был тем, за кого вы меня принимаете, я бы задушил вас прямо тут же, на месте, и без малейших колебаний.

Опустив голову, Сэвр посмотрел на свои еще дрожащие руки и охрипшим голосом продолжал:

— Но поскольку это сделали вы, то я даже не сержусь... Вы по-прежнему хотите уехать отсюда?

Она подвинула к себе скамеечку: ее силы тоже были на исходе.

— Возможно, я ошиблась, — призналась она. — Но поставьте себя на мое место. Вы можете мне поклясться, что ваша сестра действительно должна вскоре приехать?

— Разумеется. Разве я могу лгать, находясь в таком положении?

— Тогда я дождусь ее приезда.

Она посмотрела на него, как следователь, изучающий своего подопечного.

— Видите ли... — продолжала она. — Вы ведь кажетесь теперь уже не таким уверенным в себе... Теперь я хочу, чтобы вы, но уже в ее присутствии, повторили все то, что только что рассказали мне... И если ваши слова окажутся правдой, то я попытаюсь помочь вам.

— Прежде всего, вы, конечно, попытаетесь ускользнуть. Вы ведь только об этом и думаете!

— А вы мне что, не доверяете?

Он кивнул на разлетевшийся по полу пепел.

— После того, что вы совершили, мне, пожалуй, трудно доверять вам.

Подавленные в равной мере, они оба замолчали, слушая шум дождя и ветра.

— Я понимаю, что за время общения с вами я совершила множество глупостей, которыми отнюдь не могу похвастаться, — сказала она. — И тем не менее я человек неплохой, и, если окажется, что вы того заслуживаете, я непременно помогу вам. Меня уже столько раз в жизни обманывали, что... Поэтому дайте мне возможность переговорить с вашей сестрой.

А в сущности, почему бы и нет?.. Сэвр задумался. Эта ее инициатива может оказаться лучшим выходом из положения; к тому же Доминик могла стать гораздо более ценным союзником, чем Мари-Лор. Она ведь свободно могла передвигаться повсюду, не вызывая подозрений, а ее присутствие здесь не требует никаких оправданий. И что самое главное — он не потеряет ее, во всяком случае, не сразу.

— Вы прекрасно понимаете, в каком я положении, — ответил он. — Официально я умер... Поэтому, я ни в коем случае не должен быть узнан.

— Да, я понимаю, — сказала она. — Самое сложное — это вывезти вас отсюда.

— Ну, оказав мне помощь, вы станете моей сообщницей.

— Это еще как посмотреть! Необходимо продумать все детали... Но пока об этом рано еще спорить! Давайте сначала дождемся вашу сестру.

Встав, Доминик достала из шкафчика веник и сдержанными осторожными движениями смела пепел, будто это была мертвая птица, хрупкие останки которой заслуживали уважения. Тем самым она показывала, что верит ему, хотя все же из-за желания проявить остатки гордости ничего и не говорила. Затем, приготовив скромный ужин, она накрыла стол на двоих.

— У нас уже заканчиваются продукты, — заметила она.

Это стыдливо произнесенное «у нас» тоже служило хорошим признаком.

— Завтра вы будете уже свободны! — отозвался Сэвр.

Однако, желая доставить ей удовольствие, тут же исправился.

— То есть... мы будем свободны!

Они наспех поели. Доминик, казалось была уже озада-

чена больше, чем он сам, но все же пока их согласие выглядело настолько хрупким, что Сэвр предпочел молчать. Он хотел было помочь ей вымыть посуду, но она жестом отстранила его. Чтобы доказать, что у него нет никаких дурных намерений, Сэвр пошел и включил телевизор. Когда Доминик бесшумно вошла в гостиную и остановилась у порога, как раз передавали местные новости. Было ясно, что она, еще не до конца веря ему, временно решила придерживаться нейтралитета. О происшествии в хижине не сказали ни слова. Сэвр выключил телевизор, а она еще какое-то время стояла не двигаясь, будто бы не заметила, что телевизор уже выключен. Она выглядела рассеянной и как будто даже отсутствующей, словно человек, узнавший плохую новость. Может быть, ее мучают угрызения совести за сожженное письмо? Сэвр чувствовал, что теперь она вовсе уже не думала, каким образом вырваться отсюда. Все стало гораздо сложнее: он не был для нее уже ни препятствием, ни проблемой и вообще ничем! После сцены на кухне он явно интересовал ее гораздо меньше. Может быть, она начала презирать его за те слова признания, которые невольно вырвались у него? Он так и не осмеливался спросить ее об этом. Вдруг Сэвр понял, что они начали смущаться друг друга. Она ушла к себе в спальню, а он пожалел, что те часы, когда они были врагами, уже прошли. Ветер ослаб. Как глупо потерять свой шанс в этот, без сомнения, последний вечер! Ведь сколько всего ему нужно объяснить ей!

Выйдя из гостиной, Сэвр нерешительно остановился в коридоре.

— Доминик! — позвал он ее. — Доминик... Я хотел бы...

Настаивать он, конечно же, не стал. Не стал он, как накануне, расхаживать по комнате и украдкой заглядывать в спальню. Лег на диване. Ночник по-прежнему кидал на ковер все ту же полосу света, но Сэвру уже ничего не хотелось...

Наступило утро. Начался новый, решающий день. Ветер, казалось, стих; было слышно, как с крыш комплекса капает вода. Утих и шум моря. Сэвр сел среди измятых за ночь подушек и вдруг увидел ее. Она сидела в кресле около телевизора, а ее пальто лежало у нее на коленях, как у пассажирки, ожидающей утреннего поезда.

— Доброе утро, — поздоровался Сэвр.

— Я уже больше не могу, — прошептала она. — Скорее бы все это кончилось! — В ее голосе вновь слышалось раздражение.

— У нас еще много времени, — сказал Сэвр и тут же пожалел о своих словах.

Чтобы показать свое расположение духа, он демонстративно открыл окно, из которого можно было наблюдать за приездом Мари-Лор. На улице шел теплый моросящий дождь, полностью скрывший пеленой центр пустыря и дома поселка. На море царил полнейший штиль.

— Да, вряд ли мы в такую погоду увидим, как она подъедет, — сказал Сэвр.

— Ох, —вздохнула Доминик, — хоть бы она поторопилась.

Вот так началось утро. Сэвр пошел приготовить чай и предложил его Доминик, однако та отказалась. С трудом сдерживая свое нетерпение, он был не в силах запретить себе ежеминутно подходить к окну.

Доминик стала наводить порядок в спальне; ее запакованный чемодан уже стоял у входной двери. Наступил полдень; они легко пообедали, так ничего и не разогревая, а затем она убрала кухню. Квартира постепенно обретала тот нежилой вид, в котором она находилась и прежде, и по мере того, как шло время, они чувствовали себя все более и более чужими по отношнию друг к другу. Сгустившийся моросящий дождь превратился в туман. С тех пор, как Сэвр отключил радиатор, в квартире стало прохладно.

— Ну, а шум машины мы сможем услышать? — спросила Доминик.

— Я не думаю, что сестра рискнет остановиться напротив блока, — сказал Сэвр. — Скорее всего, она оставит машину за земляной насыпью и придет сюда пешком.

— С чемоданом в руках?

Под этим вопросом, вероятно, подразумевалось, что Мари-Лор глупа, что вообще все это казалось Доминик глупым и что если она сидела здесь в ожидании, то только из чувства порядочности. Теперь же она, без сомнения, уже сожалела о том, что в какой-то момент поверила в невиновность Сэвра.

Сэвр прекрасно понимал, что если Мари-Лор не появится сегодня, то у него уже больше не хватит сил убеждать Доминик остаться здесь. Он сидел на диване, как вдруг она, не веря себе, произнесла:

— Кажется, это она!

Сэвр мгновенно подскочил к окну. Это действительно была Мари-Лор. Серая в тумане фигура склонилась под тяжестью чемодана.

— Подождите меня здесь, — крикнул Сэвр. — Я спущусь и помогу ей.

Он выскочил из квартиры, включил на площадке свет, протянул было руку к кнопке вызова лифта, но спохватившись, вернулся обратно и закрыл дверь квартиры на ключ. Когда он вернулся к лифту, то увидел, что кабина уже едет вниз. Мари-Лор, не знавшая, что он обитает на четвертом этаже, остановится, конечно, на третьем, там, где располагается квартира-образец. Пешком он уже не успеет спуститься к ней на первый этаж. Придется подождать. Сердце его в ожидании лифта бешено колотилось. Наконец, кабина достигла первого этажа. Сэвр сразу же нажал кнопку вызова, но двери лифта там почему-то долго не закрывались. Быть может, Мари-Лор никак не удавалось занести чемодан в кабину из-за этих слишком быстро закрывающихся автоматических дверей. Наконец лифт начал подниматься, и на табло замигала красная лампочка, указывающая этажи. Кабина шла плавно, без рывков и, наконец, остановилась перед ним.

— Ну, наконец-то ты приехала, — сказал он.

Дверцы открылись, и Сэвр увидел, что кабина лифта пуста...

Глава 9

Опустив вниз глаза, Сэвр увидел аккуратно стоящий у стенки лифта чемодан. Мари-Лор во всем сохраняла тщательность и аккуратность. Одно это делало ее отсутствие просто необъяснимым! Не вызвал ли он лифт слишком уж рано? Ведь бывает же, что люди еще только заходят в кабину, а лифт уже едет потому, что какой-то жилец преждевременно нажимает вызов. Ну, в таком случае Мари-Лор, вероятно, поняла, что он видел, как она направлялась сюда, и что он ждет ее здесь, наверху. Теперь осталось только спуститься к ней, на первый этаж. Зайдя в лифт и нажав кнопку, Сэвр посмотрел на этот незнакомый ему чемодан с двумя ремнями, туго сжимающими его бока... Подняв его, он сразу же отметил, что для женщины подобная ноша слишком непомерна. Должно быть, Мари-Лор сильно измучилась, пока дотащила его сюда.

Кабина остановилась и, распахнув дверь, Сэвр увидел пустой холл... Выйдя из лифта, он задрал голову вверх и посмотрел на темную винтовую лестницу, надеясь увидеть, как Мари-Лор поднимается по ней, однако на лестнице тоже не оказалось ни души...

Сэвр поспешно вышел из здания. Слева виднелась окутанная туманом дорога, а справа — невидимый из-за дождя сад. Прислушавшись, он не различил никаких подозрительных звуков, кроме шума водосточных труб и бульканья уходящей в землю дождевой воды. Тогда Сэвр решил пройти до портика: вероятно, Мари-Лор вернулась к машине, чтобы взять оставшиеся там чемоданы, а не видно ее из-за тумана. Или же... Он опрометью помчался обратно и поднялся лифтом на третий этаж. На лестничной клетке опять никого не оказалось, а ключей от квартиры-образца у Мари-Лор не было. Он опять помчался вниз, все больше и больше ощущая тревогу. Конечно, все это просто смешно! Мари-Лор сейчас объявится. Куда же ей деться?! Нужно только запастись терпением, буквально на пару минут. Но все же позвать ее или выйти на эспланаду Сэвр не решался.

Время шло, но Мари-Лор почему-то не появлялась... А может, она заметила за собой слежку и опередила полицейских, ровно настолько, чтобы у нее хватило времени только оставить чемодан и сразу же уйти? Тоже вполне вероятно. Скорее всего, так оно и есть... Ну, в таком случае она непременно приедет еще. Вот только когда?.. Значит, придется ждать... Опять ждать! Согласится ли на это Доминик?.. Как хорошо, что у него в руках есть этот чемодан, который послужит доказательством тому, что он не лгал ей. Весь продрогший Сэвр уже в который раз вошел в лифт и поднялся на четвертый этаж. Открыв дверь, он увидел Доминик в заметной тревоге и волнении.

— А я уже думала, что вы оба уехали, — сказала она.

Сэвр поставил чемодан на пол, а Доминик по-прежнему стояла перед открытой дверью.

— А где она?

Сэвр, подойдя к двери, закрыл ее на ключ.

— Не знаю... Я искал ее повсюду... Полагаю, что-то, видимо, возбудило ее подозрения и она уехала, успев, правда, оставить в лифте вот этот чемодан.

— Это что еще за новости? Очередные россказни?

— Это не россказни. Вы же своими глазами видели, как она шла сюда.

— Я видела, как сюда шла какая-то женщина, и ничего более.

— Так кто же, по-вашему, эта женщина, которая привезла мне белье, одежду?.. Это была Мари-Лор!.. Сами подумайте!

Взяв чемодан, он отнес его в гостиную и положил на

стол. Чемодан оказался совсем новым, и от него еще пахло кожей. Сэвр принялся расстегивать ремни.

— Если за ней следили, то ей ничего другого не оставалось... И потом ее, бедняжку, так легко напугать!

Большими пальцами он нажал на замки, и металлические защелки с шумом отскочили.

— Что это она мне здесь привезла? Иногда у нее появляются нелепые идеи!..

Сэвр поднял крышку чемодана. Недовольная и подозрительная Доминик, стоявшая несколько позади, подошла поближе. Вначале ни он, ни она не могли понять, в чем же дело: чемодан оказался заполненным маленькими, стянутыми резинками пачками с изображениями каких-то картинок... Бесконечно повторяемое лицо мужчины в парике...

— Боже мой! — прошептал Сэвр.

— Банкноты по пятьсот!.. — пробормотала Доминик.

Сэвр отшатнулся от чемодана, словно от груды копошащихся червей. Затем, рассердившись, он перевернул чемодан и вытряс из него все содержимое. Пачки грудой свалились на пол, а некоторые отлетели аж под кресла.

— Но... — начала Доминик, — где же одежда?..

Одежды в чемодане действительно не оказалось, одни лишь деньги. Взяв с полу одну из пачек, Доминик пересчитала: в ней оказалось десять банкнот. А сколько же здесь пачек?.. С первого взгляда десятки сотен...

— Я не понимаю, — Сэвр присел на корточки. — Это абсурд какой-то!

Носком туфли Доминик подвинула к куче пачку, отлетевшую дальше других.

— Не стройте из себя святую невинность. Это деньги ваших клиентов, и вы присвоили их...

— Кто, я?!

— А я еще, глупая, поверила ему! Да! Вы отлично разыграли эту сцену! Эта Мари-Лор — ваша сообщница! Ну, что, не так?.. А теперь вы предупредили ее, что здесь нахожусь я, а вот сейчас разыгрываете удивление, будто не понимаете, что случилось... Вы что же, оба принимаете меня за дурочку?!

— Но послушайте, Доминик!.. Я совершенно не знаю, что это за деньги и откуда они взялись! Мне даже неизвестно, сколько их здесь!

— Вы лжец и обманщик!.. Вы убили свою сестру! Я давно была в этом уверена. А письмо, вы подделали! Ах, как я была права, не доверяя вам!

Чтобы оказаться вне его досягаемости, она спряталась за кресло.

— Но меня, меня уже вам не удастся заставить замолчать. Я отомщу. Клянусь вам... Меня-то уж вы не проведете!

Стоя одним коленом на полу, словно обессилевший боксер, Сэвр уже не мог подняться. Все еще держа в руках одну из пачек, он тупо уставился на нее.

— Зачем бы я тогда поднимался сюда обратно? — спросил он. — Ведь я просто-напросто мог сбежать, и все. Вы говорите глупости.

Доминик, закрыв голову руками, вдруг разрыдалась. Тяжело поднявшись и отбросив пачку обратно в чемодан, Сэвр подошел к Доминик.

— Прошу вас, перестаньте, — спокойно сказал Сэвр. — Нам сейчас не время ссориться...

— Возможно... Только не пытайтесь меня убедить в том, что человек, обладающий подобным состоянием, может покончить с собой.

Удивленный замечанием Доминик, Сэвр призадумался.

— В тот момент он просто потерял голову, — медленно ответил он. — Другого объяснения я пока не нахожу... Даю вам честное слово, что удивлен содержанием чемодана не меньше вас. Здесь ведь... я даже не знаю... нужно было бы посчитать... никак не меньше четырехсот или даже пятисот миллионов... Я и не подозревал, что ему удалось украсть так много... Веротно, он готов уже был исчезнуть, бросив нас, меня и Мари-Лор... Теперь, когда я вижу перед собой эту сумму, мне кажется это вполне логичным. А приезд Монрэ спутал все его карты.

— Но за пятьсот миллионов можно и убить!

— Вы что же, хотите сказать, что я, его шурин, и Мари-Лор —кстати, не забывайте, что она все-таки ему жена, — совершили преступление?! Вы полагаете, что я, жертвуя всем своим положением, пошел на подобный риск, чтобы завладеть миллионами, которые мне еще не удалось переправить за границу?! Он — это совсем другое дело! Ему-то ведь терять было нечего!

— Ну, допустим, — сказала она. — Но тогда эти миллионы... вы намерены их вернуть?

Сэвр понизил голос.

— Я мог бы это сделать, если бы вы не сожгли письмо Мерибеля. А теперь, по вашей вине... Я не в силах доказать свою невиновность.

Почувствовав, что это для него действительно удар судьбы, она перестала нападать.

— Я тоже тогда потерял голову, — продолжал Сэвр. — Именно по моей вине и заварилась вся эта каша. Но если даже вы не верите мне, хотя я спокойно все объяснил вам, то кто же мне тогда поверит?!

— Вы можете поклясться, что не видели своей сестры?

— Да говорю же вам, что этот чемодан я обнаружил в лифте! Вот и все. Она поставила его туда и тут же уехала.

— Но он ведь мог попасть в руки кого угодно.

— Не забывайте, что мы здесь совершенно одни.

— Все равно, странно. Она должна была увидеться с вами, ну, хотя бы на несколько секунд. Кто же это везет такую сумму, чтобы потом оставить ее в лифте?

— В принципе, я согласен. Это действительно кажется странным, потому что мы не знаем, что произошло на самом деле. Но когда она нам объяснит, что произошло, то все станет на свои места.

— А если она не вернется?

— Не говорите глупости!

— Но вы ведь предполагаете, что она приехала сюда, подвергаясь риску? В следующий раз она тоже будет рисковать, и так ей придется откладывать свой приезд со дня на день... И что тогда?.. До каких пор вы намерены держать меня здесь?

Чтобы показать ей, что у него нет никаких дурных намерений и что он в таком замешательстве, как и она, Сэвр присел на край дивана.

— Вчера, — сказал он, — вы предложили мне свою помощь.

— Да, но это было вчера...

— Но ведь сегодня не произошло ничего такого, что могло бы заставить вас передумать! Прошу вас, подождите еще сутки!

— А что будет потом?.. Почтенный месье Сэвр улизнет за границу, прихватив с собой наворованные денежки? Другого пути у вас нет. Вам остается либо сдаться полиции, либо удирать. В полицию, разумеется, вы не собираетесь, а значит, если придерживаться логики, вам остается только бегство. А так как вы нуждаетесь в деньгах...

— Да не об этом же речь! — возразил Сэвр. — Я хочу, чтобы моя сестра рассказала вам обо всем, что она видела и слышала в охотничьем домике. Что будет со мной потом и как сложится моя судьба, я еще не знаю, но я ни в коем

случае не хочу выглядеть в ваших глазах... злоумышленником, негодяем... Вчера я сказал вам такое личное... Доминик... Мне, пожалуй, следовало бы оставить это все при себе. И тем не менее, все, что я сказал, — правда, и я действительно дорожу отношениями с вами. Может, это покажется вам глупым... Но я прошу вас подождать. Ну, что для вас решают какие-нибудь двадцать четыре часа?

— А чем мы будем питаться?

Значит, она уже согласна! Она решила еще раз поверить ему на слово. Какое-то время он молчал, чтобы не вспугнуть ее.

— Я принесу продукты со склада магазина, — пояснил Сэвр. — Там достаточно продуктов.

— Ну, тогда, если хотите поужинать, идите туда прямо сейчас.

Она по-прежнему стояла за креслом.

— Вы все еще не доверяете мне?

— Я человек осторожный, — ответила она.

— А где моя сетка?

— На кухне в шкафчике.

Взяв сетку, Сэвр вышел в коридор, но перед уходом еще раз заглянул в гостиную: Доминик стояла на прежнем месте. Выйдя из квартиры, он закрыл дверь и сел в лифт. Проблема, затронутая Доминик, уже не давала ему покоя. Так сдаться полиции или все же уехать?.. Вероятнее всего, в обоих случаях его ожидает тюрьма. Украденная Мерибелем сумма оказалась столь значительной, что он даже подумывал: а не оставить ли все себе? В это мгновение он почувствовал себя виновным. Пятьсот миллионов!..

На улице потемнело: включив фонарик, он напрямую пошел за ключами в агентство, а затем уж спустился в гаражи. Увидев там оставленный им беспорядок, он слегка удивился и решил прибрать разбросанные повсюду консервные банки. С первого взгляда Сэвр заметил, что он здесь-таки похозяйничал, и в душе укорил себя за это. Затем, взяв консервы с тушеным мясом, он решил, что ему вовсе ни к чему набирать продуктов больше, чем на сутки... Правда, он так и не знал, что ему делать в случае, если Мари-Лор не объявится, но жить по-прежнему, разумеется, было уже невозможно. Осмотревшись по сторонам в поисках других продуктов, Сэвр увидел большую картонную коробку, которую раньше, в первый раз пребывания здесь, не заметил. На дне этой распотрошенной коробки он обнаружил... целых три банки кофе. Кофе! Сэвр тут же бросил их в сетку и начал шарить фонариком по всем

закоулкам в поисках других банок... Но ничего больше так и не нашел. И как это он не заметил эти банки с кофе еще в первый свой приход? Должно быть, тогда он находился в состоянии крайнего возбуждения! Он уже предвкушал две испускающие аромат чашки кофе... А может быть, Доминик со своей находчивостью все же подскажет, что ему делать?.. Пятьсот миллионов!.. И как это только Мерибелю удалось?

Отнеся ключи обратно в агентство, Сэвр поспешно отправился домой. Все же не стоило ему оставлять Доминик с такой кучей денег. И как он только решился?!. Пачки вроде лежали нетронутыми. Когда он вошел, Доминик даже не смотрела на них. Открыв свой чемодан, она что-то укладывала туда.

— Я принес кофе, — с гордостью сообщил Сэвр. — Предлагаю сначала выпить кофе, а потом уже готовить ужин.

И он протянул Доминик сетку. Та сперва было протянула руку, но затем отдернула ее.

— Отнесите это на кухню, — сказала она. — Я сейчас закончу. Может быть, это смешно, но мне бы не хотелось, чтобы вы ко мне приближались... Я знаю, конечно, что вы вовсе не виноваты... Временами я в этом почти уверена... Но все же мне бы хотелось... Понимаете, это просто невозможно объяснить.

Он ошибся: она все еще не верит ему!

Доминик сварила кофе и выпила свою чашку на кухне, в то время, как он ждал своей очереди в гостиной. Затем уже без всякого удовольствия Сэвр пошел и выпил свой кофе; он был крайне задет и удручен. После этого, сидя друг от друга на значительном расстоянии, они поужинали Она не спускала с него глаз, будто он был диким зверем с непредсказуемыми реакциями.

— Я уже видел такое, кажется в цирке, — съязвил он.

— Я тоже, —ответила она. — Именно такое!

Она принялась за мытье посуды, а он пошел в гостиную, где, поглядывая на пачки денег, стал покусывать пальцы. Что делать? Чем хоть немного заслужить ее доверие? Поскольку ему ничего не приходило в голову, он принялся складывать пачки обратно в чемодан и одновременно пересчитывал их. Всего оказалось 980 пачек.

— Ну, и сколько? — спросила она.

Он поднял голову. Она стояла перед дверью спальни и не выражала ничего, кроме естественного любопытства. А может быть, она просто притворяется?

— Без малого пятьсот миллионов, — ответил он. — Я на его месте не стал бы хранить так всю сумму. Мог бы найти способ и рассредоточить их. Глупо хранить такой вес!

— Каждый любит деньги по-своему, — возразила Доминик. — Спокойной ночи.

Войдя в спальню, она плотно прикрыла дверь, что на этот раз вовсе не огорчило Сэвра. Он уже не знал — любит ли он ее или ненавидит, хочет ли ударить или сжать в своих объятиях; он так и не знал толком — предложить ей разделить вместе с ним эти миллионы или же удрать одному, словно вору, выслеженному полицейскими.

Сэвр слегка подтянул пояс. От кофе и консервов хотелось пить; он пошел на кухню и там залпом осушил два стакана воды, а когда вернулся, то заметил, что дверь спальни осторожно прикрывается. Она держалась начеку, вероятно, опасаясь, как бы он не удрал, оставив ее здесь пленницей. Он почти вплотную подошел на цыпочках к двери спальни. Ему показалось, что он слышит ее дыхание по ту сторону двери. Пожалуй, они оба так и не смогут заснуть: он и она мучились одними и теми же вопросами...

...На следующий день, лишь только рассвело, Сэвр открыл окно и увидел очередное серое и унылое утро. В принципе Мари-Лор могла прибыть в любую минуту. Приготовив кофе, он прокричал в дверь спальни:

— Я приготовил завтрак! Вы можете выйти!

— Отойдите от двери, — ответила она.

Ну, вот, опять начинается эта идиотская комедия. Сэвр встал возле окна и даже не оглянулся, когда она проходила через гостиную. Прилив был до того сильным, что море, казалось, билось о самое подножие здания; из окна отчетливо слышалась каждая волна, с силой обрушивающаяся на берег, а затем долго и не спеша откатывающаяся назад с шумом, напоминающим шум едущего лифта. Поселок спал.

— Я уже готова, — сказала за его спиной Доминик.

Вновь началось ожидание, молчаливое, мучительное ожидание. Он старался не смотреть в сторону стоящих бок о бок чемоданов, однако все его мысли были заняты лишь этим огромным чемоданом с деньгами.

«За пятьсот миллионов можно и убить», — сказала она ему вчера. Интересно, а на что она сама могла бы пойти ради такой суммы? Они прислушивались ко всем звукам. Кругом стояла тишина, они услышат шум подъезжающей машины, даже если Мари-Лор остановилась бы на эксплападе. Временами откуда-то издали доносился шум мотора.

Что это? Десятичасовой автобус?.. Может, булочник?.. В полдень Доминик уже потеряла терпение:

— Она не вернется, вот попомните мое слово!

Сэвр ничего на это не ответил. Да и к чему отвечать? Они ведь прекрасно знали, что теперь уже не смогут уйти отсюда поодиночке и что им необходимо совместно доставить деньги в безопасное место. Если уйдет он, то его немедленно арестуют, а если он отпустит ее, то она тут же донесет на него. И только совместные усилия, несмотря на взаимное недоверие, все же могли бы привести к успеху... При условии, разумеется, что они дождутся наступления темноты. А там будет видно по обстоятельствам. А вдруг Мари-Лор не придет?! Да что это все за глупости лезут ему в голову. Ему захотелось перекусить. Все равно что, какое это имеет значение?..

В час дня Сэвр, чтобы хоть как-то развеять эту невыносимую тревогу, включил телевизор. Услышанное ими было подобно удару грома:

«Дело с самоубийством Жоржа Сэвра вспыхнуло с новой силой. Сестра Жоржа Сэвра, который покончил с собой несколько дней тому назад, Мари-Лор Мерибель сегодня ночью была найдена в двух километрах от Пириака на обочине в перевернутой машине. Проезжавший мимо шофер грузовика, заметив аварию, вызвал полицию. Похоже, что несчастная женщина не вписалась в поворот. Полиция проводит расследование».

Сэвру показалось, что он в течение этих последних дней медленно, ступенька за ступенькой, спускался вниз по темной лестнице, даже не подозревая, какой ужасный удар ожидает его внизу. «Так что это — конец?! Неужели все пропало?! Неужели нет никакого другого выхода?!» Если бы он был здесь один, то наверняка упал бы на пол и в приступе отчаяния катался по нему. Но рядом сидела Доминик, поэтому он только сказал:

— Вот видите!

Сраженная известием, Доминик пыталась нащупать ручку кресла, но скорее упала в него, чем села.

— Я говорил вам всегда только правду, — добавил он. — Однако я никак не могу понять: почему она не вписалась в поворот? Ведь эту дорогу она знала как свои пять пальцев!

По идее Доминик должна была бы немедленно потребовать у него ключи — ведь она использовала уже все способы, чтобы завладеть ими. Но теперь, когда свобода лежала у ее ног, она почему-то не двигалась с места. Она

ничего уже не требовала и вообще ничего не говорила. Сэвр до того был удивлен ее поведением, что даже забыл о глубине своего горя, а кроме того, он чувствовал себя слишком усталым для того, чтобы затевать очередной спор. Раз уж она осталась сидеть здесь рядом с ним, значит, поняла, что заблуждалась, подозревая его. Она становилась его союзницей, и, возможно, он даже мог бы рассчитывать на ее помощь. Немного погодя она вышла в кухню, а вернулась с чашечкой кофе для него.

— Вы любили свою сестру? — спросила она.

— Думаю, что да... Иначе мне не было бы так горько... А ведь именно я и посоветовал ей выйти замуж за Мерибеля... Так все и закрутилось... Она была бы сейчас еще жива, если бы не этот чемодан... Да и в ее смерти я тоже виноват.

— Причем тут вы! — возразила она. — Не нужно валить все в одну кучу... Во всем виноват ваш шурин. Но что сделано, то сделано. Мы сумеем уехать отсюда вдвоем... Да и выкрутиться сумеем — мне не привыкать. А вам пока что не мешало бы отдохнуть.

Они ждали, когда выйдет в эфир местный выпуск новостей. Мало-помалу Сэвр обретал дар речи. Теперь ему хотелось безостановочно говорить и говорить о Мари-Лор. Она ведь, бедняжка, так никогда и не была счастлива! Да и замужество оказалось тоже неудачным. Мерибель обращался с ней, как со служанкой, а она, всегда преданная и любящая, никогда ни на что не жаловалась... Доминик слушала его с почти болезненным вниманием.

— А она никогда не думала о разводе?

— Нет. Она смирилась со своим положением, ведь она обожала Мерибеля. В нем чувствовалась такая жизненная сила, такая животная радость жизни, которая одолевала любое препятствие или проблему. Теперь я понимаю, почему ему удалось одурачить стольких людей. Если бы вы знали его, то увлеклись бы им так же, ка и мы все. Я думаю, что он все же не стал бы тогда раздумывать только потому, что был по натуре человеком достаточно резким.

— Ну а что толкнуло вас на подобную мистификацию и подмену? Вы кажетесь человеком скрупулезным и даже немного... извините меня... немного скованным условностями... Что же толкнуло вас на такое решение?.. Ведь вы же совершили довольно неординарный поступок.

— Сам не знаю. В некоторые моменты причины, побуждающие нас действовать, совершенно не осознаются нами!.. Иногда я даже задаюсь вопросом: а не подтолкнул

ли меня на это решение сам Мерибель? Не завидовал ли я ему в глубине души? Думаю, я тоже был бы не прочь, как бы это сказать, ну... иногда все же следовать своим желаниям, удовольствиям, а не только чувству долга... Улизнуть от ярма ежедневных забот, вы понимаете меня?

— Понимаю ли я?.. О, еще как понимаю!

— Вот поэтому... когда вы появились здесь...

— Хорошо, хорошо отдыхайте... Мне необходимо обдумать это все.

Она подошла и закрыла окно, теперь им некого было ждать, затем помыла и убрала посуду. Сэвр погрузился в какое-то оцепенение, испытываемая им печаль уже вовсе не шла ему во вред. Худшее уже позади. Информационный выпуск добавит к новости лишь излишние комментарии. Когда Доминик включила телевизор, он все еще лежал на диване. Однако вскоре он приподнялся на локте, а затем и вовсе встал.

«Неожиданный поворот в деле о самоубийстве Сэвра... Сестра покойного Мари-Лор Мерибель вовсе не погибла в катастрофе, а была убита...» Уверенный в произведенном на аудиторию эффекте, диктор не спеша поправил лежащие перед ним листки и сцепил пальцы. Его глаза, казалось, следили за Сэвром, да и говорил он лишь для него одного.

«...Быстро и умело проведенное комиссаром Шантавуаном расследование привело к следующему выводу: погибшая сначала была убита, а уж затем доставлена на то место, где была обнаружена машина. Обследование машины не оставляет никаких сомнений, что она была вручную столкнута в кювет. Если бы машина ехала с обычной скоростью, то повреждения кузова оказались бы гораздо более значительными. Кроме того, удар, убивший мадам Мерибель, пришелся немного ниже правого уха — иными словами в место, которое не могло быть повреждено, когда тело по инерции подалось вперед, а голова ударилась о ветровое стекло. К несчастью, состояние дороги не позволяет обнаружить какие бы то ни было следы. Есть предположение, что машина ехала из Нанта. Однако убийца вполне мог пригнать машину из Пириака, а затем развернуть ее в обратном направлении с целью запутать следствие...»

На экране показалась наполовину залитая дождем лежащая в грязи кювета машина Мари-Лор. Вокруг виднелись лишь одни поля — унылый пейзаж Триера под мертвенным небом.

«В связи с этим событием, правомерно поставить под сомнение ранее известные следствию факты, — продолжал диктор. — В настоящее время мы не располагаем какой бы то ни было дополнительной информацией, однако можем сообщить, что прокурор уже отдал приказ об эксгумации Жоржа Сэвра. Завтра будет произведено его повторное вскрытие...»

— Этого и следовало ожидать, — прошептал Сэвр.

«...И действительно, ведь теперь мы вправе задаться вопросом: а не был ли убит Жорж Сэвр так же, как и его сестра? Я полагаю, нет нужды добавлять, что данная новость произвела всеобщее потрясение...»

Сэвр выключил телевизор.

— На этот раз, — сказал он, — это уже точно конец. А когда станет известно, что погребенный труп принадлежит не мне, то все кинутся искать меня!

Он посмотрел на Доминик. Ее лицо выражало ужас.

— А ведь ваша сестра была убита здесь, — прошептала она. — Здесь... Вы понимаете?

Глава 10

Скорее всего она была убита именно здесь!.. Они всю ночь отрабатывали эту версию. Теперь не могло быть и речи о том, чтобы предпринять вылазку. Прежде всего — осторожность. А она требовала от них как ожидания очередной телевизионной информации, так и принятия мер предосторожности... У них уже не было никаких сомнений, что в комплексе, кроме них, находится кто-то третий... На этот счет Сэвр располагал множеством доказательств. Вот взять хотя бы включенные счетчики... Что это, забывчивость матушки Жосс или же?.. А исчезнувшее из квартиры Блази одеяло?.. А изобличающий беспорядок на магазинном складе?.. Возможно, даже будильник... Хотя вряд ли... А впрочем, почему?.. Ведь неизвестный тоже имел доступ в агентство к ключам. Значит, он практически мог запросто зайти туда, куда хотел. Думая о той тени, которая, возможно, следила за ним и в данный момент бродила по лестницам и коридорам, Сэвр весь леденел от ужаса. Они уже перебрали с Доминик множество версий, каждый раз понижая голос — ведь их могли подслушать!

— Это дело рук клошаров, — настаивал Сэвр. — Они всегда околачиваются возле строек.

— Но ведь здесь уже нет стройки.

— Сейчас нет, а весной должна открыться. Материал

уже завезен и лежит с другой стороны здания, так что, заходя сюда, вы не смогли его видеть.

— Ну, а откуда же здесь они?

— Трудно сказать... Вероятно, из Сен-Назера. Большинство из них — это ничтожные, безобидные людишки, опустившиеся и отупевшие от постоянного пьянства... Зимой они прячутся по щелям, словно крысы. Нет ничего удивительного в том, что один из них, наиболее смышленый, решил, что можно неплохо перезимовать в этом доме, пустующем в такую пору.

В этом действительно не было ничего удивительного, однако оба прекрасно понимали всю хлипкость подобной версии.

— А зачем это клошар стал бы убивать ее?

То Доминик, то Сэвр по очереди задавались этим вопросом. Действительно: зачем? Может, Мари-Лор застала его врасплох? Но Сэвр, стоявший на площадке четвертого этажа в тот самый момент, когда Мари-Лор стояла на первом, перед лифтом, не слышал никакого шума. Если бы внизу завязалась драка или просто началась какая-то возня, будь то топот ног или шум разговора, он непременно бы услышал — ведь в холле все разносилось эхом. Да и к тому же нападающий завладел бы прежде всего чемоданом.

— Это еще неизвестно, — возразила Доминик. — Представьте себе, что он появляется в тот момент, когда ваша сестра уже поставила чемодан в лифт. У него просто не хватает времени вытащить его оттуда — ведь вы сразу же вызвали кабину, как только дверь лифта закрылась... Здесь, по-моему, все ясно.

— Однако Мари-Лор наверняка позвала бы на помощь.

— Позвала бы, если бы он ее не оглушил. Потом унес и спрятал тело. А вы в это время стояли и ждали наверху и, разумеется, помешать ему никак не могли.

Ладно, допустим. Ну, а как он догадался отнести тело в машину?.. Ведь клошарам просто не под силу сразу же придумать такой эффективный выход из положения: проехать через поселок, пусть даже ночью, найти место, где можно имитировать несчастный случай, а затем развернуть машину в обратном направлении тому, в котором она ехала... Нет, все это слишком уж сложно для простого клошара...

Но особенно Сэвра тревожило то, что из-за смерти Мари-Лор его дело вспыхнет с новой силой. Он не питал на этот счет никаких иллюзий: вскрытие, разумеется, по-

кажет, что труп принадлежит Мерибелю. А какие полиция сделает из этого выводы, догадаться вовсе нетрудно. Кому же еще было выгодно сойти за умершего, как не убийце обоих супругов? А поставленный им спектакль будет расценен, как неопровержимое доказательство его вины. Он поделился с Доминик и этими сомнениями.

— Возможно, — отвечала она, пытаясь ободрить его. — А вы уверены в том, что вскрытие все же даст какие-либо результаты?

— Абсолютно уверен, — не задумываясь, отвечал Сэвр. — Я еще и раньше был полностью уверен, что из этого у меня ничего не выйдет!

Он расхаживал перед Доминик, желая во что бы то ни стало доказать ей, что он проиграл и что шансы на спасение практически нулевые.

— До неузнаваемости обезображенное лицо трупа, — продолжал он, — в конце-концов всегда зарождает подозрения. Рано или поздно истина всплывает на поверхность. Не смерть Мари-Лор, так что-нибудь другое наверняка возродило бы это дело. Только, видите ли... я никак не могу понять одну вещь. У меня такое впечатление, что Мари-Лор специально убили для того, чтобы снова возродить это дело.

— Но ведь то, что вы говорите, лишено всякого смысла!

— Я знаю...

И они вновь принимались за обсуждение версии о клошарах. Но одна за другой каждая деталь этой версии приводила их к ее же отрицанию: это никак не мог быть обычный клошар, на такие действия он не способен!.. Сэвр мог часами напролет пережевывать одни и те же аргументы, а Доминик уже закрывала в изнеможении глаза.

— Вы ведь прекрасно понимаете, в каком затруднительном положении я нахожусь. Если предположить, что я убийца, значит, мне еще не удалось выбраться из нашего департамента. Обнаружив машину Мари-Лор, комиссар Шантавуан, разумеется, отдал приказ вести наблюдение за всеми дорогами и вокзалами... Вы согласны?

Кивком головы она показала, что слушает его, что она еще не заснула.

— Одно самоубийство — дело, в принципе, пустяковое... Сугубо для него одного — я говорю о Шантавуане. Но вот два убийства!.. Он ведь поднимет на ноги всю полицию. Так что проскочить мне, пожалуй, не удастся... Оставаться же здесь вместе с этим способным на все человеком... ну,

просто невозможно. Теперь я даже не смогу выйти на склад за продуктами.

— Перестаньте истязать себя.

— Да я только лишь рассуждаю.

— Ваша беда в том, что вы слишком много рассуждаете. Вы, вероятно, утомляли своих ближних, и я вовсе не удивляюсь, если...

— Что «если»... Впрочем, вы правы. Я привык взвешивать все «за» и «против»... Помнится, однажды...

Рассказы о прошлом просто выплескивались из него наружу. Сам того не желая, он говорил, словно находился на приеме у психиатра. В конце концов Сэвр заметил, что Доминик уснула. Ему даже показалось, что он сам рассказывал все во сне. Сэвр больше уже не мог выдерживать всего этого. Бесшумно проскользнув на кухню, он принялся пить воду, не в силах погасить в себе огонь, горящий в нем с тех пор, как он узнал о смерти Мари-Лор. Вернувшись обратно, он сел возле Доминик и стал рассматривать спящую. Итак, она перестала находиться в обороне, поняв, наконец, что он невиновен. Ему удалось убедить ее в этом. Не лучше ли сейчас дать ей возможность уйти отсюда? Ведь если ее арестуют вместе с ним, то она только понапрасну будет подвергаться подозрениям. Кто поверит в сожженное письмо? А если полиция узнает, что он насильно держал ее здесь в течение многих дней? Ведь он даже не помнил, как долго она находилась здесь. В этом случае он будет выглядеть еще более виновным! Понапрасну он тратил силы, лихорадочно ища выход из создавшегося положения, — выхода не было!

Ему, вероятно, припишут всевозможные гнусные мотивы, обвинят в убийстве шурина и сестры, а мотивом будет нежелание разделить между всеми награбленные деньги... Из него сделают монстра, даже не осмотрев и не изучив внимательно весь комплекс и окрестности, не опросив местных бродяг... Руки спящей Доминик разбросаны, как лепестки каких-то странных цветов. Сейчас она находилась далеко от него. А, может, ей снятся другие мужчины? Она одна лишь могла спасти его... Доминик! Он начал шептать ее имя потому, что тишина уже становилась невыносимой. «Доминик!.. Я сказал тебе, что люблю тебя... Возможно, это неправда, ведь я еще никого и никогда не любил, но этому я научился именно здесь... Я не хочу, чтобы у тебя из-за меня возникли неприятности... Ты уедешь... А я буду вспоминать твой гнев, твое презрение и твою жалость... Это и так уже много! Начиная с этой ночи, я проведу сотни

других, тюремных, ночей. У меня о тебе останутся лишь воспоминания. Я смотрю на тебя... хотя меня уже нет в живых!»

Ему необходимо было продлить этот момент, задержать пришедшие из глубины души истины, которые, возможно, уже вот-вот сформировались, если бы в его голове все не перемешалось. Сэвр почувствовал крайнюю степень усталости и стал медленно погружаться в небытие. Открыв глаза, он увидел Доминик, стоящую над ним и всматривающуюся в его неподвижное лицо. А может, он так ни в чем и не переубедил ее?.. Его вдруг озарило:

— А ведь я бы мог с кем-нибудь договориться, чтобы мою сестру убили... Кто знает, не скрывается ли где-нибудь поблизости мой сообщник?.. Признайтесь, что вы думаете сейчас именно об этом?

Помолчав в нерешительности, она лишь пожала плечами.

— Я, — продолжил он, — очень много размышлял. Если следствие установит, что труп принадлежит Мерибелю — а мы об этом скоро узнаем, — то я пойду и сдамся властям. Здесь, в поселке, кстати, есть полицейский участок.

Но она вновь пожала плечами.

— А впрочем, — продолжал он, — будет гораздо лучше, если вы сами позвоните в полицию перед своим отъездом и сообщите им, где я нахожусь. Вы даже сможете и не назвать себя. Да, так, пожалуй, будет лучше, ибо другого способа избавить вас от неприятностей я не вижу.

— За кого вы меня принимаете? — спросила она. — Я находилась здесь, когда убили вашу сестру, и собираюсь давать свидетельские показания, защищая вас. Вы что же, воображаете, что я могу вот так вот просто сесть в самолет и улететь, предоставив вам выпутываться самому?

— Я не хочу, чтобы вы оказались замешанной в этом деле.

— Вы уже и так меня в него втянули. Тем хуже для вас.

— Посмотрим.

— Да, уже насмотрелись.

Сэвр встал с места. У него немного закружилась голова. Выйдя в вестибюль, он достал из кармана ключи и вставил их в замочную скважину.

— Отныне вы свободны, — сказал он. — Я оставил ключи в двери.

— Спасибо, но я как-то не тороплюсь... Хотите кофе?

Значит, она так и останется навсегда противником? Ку-

да только делся ночной покой? Сэвр готов был уже взять чемодан и идти в полицию, но надежда на то, что волею какого-нибудь небывалого случая вскрытие не даст никаких результатов, все же удерживала его.

Доминик предложила ему чашку ароматного кофе, которую он взял почти нехотя. Ожидание продолжалось. Чтобы дать ему понять, что она никуда не намерена уходить, Доминик удобно расположилась на диване. Однако он уже не хотел благодарить ее за то, что она отказывалась уезжать. Он видел перед собой полицейский участок, пишущую машинку, отбивающую ее заявление, и полные намеков и двусмысленностей взгляды полицейских, украдкой бросаемые на Доминик. Ему казалось, что он уже видит заголовки местных газет. Чем больше Доминик будет защищать его, тем больше будут возмущены его бывшие друзья и клиенты. Но как это объяснишь женщине, открыто пренебрегающей общественным мнением?

Он включил телевизор задолго до начала передачи. Тошнота подступала к горлу. Доминик же сохраняла полнейшее спокойствие, будто уже заранее все знала. Едва она повернула голову, как диктор произнес:

«Дело Сэвра вспыхнуло с новой силой. Из Нанта нам сообщают, что погребенный труп якобы Жоржа Сэвра принадлежит не ему. Полиция воздерживается от заявления, однако вывод напрашивается сам собой: раз труп принадлежит не Сэвру, то, вероятно, Мерибелю, которого все считали сбежавшим. Вероятно, Сэвр сперва убил своего шурина и компаньона, а затем уже избавился и от сестры. Следствие продолжается. Полиции следовало бы поторопиться с арестом преступника...»

— Ну, вот! Так-то будет лучше, — сказал Сэвр. — А вы, Доминик, теперь уезжайте... Вы слышите? Меня сейчас разыскивают — у них имеются мои приметы. Мое сопротивление уже совершенно бесполезно... Я найму хорошего адвоката, который докажет, что меня охватила нервная депрессия... Вы мне больше не нужны. Я...

Доминик вдруг заплакала. Это произошло так неожиданно, что Сэвр, сбитый с толку, замолчал. Ее слезы медленно, одна за другой стекали по лицу. В этих слезах чувствовалось подлинное горе.

— Что случилось, Доминик? Ведь не из-за меня же...

— Он мертв.

— Кто?

— Филипп.

— Филипп?.. Мерибель?.. Мой шурин?.. И что с того?

— Я была его любовницей.

Сэвр резко выключил телевизор.

— Филипп? Филипп и вы?!

— Да...

— Ах, вот оно что! Понятно.

Он пытался принять это откровение с хладнокровием человека, которого уже ничто не сможет удивить. Не нужно ничего говорить, не нужно двигаться с места. Она была любовницей... Ладно!.. Ни в коем случае не надо уступать ни гневу, ни отчаянию... Нужно небрежно подавить весь этот шум в крови... Зажать его, как перерезанную артерию... Ему казалось, жизнь покидает его... Ах, этот Мерибель!.. Он все захватил — и деньги... и любовь!.. Сэвру нужно было собственными руками удушить его... Или приставить дуло к его сердцу и восстановить справедливость... свершить настоящее правосудие!

— Простите меня.

— Что?

Она, видите ли, просит прощения! Он едва удержался от насмешки. Прощения! Ну, еще бы! Нужно ли с ним вообще церемониться?.. Его обманывают, глумятся над ним, а затем просто просят прощения. Но все-таки: неужели она была его любовницей?

— Идите сюда. Я вам все расскажу... Теперь, когда он мертв, когда я получила тому доказательства, мне скрывать нечего.

— Я слушаю вас, — ответил он несколько сухо, словно адвокат или судейский чиновник, время которого рассчитано до минуты. Он понимал, что это выглядит смешно — ведь именно по его вине все становилось ложным, не настоящим. Она тоже это почувствовала, поэтому сдержанно спросила:

— Я говорю с другом или с судьей?

Сэвр молча сел возле нее.

— Вы уже догадались, что я приехала сюда не случайно, — продолжила она. — И вовсе не из-за бури.

Вынув из своей сумочки кружевной платочек, она вытерла глаза и промокнула щеки.

— На меня посмотришь, так, наверное, испугаешься... Я бы не хотела приносить вам страдания, Жорж... Я плачу вовсе не из-за него, а из-за всего того, что он для меня олицетворял... Я ведь не знала, что он был негодяем...

— Вы полагали, что негодяем был как раз я!

— Да, я действительно думала именно так. Но поставьте себя на мое место. Вначале, правда, я вообще ничего

не думала. Меня занимала лишь одна мысль — овладеть ключами и улизнуть.

— Любым способом?

Она отпрянула, чтобы лучше рассмотреть его.

— Для женщины существует лишь один способ... Не станете же вы грубо упрекать меня в этом?

— Добавтье еще раз «Жорж».

Она прислонила обратную сторону ладони к виску Сэвра.

— Какой странный мужчина! — прошептала она будто для самой себя. — Такой чувствительный, такой хрупкий... такой необычный!.. Вы ведь совершенно не разбираетесь в женщинах, правда.., Жорж?

— Совершенно.

Самый неприятный момент уже остался позади. Возможно, они смогут сейчас же все сказать друг другу! Сэвру показалось, что на этот раз истина уже близка. Слова, наконец, смогут послужить общению вместо того, чтобы служить преградой... Ничего не оставлять для себя, а перевоплотиться в нежность и доверие. Он взял Доминик за запястье и с силой сжал его.

— Расскажите мне все... Абсолютно все, с самого начала, — попросил он.

— Не стройте на мой счет никаких иллюзий и принимайте меня такой, какая я есть... Видите ли, деньги в моей жизни значили много, даже очень много... Замуж я согласилась выйти по расчету. Вы же знаете, так поступают многие женщины!.. Я не любила его, он он был весьма терпим. Как я вам уже говорила, нам пришлось уехать из Алжира и перебраться в Валенсию. Именно там я и повстречала Филиппа...

Она почувствовала, как пальцы Сэвра впиваются в ее запястье.

— Жорж! Будьте благоразумны! Все это в прошлом Но вы ведь сами признали, то, что ваш шурин был человеком опасным. Ему трудно было противостоять. Тем более с этими его замашками властелина, о которых вы, возможно, даже и не знали. Я так тогда скучала!.. А со скучающей женщиной можно делать все, что захочешь, Жорж. Кроме того, он постоянно строил всевозможные соблазнительные планы. А женщине это только и подавай — кстати, запомните это на будущее. Я готова была пойти за ним на край света, он внушил мне, что достаточно богат, но что хочет разбогатеть еще больше, специально для меня, и уже скоро это сбудется. А покамест, чтобы я всегда на-

ходилась рядом с ним, он купил мне эту квартиру, он так хотел. Точнее, купил ее мой муж и оформил на мое имя — он охотно помещает за границей свой капитал.

— И вы провели здесь все лето? — прервал ее Сэвр.

— За все лето я приезжала сюда лишь дважды.

— А Мерибель приходил к вам сюда?

Он хотел было встать, но она задержала его.

— К чему эта ревность?.. Ведь он уже на том свете... А вы хуже ребенка... Успокойтесь, этот диван так и оставался неоскверненным диваном... раз вы уж так хотите это знать. В сентябре месяце этого года Филипп, — она тут же поправилась, — то есть Мерибель, дал мне знать, что он уже подготавливает наш отъезд. Мы должны были сменить фамилии, чтобы наши семьи не смогли нас отыскать, и обосноваться в Бразилии.

— Но... а где бы вы раздобыли документы?

— У него было множество связей в различных кругах общества. Сделать новые документы не составляло для него никакого труда. Мы договорились, что когда всё будет готово, то мы встретимся с ним в Швейцарии, в Лозанне. Он должен был бы послать мне туда телеграмму, я как раз ждала от него известий, но вдруг совершенно случайно прочла в одной французской газете, что он скрылся после самоубийства своего шурина. Вы можете представить себе мое состояние? Я ждала день, два, ну а потом не выдержала и помчалась в аэропорт безо всякого плана действий. Я во что бы то ни стало хотела узнать, что случилось, так как была уверена, что он прячется именно здесь. Поэтому-то я с аэропорта примчалась прямо сюда.

— Вы, вероятно, очень испугались?

— В первую минуту да. Но в Алжире я побывала в стольких переделках, гораздо более серьезных, что уже привыкла выпутываться самостоятельно. Да к тому же вы не показались мне слишком страшным.

— Но вы не поверили в мой рассказ?

— Нет. Я считала Мерибеля человеком совершенно не способным на самоубийство. Я не могу даже объяснить почему. Поэтому я сразу заподозрила что-то неладное... Ну, что вы скрываете какую-то тайну... А поэтому и сожгла то письмо — я была убеждена, что оно поддельное... Когда меня пытаются провести, то я сама не знаю, что творю... И потом, все мои чаяния... надежды... Я думала, что все потеряно... и чувствовала себя крайне подавленно.

— А я даже не догадывался об этом!

— О! Я умею держать себя. И все же никак не могу

простить себе, что уничтожила это письмо... Как глупо! Я сама потопила вас, мой бедный друг. Ведь именно этим письмом вы и смогли бы доказать свою невиновность.. А деньги бы вернули...

— Однако никто бы так и не смог понять, зачем я решил сойти за умершего, — резко ответил Сэвр. — А с их точки зрения, это-то и есть самое непростительное из всех преступлений. Нечто похожее на предательство... Я и сам не знаю, как это получилось... Но я совершенно точно знаю то, что все они ополчатся против меня.

— Жорж, в таком случае вам необходимо немедленно бежать, и без всяких колебаний. Знаете, о чем я думаю?.. Но только не сердитесь... Вы вполне могли бы воспользоваться планом Мерибеля.

— Я вовсе не сержусь. Но вы забываете, что Мерибель рассчитывал улизнуть еще тогда, когда не было никакого следствия. Улавливаете разницу?

— Значит, вы предпочитаете, чтобы вас арестовали здесь? Мне неизвестна логика мышления полицейских, но я уверена, что один из них в конце-концов решит заглянуть в комплекс, и они, вероятно, обшарят здесь все уголки. Я полагаю, что это произойдет в ближайшие часы... Нужно немедленно искать другое место. Разве я не права?

— Но мне некуда идти!

— Прежде всего, нужно выйти отсюда. Один вы, разумеется, ушли бы недалеко. Я же могу съездить в Сен-Назер и, не привлекая ничьего внимания, купить вам одежду. Затем куплю два билета, ну, скажем, в Лион, опять-таки оставаясь незамеченной. Полиция ведь разыскивает мужчину, но одного, так что мужчина с женщиной вдвоем не возбудят никакого подозрения — это совершенно очевидно. Особенно с вашей бородой. Если же к ней добавить еще очки и шляпу, закрывающую верх лица, то... Поверьте мне, вы не подвергнетесь никакому риску быть узнанным. Лион я предложила наугад, однако из Лиона можно добраться до Марселя или Мантона, найти там тихий уголок для людей, нуждающихся в отдыхе...

— Но мне придется предъявить документы, — возразил Сэвр.

— Вовсе нет. Я сама заполню гостиничную карточку, и мы с вами попросту превратимся в месье и мадам Фрек до тех пор, пока я не раздобуду вам другие документы. Я знаю, к кому должен был обратиться по этому вопросу Мерибель. У меня в сумке лежит целый список фамилий. Думаю, что документы обойдутся нам не дешево, но, к

счастью, средства у нас имеются... Вы сделаете с этими деньгами потом все, что сочтете нужным, но сейчас, прошу вас, не будьте смешным... Воспользуйтесь ими, чтобы оказаться в безопасном месте!.. Вы что — отказываетесь?.. Вас еще что-то тревожит?

— Да, комната.

— Какая комната?

— Ну, гостиничная... вы и я...

— Ах, вот оно что! — мило рассмеялась она без всякой тени кокетства. — Я привыкла отдавать долги... — сказала она. — Опять что-то не так? Вы еще чем-то неудовлетворены?

— О долгах речи не идет, — пробормотал он. — Я не хочу принимать это, как долг.

— И я, Жорж, тоже. Но вы только все усложняете. Уверяю вас, что никакой другой мужчина на вашем месте спорить бы не стал.

Обняв Доминик за шею, он притянул ее к себе.

— Доминик, — прошептал он, — это серьезно. Настолько серьезно! Вы даже не можете себе представить насколько!.. Согласитесь ли вы потом остаться со мной?.. Если вам придется покинуть меня, то лучше... вы понимаете?.. Жизнь потеряет для меня всякий смысл.

Она склонила к нему голову.

— Нет, — сказал он. — Вначале ответьте... Вы останетесь?

— Да.

Услышав это, он приник к губам Доминик и забыл обо всем на свете.

Все растворилось в неизвестной ему доныне радости, радости звонкой, почти нечеловеческой. Он уже был никем... Он стал самой жизнью, вновь обретенной, огромной и сверкающей. Чей-то голос прошептал у него над ухом:

— Не нужно плакать.

В его голове застучала фраза, возникшая из какого-то прошлого: «Воскресение тела». Он воскрес — освобожденный от всех грехов и угрызений совести, невинный, словно младенец. Он хотел поблагодарить, но не знал кого, и поэтому сказал только одно слово:

— Доминик!

Глава 11

Доминик заснула, а Сэвр с широко открытыми глазами лежал, ни о чем не думая. Он чувствовал себя так, как будто бы ему произвели переливание радости и покоя —

так вливают больному кровь. И ведь правда — Доминик находилась здесь уже не как пленница, а как друг, как продолжение его самого. Теперь он мог гладить рукой это вспотевшее от усталости тело и чувствовать, что, наконец-то поверив ему, Доминик потянется к нему еще больше. Его пальцы, словно пальцы слепого, пытались одновременно увидеть то, что они ощущают, с умилением нащупывая округлость ее живота и останавливаясь под грудью, там, где в скрытой от глаз теплоте бьется жизнь, связанная с его жизнью и составляющая с ней единое целое. Шум моря, казалось, накрывал их, а волны, скользнув по песку, опускались на их тела. Быть может, именно это и называется счастьем... эта растекающаяся истома... это живое присутствие... это полное отсутствие мыслей... этот чудотворный момент, когда рука задерживается в руке... в самой середине ночи, перед бегством и, возможно, уже подстерегающими его опасностями. Однако даже страх, и тот не омрачал его радости. Склонившись к плечу Доминик, он прижался губами к ее коже возле подмышки, желая как бы испить ее. Прикоснувшись к ней кончиком языка, он отвернулся, чтобы воспрепятствовать своему желанию перерасти в томительное мучение... Мало-помалу его рука начала обмякать. В какой-то момент они с Доминик превратились в две пустые оболочки, соприкасающиеся друг с другом на волнах ночи. Но даже погружаясь в полусознательное состояние, ему виделось его счастье в виде не меркнущего огонька. Затем, собрав остаток своих сил, он попытался бороться со сном, чтобы не пропустить ни минуты этой сладостной ночи. Рука его тянулась к лежащему рядом телу Доминик — его берегу, его твердой земле, — и он радостно ощутил ее присутствие. Вздрогнув во сне, она чуть прижалась к нему. Он замер на миг, чтобы ощутить на своих щеках дыхание — легкое, словно взмах веера... короткое и по-детскому сладкое... Эта спящая женщина трогательна, как маленькая девочка.

Состояние сладостного оцепенения, в котором он так надежно пребывал, медленно, но неуклонно прерывала неотвратимая реальность. Он узнал ее уже по тому, как она бледными штрихами вырисовывала контуры окна. Несмотря на тепло постели, Сэвр почувствовал, что подул холодный ветер. Если Доминик хотела успеть на автобус, ей пора было вставать. Он нежно разбудил ее.

Сон покидал Доминик постепенно, как море, которое все же постепенно оставляет затопленный островок. Вначале ожили руки, лениво ищущие объятий, затем нога на-

щупала ногу Сэвра, но лицо оставалось сонным и неподвижным. Наконец слегка увлажненные слюной губы дернулись, а руки потянулись к груди Сэвра.

— Доминик! — позвал он вполголоса. — Доминик... Ну же, проснись.

Испустив счастливый вздох, она медленно повернула лежащую на подушке голову. Ресницы ее задрожали, а из-под приоткрывшихся век показался первый взгляд, как бы обращенный еще вовнутрь. Теперь нужно было прижаться к ее губам, чтобы заставить их вспомнить все, что произошло, заставить их произнести хотя и не очень четко: «Жорж». Она вдруг порывисто сжала его в своих объятиях и, отстранившись, спросила:

— Который час?

Сэвр включил свет и показал ей будильник.

— Половина восьмого.

Она мгновенно подскочила, срывая со спинки стула свою одежду.

— Я же опоздаю на автобус! Пойди, приготовь быстренько кофе.

Но он все смотрел, как она одевается, — проворно и ловко застегивает свой бюстгальтер и натягивает пояс. Теперь он будет любоваться ею каждое утро, он будет видеть ее каждое утро...

— Поторопись, Жорж. Я спешу! — сказала она четким голосом. Приготовив кофе и принеся в гостиную чашку, он увидел ее уже одетой, накрашенной, в перчатках, составляющей список предстоящих покупок.

— Какой размер обуви ты носишь?

— А рубашек?

— Тридцать восьмой или тридцать девятый. Возьми лучше тридцать восьмой.

Пока она записывала, Сэвр раскрыл чемодан и вынул из пачки две банкноты. Он понял, что выбор уже сделан и что отныне они оба находятся на нелегальном положении. Стоя друг против друга, они поспешно выпили горячий кофе, молча взглядом успокаивая один другого: все хорошо, они сделали правильный выбор.

— Я вернусь одиннадцатичасовым автобусом, так что жди меня немного раньше полудня... А вечером мы уедем в Нант на шестичасовом автобусе, он всегда едет пустой.

И, уверенная в себе, она улыбнулась ему.

— Я провожу тебя вниз, — сказал он. — Чтобы ты не разделила участь Мари-Лор.

Они оба одновременно прислушались, вспомнив, что

неподалеку от них скрывается некто третий. Доминик лишь пожала плечами.

— Клошары еще спят, — решила она. — Обещай мне, что не выйдешь раньше, чем я появлюсь, а то я буду волноваться.

Они поцеловались, а затем вышли на лестничную клетку. Спускаясь вниз, они вдруг почувствовали себя серьезными и слегка смущенными. Она опять становилась путешественницей и обретала свободу, а он... В холле они обнялись в последний раз.

— Не беспокойся, — успокоила она его. — Все будет хорошо.

Она уходила от него все дальше и дальше, а он, стоя у выхода из парадного, следил за ней глазами, когда она шла по эспланаде. В воздухе чувствовалась прохлада; на небе еще видны были звезды, а море, как летом, нежно шумело. Удаляясь к поселку, Доминик обернулась и, выдавая его, помахала рукой. Затем она скрылась, а Сэвр несколько с тяжелым сердцем вернулся обратно. Он чувствовал себя почти покинутым и как никогда уязвимым и, лишь захлопнув за собой дверь квартиры, повернув ключ, с облегчением вздохнул. Теперь ему нужно было убить всего лишь несколько часов. Зайдя в спальню, он застелил постель и навел порядок. Даже несмотря на смерть Мари-Лор, Сэвр был почти счастлив, и ему нужно было делать над собой усилие, чтобы вдруг не засвистеть какую-то мелодию или не начать разговаривать с самим собой. Теперь ему захотелось действовать, показать и доказать Доминик, на что он способен. Поскольку Мерибель знал людей, которые изготовляют фальшивые документы, а Доминик знает их адреса и у нее есть необходимые рекомендации, то он легко сможет с ними сговориться. Главное — это перебраться в Италию, а все остальное — гораздо проще. Они спокойно уедут в одну из стран Латинской Америки, уж оттуда их не смогут насильно репатриировать! Таких стран, вероятно, немало. А потом... Пустить этот капитал в оборот проще простого. В этих новеньких странах, где все еще только создается, богатый, решительный и умеющий манипулировать капиталом человек непременно преуспеет. И потом — ведь рядом с ним будет Доминик! Ему открылась еще одна истина: любить, изобретать и создавать — это все одно и то же... Поскольку он шел по стопам Мерибеля, то он не замедлит путем какого-то интуитивного чутья перенять все то, что составило силу, стремление и успех его шурина... Иногда он даже начинал

подсознательно испытывать это великолепное безразличие к тому, «что могут об этом сказать», которое Мерибель намеренно выпячивал. Что же касается другого конца света, то там он не замедлит вновь стать личностью и наладит контакты со своими бывшими верными друзьями, объяснив тайну своего исчезновения, а затем, возможно, все же попытается вернуться во Францию... Но на этом пункте его мысль сбивалась. Было бы несомненно лучше навсегда отказаться от этого. Ведь он будет с Доминик! Сэвр пришел к выводу, что она стала и его родиной, и его домом.

Время шло. Доминик должна была вскоре появиться. Встав у окна, он увидел, что впервые за... за какой же период времени?.. небо стало цвета нежной и как бы счастливой голубизны, а крыши слегка парили.

Было так тихо, что Сэвр четко расслышал сигнал автобуса. Путешествующих в такое время должно быть немного. Вот сейчас появится Доминик... И вдруг у него аж свело живот от тревожной мысли: а что если ее выследили и арестовали?.. Что, если вместо нее на дороге сейчас появятся... полицейские? И все же, как игроку, ему явно не хватает апломба! И что это за слово — полицейские? Оно как будто появилось откуда-то из его детства, это слово взрослых людей, придерживающихся закона и традиций! Это слово нужно было бы сцарапать, как непристойную надпись. Ну, наконец-то! Вот и она!..

Конечно же, это она шла по эспланаде, склонившись набок под тяжестью чемодана. Перед Сэвром всплыл образ Мари-Лор... Тот же силуэт, та же походка... События повторялись, только на этот раз он первым окажется внизу... Подбежав ко входной двери, попытался всунуть ключ в замочную скважину. Почему этот чертов ключ никак не входит? В панике он изо всех сил навалился на ключ, дергая дверь! Неожиданно он заметил, что в скважине с другой стороны уже торчит ключ. Необходим был пинцет или какой-нибудь слесарный инструмент, чтобы вытолкнуть его на лестничную клетку. Он бросился к окну с криком:

— Доминик!

Но она уже успела войти в холл и теперь садится в лифт. Он чувствовал дрожь в коленях и гуденье в голове. Вернувшись в коридор, он начал ощупывать дверь кончиком пальцев, как бы надеясь отыскать какой-то секретный механизм, какую-то пружину, при помощи которых он смог бы открыть дверь. Значит, его закрыли?! Кто же?.. На этот раз это дело рук не клошара. Ему хотели помешать выйти отсюда, чтобы пойти навстречу Доминик! Значит...

Сэвр бросился на дверь, но только понапрасну ушиб плечо. Силой он ее не откроет. Доминик должна была быть уже здесь... А раз ее до сих пор нет, то значит... О, боже! Нет, нет, только не это!.. Шурупы... Нужно выкрутить шурупы. Вероятно, в кухне есть какие-нибудь инструменты?.. Он торопился, и пот застилал ему глаза. В ящике стола он обнаружил довольно тяжелый молоток, но вот отвертка оказалась несколько мала. Он взялся за работу. Пазы шурупов были замазаны краской. Сэвр никогда не отличался особой ловкостью, отвертка скользила; найдя, наконец, паз очередного шурупа, Сэвр из всех сил навалился на отвертку, покачиваясь то вправо, то влево. Между ним и дверью завязалась молчаливая схватка: кто кого заставит сдаться? Металл или воля? Вот уже дважды, трижды он одержал победу, лихорадочно вывинтив очередной шуруп. На эту работу ушло уже пять минут. Что сталось с Доминик? С кем она вела борьбу в то время, как он боролся с дверью?

Замок уже начал шататься, и Сэвр с яростью оторвал его, ударив что есть силы молотком, но язычок оставался на месте, блокируя выход. Осталось преодолеть это последнее препятствие: еще два болта! А Доминик уже, возможно, мертва... Зачем думать, зачем все время думать о таких дурацких вещах!.. Замок, наконец, подался. С треском Сэвр оторвал кусок дверной рамы и последним ударом молотка завершил этот взлом. Дверь была открыта.

Выскочив на лестничную клетку, он открыл дверь лифта. Кабина стояла на его этаже: ее никто не вызывал. Тут он начал быстро соображать. А может, Доминик просто где-то держат, чтобы заставить его выйти из квартиры, оставив там чемодан? Возможно, все это только отвлекающий маневр?.. Не выпуская из рук молотка, Сэвр вернулся за чемоданом. Он не слишком помешает ему в поисках, а вот удивленного противника собьет с толку. И все же Сэвр чувствовал: что-то не так, ведь после смерти Мари-Лор о чемодане не знал никто, кроме него и самой Доминик...

Войдя в лифт, он начал спускаться вниз. Доминик, однако, не могла вернуться, чтобы закрыть его. У нее просто не было на это времени... Да, но ключ был у нее одной... Лифт остановился, и Сэвр с чемоданом в руке вышел, пересек холл и остановился перед залитым солнцем садом. Ну, и что дальше?.. На него смотрели молчаливые, хранящие тайну фасады. Что делать дальше? С чего начать?.. Он ступил еще несколько шагов и понял, как смешно и глупо он выглядит со стороны с чемоданом в руках —

словно жалкий торговец, ищущий укромный уголок, чтобы продать свои сомнительные товары. Он так и не решался позвать Доминик, чтобы противник не знал, что он уже на свободе. После борьбы с замком руки его горели, каждый мускул болел, и вся эта усталость стала походить на ужасное чувство поражения.

Вывеска «Мобиль», скрипя, раскачивалась на легком ветру. На цементе вырисовывались четкие, словно слепки, начинающие высыхать отпечатки покрышек. Чья машина оставила здесь следы? Мари-Лор? Но ведь она сюда не заезжала... Чья же тогда? Кто приезжал сюда на машине, когда разыгралась буря?.. Прямые, словно рельсы, следы терялись возле сада, но, пройдя несколько метров, Сэвр заметил, что они ведут к гаражам блока. Сюда он еще не ходил, а поэтому-то и не заметил их. Следы привели его в подвал. Он зажег свет и увидел менее четкие следы, выглядевшие давнишними. Они исчезали прямо в одном из боксов. Подняв голову, Сэвр увидел его номер: 3!

Третий номер! Тот самый, который выгравирован на ключе от квартиры Фрека. Значит, Доминик приехала на машине, значит, она лгала ему! Она не летела самолетом и не ехала сюда автобусом... Но, чтобы добраться сюда из Валенсии, ей понадобилось бы минимум два дня, если не три! Поставив чемодан на пол, Сэвр достал ключи. Маленький ключ подошел к замку. Чтобы открыть дверь, ее нужно было двигать вбок.

В гараже вырисовывалась темная масса машины. Ища выключатель, он уже чувствовал, что видит эту машину не впервые. Тем не менее, когда вспыхнул свет, обомлел. Этот длинный красный кузов, эти линии, даже сейчас кажущиеся заостренными скоростью!.. Обежав машину, он увидел арабские номерные знаки и две буквы: «Ма».. Да это же «Мустанг» Мопрэ!..

Схватившись за сердце, Сэвр пытался вынести и этот удар. Перед его глазами мелькало: Мопрэ... Испания... Доминик приехала из Валенсии... Она была его любовницей... Его сообщницей... Они приехали вместе, чтобы шантажировать Мерибеля... А бедняга Мерибель никогда не был ее любовником... Да! Это было самым чудовищным из всего! Столько лжи... Сэвру показалось, что он умирает. Выйдя из гаража и сев на чемодан с миллионами, он положил молоток, с которым не расставался все это время, на землю. Как она ловко провела его, мерзавка!.. Человеком, скрывающимся в комплексе, оказался Мопрэ! Все, наконец, прояснилось! Из охотничьего домика он приехал

прямо сюда, и, оставив машину в гараже, стал поджидать. Но вот только кого и чего!.. Этого Сэвр пока еще не знал... Все должно было постепенно стать на свои места... Но ведь истина была уже здесь, совсем рядом! И вот тому доказательство: наиболее трудные для объяснений детали сами по себе сцеплялись, сразу становясь понятными... будильник был заведен Мопрэ перед тем, как он в спешке покинул квартиру, забрал одеяло из квартиры Блази, создал беспорядок в магазинном складе... Все, все теперь становилось на свои места! А когда Мопрэ оказался замечен Мари-Лор, то он убил ее. У него просто не было другого выхода!.. Как только Доминик ушла, Мопрэ заблокировал дверь... Да, но зачем он это сделал?.. Зачем?.. Да потому, что деньги находились здесь в чемодане!.. Просто для того, чтобы у него не было времени договориться с Доминик. А теперь вместе и прикончат его. И это уже неизбежно!..

Встав, Сэвр посмотрел вдаль, туда, где была совершеннейшая темень. Может, она там? А может, они попытаются окружить его? Ведь им точно известно, что он находится сейчас в этом подвале, они наверняка следили за ним из какой-то соседней квартиры. Так куда же бежать?.. Взяв молоток и чемодан, он начал подниматься наверх. В саду по-прежнему не было ни души, а эти бесконечные окна походили на полузакрытые глаза. Сэвр сделал поначалу один, затем второй шаг по направлению к портику... Они, вероятно, видят его и не позволят ему выйти отсюда. Тем не менее, он дошел до самого портика. Ему показалось, что ноги его увязают и он с трудом вытаскивает их поочередно из вязкой земли. Будет ли он защищаться? Но зачем ему теперь нужны эти деньги? Он продолжал приближаться к эспланаде, которую он видел совсем рядом с собой, залитую всю ярким солнцем.

Наконец, он оказался на дороге, идущей мимо комплекса. Никто так и не появился. Сэвр был свободен. Теперь он может добежать до поселка и позвать на помощь... Но он тем не менее колебался. А вдруг просчитается? Да нет, какие тут могут быть ошибки?! «Мустанг» ведь здесь, значит, Мопрэ тоже. Ну, так что?.. Нужно было бы начать все сначала, все заново обдумать, но он чувствовал себя для этого слишком усталым. Минуту назад ему показалось, что он вроде бы все понял... Теперь он уже не уверен в этом... Единственное, в чем он был уверен, это то, что где-то здесь, поблизости, скрывается Мопрэ!.. Но почему Мопрэ поехал прямо сюда? У него ведь не было ни малейшей причины, чтобы скрываться здесь... Он узнал через газеты

о том, что произошло в охотничьем домике после его отъезда. Тогда он сделал то, что без сомнения должна была бы сделать полиция: он начал следить за Мари-Лор, догадываясь, что благодаря ей сможет выйти на то место, где прячется беглец. И он во что бы то ни стало захотел продолжить свой шантаж, теперь с гораздо более вескими аргументами».. Вот это уже, кажется, походило на истину. Однако какова же во всем этом роль Доминик? Какова роль Доминик, его любовницы? Ну, что же, она, возможно, и сказала ему правду, по крайней мере, отчасти: она действительно, приехав сюда, чтобы увидеться со своим любовником, натолкнулась на него — Сэвра и, вероятно, тут же узнала его — ведь Мопрэ наверняка много рассказывал ей о своем бывшем патроне. Поборов первый страх, а затем сделав все возможное, чтобы попытаться улизнуть из квартиры, она предупредила своего сообщника.

Дело обстояло примерно так, но все же Сэвр чувствовал, что какие-то детали ускользают от него. Действия Мопрэ казались вполне понятными. Например, смерть Мари-Лор теперь была вполне объяснима: Мопрэ пошел за Мари-Лор, догадываясь, что состояние находилось в чемодане, но напал он на нее через несколько секунд после того, как она поставила чемодан в лифт. А все остальное... Создать видимость аварии уже не представляло никакого труда... Ключи от квартиры тоже вполне могли находиться у него, ведь он же занимался продажей всех квартир! И, вероятно, именно он и заключил контракт с мужем Доминик. Так почему бы ему не сохранить у себя дубликат ключей? В сущности, все, что Доминик рассказала ему, было правдой, за исключением того, что речь должна была идти не о Мерибеле, а о Мопрэ. А вот что было необъяснимо, так это слова и действия самой Доминик; все, что она сказала, и все, что она сделала накануне!..

Сэвр не чувствовал ничего, кроме боли, и именно эта боль говорила ему, что Доминик была искренна, когда сжимала его в своих объятиях. А Мопрэ воплощал в себе лишь мелкого ничтожного мошенника. У Сэвра никак не укладывалось в голове, что Доминик могла быть вместе с Мопрэ. И тем не менее. Можно еще предположить, что Доминик была не сообщницей, а заложницей Мопрэ. Что он захватил ее и запер в одном из блоков, чтобы учинить ей допрос. Теперь же, выведав у нее все, он предложит обмен: Доминик на миллионы. Но почему-то он никак не показывался. Он ждал. Однако чего же он ждал? Чего?..

Сэвр еще раз посмотрел на поселок, на все это прост-

ранство, оставшееся за ним... Затем он повернулся к белой громаде комплекса и пошел обратно. Перед портиком он на минуту остановился и весь как-то сжался. Он чувствовал, что голова его уходит в плечи, словно его взяли на мушку. А ведь возможно, что Мопрэ вооружен, это даже не вызывает сомнений. Пройдя портик, он посмотрел на медленно качающуюся вывеску «Мобиль». Ну, что?.. Пора! Сэвр отбросил от себя молоток, чтобы показать, что он сдается и заранее принимает все условия, которые выдвинет противник. Поставив на землю чемодан, он несколько отошел от него. Пожалуйста, можешь его брать, я от него отказываюсь. Подняв голову, он провел взглядом по всем фасадам. Теперь он походил на дворового музыканта, ожидавшего из окон вознаграждения. Никогда еще он не выглядел столь жалким и столь отчаявшимся.

Глава 12

Никакого движения, все вокруг тихо. Интересно, знал ли Мопрэ, с кем он имеет дело, если Доминик отказалась сообщить имя Сэвра? А вдруг Мопрэ не смог ни прочесть газеты, ни посмотреть телевизор и по-прежнему считает, что его противник — Мерибель? Наверное, поэтому-то и осторожничает. Сэвр сложил руки рупором и проорал:

— Мо-прэ!..

Его голос отскакивал от стен, и эхо повторяло: прэ... прэ... Сэвр медленно осмотрел окна, желая заметить то, которое сейчас откроется. Он попытался прокричать громче и дольше: «Мо-прэ-э-э...»

Он закашлялся, на глаза навернулись слезы, фасады раздвоились. Уже ничего не видя, он вытер глаза и вновь запрокинул голову: над ним виднелся бесконечный прямоугольник неба, по которому теперь плыли почти прозрачные ослепляющие облака. Стены же напротив были непроницаемы, непрозрачны. Он прошелся, чтобы получше оглядеться, и что было мочи крикнул:

— Мопрэ!!!

Его голос должен был хорошо слышен повсюду, но почему же тогда Мопрэ не откликается?

— Мо-прэ!.. Я согласен отдать вам все деньги!

Выкрикнуть одно имя было легко, но вот целую фразу — гораздо труднее. Слова срывались, словно тяжелые глыбы камней. Взяв чемодан и бросив вокруг себя последний взгляд, Сэвр пошел из сада по направлению к южному блоку, где еще раз прокричал:

— Мо-прэ!

Почему Мопрэ молчит? Ведь это же глупо! Ведь он наверняка понял, что его вычислили! Быть может, он лучше услышит его в другом месте? С чемоданом в руке Сэвр пошел дальше.

— Мо-прэ!.. Вы-хо-ди-те!

Он уже не очень хорошо понимал, в каком именно блоке он находится. Все фасады были одинаковы и лишь в перспективе несколько видоизменены. Кругом сплошные окна. Они составляли правильные ряды по вертикали и по горизонтали, словно огромный кроссворд.

— Мо-прэ!.. Мо-прэ!..

Обезумевший, Сэвр закрутился вокруг вентиляционных решеток. Стало ясно, что Мопрэ не желает отвечать и, вероятно, хочет утомить своего врага. Действительно, Сэвр после каждого крика чувствовал себя все более и более разбитым, не покидал поля боя, решив, что даже если он дойдет до полного изнеможения или предсмертного состояния, то все же заставит Мопрэ выйти и во всем признаться.

— Мо-прэ!..

Голос его уже так слаб, что еле-еле пересекал сад. Выкрикивая повсюду: «Мо-прэ!.. Мо-прэ!..», Сэвр забрел в какой-то открытый холл, на какую-то лестничную клетку. Прежде чем углубиться в темноту этажей, он в изнеможении сел, опершись о стену. В груди все горело, дыхание было неровным. Вспомнив о том, как он сидел в своем кабинете — важный, авторитетно отдающий указания, окруженный телефонами, диктофонами, пишущими машинками, — он потрогал свою бороду, колющую пальцы. А ведь на деньги, лежащие в этом чемодане, можно купить весь мир!.. Но это будет мир без Доминик!.. Он вновь встал. Ставшим уже машинальным жестом он взял чемодан и вышел. Сколько же раз он уже вот так входил и выходил? Сколько же раз он уже звал Мопрэ? Он задрал голову и, словно затравленный зверь, проревел:

— Доминик!..

Не может быть, чтобы она, данная ему свыше, вот так быстро оказалась отнятой. Ведь у абсурда тоже есть свои пределы. Волоча ноги и таща за собой миллионы, Сэвр медленно побрел, выкрикивая время от времени, как стекольщик или точильщик, свое: «Доминик!..» Хриплый крик, жалкое предложение услуг, в которых уже никто не нуждался. В конце-концов, он стал бормотать под нос для самого себя: «Доминик!.» И этот зов отдавался в нем самом. Его губы едва шевелились, но сам он был оглушен

громкостью раздавшегося в нем эха. Он звал Доминик уже не ртом и не горлом, а своими венами, костьми, он сосредоточивался, словно чудотворец, готовящийся к совершению чуда.

И чудо произошло: он вдруг наткнулся на тело Доминик, неподвижно лежавшее на полу какой-то комнаты. Волосы ее были распущены, а сама она была еще теплая, но уже без той живой настоящей теплоты. Встав на колени, Сэвр взял ее на руки. Его длительное путешествие, наконец, завершилось... Он даже не испытывал никаких страданий. Она была мертва, и он неким образом тоже был мертв... А он было уже вообразил, что можно поменять шкуру. Да это просто смешно!..

Сэвр поглаживал ее руку, и ему казалось, что он одновременно и здесь, и где-то в другом месте. Этот стол, эти папки... Так значит, он находится в кабинете агентства. Как оно далеко от него, это агентство, эти «Врата моря»! В его голове что-то гудело, словно в тоннеле... Он пересекал огромные пространства — возможно, для того, чтобы соединиться с самим же собой!.. Он опустил руку, скользнувшую обратно, словно пугливый зверек, затем, наклонившись, поцеловал холодный лоб Доминик. Он не осмелился закрыть наполовину приоткрытые глаза, потому что никогда не закрывал глаз мертвеца. Он просто не знал, как это делается. Сэвр почувствовал какое-то странное облегчение. Все необходимое нужно сделать немедля, прямо сейчас, а плакать он будет потом, если у него еще останутся слезы. Он увидел, что встает и, выходя, тщательно закрывает за собой дверь. Теперь настоящий Сэвр шел за другим, словно тот был его приведением. И тот, другой Сэвр, направлялся к гаражу. Впервые за все это время он расстался с чемоданом. Миллионы — это для живых людей! А для человека, который, согнувшись, удалялся, прижав кулак к животу, они были лишь жалкой кипой бумажек. Он шел, теряя свои последние силы, и даже уже не думал о Мопрэ, который, вероятно, успел сбежать. Нужно вывести машину из гаража, погрузить туда тело и отвезти его в полицейский участок. А потом... Однако прежде всего нужно вывести машину, если Мопрэ еще не удрал на ней.

Нет, она по-прежнему стояла в гараже. Открыв дверцу, Сэвр увидел себя за рулем машины, словно в кривом зеркале, с огромной головой гориллы и широкими руками убийцы. Бардачок был открыт, и из него на пол вывалилась тряпка в оружейной смазке. Здесь когда-то, вероятно, лежал пистолет. Несомненно, это было именно то самое ору-

жие, которым Мопрэ оглушил Мари-Лор и убил Доминик. Рассмотрев сложную приборную доску, Сэвр сначала заколебался, а затем все же включил зажигание. Мотор заработал сразу же, заполнив подвал своим шумом. У Сэвра никогда не было машины с автоматической коробкой передач, поэтому он не знал, что нужно делать с этими двумя педалями.. Его левая нога судорожно и бесполезно давила педаль, пока он не догадался включить первую скорость. Он тронулся слишком быстро, машина пулей вылетела в сад. Стоило чуть-чуть не так повернуть руль, и произошло бы непоправимое: слава богу, он проехал вплотную к портику. Нет, до полицейского участка ему, пожалуй, не добраться живым и невредимым. Подошва его сапог была слишком толстой, и он никак не мог почувствовать ход педали. Наконец-то он оторвал ногу, и машина остановилась.

Здесь, на свету, было гораздо лучше виден спидометр. Включив первую скорость, Сэвр медленно подъехал к подъезду агентства и аккуратно припарковал «Мустанг» перед дверью. Он старался исключительно из уважения к Доминик. Опустил спинку сидения пассажира, открыл и заблокировал верхнюю заднюю дверцу автомобиля, чтобы положить тело осторожно на сидение, а не протаскивать его через боковую дверцу. После этого он зашел в агентство и увидел еще один чемодан, тот, в котором, вероятно, была привезенная Доминик одежда. С одной стороны стояли деньги, а с другой — одежда для бегства... Слезы вдруг брызнули у него из глаз. Теперь, когда он остался один, то мог уже вдоволь наплакаться.

Он приподнял голову Доминик, чтобы просунуть руку за спину. Волосы ее слиплись от крови, но раны не было видно, вероятно, она была не пулевая, а лишь от удара рукояткой. Просунув правую руку под колени, он поднял ее. Тело оказалось очень тяжелым. Покачиваясь, Сэвр направился к машине.. На стене висел все тот же плакат, который он некогда распространил почти всюду... Перед сказочным комплексом стояла длинная спортивная машина: «Вы покупаете счастье!»..

Он положил Доминик, тщательно поправив на ней пальто, а затем закрыл дверцу, осторожно придерживая ее при захлопывании, чтобы не создавать никакого шума. Со стороны она казалась спящей, а ветер развевал ее волосы. Однако при виде ее глаз его охватывал ужас. Сэвр отвернулся и пошел за чемоданами, положил их на заднее сидение. Бросив последний взгляд на то, что ему уже ни-

когда не суждено увидеть вновь, он завел машину и быстро доехал до портика, но тут прямо на него выскочил кто-то с пистолетом в руке!

Сэвр ничего не хотел, он вообще не успел среагировать. Его нога слишком резко нажала на педаль. Машина дернулась и подскочила. Одновременно с этим лобовое стекло разлетелось вдребезги, покрыв осколками колени Сэвра. Он заметил возле капота согнутого вдвое человека. «Мустанг» качнулся, будто бы переезжая препятствие. Сэвр лихорадочно искал педаль тормоза, но ошибочно нажимал еще сильнее педаль акселератора. Наконец он сумел-таки остановиться у конца арки и, выйдя из машины, подошел к телу Мопрэ. Тот лежал на животе, судорожно сжимая в руке пистолет. В канаву стекала тоненькая струйка крови. Левая рука судорожно скребла землю, сжимаясь и разжимаясь, словно в ней билось сердце. Сейчас он, наверное, умрет. Взяв его за плечо и повернув к себе, Сэвр резко отпрянул. Умирающий прошептал:

— Твоя взяла...

Это был не Мопрэ. Это был Мерибель.

ЭПИЛОГ

— Вы, конечно же, поняли, — продолжал Сэвр, — что в охотничьем домике поначалу лежало тело Мопрэ.

Молодой атташе посольства быстро пробежал глазами сделанные им заметки.

— Да, весьма необычная история, — пробормотал он. — Однако, месье Блэн...

— Прошу прощения, Жорж Сэвр... Хорошенько уясните себе, что меня зовут Жорж Сэвр.

— Да, да, конечно!.. Дайте мне время привыкнуть к этой мысли... Ведь с вашего прибытия в эту страну вы называетесь Шарлем Блэном. Сколько уже с тех пор прошло времени?

— Скоро исполнится четыре года.

Молодой человек встал и прошел на террасу. Сэвр последовал за ним.

— И вам удалось выстроить все это? — спросил атташе, показывая на здания, дерзко возвышающиеся над крышами домов.

— Мы ведь не во Франции, — ответил Сэвр. — Точно так же, как зерно за несколько недель превращается здесь в дерево, так же и умело вложенный доллар всего лишь за несколько дней превращается в целое состояние. А если

этих долларов много, можете себе представить, что с ними можно сделать!.. Разумеется, если уметь ими пользоваться. А это-то и было моей профессией.

— А что натолкнуло вас на мысль обосноваться именно здесь?

Сэвр пожал плечами.

— У обломка корабля ведь не спрашивают, почему он пристал именно к этому берегу, а не к другому. Просто обстоятельства.

— Какие обстоятельства?

Сэвр вернулся за письменный стол красного дерева и протянул своему гостю полную сигар сигаретницу.

— Я не вижу в этом разницы, — ответил он устало. — У меня были деньги, одежда, адреса. И на этот раз сопутствовала удача... Мне удалось незамеченным покинуть Францию, и я выбрал страну, из которой меня не могли бы насильно репатриировать, если бы даже вдруг и узнали.

— Но зачем же вы тогда раскрыли свою личность у нас в посольстве?.. Уверяю вас, что эта новость произвела на нас весьма необычный эффект.

— Спустя столько лет?

— Да, ведь дело Сэвра превратилось в нечто наподобие исторической загадки. В то время я находился во Франции. О вас, между прочим, говорили не один месяц... Вы только представьте себе! Трое убитых: Мерибель, его супруга и еще один, неизвестно кому принадлежащий труп, но только не вам и не Мерибелю... Кроме того, обнаружилось еще и жульничество в пятьсот миллионов!.. А единственный, кто мог это все объяснить, — бесследно исчез.

— И все считали меня убийцей.

— Нет, что вы! Выдвигались всевозможные фантастические гипотезы: полиция же хранила полнейшее молчание.

— Я тоже читал газеты, — сказал без горечи Сэвр. — Они, правда, приходили ко мне с двухнедельным опозданием, но все же приходили... Возможно, это опоздание и делало статьи еще более жесткими. Большинство полагало, что я удрал, предварительно убив всех своих ближних. Разве не так?

— По правде говоря, никто так и не смог понять, что же на самом деле произошло в охотничьем домике.

— Но вы-то теперь понимаете... Мерибель, убив Мопрэ, решил сойти за убитого, это и осложнило дело, придав ему таинственность. Я не знаю, как именно это произошло, потому что в то время перелистывал записи Мерибеля в Ла-Боль. Но можно легко догадаться, что Мопрэ вернулся,

я, правда, опять-таки не знаю зачем. И вот мой шурин, будучи по натуре человеком резким, выстрелил в него... Затем... он придумал всю эту комедию, но он нуждался в свидетеле, в человеке, который как бы присутствовал при его самоубийстве. Вот он и заставил Мари-Лор позвонить мне. Я ехал, будучи уже уверенным в том, что он хочет покончить с собой... Все было очень ловко подстроено. Разве я мог догадаться? В принципе, Мопрэ и Мерибель были людьми приблизительно одного роста. Мерибелю нужно было только натянуть на того свой охотничий костюм, прибавьте к этому еще и обручальное кольцо, часы, бумажник... да плюс прощальное письмо, оставленное на столе. Все было чертовски ловко продумано и подготовлено. Моя сестра находилась в крайне подавленном состоянии. Но мне-то известно, что происшедшие события оправдывают ее поведение.

— Да, я понимаю.

— Когда я вернулся к двери, то Мерибель открыл ставень, выстрелил из ружья в воздух, а затем, положив ружье возле тела, выпрыгнул в окно, опять закрыл ставень и удрал на «Мустанге», который он, должно быть, спрятал где-то довольно далеко, чтобы не возбуждать моих подозрений. Вот и все! Комедия была сыграна. Только ведь ему и в голову не пришло, что у меня могли быть примерно те же мотивы, чтобы повторить его действия.

— Вы боялись скандала?.. Или были в отчаянии?..

— И то и другое одновременно... а также некоторые другие причины личного характера.

— Все совершенно ясно, — сказал молодой человек. — По крайней мере, относительно вас... Но вот ваш шурин? Вы полагаете, что он сразу направился в комплекс?

— Конечно же! Ведь у него имелись ключи от квартиры Фрек. Где бы еще он мог найти столь безопасное место? Никто ведь не знал, зачем Мопрэ приехал во Францию. Так что он мало чем рисковал.

— Вы сказали мне, что нашли при нем два паспорта, в одном из которых оказалась наклеенная фотография Доминик Фрек.

— Совершенно верно! Я полагаю, что Мари-Лор пришлось умереть именно из-за этих паспортов...

— Подождите! Я что-то не понимаю...

— Здесь все ясно, — пояснил Сэвр. — Мерибель не мог приехать к себе, чтобы забрать чемодан с деньгами, в котором лежали также и эти два паспорта. Таким образом, ему пришлось обратиться за помощью к Мари-Лор — вы

согласны со мной? У него не было другого выхода. Итак, что он мог ей сказать? «Ты привезешь мне туда-то чемодан, который ты найдешь там-то». Приблизительно то же, что и я сам сказал Мари-Лор.

— И не прошло и часа, как он услышал, что вы приехали туда же, куда и он?

— Скорее он услышал, что просто кто-то приехал. Это заставило его переселиться из квартиры Фрека в другой блок. Куда именно — мне неизвестно. Впрочем, это не имеет большого значения!.. Потом это вмешательство полиции. Мари-Лор отвечает на вопросы полицейских и сама начинает, возможно, догадываться, что ее муж что-то от нее скрывал. Она действительно была человеком скромным, незаметным, однако далеко не глупым. Она ведь могла посмотреть, что именно лежит в этом чемодане. Она открывает и вместе с миллионами обнаруживает там паспорта, говорящие о том, что Мерибель готов бросить ее и удрать за границу с какой-то женщиной...

— Я понимаю: в ней заговорила ревность!

— Это даже не самое главное. Когда вы будете передавать наш разговор, то настаивайте на том, что Мари-Лор хотела не просто отомстить. Приехав в комплекс, она хотела вначале отдать деньги мне, а затем поговорить со своим мужем... В противном случае, зачем ей было тащить этот чемодан? Понимаете?.. Куда он ее затащил, что хотел ей сказать?.. Мари-Лор — человек простой, она, должно быть, просто швырнула ему эти паспорта в физиономию. Увидев, что он раскрыт, Мерибель убил ее.

— И то же самое произошло с мадам Фрек?

— Думаю, что да, — грустно ответил Сэвр. — Он все время следил за нами и перехватил Доминик, когда она возвращалась... Вы помните, как это было?

Взяв сигарету, Сэвр понюхал ее и на некоторое время будто вдруг забыл о ней, задумавшись.

— Я никак не мог забыть всю эту историю, — продолжил он потом. — А для того, чтобы отделаться от навязчивой мысли, есть только один способ: рассказать правду, придать ее гласности сразу же, без всяких недомолвок. Вот почему я вчера вечером позвонил к вам в дипломатическую миссию. Мне следовало бы самому прийти к вам, но тогда, я как бы признавал свою вину. А этого никогда не произойдет! Я здесь сила, и хочу ею оставаться.

— Вы хотите, чтобы с вами говорили на равных? — спросил атташе.

— Именно. Я намерен вернуть деньги людям, обворованным Мерибелем. Вам же нужно найти для этого вполне легальные средства. Я хочу также иметь возможность приезжать время от времени во Францию — всего лишь на пару дней. Но я хочу быть свободным и никому ничего не объяснять. Устройте все это.

— Боюсь, что это будет непросто!

— Моя страна заинтересована кое-чем в этом государстве, и ей необходимы такие люди, как я. Ведь здесь тоже необходимо строить стадионы, плотины, а я требую очень мало.

— У вас остались во Франции еще какие-нибудь родственники? Вы поэтому хотите иногда приезжать туда?

Сэвр медленно положил сигарету обратно в сигаретницу, и, скестив руки, закрыв глаза, произнес:

— Доминик! Я похоронил ее там... в дюнах. Она принадлежит мне. Я выстроил целый город и теперь имею право поставить ей памятник.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

— К чему здесь писать послесловие? — спросите вы. Я вам отвечу, что оно для тех моих читателей, — а их немало, — которые, перелистнув последнюю страницу, задаются вопросом: а не обвели ли их вокруг пальца? С одной стороны они ждут, надеются и требуют от автора концовки, которая полностью изменила бы весь логический ход повествования. Однако, с другой стороны, они желают, чтобы эта концовка непременно была удивительная и даже необычная, была бы правдоподобной и почти что обыденной. Иными словами, читатели желают, чтобы даже с раскрытой тайной роман сохранил ту поэтическую ауру, которой он был обязан именно этой своей тайне. В общем, они требуют, чтобы все менялось и одновременно оставалось таким же, как и раньше.

Фокуснику прощают его обманные трюки, потому что он их не раскрывает. А вот автору детективных романов читатели не доверяют. Он непременно должен показать им свои руки и вывернуть наизнанку все карманы. Он проигрывает в тот самый момент, когда он выиграл! «Это слишком просто!» — вот главный упрек.

Просто?.. Но ведь когда фокусник манипулирует своими приспособлениями, то он наверняка знает, какой это произведет эффект на зрителя. Когда же писатель придумывает завязку интриги, то зачастую, он еще не знает, чего

она стоит, что в ней содержится и каким метаморфозам позволительно будет произойти. Его упрекают в том, что использует «уловки» — пусть так! Но ведь нужно понимать, что эти «уловки» он создает попутно, видоизменяет и создает их в тексте, но видно их становится лишь в тот момент, когда падает занавес. Вот что читатель не хочет понять. Он полагает, не без наивности, что все подготовлено заранее и что автор водит его вокруг пальца столько, сколько хочет. Он даже не догадывается, что автор пробует, сомневается, уходит от главной линии и, в конечном итоге, опережает читателя в поисках истины очень не намного. Доказательство?..

Придумывая, например «Врата Моря», мы долго думали, кого именно — Мерибеля или Мопрэ — должен был раздавить «Мустанг». И в первом, и во втором случае, история оставалась бы примерно одинаковой: просто она была бы представлена либо налицо, либо наизнанку. Налицо было бы, если бы Мерибель действительно покончил с собой, а наизнанку, если бы он только сделал вид, что покончил с собой. Оставляя Мерибеля живым, мы делали развязку неожиданной, что читатель не преминул бы поставить нам в упрек, но если бы мы лишили его этой неожиданности, то он бы нам этого уже не простил. Итак, нам пришлось рискнуть. И не без сожаления!

А не было бы более интересным прокрутить всю эту историю через Мерибеля, а не через Сэвра? Тогда мы присутствовали бы при вторичном приезде Мопрэ во время короткого отсутствия Сэвра. Мы бы «увидели» драму, разделили бы ужас Мерибеля!.. Мы бы придумывали план с ними в сообщничестве с его женой... самой того не желающей, а потом бы разыгрывали комедию для Сэвра, закрывшись в курительной... удирали бы с ним на «Мустанге»... Вместе с ним мы бы приехали в комплекс, вошли бы в квартиру Доминик... которую мы впоследствии спешно бы покинули после столь неожиданного приезда Сэвра. Потом мы бы поджидали Мари-Лор, а потом...

Но к чему продолжать? Мы разделяли бы сомнения и надежды убийцы, вместо того, чтобы разделять сомнения и надежды невинного человека.

Можно было бы также пройти и через другие варианты сюжета. Представьте себе начало истории в представлении Мари-Лор... Очевидно, что в течение всего эпизода, где Сэвр, потрясенный якобы самоубийством Мерибеля решает поменяться с ним местами, тогда пассивная роль Мари-Лор становится главной... Затем Мари-Лор отвечает на

вопросы полицейских... обнаруживает чемодан... оба паспорта, и, желает получить от своего мужа разъяснения. Все это достойно того, чтобы быть описанным. Но, увы, Мари-Лор умирает слишком рано!

Что же касается Доминик, то она приезжает слишком поздно. В противном случае, история этой молодой женщины, которая в поисках своего любовника попадает в руки к какому-то таинственному субъекту, была бы довольно занимательна и волнующа...

В конечном итоге, мы выбрали Мопрэ первой жертвой — то, что многие ошибочно назовут «уловкой», а Сэвра — главным персонажем. Это было наиболее эффективное решение, то есть такое, которое подняло бы удовольствие читателя на самый высокий уровень. А детективный роман должен руководствоваться только этим принципом.

Но история Сэвра не должна была затмить трех остальных персонажей. Они присутствовали здесь, как бы многократно экспонируясь. Их присутствие, — уж поверьте, — не сделало бы историю более удобной и несчастный фокусник до самого конца зависел бы от одного неверного движения, от забывчивости или от слишком сильного жеста. Уловка, вовсе не обеспечивая ему безопасности, постоянно подвергала бы его опасности, потому что ученик фокусника (а автор любого детективного романа, не более, чем ученик фокусника), если и знает некоторые превосходства своего изобретения, то уж совершенно не знает его секретных уловок.

Не нам решать, выиграли ли мы. Но это послесловие вовсе не ставит целью защищать pro domo *. Просто мы уже неоднократно констатировали, что нынче пошел читатель не то, что прежде. Менее хитрый, он стал более подозрительным. Он хочет быть обманутым и одновременно обвиняет автора в этом обмане. Это означает поставить под вопрос детективный роман, и обвинить его в том, что он собой представляет. Но в том то и дело, что такой роман, именно то, о чем нужно говорить и даже больше. Вот почему внимательный читатель вместо того, чтобы «проглатывать», должен был бы читать небольшими порциями, пытаясь «расшифровывать» автора, потому что главное не то, что написано, а то, как воспринимается написанное. Все соглашаются смотреть фильмы с неясным сюжетом, и зрителям зачастую предлагается выработать «свой» сюжет. Все читают романы, которые могут закон-

* В защиту (моего) дома (лат.). Прим. п-ка.

чить в соответствии со своим вкусом. Зачем же тогда отнимать у детектива то, что он может дать исходя из этого принципа?

Детектив использует редкие ситуации (а вовсе не уловки), чтобы создать двусмысленность. Это известно всем. Если эти ситуации банальны или совсем неправдоподобны, то их можно вполне справедливо оспаривать. Но все же не стоит отнимать у автора право вымысла на необычность событий и одновременно клеймить жанр, называемый читателями, любимым.

ВОЛЧИЦЫ

РОМАН

Глава 1

— Ну, наконец-то! Все! Выпутались! — ликовал Бернар.

Колеса вагонов постукивали на стрелках, деревянные перегородки поскрипывали. Мешок с картофелем, о который я опирался всю дорогу, безжалостно впивался мне в бока и поясницу каждой своей картофелиной.

Через разорванную крышу вагона к нам врывался воздух, отдававший сыростью и грязным дымом паровозов; их гудки доносились до нас со всех сторон вперемешку с грохотом налетающих друг на друга вагонов.

Я попытался было встать в свою очередь, однако мощный рывок состава отбросил меня назад, на мешки, и только крепкая рука Бернара помогла мне возвратиться в вертикальное положение.

— Смотри-ка, — закричал он, — это уже вокзал Ла Гийотер!

— Может и Ла Гийотер, а может и нет.

— Да говорю же тебе, что это Ла Гийотер!

Я приблизил лицо к смотровому окошку, но увидел лишь очертания вагонов, тусклый рассеянный дым, да зеленые и красные звезды семафоров. Бернар встал рядом со мной.

— Ну как ты? Не очень устал?

— Я больше не могу...

— Я помогу тебе.

— Не нужно.

— Да ведь Элен живет совсем рядом!

— Не уговаривай меня, это бесполезно.

— Жервэ, старина, не строй из себя идиота.

— Я все решил, — отозвался я. — И больше не желаю быть тебе обузой. Я наверняка смогу найти другой вагон, следующий на юг — в Марсель или Тулон, не имеет значения куда... Я смогу найти выход из положения.

— Тише... Смотри: военный эшелон.

Мы ехали, постепенно замедляя ход вдоль эшелона, который словно насыпь отражал грохот нашего поезда. Под чехлами спутанные, словно гигантские животные, угадывались стволы орудий; затем пронеслись присевшие на удлиненных платформах танки. В какое-то мгновение я захотел, чтобы наш поезд остановился: тогда бы Бернар не смог выйти и не смог бы прийти к Элен. И, наконец, он бы уже не смог больше говорить о своей фортуне! Ах! Как мне уже надоела эта фортуна Бернара!

Еще с самого начала этой странной войны *, а особенно с тех пор, как мы начали жить в нестерпимой стадности барака, Бернар донимал меня своей неуемной, теплой дружбой. «Ты еще хуже, чем духовник!», — шутили в его адрес иногда товарищи. А вот я не имел права противиться ему, потому что он раз и навсегда решил, что я — его единственный друг, потому что среди всех он выбрал именно меня, для того, чтобы рассказывать мне о своей жизни. Он рассказывал мне о себе почти каждый вечер, неизменно добавляя после очередного откровения: «Ты-то ведь меня понимаешь! Какое счастье, Жервэ, что ты здесь!» Он подкармливал меня продуктами из своих посылок под тем предлогом, что я их никогда и ни от кого не получал. Он насильно засовывал мне в карманы сигареты и шоколад **. За два года я и двух часов не мог провести в уголке, чтобы насладиться одиночеством. Я курил табак Бернара, я носил кальсоны Бернара, словом я был пленником Бернара. Ну, а когда Бернар решил бежать, то он, само собой разумеется, прихватил и меня. «Со мной тебе нечего бояться, малыш Жервэ!» И самое удивительное то, что все это было правдой. Мы проехали с ним через пол-Германии, в самый разгар зимы и даже совершенно беспрепятственно пересекли границу Рейха. И вот теперь мы прибывали в Лион — грязные, заросшие, оборванные, словно

* «Странная война» — начало позиционной войны между гитлеровской Германией, Францией и Великобританией, когда боевые действия практически не велись.

** В первые годы оккупации Франции содержание французских военнопленных соответствовало женевской конвенции, и они через Красный Крест и другие организации получали письма и посылки.

клошары *, однако целые и невредимые. Бернар ликовал, а что касается меня...

Сев на мешок, я машинально порылся у себя в карманах. Тщетно: мы уже давно скурили наши последние сигареты. Тогда я наскреб несколько щепоток табака и принялся их жевать, в то время как вагон проезжал поворотный круг. Я очень смутно видел покачивающееся у смотрового окошка лицо Бернара. «Возможно ли это? Неужели мы и вправду расстанемся навсегда? Хватит ли мне наконец смелости жить одному, без чьей-либо помощи, как подобает настоящему мужчине?..»

— Иди, посмотри! — крикнул Бернар.

Я безропотно встал.

— Смотри... Вот это уже точно Лион.

Наш состав прополз мимо военного эшелона и теперь медленно катился в мрачной сырости. Звуки распространялись на большое расстояние и отзывались внизу слабым эхом.

— Мы должны сначала выйти на бульвар Жан Жорес, — объяснил Бернар.

Я до тонкостей уже изучил интонации его голоса и мне не сложно было догадаться о переполнявшей его радости.

— Жервэ, — продолжил он, — кроме шуток, ты ведь пойдешь со мной, правда?

— И не думаю.

— Послушай, умник, я же тебя знаю. Да ты же попадешь к ним в лапы еще до рассвета!

— Я, конечно, не такой шустрый как ты, но, уверяю тебя, что сумею выкрутиться.

— Послушай, Жервэ, сейчас не время...

И вот уже в который раз я был вынужден выслушивать очередную проповедь. Но не слушал его, а думал об Элен, находившейся уже так близко. По правде говоря, я не переставал думать о ней с самого начала! С того самого момента, когда Бернар начал мне рассказывать о ней.

..Элен Мадинье была солдатской «крестной» Бернара, то есть женщиной, по почте шефствующей над неизвестным ей солдатом. Таких как она было множество. Так что Бернару вполне могла попасться какая-нибудь сентиментальная дурочка с открытым сердцем. Но нет! Даже здесь фортуна не подвела его. В этой лотерее разыгрывания писем от крестных ему достался беспроигрышный билетик: Элен оказалась утонченной, мягкосердечной, образованной.

---

* Так во Франции называют профессиональных бродяг.

Я это знал, потому что Бернар заставлял меня читать все ее письма. А когда он писал Элен ответ, то справлялся у меня по поводу каждого слова. «А ты бы здесь как написал? А так можно сказать?» — спрашивал он то и дело. Бедняга Бернар! Как он страдал от своей необразованности и как он всегда боялся выглядеть смешным! Именно таким он и выглядел, однако при этом он оставался каким-то своим, так что его даже нельзя было послать к черту. Иногда он заводил меня за бараки, чтобы хоть какое-то время не слышать казарменную ругань, склоки да брань каторжников.

— Это очень деликатный вопрос, —бормотал он. — Да, я хорошо зарабатываю на жизнь, согласен. Но я не принадлежу к ее кругу и хорошо понимаю это. Ей больше бы подошел такой тип как ты: артист, ну и все прочее. Я хотел бы дать ей понять, что я люблю ее... Вот ты — как бы ты это выразил?

— Я бы просто взял и признался ей в своих чувствах.

— Но мне бы хотелось, чтобы это выглядело прилично.

— Ты знаешь, любовь, скорее всего, выглядит гротескно.

Я был уверен, что этим словом выведу его из себя. И он уходил, футболяя сугробы, но стоило ему увидеть меня то ли за штопкой одежды, то ли за стиркой белья, как он тут же подходил и говорил:

— Давай сюда, неженка! Чему вас только учат в ваших школах!

Он обладал великолепным талантом к выживанию и у него не было равных в искусстве превращения консервных банок, картонных ящиков и разбросанных по бараку отбросов в предметы первой необходимости. Как только его гнев исчезал, он тут же начинал увиваться вокруг меня.

— Ты, наверное, опять хочешь поговорить со мной об Элен?

— Мне нужен от тебя всего лишь один маленький совет, — умолял он. — В своем последнем письме она...

Так Элен превратилась в нашу общую навязчивую идею. Сколько раз Бернар показывал мне плохонькую фотографию, которую она прислала ему перед самым разгромом нашей армии и которая с каждым днем становилась все более засаленной, возвращаясь к нему в бумажник. Мы подолгу, склоняясь плечом к плечу, пытались рассмотреть получше это белое, расплывчатое лицо с закрученными сзади волосами. Ее темные глаза не выражали ничего, кроме скуки, вызванной, несомненно, необходимостью позировать перед фотоаппаратом, однако нам они

попеременно казались то нежными, то таинственными, то беспокойными, то томными. «Она представляется мне крупной, — уверял Бернар меня с менторским видом, — однако не слишком». Для Бернара существовало лишь три типа женщин: шлюхи; затем шли — «учительницы», то есть серьезные женщины, не терпящие никаких вольностей в обхождении и, наконец, «дамы высшего света», куда он включал как кинозвезд, так и принцесс. Строя всевозможные планы, он уже продавал свой лесопильный завод и покупал другое предприятие, в Лионе, правда, он еще точно не знал какое именно — ведь все будет зависеть от вкуса Элен.

— Судя по кварталу, в котором она проживает, у нее должно быть значительное состояние. В квартале д'Эней проживают в основном ревностные католики, а квартиры там великолепные. Там все либо владельцы шелковых фабрик, либо владельцы каких-то других предприятий!

В шутку — а кто знает, быть может и всерьез, ревнуя, — я постоянно приводил ему разные возражения, однако он уже все продумал: да, в случае необходимости он пойдет на мессу; да, он будет терпимо относиться к семье Элен, тем более, что она не столь уж многочисленна, да... Но, вдруг, становясь пунцовым, он взрывался: «Да я в конце концов не нуждаюсь в поддержке ни в чьей благотворительности! Да я, может быть, буду куда богаче их, ты слышишь? А когда я получу наследство от своего дяди, то смогу купить не только их дом, но и всю их улицу с потрохами, если мне того захочется!»

Но я с серьезным видом продолжал настаивать на своем:

— Ты напрасно вбил себе это в голову... В общем ты ведь только предполагаешь, что она тебя любит, однако до конца ты в этом вовсе не уверен. До нее ведь даже не дошли твои фотографии. А то, что она пишет тебе милые письма — ну так это вполне естественно. Ты ведь всего лишь несчастный пленник и она должна подбодрить тебя...

Бернар размышлял:

— Она сказала, что много думает обо мне. А ведь она не из тех, кто лжет. А все эти вопросы, которые она задает о моей жизни, о моих занятиях, о моих вкусах? Ведь они же говорят сами за себя? Что, не так?

Вместе с тем мои инсинуации не прошли даром и Бернар — человек привыкший к принятию мгновенных решений — начал испытывать неуверенность. Различными намеками он дал Элен понять, что, возможно, ему вскоре

предоставится случай повидать ее и что ему все сложнее переносить их разлуку; тут я сразу смекнул к чему он клонит, поскольку именно мне приходилось, как он наивно выражался, «делать его прозу художественной». И вот, одним морозным январским утром, во время возвращения с работ, он раскрыл мне свой план:

— Я передал письмо тому немцу, о котором я тебе рассказывал. Ну тому, самому, которому еще до войны я продавал лес для шахт. Это человек надежный и он поможет нам бежать отсюда.

Испугавшись, я попытался показать ему все трудности побега и тот ужасный риск, которому мы себя подвергнем.

— Не забывай: у меня есть вот это, — сказал он, ударив по своему бумажнику.

Там лежал его талисман. Какой же он все же странный, этот Бернар; в его атлетическом теле бьется сердце ребенка. Этот пресловутый талисман достался ему от дяди Шарля — от этого старого богатого дядюшки, живущего где-то в Африке. Трудно сказать что это было: то ли какое-то туземное украшение, то ли ладанка, подаренная каким-то миссионером. Я часто держал этот предмет в руке, в то время как Бернар в очередной раз рассказывал мне, как в 1915 году в его дядю попала пуля, но при попадании в этот талисман, сплющилась. Я должен признаться, что этот фетиш выглядел весьма заманчиво: он, вероятно, был закален и походил на те римские монеты, что были обнаружены в Помпеях. Это был кругляочок с неправильными и шероховатыми контурами, на котором едва вырисовывалась полустертая надпись. На реверсе был изображен какой-то неясный профиль, возможно птица. Бернар утверждал, что благодаря этому талисману он прошел под градом жизненных ударов без единой царапинки. Я давал ему выговориться, всегда раздражаясь при слове «талисман», которое он без конца повторял. Ему нравились разные напыщенные слова, украшающие страницы многотиражных иллюстрированных журналов. Вместе с тем мне было приятно ощущать вес этого предмета в моей руке, его шероховатую, неопределенную поверхность, на которой каждый, по своему желанию, мог различить признаки как удачи, так и неудачи. Как-то я предложил Бернару купить у него эту монету, но лишь оскорбил его этим:

— Да я никогда не расстанусь с ней, старина. Ты что! Тоже мне, скажешь такое! Быть может только благодаря этому талисману я и познакомился с Элен.

— Ты становишься маразматиком.

— Возможно, но я дорожу этим талисманом больше жизни.

...Вагон остановился и через окошко в него попадали капли дождя, занесенные порывом ветра. — Ты что, дрыхнешь? — спросил Бернар.

Я протер глаза. В темноте виднелись огромные тени, а по стенам вагона барабанил дождь.

— Превосходно, — продолжил Бернар. В такую погоду мы минимально рискуем наткнуться на патруль. Нужно только перелезть через насыпь, затем мы перейдем Рону, доберемся до площади Карно и набережной Саны. Улица Бурżеля будет находиться сразу же справа. Второй дом, четвертый этаж.

Грохот буферных ударов пробежал по всему составу и сильный толчок отбросил нас на мешки.

— Они загоняют нас на запасной путь, — пояснил Бернар.

Наш состав, действительно, поехал в обратном направлении, и вагон вновь начал поскрипывать на стрелках. Я почувствовал крайнюю усталость, мне было холодно и хотелось есть. Теперь я начинал ненавидеть самого себя.

— Она ждет нас обоих, — сказал Бернар. — Ты не посмеешь поступить так по отношению к ней.

— Но ты же знаешь, что на все эти приличия мне глубоко наплевать...

— Ну а я? Неужели ты бы бросил меня?

— Я хочу спать.

— Ты не ответил на мой вопрос.

— Ну ладно, ладно. Договорились... Я пойду с тобой.

— Ты боишься?

— Нет.

— Ты ведь прекрасно знаешь, что тебе нечего бояться.

Я почувствовал, как во мне закипает бешенство. Обхватив голову руками, пытался больше ничего не слышать. Тишины, черт побери, тишины! Ничего не говорить и не бороться! Однако вагон медленно продолжал катиться по рельсам, двери его вибрировали, доски скрипели, а Бернар по-прежнему бубнил свое. Я пытался собраться с мыслями, трезво оценить ситуацию, однако я был ослеплен довлеющим надо мной желанием во что бы то ни стало покинуть его, хотя и ослаб от голода, подточившего мои силы, и, был, наверное, неспособен действовать, как разумное существо. Состав постепенно, как бы исчерпывая свои силы, замедлил ход и вскоре остановился. Где-то вдалеке

громко засвистел локомотив, а мимо нашего вагона прошли какие-то люди, шлак резко скрипел у них под ногами. Затем я ничего не слышал, кроме ветра, швырявшего в окно капли дождя, свистящего в щелях дверей, а иногда набрасывающего на нас удивительно близкий и резкий шум выбрасываемого пара. Вдруг мы услышали доносящийся откуда-то бой часов. Поднявшись, я припал к окошку. Так значит это правда! В глубине этой вязкой темноты, действительно, скрывается город? Справа раздался бой других часов. Звуки терялись в дожде, возникали вновь, плыли под невидимым небом, уносимые режущим мне глаза февральским ветром.

Одиннадцать часов, — пробормотал Бернар. — Я не знаю, когда здесь начинается комендантский час, но нам нужно поторопиться. Сейчас не время нарываться на патруль!

Он потирал руки, уверенный в себе и сильный; мне казалось, что несмотря на темень, я вижу его лицо, его сверкающие зубы, его теплые глаза, его мясистый нос гурмана и эти две маленькие родинки, расположенные у левого уха. Нет, у меня не хватит сил расстаться с Бернаром. Хотя он и раздражал меня, я все же любил его. Нас связывала друг с другом привязанность и общие привычки.

— Бернар!..

— Замолчи. Я открываю дверь.

Я услышал, как хрустнуло его плечо и мне в лицо ударил дождь. Я увидел что-то белое, должно быть пар нашего локомотива, а затем под длинным металлическим козырьком я увидел красный глаз семафора.

— Я выхожу, — прошептал Бернар. — А ты сядь на край вагона, я тебя поддержу.

Он спрыгнул и у него под башмаками заскрипели камешки. Я ощупывал темное пространство, пытаясь обнаружить дверь, как вдруг почувствовал его руку, схватившую меня за ногу.

— Давай, сползай.

Словив меня, он начал дружески похлопывать меня по плечу.

— Да, старина, тебе необходимо поправиться, а то ты стал как пушинка.

— Бернар!.. Мне бы хотелось...

— Заткнись! Произнесешь свою речь потом, когда мы придем домой.

Это слово тут же воспламенило во мне всю дремавшую злость. Дом! Он уже считает себя хозяином всего: и Элен,

и здания, и семейных традиций. Через два дня он будет решать судьбу каждого из нас и его хорошее настроение унесет остатки сдержанности в наших отношениях и его неуверенность, а я, в который уже раз, назову себя мокрой курицей.

— Послушай, Бернар!

— Гляди-ка лучше хорошенько под ноги, куда ты идешь!

Мы удалялись от вагона; красный глазок семафора как бы оказывал нам дружескую помощь своим светом, но вскоре он остался позади нас, и мы очутились в сплетении рельсов и в чаще неподвижных составов. Моросил мелкий пронизывающий дождик, напоминающий тучу насекомых, облепивших наши щеки, жужжащих над нашими ушами; в то же время он приглушал другие шумы, меняя их направление; от этого меня охватил живой ужас, ноги налились свинцом.

— Что с тобой?

— Мы уже в самом центре сортировочной станции, — пробормотал я.

— Ну и что?

Он уверенно пошел дальше, и я поспешил за ним, чтобы не упустить его из виду. Над нами нависали огромные дождевые тучи, под ногами сверкали переплетения из рельсов, повсюду маячили, словно нарисованные углем, столбы семафоров, а вокруг виднелись темные острова из вагонов — вот такой была, в общих чертах, обстановка, в которой мы очутились. Время от времени, как захлопывающиеся ловушки, пощелкивали стрелки. Все это сопровождалось шумом ритмичного переката колес, исчезающего вдали.

Мы огибали состав, как вдруг я наткнулся на вытянутую руку Бернара.

— Осторожно!

Прямо перед нами с грозной неторопливостью проскользнула тень, показавшаяся нам еле движимой. Она удалилась от нас и врезалась в темноту, издавшую звук резкого удара о буфер.

— Ну вот, — спокойно заметил Бернар, — еще бы один шаг... К счастью, мой талисман при мне... О! Черт возьми! Кажется, я...

Я почувствовал, что он шарит по своим карманам.

— Жервэ, мой талисман... Я потерял его!.. Вчера вечером он еще был со мной, я в этом уверен. Я же дотрагивался до него! Только этого еще и не хватало!

В полной растерянности он лихорадочно обшаривал свои карманы, голос его был пронизан отчаянием:

— Он же не мог выскользнуть! Я ведь не снимал куртку... Нет, помнится, сегодня утром я все-таки снимал ее... Это же невероятно!

Внезапно он принял решение.

— Жервэ, ты будешь ждать меня здесь. Мне необходимо вернуться в вагон.

— Ты сошел с ума!

— Не беспокойся, старик, дорогу назад я найду. Да и потом, у меня просто нет другого выхода! Ведь ты же не хочешь, чтобы талисман, спасший мне жизнь, пропал?.. Оставайся здесь, слышишь?

— Бернар!

Он ведь заблудится! И я, спотыкаясь, бросился за ним. Мне было жутко стоять здесь одному, у края вагона, который — я это чувствовал — начал приходить в движение. Бернар был еще неподалеку, но он был крепче и проворней меня.

— Бернар, подожди меня!

Он бежал, перескакивая со шпалы на шпалу. Силы мои были уже на исходе. Перед нами, грохоча своими рычагами и колесами, прополз маневровый локомотив, густо окутав нас дымом. Земля дрогнула, пелена дождя, рассеченная огромной пламенеющей махиной, закружилась то ли смерчем, то ли водоворотом, обдав меня градом теплых капель. Я опять увидел очертания Бернара, но был вынужден замедлить свой шаг: ноги мои путались в сплетении рельсов и контррельсов, башмаки скользили, как по льду. Я ясно предчувствовал то, что неминуемо должно было произойти.

— Бернар! Вернись!

Мы очутились на перекрестке коварно сверкающих путей, похожих на огромную розу ветров, направляющую во все стороны мчащиеся в ночи составы. Я увидел два движущихся в нашу сторону вагона, часто и неожиданно меняющих свое направление, как будто они хотели поточнее взять нас на прицел. Как вкопанный, я остановился и, вытянув перед собою руки, стал похож на подбитую охотником птицу. Вагоны проскользнули почти вплотную, выбирая свой путь в железном лабиринте рельсов. Из их нутра доносилось дыхание животных, бессильно постукивающих своими копытами по настилу.

Крик Бернара вонзился мне в сердце, как острие лезвия. Я опешил, мне сперло дыхание. А вагоны все шли

и шли. Наконец они удалились, покачивая цепями сцепок. Чуть поодаль я разглядел платформу с контейнером, скользящую с плавностью шаланды по гладкой воде. На ходу в глаза бросилась огромная, хорошо различимая надпись: «АМБЕРЬЕ — МАРСЕЛЬ»...

Я услышал, как стонет Бернар, и, совершенно обезумев, стал искать его среди всех этих рельсов. Я на что-то натыкался, спотыкался и, в конце концов, обессилев и упав на четвереньки, начал ощупывать шпалы. Моя рука наткнулась на его тело, и от неожиданности я отпрянул.

— Бернар... Дружище...

— Это конец, старик, — задыхаясь прохрипел Бернар.— Моя нога... Я потерял столько крови...

— Я пойду за врачом...

— Чтобы они сцапали тебя? Оставь меня... Возьми мой бумажник, документы — все, что у меня есть... Иди к ней — она тебя спрячет...

На какое-то время он потерял сознание. Мои колени упирались в щебень, я держал Бернара за руку.

Я не мог себе даже представить, что можно быть до такой степени несчастным. Справа и слева по два, по три и в одиночку проезжали вагоны, и вдруг мне жутко захотелось, чтобы один из них пошел на меня, принеся тем самым забвение и вечный покой.

— Будь осторожен... Патруль... — бормотал Бернар. — Не убегай от них... А то они пристрелят тебя... Скажешь Элен...

Из его горла вырвался звук, похожий на хрип, и я понял, что это конец, что отныне я остался наедине со всеми своими страхами, без всякой защиты и опоры.

Что мне оставалось делать без Бернара? Я мог только пойти и сдаться властям. Мне казалось, что сам я не в силах выпутаться из этой переделки. А что я скажу Элен? Если расскажу ей всю правду, она вышвырнет меня вон. Придется врать. Другого выхода у меня нет.

Дрожа всем телом, я вытащил из кармана Бернара бумажник. Щебенка мучительно впивалась в мои колени. Я встал. Прощай, Бернар!

Вытерев лицо, мокрое от дождя и слез, я проковылял свои первые шаги — шаги одинокого и свободного человека. Страх не покидал меня, и я знал, что это чувство будет во мне жить вечно. Повернув голову, я посмотрел на Бернара: его тело вырисовывалось на фоне рельсов темным пятном; движение вагонов продолжалось, колеса скреже-

тали на стрелках, скрипели на контррельсах, стучали по бесконечной паутине из металла. Я пошел, согнув спину от их звуков, словно прячась от пулеметного обстрела, сжимая в руке бумажник Бернара. Мною овладело омерзительное чувство, что я попросту обворовал его еще теплое тело.

Глава 2

Наконец мне удалось выбраться из этого жуткого лабиринта рельсовых переплетений, и я очутился на размытой дороге. Теперь я должен был сориентироваться и решить, куда же мне идти. Еще в концлагере Бернар неоднократно рассказывал мне, в общих чертах, о Лионе, в котором он часто бывал проездом, поэтому кое-какое представление об этом огромном городе я все же имел. Я представлял его частично зажатым с двух сторон Соной и Роной, словно он лежал между изветвлениями буквы «у». Вероятнее всего, я находился где-то в середине этого «у», неподалеку от вокзала Пераш. Однако мне было не ясно, с какой именно стороны располагался вокзал. Впереди меня или сзади? Растерявшись, я стоял, так и не зная, куда же мне все-таки направиться. Вдруг, откуда-то спереди, до меня донесся глухой, искаженный дождем и туманом, звук станционного громкоговорителя. На мгновенье я представил себе пассажиров — обитателей из другого мира: сытые и тепло одетые, при деньгах, они неторопливо садились в скорые поезда, спокойно засыпали, а проснувшись, умиленно любовались Средиземным морем, волны которого накатывались на золотистый песок пляжа. От усталости и отчаяния я застонал. Ведь сам-то я был отверженным, заблудившимся в этом жутком лабиринте, в мире ветра и воды, с телом и душой, в которых едва теплилась жизнь. Я был уверен, что мне таки не удастся добраться до порта, и все же я двинулся вперед, обезумев от отчаяния, даже не пытаясь заглушить шум своих шагов.

Дорога оказалась узкой. Слева от меня тянулась железнодорожная насыпь, о камни которой я то и дело спотыкался; справа угадывалась пустота, от которой я старался держаться подальше, хотя логика подсказывала мне, что спасение надо искать именно там: вероятнее всего, что вдоль насыпи должна была проходить какая-нибудь улица. Я напряженно всматривался в кромешную тьму, опасаясь напороться на острые ограждения. Между тем дождь — один из тех нескончаемых дождей, таящих в себе что-то зловещее — продолжал моросить. В памяти всплыли

времена, когда я по четверти часа крутился перед зеркалом, подбирая себе галстук; теперь же я превратился в изголодавшегося оборванца, и у меня возникло непреодолимое желание до бесконечности продлить свои страдания, чтобы вдоволь поглумиться над самим собой и своим прошлым...

Носком ботинка я осторожно начал ощупывать склон и обнаружил, что это достаточно крутой откос. А что если попробовать съехать с него сидя? Опустившись на размякшую землю, я начал осторожно съезжать вниз, тормозя каблуками. Мои опасения оказались напрасными: мне без труда удалось благополучно спуститься. Наконец моя нога ступила на тротуар. Перед мной лежал город.

Пустынный и темный, молчаливый город, по которому текли потоки дождевой воды и время от времени хлопали дверцы ставен. Мои шаги издавали глухое эхо, которое отражалось от фасадов невидимых зданий. Я начал мыкаться по улице, словно букашка в поле, усеянном камнями, пока не споткнулся о тротуар и не уперся в сплошную стену, находящуюся справа от меня. Теперь мне оставалось собрать последние силы и идти вдоль этой стены. Рука моя скользила то по окнам с закрытыми ставнями, то по железным шторам, а пальцы горели от трения по грязному цементу и время от времени натыкались на размокшую краску наклеенных на стены плакатов. Вдруг стена оборвалась. Напрягая все мускулы своих ног, я стал продвигаться вперед, недоверчиво ступая в надежде снова обнаружить кромку тротуара. Перейдя перекресток и очутившись на противоположной стороне улицы, я вытянул вперед руку и наткнулся прямо на здание. В моих ботинках хлюпала дождевая вода, а с крыш домов на плечи обрушивались ледяные потоки, насквозь пронизывающие мою и без того промокшую до нитки одежду. Но инстинкт самосохранения, заставляющий каждого из нас беспокоиться о нашем здоровье и жизни, давно покинул меня: наоборот, с некоторым оттенком восхищения собой и своими муками я упивался этими страданиями...

Где-то пробило половину... Но половину чего? С минуты на минуту я мог наткнуться на патруль; а улица казалась нескончаемой, и мои горящие пальцы уже не ощупывали стены. Я осторожно ступил несколько пробных шагов и ощутил, что стою на чем-то гладком и скользком. Присев, я стал ощупывать руками землю и обнаружил, что это — трамвайные рельсы, и в моем сердце затеплилась искорка надежды. Я почувствовал себя уже не таким одиноким и

растерявшимся человеком. Эта стальная ниточка наверняка должна была довести меня до центра города. Придерживаясь ее, я двинулся и вскоре очутился посреди огромного пространства, по которому свободно разгуливал ничем не сдерживаемый ветер. До меня доносился неясный гул, похожий на шум приложенной к уху морской раковины. Я насторожился и тут же уловил резкий запах рыбы, водорослей и речной воды. Неужели я подошел к берегу Роны? Неужели мне удастся добраться до цели?

Я опять остановился, но эхо моих шагов почему-то не смолкало... Прислушавшись, я понял, что это были не мои шаги! Впереди меня кто-то шел. Застыв на месте как вкопанный, я даже не решался вздохнуть. Но тут же подумал, что во встрече с каким-то прохожим нет ничего удивительного. И все-таки этот прохожий пугал меня своим уж слишком уверенным шагом. Его кожаные подошвы четко отбивали такт по асфальту. Что это: солдатские сапоги или всего лишь обычные зимние ботинки? Шаги начали удаляться, и я заставил себя последовать за ними. До этого момента я имел дело с предметами, теперь же мне предстояло столкнуться с людьми. Перед глазами у меня возник образ Бернара. Я призывал его как своего ангела-хранителя... Шум шагов постепенно стихал и еще через мгновенье растворился во тьме. Ступив вдруг на мягкую почву, я понял, куда он исчез: его поглотила площадь. Я стоял на площади и раздумывал: не площадь ли это Карно, о которой мне рассказывал Бернар? В таком случае, чтобы добраться до Соны, мне нужно было идти прямо вперед. Но каким образом? В этом кромешном мраке придерживаться ориентира прямой линии было совершенно невозможно. И все же я двинулся и тут же чуть было не упал от полученного в плечо удара. Я попытался определить препятствие, на которое натолкнулся, и ощутил под своими пальцами неровную шероховатость коры. Ну, разумеется, площадь ведь обсажена деревьями. Очень медленно и со всеми предосторожностями я продолжил свое продвижение, и всякий раз, натолкнувшись на липкую, поросшую мхом поверхность коры, вздрагивал, замирал и вновь продолжал свой путь на ощупь. Башенные часы торжественно возвестили время. Десять... одиннадцать... двенадцать ударов. Множество других часов вторили им и увеличивали перезвон, вплетая в него свои голоса, они обстоятельно уведомляли меня о том, что время предоставленной мне судьбой отсрочки истекло. Из запоздалого прохожего я превратился в лицо, вызывающее подозрение.

Неужели я упустил свой шанс? Ну уж нет! Находиться в пяти минутах ходьбы от дома Элен и сдохнуть? Это было бы слишком глупо.

Я прислонился к дереву, уткнувшись лбом во влажную кору. Только не теряться! Не падать духом! Я нахожусь где-то неподалеку от вокзала Пераш. Значит, мне нужно ориентироваться по нему: оставив его слева, идти вдоль бульвара, как называется... что-то связано с какой-то битвой... В конце и должна быть Сона. Напрасно я пытался уловить какие-нибудь звуки. Нужно было идти дальше немедля ни минуты. Я опять двинулся наугад, и земля вроде стала твердеть у меня под ногами. Вдруг я услышал рокот мотора и одновременно увидел желтую полоску света, бегущую вроде бы вдоль проспекта. Свет удалялся. Проследив его путь, я вскоре ступил на широкий тротуар. Слишком уж широкий, по моему мнению. Судя по всему, я очутился в фешенебельном квартале, застроенном зданиями кафе и особняков: находиться здесь было небезопасно. К счастью, я неожиданно обнаружил просторное углубление какого-то подъезда, куда и шмыгнул, как крыса. И точно так же, как крыса, я перебегал от одного такого убежища к другому. Таким образом мне удалось успешно избежать столкновения с группой солдат, стучащих подошвами сапог и курящими сигареты.

От задубевшей кожи ботинок ноги мои стерлись до крови. Еще одно усилие, и я доплелся до конца площади, но тут же подумал, что запутался окончательно. Вероятно, я все же обошел площадь по кругу и попал на центральную улицу, ведущую в Белакур... Стоп, кажется, я спускаюсь по какому-то склону. Да, точно, улица ведет вниз. Я остановился, чтобы поразмыслить. Что же в этой части города может идти вниз под уклоном? Может, это набережная? Тогда это значит, что я нахожусь на берегу Соны... И я повернул обратно и под непрекращающимся дождем опять принялся на ощупь отыскивать дома, вытянувшиеся вдоль набережной. Однако их теперь почему-то не было. Неужели мне придется подохнуть здесь, в этой кромешной тьме, быть может, всего в нескольких десятках метров от убежища?! Голова моя раскалывалась от боли, ноги пронизывала мелкая дрожь. Вдруг я заметил на земле полоску слабого света, исходившего от электрического фонарика, который освещал две передвигающиеся в штатской обуви ноги.

— Эй! — крикнул я из последних сил. — Как пройти на улицу Буржеля?

Фонарик тотчас же погас, и колеблющийся голос неуверенно переспросил:

— На улицу Буржеля?

— Да.

— Вторая направо.

Я услышал шорох резинового плаща: прохожий поспешно удалялся. Вероятно, он принял меня за бродягу. И все же звук его голоса ободрил меня. Теперь оставался сущий пустяк: сосчитать улицы, держась за фасады домов. Самое страшное было позади. Теперь-то уж ничто не смогло бы помешать мне достичь дома Элен. Вот позади одна улица... вторая... стоп — это здесь. Нет, не этот угловой дом — следующий.

Моя рука уже шарила по камню в поисках кнопки звонка, как вдруг я вспомнил, что его здесь не должно быть. Бернар часто рассказывал мне, что каждый житель Лиона обычно имеет свой ключ от парадного и что консьержи в этом городе двери обычно не открывают. Этот удар судьбы окончательно подкосил меня. Потеряв остаток сил, я всем телом рухнул в углубление дверного проема. Ох! Уж лучше бы я остался там, рядом с Бернаром, и покорно дождался бы смертоносных колес вагона.

Ведь на рассвете первый же выходящий из дому жилец прогонит меня как человека, чье присутствие возле двери дома крайне нежелательно. Куда же мне идти? Да и в таком ужасном виде я просто не смогу войти в дом Элен, не скомпрометировав ее в глазах соседей. Итак, если ночью мне не удастся проникнуть в дом, то можно уверенно считать, что я погиб. Опершись о стену, я стоял и думал, что у меня нет ни малейшей возможности войти. Я посмотрел на свои ноги, забрызганные грязью, опустился на ступеньку и свернулся клубочком, чтобы кое-как сохранить остатки тепла. И тут я услышал, как по улице кто-то бежит. Судя по поспешному и частому звуку шагов, это была женщина. Сделав усилие, я поднялся: несмотря на всю ничтожность возникшего на спасение шанса, в моей душе вновь затеплилась надежда... Шаги все приближались и приближались, и я даже отодвинулся от двери, посторонился — до такой степени мне хотелось верить в то, что женщина идет именно сюда. Вот шаги замедлились, и послышался звон связки ключей. Затем вошедшая остановилась рядом со мной, так близко, что я вдохнул запах ее промокшего плаща, который смешался с запахом лавандовых духов.

— Извините меня...

Она испуганно вскрикнула.

— Не бойтесь... Такая темень, что сам черт ногу сломит... Не понимаю, куда это мог запропаститься мой ключ?.. Какое это счастье, что вы подошли...

Она молча открыла дверь, и я вслед за ней юркнул в темный вестибюль. Явно не питая ко мне доверия, она торопливо вбежала по лестнице вверх, поспешив скрыться за своей дверью. Я же, прислонившись спиной к двери подъезда, ощутил: за ней остались бесконечный дождь, опасности и невыносимо ужасное одиночество беглеца. Теперь я вкушал сладостные минуты передышки. Голова у меня слегка кружилась, но я все же был уверен, что еще смогу найти в себе силы подняться на четвертый этаж, где живет Элен. В вестибюле стоял запах сырого, ветхого, непроветриваемого помещения. Меня начали одолевать сомнения: действительно ли это тот дом, который мне нужен? Отыскав лестницу, я ухватился за ее железные перила. Широкие каменные ступеньки красноречиво свидетельствовали, что жильцы здесь были солидными. Но в этом квартале, наверное, все дома такие. Я медленно поднимался, охваченный сомнениями. Что, если я ошибся и Элен живет совсем в другом доме? При мысли, что мне придется столкнуться с ней лицом к лицу... я стал желать, чтобы этого не произошло. Я уже был не в состоянии что-либо рассказывать или объяснять.

Подойдя к двери на четвертом этаже, я нажал кнопку звонка, но он молчал. Тут я вспомнил, что электричество отключено, и начал потихоньку постукивать по двери согнутым пальцем. Прошло довольно много времени, прежде чем до меня донеслось легкое, отдаленное шарканье домашних шлепанцев, настолько отдаленное, что за дверью я вообразил целую анфиладу комнат, погруженных в сон. Дверь приоткрылась. Я различил дверную цепочку и часть освещенного свечой лица: серый глаз над впалой щекой пристально рассматривал меня. На секунду представив себя в этом колеблющемся свете свечи, я невольно отступил назад к лестнице. Но глаз с играющими на его зрачке отблесками свечи, казалось, оказывал на меня гипнотическое воздействие. Я терялся в догадках: кто же была эта немолодая женщина. Мои щеки залила краска. И тогда губы незнакомки, наконец, зашевелились.

— Это вы — Бернар?..

Покорно склонив голову, я пробормотал:

— Да, это я.

И — о боже! — дверь передо мной распахнулась. Кошма-

ры канули в небытие. Прежде всего поесть и отоспаться, а завтра я все расскажу и объясню. Спотыкаясь, неуклюже продвигаясь по натертому паркету за худощавым силуэтом Элен, я старался не запачкать ковры. Стелящееся пламя свечи слегка освещало огромные комнаты, мрачную мебель, обои, картины, рояль... Я повторил про себя: «Помни! Ты — торговец лесом! Не забывай об этом!» В этот момент я окончательно решил стать Бернаром. Мы вошли в ванную. Запахивая на груди халат, Элен повернулась ко мне.

— Мой бедный друг! У вас такой измученный вид!

— Ничего, Элен, все в порядке, не беспокойтесь...

Она приподняла подсвечник, чтобы получше осветить мое лицо, да и я смог рассмотреть ее получше.

— Я так и не дождалась вашей фотографии, — сказала она, пытаясь таким образом объяснить свой жест. — А вы именно такой, каким я вас себе и представляла... Вы меня, наверное, не узнали? Это все лишения, тревоги... Война превратила всех женщин в старух.

Она поставила подсвечник на низкий столик и открыла краны.

— Вода у нас не очень горячая... Я пойду поищу для вас что-нибудь из одежды отца. Он был приблизительно одного с вами роста... А что с вашим другом Жервэ?

— Он мертв, — ответил я.

— Мертв?

— Да, несчастный случай... Я потом вам все расскажу...

— Бедный парень! Вам, должно быть, было нелегко перенести утрату друга.

Вынимая из шкафчика мочалки, она беседовала со мной, словно пыталась нащупать нужную манеру разговора — ведь до сих пор мы были фактически лишь двумя незнакомыми людьми, много думавшими друг о друге.

— Пока вы будете мыться, я накрою стол.

— С меня хватит и куска хлеба. Я не хочу объедать вас.

В ней были какая-то элегантность, статность и даже изысканность. Я никак не мог понять, чем Бернару удалось заинтересовать ее? Зачем это ей понадобился солдат-крестник? Она, скорее, принадлежала к тому типу женщин, которые участвуют в Красном Кресте, заведуя лишь благотворительной больницей или какой-нибудь богодельней. Сколько же ей лет? Где-то около тридцати трех или тридцати четырех. А Бернару она выслала, вероятно, очень

раннюю фотографию и тем самым ввела в заблуждение нас обоих.

Швырнув в угол свои грязные, мокрые лохмотья, я погрузился в теплую ванну. Я вновь возвращался в цивилизованный мир, и мои мысли входили в привычное русло: я отметил про себя тот факт, с какой уверенностью или даже с унижающей меня снисходительностью Элен препроводила мою особу прямиком в ванную. Я догадывался, что Бернара она представляла себе этаким мужланом. Нужно будет непременно выяснить этот момент, но только потом, когда я отосплюсь. Теперь у меня будет уйма времени, и я смогу его как угодно тратить, растрачивать, использовать по своему усмотрению, хотя, в принципе, я уже заранее знал, что начну смертельно скучать, как только проснусь. Да, Бернар был прав, когда говорил мне, что человек я — противоречивый.

— Возьмите халат, — раздался из-за двери голос Элен и просунулась ее рука. — Ну, как вы теперь чувствуете себя?

— Немного лучше... У вас случайно нет бритвы?

Она расхохоталась искренним смехом счастливой женщины.

— Вы хотите побриться? В такое позднее время?

— Да, я хотел бы побриться именно сейчас.

Я старательно выбрил щетину и аккуратно причесался, прекрасно осознавая, что невольно желаю понравиться этой женщине, еще одной женщине в моей жизни! Но я поклялся себе, что... Господи, до чего же я хочу спать! Одеваясь, я уже улыбнулся... Мое новое облачение оказалось крайне респектабельным: строгий пиджак с массой пуговиц и брюки дудочкой.

Выйдя из ванной, с подсвечником в руке, я проследовал через какую-то спальню и попал в небольшую гостиную.

— Идите сюда! — крикнула мне Элен.

Я пошел на звук ее голоса и очутился в сверкающей столовой, торжественная мебель которой сразу же бросалась в глаза. Четыре свечи освещали тяжелое столовое серебро и кружевную скатерть. Повернувшись ко мне, Элен возвела руки к небу.

— До чего же вы еще молоды! — пробормотала она.

— Тем не менее мне уже за тридцать. Извините меня, что доставил вам столько хлопот.

— Садитесь-ка лучше за стол!

Я заметил перемену в ее поведении: она вела себя уже не так уверенно, то и дело поглядывая на мои руки и, ве-

роятно, спрашивая себя, могут ли такие руки принадлежать торговцу лесом. Я же испытывал не лишенное прелести волнение, находясь рядом с женщиной, о которой так часто слышал в ненавистном мне шуме барака. Нет, она не была красавицей, ее даже нельзя было назвать хорошенькой. Без всякой прически, да и вообще не такая уж женственная, однако с нравящимся мне прямым и властным выражением больших серых глаз. Передо мной стояла задача покорить этот взгляд.

— О! Откуда это? — невольно вырвалось у меня. — Сардины в масле?.. Ветчина?.. Мясо?.. Кажется, я сойду с ума!

Она улыбнулась с неускользнувшим от меня оттенком грусти:

— Не стесняйтесь, кушайте. У нас в деревне есть знакомые, которые снабжают нас продуктами.

Я принялся уплетать за обе щеки, а она по-прежнему наблюдала за мной, с удивлением отмечая, что я умею пользоваться ножом и вилкой.

— Ваш путь в Лион был, наверное, полон опасностей?

— Да нет, опасностей как раз было не слишком много. В Германии у меня был один знакомый предприниматель — он-то и спрятал нас в вагоне с грузом, следующим на запад. А в Безансоне мы пересели на поезд с табличкой «ЛИОН». Как видите, все очень просто.

— А что все-таки произошло с вашим другом Жервэ?

— С Жервэ?.. Он попросту попал под колеса маневрового локомотива в тот момент, когда мы переходили через пути... Он умер сразу же, на месте.

— Я так хотела с ним познакомиться. Да, это все слишком печально. Судя по вашим письмам, этот парень подавал большие надежды.

— Да, думаю, он мог бы преуспеть. Ведь еще до войны он увлекался театром, публиковал свои рецензии в журналах... Из него было очень трудно что-либо вытянуть, он всегда был мрачным и замкнутым в себе. Да и, в конце концов, я знал о нем не так уж много.

Она хотела было сменить мне тарелку, но я запротестовал; тогда она налила до краев мой стакан красным вином.

— Хватит, хватит, спасибо.

Благодаря действию настоящего «Бордо», чувства мои стали притупляться. Вместе с тем я чрезвычайно хорошо почувствовал атмосферу, царящую в этом старинном доме. Здесь все свидетельствовало о солидном положении в обществе и крепких узах этой семьи. Даже слишком крепких

для одиноко живущей женщины. Но, может быть, она живет не одна? Мгновеньем раньше у меня уже возникло впечатление, что в соседней комнате справа кто-то подслушивал нас. Мне даже показалось, что я заметил какие-то отблески на полированной поверхности стоявшего там рояля, на котором светлым пятном лежала партитура.

— Вы музицируете? — спросил я.

— Да...

Похоже, она вначале смутилась, но затем, неожиданно решившись, выпалила:

— Я даже даю уроки... чтобы слегка отвлечься. Но вы не беспокойтесь, комната, где вы будете жить, расположена в самой глубине квартиры, так что я не буду вам мешать.

— Да нет же, напротив, я очень огорчен этим обстоятельством, я ведь обожаю музыку, а в детстве даже сам немного играл на пианино.

— Вы умеете играть на пианино?! Вы никогда мне об этом не писали.

— О, я считал это мелочью, не заслуживающей вашего внимания.

Паркет еле слышно скрипнул, и я невольно обернулся в сторону гостиной; Элен, в свою очередь, тоже повернула голову.

— Ладно уж, входи! — произнесла она.

И в комнату вошла, а точнее — бесшумно вплыла девушка.

— Моя сестра Аньес, — представила ее Элен.

Я встал, поклонился, и до меня донесся проникновенный, теплый и живой, как запах тела, аромат лаванды. И тут я вспомнил! Так вот, оказывается, кто была та незнакомка, спешащая по улице после наступления комендантского часа и испуганно поторопившаяся отделаться от моего общества.

— Позвольте мне поблагодарить вас, мадемуазель. Если бы не вы, мне пришлось бы провести эту ночь на улице.

После моих слов воцарилось молчание. Должно быть, я сказал лишнее. Элен бросила на свою сестру быстрый взгляд, значение которого так и осталось для меня загадкой. Аньес же улыбалась. Это была маленькая, худенькая и хрупкая блондиночка с беспокойным, глубоким взглядом близорукого человека, с этаким нежным, темно-коварным выражением лица. Она продолжала хранить молчание, пристально рассматривая меня. Я сел на свое место.

— Моя сестра задержалась у друзей, — объяснила мне Элен. — С ее стороны это непростительное легкомыслие. А между тем ей бы не помешало вспомнить, что немцы шутить не любят.

Я проглотил несколько ложечек варенья, словно меня ни в коей мере не смущала возникшая натянутость атмосферы.

Аньес по-прежнему улыбалась, а Элен, казалось, чувствовала себя несколько раздраженной и старалась внутренне подавить в себе это чувство.

— Иди-ка лучше спать, — сказала она сестре. — А то завтра ты опять будешь себя плохо чувствовать от недосыпания.

Аньес, как ребенок, подставила для поцелуя свой лоб, затем слегка склонилась передо мною в едва уловимом реверансе и, наконец, удалилась своей бесшумной походкой, свесив по бокам руки. Коса на ее голове походила на венчающую корону.

— Сколько ей лет? — спросил я.

— Двадцать пять.

— А я бы дал ей не больше шестнадцати. Очаровательное создание.

Мне не следовало говорить эти слова, однако я произнес их намеренно. Элен лишь вздохнула.

— Да, очаровательное создание. Но если бы вы только знали, сколько хлопот она доставляет мне... Может быть, вы желаете еще чего-нибудь?

— Честное слово, нет.

— А чашечку кофе?

— Нет, спасибо, не хочу.

— Ну а сигарету? Надеюсь, что от этого вы уж не откажетесь?

Она принесла мне пачку «Кэмела» и зажигалку. Я не стал задавать лишних вопросов, но про себя все же отметил, что уже «Кэмел»-то им присылают явно не из деревни.

— Пойдемте, я покажу вам вашу комнату.

Через узкий коридор она провела меня в комнату с альковом, приведшим меня в неописуемый восторг. Я тут же подумал, что смогу забиться в него, словно зверек в свою норку. С детства я обожал разного рода укромные уголки, гнездышки, защищенные со всех сторон убежища. В порыве благодарности я невольно схватил Элен за руки.

— Огромное вам спасибо!.. Я так счастлив, что оказал-

ся здесь, у вас... что получил возможность познакомиться с вами...

Она отступила шаг назад, вероятно, опасаясь каких-нибудь других, более агрессивных выпадов с моей стороны. В этот момент я готов был поклясться, что она никогда еще так близко не подпускала к себе мужчину. Я тут же отметил про себя, что личность она — довольно странная и совсем не похожа на ту, которую мне описывал Бернар! Но я лишь скромно поцеловал ее руку, полагая, что этот жест должен ей понравиться. В моих глазах он выглядел довольно смешным, но она, без сомнения, оценила его иначе.

— Спокойной ночи, Элен.

Когда я бросил свою одежду на кресло, из нее выпал на пол бумажник Бернара. Я поднял его, покрутил в руке, а затем снова засунул в карман. Бернара? Хм... Теперь это был уже мой бумажник!

Глава 3

Я проснулся очень рано, по привычке ожидая сигнал к подъему. Мои пальцы недоверчиво ощупывали тонкое одеяло и мягкую перину. Тут я сообразил, что нахожусь в Лионе, защищенный своим альковом, и что я уже не в лачуге. Сохранившимся с детства жестом я запустил свою руку под матрац и сладко зевнул, вкушая неисчерпаемую радость чувства свободы: теперь я был вне досягаемости всех этих шефов, командиров, товарищей — я перестал быть солдатом. Что же касается Бернара, то в душе я все-таки помирился с ним. Наверное, я был один из тех, кто умеет любить людей лишь после их кончины. Элен?.. Она, пожалуй, тоже не исключение: если в лагере она была для меня всего лишь образом и как-то волновала меня, то после того, как я увидел ее... Одним словом, она стала интересовать меня гораздо меньше. Однако я был счастлив, что она, надо полагать, любила меня, или, по крайней мере, пыталась полюбить — ведь в ее отношении к Бернару чувствовались какая-то натянутость и принужденность. Я собирался рассказать ей всю правду, чтобы не обманывать ни себя, ни ее, ведь солгал-то я лишь с целью выиграть время. Признание сразу же в том, что я — не Бернар, а Жервэ, повлекло бы за собой осложнения, и в результате, как минимум, — возврат к ежедневным опасностям и испытаниям жизни вне закона... Но я прекрасно отдавал себе отчет в том, что сообщив о смерти

Бернара, я не смогу оставаться в этом доме ни минуты; вместе с тем я почувствовал, что мне здесь нравится и очень хочется остаться — до такой степени мне было здесь хорошо. Я сразу же полюбил эту тишину под высокими строгими потолками и отблески свечей.

Я уже решил, что присутствие Элен и Аньес нисколько мне не помешает, что от них мне нужно лишь заботливое отношение и избавление от всех трудностей до тех пор, пока я не восстановлю свои силы и не легализируюсь. Вероятно, они обе будут частенько уходить, и тогда, находясь в одиночестве, я буду раскрывать стоящий в гостиной рояль и... Затем я начну их постепенно подготавливать, но вначале нам необходимо поближе познакомиться. А кроме всего прочего, я ведь обожаю разного рода маски и переодевания — одним словом, все то, что сопровождает накал эмоциональных страстей и придает игре воображение, стремительность и размах. Бывало раньше, в Париже, прежде чем сесть за рояль, я выряжался в какой-нибудь сценический наряд матери, и мои гаммы превращались из тяжеловесных в невесомые, в зависимости от того, какой наряд — Полины * или Береники **. А может, став Бернаром, мне все же удастся избавиться от своих тоскливых воспоминаний?

Встав из алькова на ледяной пол босыми ногами, я на ощупь добрался до окна и раскрыл ставни. В самом конце улицы виднелись площади и смутные очертания собора, освещенного изнутри витражами.

В иные времена, испытывая непреодолимую хандру и раздражение, я бы вновь завалился в постель. Но в это утро уже ничто не могло испортить мое хорошее настроение.

Я бодро умылся холодной водой. Все вокруг мне показалось прекрасным и восхитительным, а уж что касается предстоящих удовольствий, то, предвосхищая их, я еще никогда не обманывался. И хватит этих угрызений в свой адрес: я не виноват, что жизнь в кои-то веки улыбнулась мне, и я решил воспользоваться этим случаем. Умывшись, причесавшись и надушившись, я посмотрел на себя в зеркало шкафа. В костюме какого-то предка семьи Мадинье, со слишком высоко застегивающимся воротником и маленькими внутренними карманами, я походил на юного

* Полина — героиня трагедии Корнеля «Полиевкт», рассказывающей о жизни и страданиях христианского мученика.

** Береника — героиня одноименной трагедии Расина, посвященной любви римского императора Тита к иудейской царевне.

лицеиста начала века. Аньес, пожалуй, позабавится, увидев меня таким! Я даже сам себе не смог объяснить, почему мнение Аньес значило для меня гораздо больше, чем мнение ее сестры.

Элен я нашел в столовой.

— Как спалось? Вы хорошо отдохнули? — спросила она меня.

— Спасибо, просто великолепно.

Она пододвинула мне развернутую газету.

— Вот возьмите, прочитайте: на третьей странице пишут о вашем друге, хотя в подробности его гибели они не вникают.

Действительно, на третьей странице я нашел коротенькую заметку, втиснутую, очевидно, в самый последний момент. Две строки из нее вызвали у меня неприятное ощущение:

— Вероятнее всего, причиной смерти стал несчастный случай. Однако это могло быть и убийство.

— Бедняга Жервэ! — выдавил я.

— Люди стали подозрительными: теперь никто не желает верить в случайность, — заметила она. — Берите масло.

В пасмурном свете утра лицо Элен казалось морщинистым, еще более утомленным, чем накануне. Хотя не было и восьми, она была уже при полном параде.

— Элен, — сказал я. — Давайте уточним раз и навсегда: я ни в коем случае не желаю стать для вас обузой и еще больше осложнить ваше существование. Я хочу хоть чем-то помогать вам: правда, я не совсем хорошо представляю, чем именно и как, но я не сомневаюсь, что существуют тысячи различных...

— Успокойтесь, — прервала она меня. — Мы не нуждаемся в вашей помощи.

— Это правда?

— Ну конечно же. Достать продукты мне несложно, ну а что касается хозяйства, то это уже чисто женские хлопоты.

— Вы знаете, Элен, я тронут до глубины души...

На этот раз, она уже сама, осмелев, положила свою руку на мою. И этот ее жест был полон какой-то стремительной решительности, чувствовалось, что он был плодом ее долгих размышлений. Я же, все больше входя в роль Бернара, продолжил:

— Я чувствую своим долгом поблагодарить вас за все... за ваши письма... за ваши посылки...

— Не стоит, Бернар, все это в прошлом... Теперь вы уже у меня.

Говоря, она смотрела на меня своими застывшими серыми глазами без малейшей искорки веселости. В ней было что-то от школьной учительницы, и мною, еще больше, чем накануне, овладело чувство студента, сдающего экзамен.

— Я счастлив, что наконец-то очутился здесь, с вами, — сказал я простодушно.

Ее рука еще сильнее, по-дружески, сжала мою, и в это время меня пронзила совершенно непристойная мысль: Элен, вероятно, еще девственница.

— Почему вы улыбаетесь? — прошептала она.

— Потому что чувствую себя в надежном месте... Потому что мне кажется, что я, наконец-то, нашел свое пристанище.

— Правда? Вы действительно так думаете? Или вы говорите это только для того, чтобы доставить мне удовольствие?

— Но, Элен, как вы можете...

Она сложила руки и опустила на них подбородок.

— Да, я понимаю, жизнь у вас была, наверное, довольно тяжелой.

— Ну, не такой уж и тяжелой. Я бы сказал, трудовой и одинокой... Мне пришлось зарабатывать деньги в поте лица. Я хотел начать свое собственное дело. У меня ведь даже не было родителей, которые могли бы мне помочь. Правда, в Африке живет мой дядя — очень богатый человек, но во Франции он бывает редко — раз в два-три года...

— А у вас есть какие-нибудь известия от него?

— Нет... Я опасаюсь, как бы он, бедняга, не скончался. Он страдал неизлечимой болезнью печени.

— А вы не пытались восстановить отношения со своей сестрой?

— Нет. И даже не намерен.

— Но почему?

— Потому что Жулия... Одним словом, я не могу познакомить вас с ней, вы понимаете меня?

— Да-а-а, — протянула она. — Что поделаешь, в семье не без урода...

Из соседней комнаты раздался телефонный звонок, но Элен даже не шелохнулась.

— Я представляла вас совсем другим, — продолжала она.

— Таким, каким подобает быть человеку моей профессии?

— Именно. Я думала, что вы огромного роста и гораздо более...

— Одним словом, этакий дровосек? — вставил я смеясь.

— Ну какая же я глупая, — прошептала она с понравившимся мне смущением.

Телефон по-прежнему трезвонил, и, не выдержав, я повернулся в сторону гостиной, но Элен, наклонившись ко мне, пояснила:

— Это звонят к Аньес... Не обращайте внимания... Ей часто звонят.

— Вы разочарованы? — спросил я.

— Разочарована? Чем?

— Ну, телосложением дровосека...

Она посмотрела на свои ручные часы.

— Ни в коей мере.

Ее лицо мгновенно осветилось веселостью, и я увидел ее той маленькой девочкой, какой она была в детстве.

— Элен!

— Я тороплюсь. А вы кушайте и отдыхайте.

Она улыбнулась. Телефон наконец-то смолк, зато в прихожей раздался звонок и послышались отдельные голоса. Я намазал себе хлеб маслом. Как это прекрасно — есть сколько хочешь! Газета соскользнула на стул. Я поднял ее, раскрыл и решил перечитать столь взволновавшее меня сообщение. В сущности, в нем не было ничего тревожного. Даже не сообщалось, что неизвестный был, судя по всему, беглым военнопленным. Очевидно, на этот счет у властей были свои соображения. Что же касается всего остального, то гипотеза об убийстве... скорее всего лишь фантазия журналиста, не более.

Вдруг нож выскользнул у меня из руки... Как же я раньше этого не заметил, ведь это так просто! Невероятно! Ведь стоит мне только признаться, что я не Бернар, как на меня тотчас же падает подозрение в преднамеренном убийстве, с целью выдать себя за него! Я очутился в цепях собственной лжи. Говорить правду было уже слишком поздно... Я отодвинул от себя чашку с такой силой, что кофе выплеснулся на скатерть. Стоп! Не надо драматизировать ситуацию! Так ли уж необходимо играть роль Бернара? Неужели я действительно приговорил себя пожизненно оставаться его тенью?.. Но хватит ли мне сил вынести взгляд Элен, если я признаюсь ей, кто я есть на самом деле? Нет, ни в коем случае! Но... в этом случае

придется жениться на ней. Раз уж я — Бернар, надо быть им до конца!

Чем больше я думал о последствиях моей... неосторожности, тем больше это приводило меня в ужас.

В отчаянии я повторял себе: «Ты — Бернар! Ты — Бернар!..» Конечно же, теперь я вынужден остаться Бернаром, и малейшая неосторожность будет для меня губительна. А ведь до сих пор я только и делал, что совершал одну неосторожность за другой.

Чувство безопасности вновь покинуло меня и уступило место отчаянию. Мне даже пришла в голову мысль о немедленном бегстве. Но куда же мне бежать? Да еще без денег? Ведь Жервэ беден и как перст одинок. А у Бернара имеется свой счет в банке. Бегство, вне сомнения, принесет мне лишь грязь и нищету. За какие же грехи я должен снова страдать? Ведь я забочусь не столько о себе, сколько о своем будущем музыкальном шедевре, о том, что спрятано в тайниках моей души, о моем единственном в жизни смысле. А уж этим я ни за что не имею права жертвовать. Впрочем, у меня еще есть права жертвовать. Впрочем, у меня еще есть время поразмыслить. Может, мне все же удастся отыскать какие-нибудь уловки, при помощи которых я выпутаюсь из этой паутины.

Раздался телефонный звонок. Что может быть ужаснее этого настойчивого, властного звука, раздающегося внезапно среди полной тишины? Нервно вскочив из-за стола, я, было, бросился в гостиную, чтобы схватить трубку, однако Аньес меня опередила. Взяв трубку, она смерила меня маниакально-отсутствующим взглядом человека, вынужденного вести беседу в присутствии третьего лица.

— Алло? Да... да, это я... Очень хорошо... Нет, в три это рано... Немного позже... В пять?.. Хорошо, я жду вас.

Говорила она несколько хриплым голосом. Ее близорукие глаза нерешительно остановились на мне и тут же перебежали на какие-то невидимые точки в пространстве. Она медленно положила трубку и, увидев, что я сделал шаг в сторону, жестом велела мне остановиться. До меня донеслись приглушенные звуки рояля, терзаемого неопытной рукой.

— Правда, у нас тихо? — спросила Аньес.

— Это ваша сестра играет там?

— Да. Элен дает уроки...

Она залилась злобным смехом:

— Ведь нужно же на что-то существовать.

— Однако...

— Пойдемте, — перебила она меня. — Со временем вы все поймете. Идемте же завтракать!

— Я как раз оторвался от стола...

Я пропустил ее вперед, а она, войдя в столовую и окинув стол неодобрительным взглядом, покачала головой.

— Ну конечно же, я так и думала, она хочет уморить вас голодом! Подождите!

Проворная, молчаливая и немного странноватая, она выскользнула из комнаты, но буквально через минуту была уже на пороге:

— Помогите мне!

Аньес несла бочонок с медом, баночку варенья, остатки пирога и бутылку с ликером из черной смородины.

— Ради бога! Зачем столько всего? — запротестовал я.

— Вам, может быть, и не нужно, а мне нужно.

Она открыла баночку, достала две рюмки и наполнила их ликером.

— Я ужасная сладкоежка. А вы?

Сощурив глаза, изучая меня, будто от меня исходил какой-то слишком уж яркий, невыносимый свет, она подняла рюмку:

— За нашего пленника!

Эта двусмысленность заставила улыбаться нас обоих. Я согласился кивком на огромный кусок пирога, и мы оба набросились на еду с жадностью детей, воспитывавшихся в строгих правилах этикета и вдруг оставшихся без присмотра.

— Помажьте сверху вареньем, — посоветовала Аньес. — Не хочу снимать трубку. — И она поморщилась на телефонный звонок.

— А вы тоже даете уроки?

Она перестала есть и изучающе посмотрела на меня своим ласковым, мутноватым взглядом.

— Вы задаете мне несколько странные вопросы. Да, если хотите, я тоже даю уроки.

Телефон звонил не переставая, и ей все же пришлось снять трубку.

— Не раньше шести... У меня весь день забит... Да... Договорились.

— Так вот почему у вас два инструмента, — сказал я, когда она вернулась.

— Два инструмента?

— Да. Вчера вечером я заметил, что в гостиной стоит рояль.

— Ах, вот оно что! Это дедушкин... Мы на нем не

играем. Это наша семейная реликвия... Да и какой из меня музыкант. Кушайте же!

Я уминал очередной кусок пирога, намазанный сверху медом.

— Итак, — сказала Аньес, — вы — крестник моей сестры. Вот умора да и только!

— Но я не вижу в этом ничего...

— Вы пока еще ничего не можете видеть, ведь вы совсем не знаете Элен. Она, конечно же, никогда не писала вам обо мне?

— Никогда. Я даже не подозревал о вашем существовании.

— Я так и думала!

— Следует ли это понимать как то, что вы не очень-то ладите между собой?

— Да. Мы далеко не всегда находим общий язык, но... Элен ведь очень рассудительна!

Это слово было произнесено с такой интонацией, что вызвало у нас обоюдную улыбку.

— А вы не похожи на всех остальных крестников, — продолжила она.

— Почему же?

— Потому что они все — глупы. Вы не находите?

— Я рад, что у меня не глупый вид. Ну, а теперь откровенность за откровенность: ваша сестра когда-нибудь говорила вам обо мне?

— Да. Ей пришлось мне рассказать, ведь почту из ящика чаще всего вынимаю я. Но она старалась говорить мне о вас как можно меньше... А куда это девался ваш друг Жервэ?

— Он попал под колеса маневрового локомотива...

Она на мгновение замолчала, смакуя свой ликер, а затем спросила, не поднимая глаз:

— Вы верующий?

В нерешительности, я какое-то время молчал, а затем пробормотал:

— Да... Мне кажется, что мы не должны бесследно исчезать после смерти. Это было бы слишком несправедливо.

— Вы правы, — сказала она. — Ведь вы очень привязались к нему, правда?

— Да, очень.

— Ну, в таком случае, он должен быть где-то неподалеку от нас.

Я закурил, пытаясь прогнать начинающее охватывать

меня весьма неприятное чувство, — я не любитель подобной мистики.

— Сколько ему было лет?

— Мы были с ним почти ровесники, ему уже исполнилось тридцать!

— А он был женат?

— Послушайте, Аньес, ну какое это имеет для вас значение? Тем более, что его уже нет на этом свете... Да, он был женат, но недолго... Больше я о нем ничего не знаю. Он был не склонен к откровению.

Из гостиной доносился незамысловатый мотив одной из сонат Моцарта. Элен обладала великолепной техникой исполнения. Ее ученик, попробовав проиграть вслед за ней этот отрывок, вызвал у меня лишь вздох раздражения.

— И вот так целый божий день, — сказала Аньес. — Но постепенно привыкаешь... А что вы намерены делать у нас в городе? Вы знаете Лион?

— Очень плохо.

— Может быть, вы хотите прогуляться?

— Хм! Это для меня рискованно.

— Но почему? Ведь вас никто не разыскивает? А я могу подыскать подходящий вам плащ из гардероба отца.

В прихожей раздался звонок, заставивший Аньес подняться.

— Оставьте все как есть, — сказала она, я сама уберу попозже.

Она вышла, и я на цыпочках последовал за ней, желая взглянуть на ее учеников. Эта женщина влекла меня все больше и больше. В ней было что-то артистическое, с некоторым оттенком эксцентричности и аномальности, природу которых я никак не мог себе объяснить. За свою жизнь я повидал немало наркоманов, но она нисколько не походила на них.

Аньес открыла дверь и впустила в вестибюль довольно пожилую пару: женщину благородного вида, строго одетую во все черное и прижимавшую к груди какой-то сверток, и мужчину, державшего в руках шляпу и пытающегося отыскать угол, в который он хотел поставить промокший зонтик. Аньес указала им на левую дверь, и они церемонно поклонились, как больные кланяются своему исцелителю. Дверь захлопнулась, а где-то позади неопытные пальцы по-прежнему вымучивали сонату, разрезая ее на части, словно подстреленную дичь. В этот момент я заметил в высоком зеркале с позолоченной оправой смутный силуэт мужчины, наклонившегося вперед, словно пребы-

вавшего в раздумье на перекрестке невидимых путей. Так я чуть было не испугался своего собственного отражения. Возвратившись в столовую, я залпом опрокинул в себя целую рюмку ликера.

— Интересно, — произнес я вслух, чтобы развеять колдовские чары этой жуткой тишины, затем праздным жестом налил себе кофе, по-прежнему пытаясь вернуться к неразрешенной проблеме: исчезнуть или остаться? И тут я подумал, что риск одинаково велик в обоих случаях. Если я исчезну, то Элен незамедлительно поймет причину моего бегства. Но и оставаясь здесь, я могу пасть жертвой любой своей рассеянности, любого необдуманного ответа. А ведь обе женщины, вне сомнения, будут беспрерывно атаковать меня своими вопросами. Я был в плену, я был пленником, как это точно подметила Аньес. Сначала — моя мать, затем — жена, потом — концлагерь и Бернар, а теперь еще и Элен и Аньес. Всю жизнь тюрьма да надсмотрщики. Убежав отсюда, я окажусь в этом мрачном городе, по улицам которого ходят немцы и полицейские.

Я вернулся в гостиную — самую большую в этой квартире комнату, а их было множество: маленьких, интимных, с ширмами, разукрашенными химерами с полочками, загроможденными безделушками. Рояль — огромный концертный «Плейер» — стоял на некотором напоминающем эстраду возвышении. Я еще раз, воровски, прислушался к доносящимся звукам, а потом поднял его сверкающую крышку, на которой увидел свое непривычно изменившееся лицо. Я больше был не в силах совладать с собой. Поставив ногу на заглушающую педаль, я, наконец, дал волю своим пальцам. Господи! До чего же они стали непослушными. Но ноты все же звучали дружескими голосами, словно говорили мне: живи! И голова моя наполнялась образами: они сами по себе импровизировали, складывались в аккорды, а тело мое стало наполняться живительными соками. Нет, я еще не конченый человек! Неблагодарный эгоист, если хотите, но это все не столь уж важно, лишь бы у меня была возможность сочинять! Увы!

Я закрыл рояль, боясь быть застигнутым врасплох, и начал обследовать квартиру. Она была огромная, пустынная и темная, как музей. Под пыльными обшивками стен царила зловещая скука.

С улицы сюда не проникал ни единый звук, никакой шум не тревожил тишину этой квартиры, затерявшейся где-то во времени. И только голос Элен, отсчитывающий такты, слегка доносился до меня: раз, два, три, четыре —

и музыка возобновлялась вновь, порывистая и тоскливая. Я прошел через кухню, потом через узкий коридорчик и очутился в прихожей. Слева от меня находилась дверь той комнаты, в которую вошли посетители. Я прислушался — ни звука. Осторожно приоткрыв следующую дверь, я увидел еще одну гостиную. Должно быть, раньше здесь обитало множество семей, вынужденных сплотиться вокруг какого-нибудь богатого и деспотичного предка... Вдруг из комнаты слева донесся шепот. Прислушавшись, я отчетливо уловил и плач... Совершенно точно! Это были рыдания, приглушаемые носовым платком. Но тут позвонили во входную дверь, и я на цыпочках побежал обратно в гостиную, оглядываясь, опасаясь, что могут заметить. Показалась Элен со своей ученицей — высокой девочкой в очках, несущей под мышкой скрученную в трубочку партитуру. Попрощавшись, девочка вышла, а вместо нее пришел мальчик лет пятнадцати. Лицо его заливалось краской, когда он обращался к Элен, он совершенно не знал, куда девать свои руки. Через некоторое время рояль вновь зазвучал, и я узнал этюд Черни *. «Правда, у нас тихо?» — вспомнились мне слова Аньес.

Я вернулся на свой наблюдательный пункт. Жужжание голосов в той комнате продолжалось, на этот раз оно было безмятежным, лишь прерывалось какими-то необъяснимыми паузами. Я стал перебирать все мало-мальски подходящие версии, но так и не смог уяснить себе причину этих пауз. Чем же это они могут там заниматься?

— Бедный малыш! — раздался вдруг голос мужчины.

— Он счастлив, — сказала Аньес.

— В следующий раз... — начала дама, но конец ее фразы потонул в шепоте, смешавшись со всхлипываниями.

— Пойдем, пойдем!.. — уговаривал мужчина, и в его голосе чувствовалось сдавленное отчаяние. Услышав шум отодвигаемых стульев, я поспешил скрыться. В открывающейся двери вестибюля я вновь заметил парочку: она шла мелкими шажками, прижав к губам скомканный носовой платочек, а он взволнованно благодарил Аньес, пожимая ей руки. На какое-то время Аньес задержалась на лестнице, провожая их... Или нет, похоже, она поджидает кого-то, чей силуэт она заметила внизу через проем лестницы... Так и есть, я не ошибся: вот она протягивает руки вперед и идет навстречу молодой женщине, одетой в серый плащ с поднятым воротником. Войдя, они сразу направи-

* Черни Карл (1791—1857) — австрийский композитор-пианист, ученик Бетховена и учитель Листа.

лись в ту комнату. Где-то в глубине погруженной в сон квартиры, то замирая, то вновь оживая, высокими нотами плакал рояль. Мною же никто даже не интересовался. Все занимались своими делами: Элен отмеряла такты, а Аньес... А что же делала Аньес?

Я проскользнул в маленькую гостиную и снова как можно ближе подошел к двери.

Незнакомка тараторила без умолку, и мне удалось различить несколько обрывочных слов: Марк... Марк... При переходе Соммы *... Красный Крест... Возможно, он в плену... Марк... Затем последовало долгое молчание, и наконец послышался хрипловатый, как у подростка, голос Аньес. Время от времени ее голос умолкал, будто она следила глазами за какой-то химической реакцией или же изучала принцип действия какого-то механизма.

— Вот, посмотрите-ка сами! — воскликнула она. — Вы видите? Я ничего не придумываю.

— Господи, — простонала незнакомка. — Марк... Марк...

И она разрыдалась точно так же, как и та пожилая дама, приходившая перед ней.

А Аньес продолжала свой убаюкивающий монолог, успокоительный, как сказка, которую рассказывают ребенку на ночь, чтобы он поскорее уснул. Прижав ухо к панели, я весь ушел в слух. Тут мой праздный взгляд невольно упал на полуразвернутый сверток на диване. Да это же сверток, принесенный той пожилой дамой!.. Аньес положила его сюда, когда выходила проводить своих посетителей. Видимо — это подарок. Но одна необычная деталь задержала мое внимание: из него торчало нечто, похожее на лапку с тремя скрюченными пальцами. Не переставая прислушиваться, я потянул развернувшийся сверток: в нем оказался цыпленок.

— Нет, нет! — умоляла незнакомка. — У меня не хватит смелости!.. Я не хочу. Лучше уж в следующий раз.

— Жаль, — сказала Аньес. — Сегодня с утра я в прекрасной форме. А вы можете прийти во вторник?

— Во вторник? Хорошо... Уверяю вас, я так счастлива!

В полнейшем недоумении я поспешил к себе в комнату.

Глава 4

Постепенно наша совместная жизнь начала входить в нормальное русло. Вначале я опасался скуки, и действительно, время от времени одиночество и хандра настолько

* Сомма — река во Франции.

удручали меня, что я чувствовал себя чуть ли не заживо замурованным в стенах этой огромной квартиры, такой мрачной, что уже в четыре часа дня в ней приходилось зажигать свет. Но подобные настроения охватывали меня редко. Большую часть времени я проводил, наблюдая за всем происходящим, потому что мною стало овладевать какое-то чувство беспокойства. Честно говоря, я и сам не понимал, что меня так тревожит. Я рассуждал так: пока я буду держаться начеку, со мной ничего не произойдет. Ведь в концлагере ни одна душа не была посвящена в наши планы. Бернар погиб — значит, я, по логике вещей, не оставил за собой ни единого следа. Я убедил себя в том, что, находясь в Лионе, я не подвергаюсь ни малейшей опасности. Ведь я никогда не был здесь раньше, ни с кем из здешних жителей не был знаком, а из дому я выхожу изредка, украдкой, да и то — лишь в определенные часы. Сам того не желая, я осуществил свою странную мечту: быть никем. Я стал каким-то мнимым живым существом. Все волнения, страхи, боли и надежды, бушующие где-то рядом со мной, в этом городе, в то же время находились в стороне от меня. Мне казалось, что теперь, наконец, я смогу насладиться всеми прелестями отдыха. Но все это были лишь мечты, так как Элен и Аньес, каждая в свою очередь, при малейшей возможности начинали кидаться мне на шею.

Вот в столовую вошла Элен и очень громко сказала:

— Доброе утро, Бернар!.. Ну, как вам спалось?

На что я, естественно, ответил:

— Спасибо, очень хорошо...

Она какое-то время стояла, прислушиваясь к доносящимся шумам, а потом вдруг на цыпочках подбежала ко мне и впилась в мои губы с таким пылом, с каким обычно целуют только школьницы.

— Мой дорогой, мой милый Бернар!

Я отвечал ей тем же и с неменьшим пылом и не только потому, что этого требовала ситуация, я был, в общем-то, не безразличен к этому упругому телу, к этому запаху женщины и к ее воркующему шепоту — ко всему тому, чего я долгое время был лишен. Элен первой набрасывалась на меня, но стоило мне начать терять голову и гладить руками ее тело, она резко отстраняла меня, чтобы прислушаться, а затем, глядя на меня слегка затуманенными глазами, но уже спокойным голосом спрашивала:

— Еще немного кофе, Бернар?

— С удовольствием. Кофе восхитителен.

И тут же я прижимал ее опять к себе, и она впивалась в мои губы с простодушным бесстыдством девочки, еще не изведавшей любви. Но через мгновение она уже стояла перед высоким, вставленным в красивую раму зеркалом и поправляла прическу.

— Элен, — умолял я.

— Спокойно, — говорила она мне голосом собственника, как хозяин своему фокстерьеру. — Спокойно.

Эта новая стадия отношений началась преглупейшим образом. За несколько дней до того мне захотелось выйти и пройтись по городу, и я попросил у нее ключ от квартиры. Она задумалась, как всегда, не переставая взвешивать все за и против, прежде чем принять решение.

— Я бы с радостью, Бернар, но... видите ли, мои соседи... Я бы не хотела, чтобы они видели вас...

— Почему?

— Они начнут недоумевать... Ведь в доме все знают... что мы живем вдвоем с сестрой... Вы понимаете? Поползут разные слухи, начнутся сплетни...

Я нахмурился и, почувствовав раздражение, встал в позу.

— Подождите, Бернар... я думаю, выход все же есть... Утром, где-то с девяти до одиннадцати, в доме практически никого нет, а кроме того, и после шести, когда все уже вернулись домой...

В ответ, играя роль Бернара, я обвил рукой ее талию, и прижавшись губами к ее волосам, пробормотал:

— Если у вас вдруг начнут расспрашивать обо мне, скажите им всем, что я — ваш жених. Ведь в этом есть доля правды, не так ли?

И тут она бросилась мне на шею, потом схватила мое лицо обеими руками, с неловкостью и жадностью изголодавшегося, который набрасывается на кусок хлеба.

С тех пор каждое утро у меня начиналось точно такой же молчаливой, бешеной схваткой с Элен при аквариумном свете комнаты, едва освещаемой лучами рассвета. Эта платоническая опьяняющая страсть выжгла все мое нутро. Элен прекрасно видела смятение, царившее в моих чувствах, и, думаю, даже упивалась своей властью надо мной. Но, видимо, в ее девичьих представлениях, возникших на почве любовных романов, воздыхатель должен быть именно таковым в буквальном смысле этого слова. Он повел бы себя как невежда, вздумай получить какое-нибудь плотское наслаждение.

И все же больше всего вначале бесила меня ее сестра — я был совершенно уверен в том, что она уже обо всем догадалась. После ухода Элен, при первых же неуверенных аккордах, издаваемых пианино, появлялась Аньес.

— Как вам спалось?.. Надеюсь, вы хорошо отдохнули?..

Она смотрела на меня глазами, казалось, ощущающими и постоянно следившими в пространстве за какими-то невидимыми перемещениями пыли или дыма позади меня. Одета она была в вылинявший желтый халат, пояс которого день ото дня был завязан все небрежней и небрежней. Из-под обшитой кружевом материи виднелись рубашки и вздрагивающая грудь. Чтобы отвлечь свои мысли и занять чем-то пальцы, я принялся раскуривать сигарету. Лучше, конечно, мне бы уйти, но я был не в силах двинуться с места, постоянно спрашивая себя: а что произойдет, если я протяну к Аньес руки?..

— Да положите же себе еще чего-нибудь, — любезно советовала она мне. — Вы совершенно перестали есть. Это что, любовь оказывает на вас такое действие?

— Послушайте, Аньес...

— Ну, не сердитесь на меня, Бернар... если я вас раздражаю... Но ведь крестник всегда влюблен в свою крестную, не так ли? Иначе зачем тогда были бы нужны солдатские крестные, а?

— Уверяю вас, что...

— Вы не правы. Разве моя сестра не заслуживает того, чтобы вы ее полюбили? Или, быть может, вы хотите остаться неблагодарным?

Я лишь пожал плечами; мои постыдные вожделения никак не соответствовали роли Бернара.

— Узнав ее получше, — продолжала Аньес, — вы убедитесь в том, что она обладает множеством положительных качеств. Это, действительно, что называется, женщина с головой.

Она сделала ударение на последнем слове, но так, что было невозможно понять, говорит она всерьез или в шутку. Время от времени она замолкала и так же, как Элен, прислушивалась к звукам квартиры.

— Не бойтесь, — сказал я однажды. — Она не слышит вас.

— Не будьте столь наивным. Ей ничто не мешает оставить ученика за пианино одного, а самой стать под дверью.

Однажды утром я-таки убедился в правоте ее слов. Заинтригованный приходом какой-то старушки с огромной

корзиной, я осторожно отворил двери, ведущие в коридор, и неожиданно увидел там Элен, прислонившуюся ухом к двери комнаты Аньес. А пианино тем временем наигрывало какой-то исковерканный до неузнаваемости полонез. К счастью, я лишь приоткрыл дверь, поэтому мне удалось вовремя скрыться. Отныне я постоянно держался начеку и, прежде чем войти в любую из комнат, внимательно краешком глаза осматривал все закоулки возле ширм, шкафов, буфетов. Для пущей безопасности, закрывшись в своей комнате, я сжег все свои документы, оставив лишь воинский билет Бернара и письма, которые ему посылала Элен. Наблюдая за всеми, я испытывал такое чувство, будто и сам нахожусь под чьим-то наблюдением, и это держало меня в постоянном напряжении. Я бесцельно слонялся по квартире среди каких-то выставочных сувениров, устаревших безделушек, претензиозных портретов целых поколений промышленников и судей. Я точно улавливал и различал стойкий запах Элен; а от невесомого запаха Аньес и от желания предаться любви у меня сводило живот. Эти меланхолические комнаты были как бы специально созданы для любви. Я просто не узнавал самого себя, уже успевшего достаточно много выстрадать из-за женщин. Мои мечты о работе так и остались мечтами. Каждый день я коротал свое время в ожидании обеда, когда вновь должен был встретиться с сестрами. И встречи эти, между прочим, не были веселыми. Обе едва обменивались между собой несколькими словами, а когда одна из них обращалась ко мне, то другая слушала это так внимательно, что мне становилось не по себе. Элен почти не притрагивалась к пище.

— Ну скушай еще хоть кусочек пирога, — уговаривала ее Аньес.

Она жила на одном лишь хлебе, картофеле и варенье, будто бы мясо, консервы и сыры, в изобилии стоявшие на столе, были отравлены. Кроме того, аппетит Аньес, казалось, внушал ей чувство отвращения. Чтобы хоть как-то рассеять это ставшее традиционным молчание, я начал рассказывать всевозможные истории из лагерной жизни. Иногда мне приходилось отвечать на вопросы, касающиеся моего детства и вообще моей жизни. Я вынужден был лгать, изворачиваясь, словно угорь на сковородке, а это мне всегда было тягостно. К счастью, Элен никогда не пыталась докопаться до истины. Она вполне довольствовалась тем, что я здесь, рядом с ней, и всецело от нее зависим. Аньес же, наоборот, находила какое-то непонят-

ное удовольствие, углубляясь в своих расспросах; причем делала она это с подчеркнуто-фамильярной небрежностью, бесившей Элен, которая явно не одобряла этот повышенный интерес своей сестры ко мне.

Как-то утром, когда наши губы только оторвались от очередного жгучего поцелуя, Элен резко и неожиданно спросила меня:

— А чем вы тут занимаетесь, когда я оставляю вас наедине?

— Но... Так себе... ничем... Болтаем о том о сем.

— Поклянитесь, что вы сразу же сообщите мне, если она...

— Если она что?.. Чего вы опасаетесь?

— Ах, Бернар, я просто сумасшедшая... Она обладает всеми данными...

Дверь прихожей слегка скрипнула, Элен отошла от меня и радостно добавила:

— Бернар, я думаю, вам следовало бы пойти немного прогуляться. Ведь вы теперь — человек свободный.

Это была совершенная ложь, так как из пленника я превратился в затворника.

Город выглядел так же, как и квартира Элен — таинственный, полный невидимого присутствия. Выходя ранним утром, я терялся в узких улочках, где еще дремал ночной туман. Иногда я даже добирался до набережных Соны — пустынных и влажных, издающих запахи стоячей воды и мокрых свай, или взбирался вверх по улицам, пересекаемым никуда не ведущими лесенками. Однажды я увидел Рону — она искрилась в лучах солнца. В моих ушах засвистел живой воздух.

Прибывающая вода с силой скатывалась на берег, а над волнами парили чайки. Безумное желание уехать охватило и всколыхнуло меня, как лодку, прикованную цепью к причалу, колеблющуюся и влекомую порывами волн. Но моя нынешняя жизнь была там между двумя сестрами, увивающимися вокруг меня... А может быть, это я увивался около них?

Я поспешил вернуться. С каким-то болезненным чувством вошел я в торжественную анфиладу пустынных комнат и услышал звук отдаленного эха — хрупкие и резкие ноты пианино.

Я было попытался приучить Элен к ласкам другого рода и противопоставил мягкость резкости наших первых объятий. Сначала она поддерживала эту игру и уже была готова забыться, но вдруг остановилась и, вцепившись мне

в плечи, стала внимательно всматриваться в темноту за моей спиной...

— Нет, Бернар... Она сейчас войдет.

— Да в конце-то концов! — не выдержал я однажды, уже теряя терпение. — Чего вы, в сущности, опасаетесь? Аньес прекрасно знает, что вы любите меня.

Подобное предположение, казалось, до смерти напугало ее.

— Да, — согласилась она, — я думаю, что Аньес это знает. Но я не хочу, чтобы она узнала, что я люблю вас именно так.

— Но, Элен, всем известно, что существует лишь один способ любви.

— Я не хочу, чтобы она меня видела. Ведь она еще ребенок!

— Ребенок... Но уж лишенный иллюзий.

— Да нет же! Просто она — больной человек, Бернар. Я даже не осмеливаюсь рассказать ей о наших планах — до такой степени я боюсь ее ревности... Ведь это я воспитала ее — эту малышку.

Она вновь обрела все свое достоинство и созерцала меня с некоторым оттенком недоверия и чуть ли не отвращения.

— Вы вели себя сейчас, — сказала она, — из рук вон плохо.

— В таком случае, Элен, больше не подходите ко мне, не целуйте меня, нечего меня соблазнять.

Она вдруг положила на мои глаза свою сухую руку.

— Да... Я, наверное, не права. Простите меня, Бернар!.. Эта любовь так прекрасна! Поэтому не нужно ее пачкать... Вы сердитесь на меня?

Нет, на нее я не сердился. Мой гнев скорее был обращен на Аньес. Я подстерегал ее, постоянно устраивая засаду под дверью ее комнаты. К ней по-прежнему ходили странные посетители: один-два утром, два-три вечером. И преимущественно женщины. Одни были весьма элегантны, другие же были одеты скромно, но каждая приносила с собой сверток. Ломая над этим голову, я, в конце концов, придумал довольно удовлетворительную версию: Аньес, должно быть, обладает даром исцелителя. Это объясняло все: и слезы, и подарки. Но объясняло ли это потерянные взгляды выходящих людей, искренность их благодарности, их волнение и потрясение, которые им не удавалось скрыть? После этих посещений они больше походили на больных. Как заколдованный, я стоял в дверном проеме,

глядя на женщин, сменяющих одна другую. Побежденно склонив голову, будто находясь под тяжестью какой-то вины, они проскальзывали в комнату Аньес, как в исповедальню. И мною овладело непреодолимое желание тоже войти туда и исповедаться перед Аньес в любви к ней. Да, да! Я уже начинал любить ее и испытывать необходимость в этом хрупком теле, с таким бесстыдством разгуливающим у меня перед глазами. Я стал мечтать о ней. Мне казалось, что она часто думает обо мне: ведь я не раз перехватывал ее взгляд, блуждающий по моим рукам, по моему лицу. Она не могла пройти мимо, чтобы не коснуться меня. Похоже, что мы, как две наэлектризованные частицы, тянулись друг к другу. Первой не выдержала она: однажды, как только Элен оставила нас вдвоем, унося на кухню оставшуюся после завтрака посуду, Аньес, неожиданно бросив сметать крошки со стола, резко повернулась ко мне:

— Быстрее, — прошептала она. — Бернар... Бернар...

Ее губы приоткрылись, и я склонился к ней: глухой крик радости вырвался из нас. Ее руки искали мои и направляли их к груди, к бедрам... Но мы, тем не менее, не переставали прислушиваться к доносившемуся с кухни звону серебра.

Казалось, что мы можем целоваться еще и еще... до полного изнеможения. Но вот шаги Элен начали приближаться, до них оставалось десять метров... девять... восемь... семь...

Аньес уже сметала крошки, а я раскуривал сигарету.

— Кстати, — войдя сказала Элен, — вам, Бернар, следовало бы написать в Сен-Флур и запросить копию свидетельства о рождении.

Она абсолютно ничего не заметила. После обеда мы распрощались, мило улыбнувшись и пожав друг другу руки. В совершенно неподходящем настроении я пошел писать письмо в мэрию.

Остаток этого дня я провел на прогулке. Стоял хмурый холодный день. Так и не находя никакого успокоения, я бродил по улицам. Меня не покидала мысль, что ходить по краю этой пропасти — чистое безумие. Ведь если Элен все узнает... Напрасно я призывал себя оценить ситуацию хладнокровно. Я явственно чувствовал, что привел в движение силы, способные смести на своем пути всех нас вместе взятых. Еще раз здраво взглянув на вещи, я уже видел вполне вероятную перспективу быть изгнанным из этого дома, как последний мошенник. Мною овладело

чувство, будто я живу под грозовым облаком, способным в любой момент разразиться смертоносным градом. Эх, Бернар, старина! Ка бы ты поступил на моем месте? Ведь повсюду, где ты появлялся, всегда воцарялась спокойная и здоровая обстановка. Но стоило мне только представиться его именем, как... Меня охватил приступ ярости: это все Бернар! Это он подтолкнул меня в эту ловушку! А вскоре я к тому же и легально стану Бернаром Прапалье! Возненавидев его, я начал и опасаться его, как будто тело, обратившееся в землю и грязь, могло возыметь надо мной — живущим — какую-то власть.

Над погруженным во мрак городом нависла ночь. Звенели колокола, точно так же, как и в тот раз, когда я услышал их впервые. Усилием воли я заставил себя повернуть назад и пошел все быстрее и быстрее. Мне необходима была очередная порция «наркотика»: приближалось время ужина, который и должен был собрать нас вместе. В конце пути я уже не просто шел, а почти бежал.

Сестры поджидали меня, сидя за накрытым столом: Аньес сидела по левую руку от Элен. Обе улыбались, я, в свою очередь, тоже улыбнулся.

— У вас такой утомленный вид, — сказала Элен.

Мы походили на трех мило беседующих друзей. Легкий интимный свет оставлял наши глаза в тени, да это было и к лучшему. Мне пришло в голову, что мы втроем были связаны узами, столь же крепкими, как узы кровные, только каждому было известно лишь о себе. Эта коварная игра любви под маской приятно волновала какие-то темные, неведомые закоулки моей души.

— А вы читали что-нибудь в концлагере? — спросила Элен.

— Да, у нас была довольно неплохая библиотека. Я даже припоминаю, что...

Но вовремя спохватившись, я поспешил раздвоиться:

— Лично я, за недостатком времени, никогда не испытывал особой тяги к чтению. Но некоторые из моих приятелей читали запоем — с утра до ночи.

— Как, например, Жервэ Ларош, да? — спросила Аньес.

— Э-э... да... Жервэ очень много читал. Благодаря ему я узнал уйму полезных и интересных вещей.

— Слушая вас, я пытаюсь представить его себе, — продолжала Аньес. — Этакий довольно крепко сложенный... жгучий брюнет...

— А почему вдруг жгучий брюнет? — прервала ее Элен.

— Не знаю... Я вижу его именно таким... Мясистый нос, бородавка... или даже нет, скорее... две бородавки... возле уха... левого уха...

— Опять ты плетешь бог знает что, — возразила Элен. — Правда, Бернар?..

Я отодвинул от себя тарелку с едой и положил руки на скатерть, но, несмотря на все мои усилия, так и не смог унять их дрожь.

— Что с вами, Бернар? — пробормотала Элен.

— Ничего, ничего... Это портрет Жервэ... Ведь у него, действительно, было две бородавки возле левого уха...

Элен, казалось, разволновалась еще больше, чем я сам.

— Ну и что? — сказала Аньес. — Что в этом удивительного?

Мы смотрели друг на друга, не отрывая глаз и не шевелясь. «Она была знакома с ним, — подумал я, — и теперь я у нее в руках». Но я тут же возразил себе: «Она не могла быть знакома с ним. Это совершенно исключено». Через мгновение, опомнившись, я обнаружил, что обе сестры не обращают на меня ни малейшего внимания. С вызовом и недоверием они смотрели друг на друга... Словно пытались уладить какую-то старую и непонятную размолвку.

— А с какой стати я должна ошибиться? — опять подала голос Аньес.

Она обращалась к Элен, и на ее губах играла тень улыбки. Даже не пытаясь скрыть чувство глубокого презрения к Элен и как бы желая положить конец ненавистному разговору, она тихо добавила:

— Я даже уверена в том, что Жервэ был одним из тех мужчин, у которых обильно растет щетина, что делает их щеки почти синими.

И повернувшись ко мне, она как бы молча призывала меня в свидетели.

— Совершенно верно, — пробормотал я.

— Вот видишь, — с укором сказала она своей сестре.

Элен опустила глаза и долго-предолго скручивала шарик из хлебного мякиша. Тогда Аньес обратилась ко мне:

— Я, например, очень часто вижу подобные вещи, а Элен отказывается верить этому.

Элен встала, протянула мне руку, и, перед тем как выйти, выдавила из себя:

— Спокойной ночи, Бернар.

— Спокойной ночи! — крикнула Аньес ей вдогонку и, пожав плечами, залилась смехом. — Вот глупышка, — прошептала Аньес. — Она все еще считает меня за дитя. Дай-

те-ка мне сигарету, Бернар... Ой, до чего же это тоскливо — иметь старшую сестру! Впрочем, вы, вероятно, знаете это не хуже меня — у вас ведь тоже была сестра Жулия.

— Жулия?

— Правда, у вас было то преимущество, что вы мальчик, а к братикам старшие сестры относятся иначе, чем к сестричкам. Что же касается меня...

Она нервно курила, выпуская огромные клубы дыма, стелящегося по скатерти.

— А вместе с тем, если бы не я... Больно бы она прокормилась этим своим бренчанием. Но она была бы не она, если бы сейчас не стояла под дверью и не подслушивала... Пойду-ка я лучше спать!

Она загасила сигарету прямо в своей тарелке и вышла, даже не глянув на меня. Я же подошел к окну и приоткрыл его. Нервы мои были на пределе. Еще бы! Здесь, в этом доме, творятся какие-то из ряда вон выходящие вещи!.. Неужели она знала Бернара еще до войны? Ведь в те времена, когда он частенько наведывался в Лион, Аньес была еще совсем ребенком. Если бы он был знаком со всей их семьей, то Элен в своих письмах непременно бы упомянула об Аньес. Все это — пустое случайное совпадение. Хотя случайно указывать на столь точные детали?.. Это невозможно! Так что же тогда?

Ничего не соображая от перепутавшихся в моей голове мыслей, я закрылся у себя в комнате и добрых полночи отмерял ее от алькова до окна. До меня изредка доносились звуки мчащихся вдали поездов и проезжающих мимо машин. Под четкий стук сапог по улице прошел вооруженный отряд. Ах, Бернар! Как ты мне сейчас необходим! Но тебя уже больше нет в живых...

Находясь в нерешительности и терзаемый сомнениями, я, незаметно для самого себя, заснул. А проснувшись, совсем близко услышал звуки этюда Крамера, будто все двери были распахнуты, а затем совершенно четко расслышал еще и голос Элен... Одевшись и приведя себя в порядок, я направился в столовую. Аньес была уже там. Я даже не подумал сопротивляться... Наоборот, изо всех сил прижав ее к себе, я запустил руку под пеньюар... А в нескольких шагах от нас пианино медленно, но верно разделывалось со своими гаммами. Раздавшийся звонок телефона заставил нас обоих одновременно вздрогнуть. Но мы уже не могли оторваться друг от друга, хотя оба инстинктивно повернулись к коридору.

— Еще, — умоляла она.

Телефон продолжал настойчиво трезвонить. Элен, конечно же, знала, что мы оба находимся в столовой. Мы вновь подвергли себя безумному риску, будто он — этот риск — был неотъемлемым условием любви, связывающей нас. Первым из объятий вырвался я.

— Быстро идите и снимите трубку!

— А ты придешь ко мне потом?

Я воздержался от обещаний. Остатки осторожности напоминали мне: надо быть начеку.

А чуть позднее, направляясь в гостиную Аньес, я обнаружил совершенно потрясающую вещь. Около камина стоял шкаф. Случайно открыв его, я увидел там целую кучу валяющихся вперемешку вещей: всевозможные женские перчатки, мужские галстуки, оловянные солдатики, носовые платки, фотографии мужчин и юношей, а на куче тряпочных игрушек и разных безделушек я заметил белокурую косу — с таким жизненным отблеском и такой естественной гибкостью, будто ее только что отрезали. Из комнаты Аньес доносились обычные рыдания, к которым я долгое время прислушивался, изо всех сил отказываясь посмотреть правде в глаза.

Глава 5

Из осторожности я никогда не подслушивал под дверью Аньес более пяти минут. Как-то раз я, было, уже вознамерился удалиться, но вдруг какой-то шум, похожий на звук падающего тела, заставил меня замереть посреди гостиной. Пол под ногами у меня вздрогнул, а над головой зазвенели хрустальные подвески люстры. Разбираемый любопытством и страхом, я в нерешительности остановился, но из соседней комнаты не доносилось никаких звуков. Голоса и всхлипывания смолкли, и я лишь услышал звон не то стакана, не то бутылки и шум стекающей в умывальник воды. «Я становлюсь просто идиотом, — подумал я. — Она, наверное, нечаянно перевернула что-нибудь из мебели, а я уже поспешил драматизировать ситуацию!» Наступила полнейшая тишина. Вдруг я почувствовал, что комната стала заполняться запахом, от которого началось легкое головокружение. Воцарившаяся тишина стала казаться мне еще более удивительной, чем все остальное. А где-то в глубине пианино безбожно коверкало нечто, отдаленно напоминающее Шопена. Вернувшись обратно, я протянул руку к двери. А что, если войти? Но что я тогда скажу? Аньес, вероятно, попросит меня выйти и бу-

дет совершенно права... Ключ, как и всегда, торчал из замочной скважины, поэтому подсмотреть что-либо было совершенно невозможно.

— Что вы здесь делаете?!

От неожиданности я аж подпрыгнул на месте. Пристальный взгляд Элен вселял ужас. Ее черты застыли в бледной жалкой маске, пытаясь скрыть недоверие, хитрость, печаль и еще борьбу каких-то невидимых страстей. Инстинктивно чувствуя, что лучший способ защиты — это нападение, я пошел в атаку:

— Замолчите. Я хочу знать, что происходит за этими дверями.

Я услышал какой-то грохот: такое впечатление, будто кто-то упал.

Элен подошла ко мне и сложила руки.

— Этого и следовало ожидать, — пробормотала она.

— Чего этого?.. Чего следовало ожидать?..

— Аньес, открой!.. Немедленно открой! Я прошу тебя. Открой!..

Мы оба прислонили к двери уши так, что наши лбы почти касались друг друга.

— Она-таки доигралась, — процедила Элен.

От злости ее голос аж дрожал. Я же, вращая ручку, пытался открыть запертую на ключ дверь.

— Аньес... Если ты...

Дверь вдруг приоткрылась, и из нее высунулась голова Аньес.

— А, вы оба здесь? — спросила она с оттенком явного пренебрежения. — Ну что ж, заходите... Смотрите...

На ковре под окном распростерлась очередная посетительница. Под ее голову была подсунута подушка, на лбу в виде компресса лежала скрученная салфетка. Рядом с ней на круглом столике стояла деревянная лошадка на колесиках — одна из тех грошовых игрушек, которыми дети дорожат больше всего.

— Она потеряла сознание, — спокойно объяснила Аньес, — и мне никак не удается привести ее в чувство.

— Ты окончательно свихнулась! — закричала Элен. — Она ведь может умереть!..

— Не умрет... Что же с ней делать?

— Может, сходить за врачом? — предложил я.

Элен раздраженно пожала плечами:

— За врачом!.. Чтобы на весь дом разразился скандал!

Встав на колени перед молодой женщиной, она небрежно приподняла ее голову.

— Принеси одеколон, быстро.

Пока Аньес ходила в ванную, Элен наскоро объяснила мне:

— Она утверждает, будто обладает даром предсказателя, но в то же время всех тех, кто верит в ее бредни, считает ненормальными. И вот вам результат! Бернар, мне следовало рассказать вам обо всем этом... еще с самого начала... Но объяснить подобные вещи не так-то легко... Ну, наконец!

Аньес несла целую груду флакончиков и полотенец.

— Так вот, моя дорогая, все! Хватит! — сказала Элен в бешенстве. — С меня уже достаточно всех этих страждущих, желающих знать о своем будущем больше, чем остальные смертные!

И она принялась энергично растирать лицо женщины одеколоном. Воздух наполнился едким острым запахом.

— Им мало настоящего!.. Им, видите ли, еще и будущее подавай! Какой здравомыслящий человек поверит в эту чушь! Ну-ка, приподнимите ее, Бернар.

Я приподнял совершенно безжизненное тело молодой женщины, придерживая ее за плечи. Элен тем временем, уже не владея собой, залепила ей четыре звонкие пощечины. Когда Аньес попыталась вмешаться, Элен закричала на нее:

— И ты заслужила того же! До сих пор я это все терпела, но теперь уже хватит, ты слышишь? Я не потерплю!

— Я вполне имею право...

— Ошибаешься, милочка моя! Либо ты будешь вести себя как следует, либо отправляйся на ярмарку и становись в ряды балаганных певичек и шпагоглотателей!

— Какая же ты нудная... Если хочешь знать, я не желаю подыхать с голоду! Все эти игры в семью и традиции — это все очень хорошо, но это нас не прокормит!..

А пианино по-прежнему издавало терзающие слух звуки. Устав держать эту женщину, я предложил:

— Может, лучше перенести ее на кровать?

Но сестры были так увлечены своим спором, что даже не обратили на меня внимания.

— Мне стыдно за тебя, — продолжала Элен. — Ты бессовестно дурачишь людей! Плетешь черт знает что, да еще и находишь удовольствие в этой лжи!

— Я вовсе не лгу, а дарю им моменты счастья, если ты уж так хочешь знать. Я говорю с ними о близких им людях, которых уже нет...

— Нет, вы только послушайте ее! Она, оказывается,

могущественнее церкви и священников, могущественнее всех святых!.. Ну нет, моя милочка, с меня хватит! Этому пора положить конец!

— Прошу, оставь меня в покое! Я буду делать то, что хочу. Я не в гостях, а у себя дома.

Молодая женщина зашевелилась и приоткрыла глаза.

— А почему она потеряла сознание? — шепотом спросил я.

— От избытка чувств. Я рассказала ей об ее умершем ребенке... Я просто увидела его — ее маленького Рожэ!..

— Рожэ! — повторила женщина и опять начала плакать.

Не без труда я приподнял ее и усадил в кресло.

— Ну что, вам уже немного лучше?

— Да... Да, спасибо...

Элен взяла ее под руку.

— Вы сейчас же вернетесь домой, — приказным тоном начала она, — и больше не будете об этом вспоминать. Будьте же мужественны... И больше не приходите сюда, потому что все, что она вам наговорила, — ложь от первого до последнего слова... Ей не известно, где сейчас ваш малыш... и никому не известно... Никто не в силах увидеть это... Таинство смерти необходимо чтить!

С полным отчаяния взглядом, молодая женщина повернулась к Аньес, и та, сильно побледнев, заявила:

— А я вот его вижу.

— Уходите, — попросила Элен. — Бернар, помогите ей.

— А вы, Бернар, тоже против меня? — спросила Аньес. — Но ведь вы-то знаете, что я говорю правду?

Элен ловко повязала на шее посетительницы соскользнувший на ковер шарф, застегнула ее черное пальто, засунула в сумку лошадку и подтолкнула женщину к двери.

— Рожэ...

— Мужайтесь, — прошептала Элен. — Пойдемте... Я надеюсь, вы в состоянии идти?

— Да! Вышвырни ее поскорее вон, раз уж ты начала! — закричала Аньес.

— Бернар, прошу вас, пройдите вперед, — попросила Элен. — Если вы заметите кого-нибудь на лестнице, предупредите меня обязательно.

Открыв входную дверь и осмотревшись, я сказал:

— Все в порядке.

Элен подтолкнула молодую женщину.

— Уходите. И запомните: я запрещаю вам сюда приходить.

— Хорошо, мадам.

Мы стояли и слушали ее удаляющиеся неуверенные шаги. Мне со своего места было видно белое пятно ее руки, скользившей по перилам.

— Не нужно здесь стоять, — прошептала Элен и вздохнула. — Теперь вы понимаете, почему, я, в противовес ей, даю уроки музыки?

— И как давно это у нее?

— Уже два года... Ее втянула в это ее подруга. Сначала я не возражала. Смотрела на это как на ребячество. Но потом... Она накупила себе оккультных книг и начала принимать здесь далеко не симпатичных мне людей. Она прекрасно видела, что я не одобряю эту затею, но тем не менее упорно продолжала... А особенно когда увидела, какую выгоду можно извлечь из доверчивости, так свойственной несчастным... Ведь сейчас почти каждая семья потеряла хоть кого-нибудь из близких.

— Но как же ей удается собрать такую... клиентуру?

— Ну, такие вещи быстро разносятся человеческой молвой. В очередях, например.

— И... вы действительно считаете... что она не обладает никаким даром?

— Но послушайте, Бернар!.. Я надеюсь, что хоть вы не принимаете всерьез подобные бредни! Аньес — и дар предсказателя!

И, разразившись тихим, сухим смехом, она внезапно оставила меня одного. Пианино смолкло. Я снял с вешалки свой плащ... Мне было больше невмоготу переносить атмосферу этого дома, я испытывал потребность пройтись, поразмыслить.

Серые стены набережной были погружены в черную воду. Внизу лестницы дремала Сона, отражавшая мосты, тучи, фасады зданий, камни которых казались менее реальными, чем эти отражения. Я безустанно спрашивал себя, каким же образом Аньес удалось с потрясающей точностью восстановить характерные черты лица Бернара — человека ей совершенно незнакомого... Бывало, раньше, до войны, найдя тему какой-то мелодии и целыми днями преследуя то приходящий сам собою, то вдруг исчезающий мотив, как бы искушающий меня и вновь удаляющийся, я чувствовал, что музыка присутствовала рядом со мною, что, будучи невидимой, она жила где-то совсем близко; я не выдумывал ее — она сама отдавалась мне. Будто бы в тумане, я видел ее как что-то бесформенное, но посте-

пенно обретающее очертания и превращающееся в четкий образ. Из личного опыта мне было известно, что дар внутреннего видения — тоже искусство. Концерт, который я начал писать еще до войны, постепенно рождался и создавался из ночи, из моей пустоты, из неизведанных пространств моей души. А что, если бы вместо дара представлять ноты природа наградила бы меня даром видеть ранее мне незнакомые лица?.. Но если Аньес действительно обладает даром предвидения, тогда я, вне всякого сомнения, пропал... Ведь если она захочет и постарается, то образ Бернара четко определится и оживет и в конце концов заявит: «Я — Бернар!» Она также может присмотреться ко мне и увидит все мое прошлое, все то, что мне пока удается спрятать за крепко запертыми дверями моей памяти... Я представил, как она увидит мою жену, черную воду, каноэ, мужчину, стоящего сзади, неудачный взмах весла... И тогда она укажет на меня пальцем со словами: «А вы ведь не Бернар, вы — Жервэ!»

Я склонился над парапетом: внизу, словно больная рыба, плавало отражение моего лица. Я уже почти сознательно желал вылезти из этой шкуры, тем более что образ Бернара рано или поздно мог меня погубить. Мое лицо отражалось в волнах, искажающих и вытягивающих его в форму медузы, и плавало вдоль камней, а стайки мелких рыбешек поклевывали его. Я распрямился, пытаясь избавиться от сутулости, как это делают старцы. Меня окружал изрезанный тысячами лабиринтов и изрытый тысячами убежищ город. Но я уже устал от побегов, с меня хватит. Так что остается только представить Аньес возможность идти до конца в ее открытиях. Что она там увидит — Бернара или Жервэ...

Я возвратился домой, потому что уже подходило время обеда. Элен, не произнеся ни слова, села за стол первой. Из нас троих Аньес, как мне казалось, вела себя наиболее естественно. Ее близорукость позволяла ей смотреть на нас, в то же время не видя нас. Я же, должно быть, имел вид провинившегося, когда протягивал руку к блюду и накладывал себе в тарелку ветчину, говядину и сыр, разумеется, добытые ясновиденьем Аньес. Обстановка в доме была невыносимо напряжена, но к вечеру она накалилась еще больше. В нашем квартале внезапно вновь появилось электричество, и люстра заливала столовую праздничным светом. Мы ели и слушали, как мы едим: звон вилок о тарелки, звук разжевываемого хлеба — все это в тишине становилось невыносимым. В столовой, как нигде, я чувст-

вовал принужденность и скованность в движениях, а кроме того —ужаснейшую скуку.

Встав из-за стола, мы расходились, будучи между собой более холодными и далекими, чем пассажиры в купе поезда, собранные случаем вокруг одного обеденного стола. Я вышел вслед за Элен, успел дернуть ее за рукав и пошел курить в большую гостиную.

— Вы мне хотели что-то сказать, Бернар?

— Да... Я хочу сказать, что дальше так продолжаться не может, и вы это прекрасно понимаете! Мы здесь сидим словно хищники, запертые в одной клетке... готовые в любую секунду разорвать друг друга в клочья...

— Видите ли, я к этому уже привыкла — ведь я не первый год живу в такой обстановке.

— И что, вы не нашли из нее никакого выхода?

— Увы, никакого. Поймите меня, Бернар, поставьте себя на мое место... Ведь Аньес — моя сестра лишь наполовину. Мой отец унаследовал огромное предприятие, но его вторая жена — мать Аньес, промотала все еще до своей смерти. Он с трудом разыскал ее в каком-то казино. Бедный папа!.. Он намеренно застрелился, даже не пытаясь поправить положение. Мне одной пришлось воспитывать Аньес, и я это делала, как только могла... Но вам небось скучно слушать о моих несчастьях?

— Ну что вы, Элен, что вы!..

— До войны мне еще как-то удавалось сводить концы с концами. Мой отец оставил нам два дома. Этот записан на Аньес, а второй, в Вэзе, принадлежит мне, но я никак не могу продать его, потому что жильцы вышли из-под контроля и не хотят платить за квартиру.

— Я понимаю вас.

Подойдя к двери, ведущей в вестибюль, Элен внимательно прислушалась, а вернувшись ко мне, понизила голос:

— Аньес всегда доставляла мне множество хлопот. В сущности, у нее такая же натура, как и у ее матери. Им всегда все всё должны, им всегда все плохо и все не так. Вы думаете она ценит меня за то, что мне пришлось перенести из-за нее? Как бы не так! Вы же видели, что произошло сегодня утром.

— Элен... Именно поэтому я и хотел выяснить это. Давайте все же предположим, что она говорит правду...

Схватив меня за запястье, Элен, казалось, пришла в бешенство.

— Вы ей верите? — прошептала она. — Да она ведь

обманщица, к тому же и больной человек! Да, больной! Вы знаете о том, что несколько лет тому назад она пыталась покончить жизнь самоубийством с помощью веронала?.. И все это под предлогом, что она, видите ли, несчастна... Прошу вас, Бернар, не поддавайтесь на ее уловки... Она способна на все!

Я мягко освободился от ее пальцев и обнял ее за плечи.

— Ну-ну, успокойтесь... Вы же более уравновешенная, чем ваша сестра, а вы, оказывается, еще более нервозны, чем она. Я ведь только сказал: предположим, что она говорит правду. В конце концов, вы тоже не в силах доказать, что она лжет. Ведь она так точно описала Жервэ...

— Тем хуже, — резко оборвала меня Элен. — Я чувствую, что скоро буду бояться ее. Мне уже и без того пришлось немало натерпеться от нее. Все старые друзья нашей семьи отвернулись от меня. Я осталась одна. Совсем одна...

— Одна... но все же со мной, Элен.

Из глаз у нее брызнули слезы. Она нежно положила свою голову мне на грудь.

— Увезите меня отсюда, Бернар. Мне уже надоела такая жизнь... Я просто боюсь ее. Женитесь на мне... Формальности можно будет быстро уладить, и мы сразу же уедем туда, куда вы сами захотите. Только, ради бога, подальше отсюда!.. А ее оставим здесь...

— Послушайте, — сказал я. Вы, без сомнения, правы, но прежде чем решиться на это, необходимо все взвесить; к тому же оставлять здесь вашу сестру совсем одну вовсе небезопасно.

— Почему небезопасно?

— Но вы же сами только что сказали, что она больной человек. Я хочу, чтобы вы мне верили, Элен. Мне хотелось бы понаблюдать за Аньес, заставить ее заговорить и понять: занимается ли она шарлатанством или же говорит правду.

— Но я не хочу вас терять...

— Вы вовсе не рискуете потерять меня, Элен.

— А вы уверены, что любите меня?

— Да, уверен.

Я несколько раз чмокнул ее в волосы, и, довольный полученным безмолвным согласием, сделал вид, что хочу провести ее до спальни.

— Нет, — сказала она. — Вот это не надо.

Я терпеть не мог подобного кокетства и поэтому воздержался и не настаивал. Теперь мне уже не терпелось

увидеть Аньес. Я подстерегал ее целый день, но мне так и не удалось подойти к ней. Она приходила в столовую последней и первой вставала из-за стола, а остальное время проводила, затворившись в своей комнате. Мне казалось, что я уже больше не существовал для нее. Мои беспокойство и озлобленность росли час от часу. И в конце концов я не выдержал; я прямо пошел и постучал к ней в дверь. Она открыла дверь, беспокойно и угрюмо взглянув на меня.

— В чем дело?

— Аньес, пустите меня на минутку. Только на одну минутку...

— Это вас Элен подослала?

— Да нет же.

— Ну, тогда заходите быстрее.

Как только дверь за мной захлопнулась, я заключил Аньес в свои объятия. Клянусь, что я даже не мечтал о том, что произошло впоследствии. Я почувствовал себя, словно больной под наркозом; все видел, все слышал, но как бы находился в другом мире. Желание обожгло меня, как раскаленное железо. Я задыхался от переполнявших эмоций, сердце глухими ударами отзывалось у меня в горле. И в лабиринте моих переживаний маячила одна мысль: «Она меня знает... Она меня видит насквозь. Она все знает... Она все знает...» Я посмотрел на Аньес: ее глаза блестели, как две теплые звезды.

— Бернар, — прошептала она. — Ты пришел... Если бы я знала...

— Ты сожалеешь об этом?

— Замолчи!

Ее руки гладили мой лоб, мои щеки, и в этот момент она полностью овладела мною. Я не шевелился, отдавшись этим ласкам, этому чтению меня кончиками пальцев, проникающими гораздо глубже поверхности моей кожи.

— Ты слышишь? — спросила Аньес. — Она играет.

— Да... Это Форэ *.

— Ты такой образованный.

Она повернула голову, чтобы рассмотреть меня получше, и закрыла мне глаза, прикоснувшись к ним губами. Я уже ни о чем себя не спрашивал, полностью погруженный в сладострастное оцепенение. Не к Элен, а именно к этой женщине я и шел тогда на ощупь сквозь город, погруженный в ночь. Сам того не зная, я подсознательно пошел с Бернаром ради нее.

* Форэ Габриэль (1845—1924), французский композитор.

— Она говорила тебе обо мне, правда?.. Она сказала тебе, что я почти ненормальная, что я пыталась покончить жизнь самоубийством, да?.. Она тебе сказала, что я говорю людям бог знает что и мне нравится смотреть на их страдания, да? Я знаю, что она так думает... Она жутко ревнива и хотела бы всегда помыкать мною. Ну а ты? Что же ты ей ответил?.. Или нет, лучше не говори, лучше мне этого не знать... Мне было бы больно услышать правду.

— Послушай, Аньес, — пробормотал я. — Неужели не догадываешься, что я ответил?

— Нет... Я пока еще не столь искусна...

Я приподнялся на локте.

— Тсс, — прошептала Аньес. — Она здесь, стоит под дверью.

И опять эта тишина, эта парализующая мозг тишина. Аньес шептала, едва шевеля губами:

— Она сейчас проходит через гостиную... вот она уже под дверями... наклоняется... слушает. Она все это делает бесшумно, но я-то ее чувствую, я уже привыкла к этому... А сейчас она ненавидит меня еще больше, потому что знает, что ты здесь со мной.

Я, как околдованный, слушал ее. Ломала ли она передо мною комедию или же действительно осознавала и чувствовала происходящее за дверью? Обладала ли она каким-то таинственным даром — одним из этих инстинктов животного или насекомого, идущего вразрез с человеческим разумом?

— Ты слышишь ее?.. Она только что подошла к окну... Должно быть, поджидает ученика... И молит бога, чтобы он задержался ведь тогда она могла бы подольше постоять здесь, под дверью.

В вестибюле раздался звонок, и рядом с дверью скрипнула половица паркета.

— Откроет она не сразу. Ей нужно создать впечатление, что она идет через всю квартиру... Так вот, сейчас... она открывает... Моя дорогая Элен!

Какая-то неуловимая улыбка едва приподняла уголок ее губы, но ее глаза смотрели поверх меня на стену, медленно поворачиваясь, будто следили за невидимыми передвижениями Элен из комнаты в комнату. Наконец ее зубы мало-помалу обнажились в улыбке.

— А ты ведь вовсе ничего не видишь, — сказал я. — Ты просто дуришь меня.

Она посмотрела на меня, как на совершенно незнако-

мого ей человека, лежащего у нее на кровати, а затем погладила меня по щеке.

— Вот уже двадцать лет, — заметила она, — как я чувствую все переживания, происходящие вокруг меня. Знаешь, Элен, сама того не желая, дала мне понять, что я могу видеть то, что скрыто от глаз других людей.

— Я, кажется, понимаю, — сказал я с надеждой, — ты наблюдаешь за людьми, и по их жестам, по их словам ты...

— Нет... Просто передо мной совершенно неожиданно возникает образ. Например, рядом с тобой я однажды увидела образ Жервэ. Он витал над тобою, будто бы желал занять место твоего собственного лица. Понимаешь, объяснить это чрезвычайно трудно. Передо мной часто предстают цвета, а иногда и цветы... Например, белые цветы означают, что планы человека осуществятся, а красные — наоборот, что человек подвергается опасности... Долгое время я и не подозревала, что все это имеет какое-то значение. Я полагала, что все люди вокруг меня, как и я сама, видят подобные вещи... Но как-то, возвращаясь с вечеринки, я спросила у сестры: «Почему эта дама носит хризантему?» «Какую еще хризантему?» — спросила сестра... А на следующий день эта дама скончалась... Тогда я сразу все поняла... Ты уже заинтригован, да, Бернар? Ведь она убедила меня в том, что я все лгу, признайся мне... Ну так вот: я иного мнения о своих возможностях, а если я иногда и говорю неправду, то говорю ее не по своей вине. Это просто потому, что я неверно истолковываю увиденное... от ошибок я тоже не застрахована. В общем, я вовсе не желаю пугать тебя, я просто хочу предупредить... Со вчерашнего дня я вижу рядом с тобой какой-то образ... Он совсем расплывчатый, но видно, что это женский силуэт... Я не знаю, кто эта женщина...

Она, должно быть, почувствовала мое напряжение и готовность защищаться, потому что положила мне на лоб холодную руку, как бы желая успокоить меня.

— Мне кажется, что она брюнетка... Мне чудится, что она приближается сюда... Возможно, она хочет написать тебе...

— Я не знаю никакой женщины, — резко сказал я. — Твой спиритический сеанс, похоже, несколько затянулся.

— Не сердись, Бернар. Я часто ошибаюсь.

Она хотела меня поцеловать, но я оттолкнул ее и встал, чтобы пойти в ванную: у меня больше не хватило сил выносить взгляд ее карих глаз и этот хриплый голос.

Хватит с меня этой брюнетки; она уже не так давно

изводила меня, я уже достаточно хлебнул с ней горя и довольно дорого расплатился. Фыркая, я думал и умывался. Она хотела, чтобы я, как и все приходящие сюда добропорядочные, простодушные, но рассказывающие о своей жизни люди, тоже поддался ее чарам. Она надеялась, что я расколюсь и расскажу ей все о себе! Что ей таки удастся пробраться в мое прошлое! Ну нет, деточка!

— И конечно же, — крикнул я с деланной веселостью, — эта женщина желает мне зла?

— Разумеется, — ответила Аньес.

Глава 6

С виду в нашей жизни ничего не изменилось: Элен продолжала давать уроки музыки, а Аньес принимала своих посетительниц. Сестры продолжали игнорировать друг друга, а мы все втроем задыхались в этой невыносимой атмосфере. Совместные трапезы превратились в настоящие испытания. Сидя вокруг ломящегося от еды стола, мы походили на больных, утративших всякую надежду на выздоровление. После этих мучительных трапез Элен подстерегала меня в закоулках, бросалась мне на шею и шептала:

— Бернар, так дальше не может продолжаться.

Аньес же подстерегала меня у входа в маленькую гостиную и мгновенно затаскивала к себе в комнату, где мы лихорадочно набрасывались друг на друга...

Я уже физически ощущал надвигающуюся на меня угрозу: Аньес каждый день по штришку дополняла портрет Бернара, которого она по-прежнему называла Жервэ, но в ее рассказах ничто не доказывало, что она не перестала заблуждаться. А узнать, так ли это на самом деле, не представлялось мне возможным. Мои нервы начинали уже сдавать и походили на каменную глыбу, поддающуюся, в конце концов, постепенному и разрушительному подтачиванию каплями. Временами я был просто убежден, что ее голова полна образов, а временами мне казалось, что в ее близоруких глазах затаилась хитринка. Кем же я представал перед ней? Свидетелем? Жертвой? Или одновременно и тем и другим? Она тянула меня к себе, как что-то неизведанное. Теперь-то я понимал, почему эти женщины приходят к ней, а затем пьянеют от собственного несчастья и боли. Я и сам чувствовал себя зараженным этим и напрасно повторял про себя: «Она все придумывает, ловко используя то, что ей рассказывают, и волей-неволей иногда попадает в точку». Может быть, абсурдное,

но все же неистребимое подозрение так и не покидало меня. Я, как и все, слышал о существовании предсказателей, Аньес же, без сомнения, основательно изучила этот феномен. В ее библиотеке я обнаружил целую полку книг, посвященных этому вопросу. Таким образом, ничем не рискуя, она безбоязненно могла исполнять роль предсказательницы. Но если она действительно ясновидящая?.. Я подумал, что, наверное, так никогда и не решу эту загадку.

Терзаемая подозрениями Элен внимательно следила за нами. Иногда я ей подмаргивал или украдкой улыбался, чтобы дать понять, что я делаю это все исключительно ради нее, ради нас обоих. В конце концов, Элен попросила меня больше не ходить к Аньес.

— Она интриганка, — убеждала меня Элен. — Поверьте мне, Бернар, для вас же будет лучше, если вы перестанете общаться с ней.

— Да я с ней и так не общаюсь, — заметил я. — Просто мне хотелось убедиться: притворяется она или нет. А так она меня вообще не интересует.

— Да, ей солгать — все равно, что вздохнуть.

— Я почти согласен с вами. Совсем недавно она мне наплела что-то о какой-то брюнетке, которая якобы должна скоро появиться в моей жизни. И это у меня, у человека, который в этом городе не знает никого, почти никогда не выходит из дома.

— Ну вот видите, Бернар!

На следующий день мы получили письмо из Сен-Флур, содержащее свидетельство о моем рождении. Его мне передала Элен, когда мы садились за стол. Прочитав письмо, я из вежливости пробормотал:

— Это пишут из мэрии...

— Так когда же свадьба? — спросила Аньес, глядя на свою сестру.

Та, нахмурившись, неохотно произнесла:

— Очень скоро.

— Это правда, Бернар?

Голос Аньес был спокойным и почти безразличным.

— Еще ничего не решено... — ответил я. — То есть, я хотел сказать, ничего определенного. Ведь пока у меня не было документа...

— Ну, вот и чудесно. Теперь вы уже сможете объявить дату, — продолжала Аньес. — Ты будешь рассылать приглашения, Элен?

— Я сделаю все, что принято делать в таких случаях.

— О, так, может, ты пригласишь семью Леруа?

— Прекрасная мысль! И Дусенов тоже.

— Их приход меня бы очень удивил!

Сестры настолько были поглощены обменом колкостями, что обо мне забыли. Элен праздновала триумф, но Аньес тем не менее не выглядела ни удивленной, ни разочарованной. О нашей женитьбе она говорила довольно веселым тоном — так говорят о событии приятном; но совершенно практически невозможном, и ее замечания приводили Элен в состояние скрытого бешенства.

— Нельзя еще забывать о том, — сказала Аньес, — что сейчас пост.

— Я прекрасно помню об этом. Но мне также помнится, что супруги Бело в прошлом году выдавали свою дочь замуж именно во время поста...

Мне оставалось лишь догадываться о соперничестве кланов, семейных распрях и почти нескрываемой ненависти — все это таилось за фасадами домов погруженного во мрак города. Моя злость по отношению к Элен все возрастала и возрастала. Она втягивала меня туда, куда мне совершенно не хотелось идти: мысль о браке с ней была мне ненавистна, да и влекло это за собой немало риска — ведь я был не Бернаром... И тем не менее я уже планировал продать лесопильный завод Бернара, реализовать его имущество и устроиться где-нибудь в другом месте, на противоположном конце Франции. Обстоятельства благоприятствовали мне, ведь Бернар, как и я, был одинок. Да и, в конце концов, я никому не сделал ничего плохого. Если бы только не Элен, к которой я не испытывал ничего, кроме жалости, и которая полностью так или иначе распоряжалась свободой моих действий. Отныне она каждый божий день без устали твердила о нашей свадьбе! Обе сестры расставались с обетом молчания, и лишь только мы все втроем усаживались за стол, как тут же начинался обмен колкостями:

— Надеюсь, ты уже придумала свой наряд? — спрашивала Аньес.

— Представь себе, да, у меня есть очень хороший, скромненький темный костюмчик.

— Это могут неправильно понять. Вот если бы ты выходила замуж не первый раз, тогда другое дело. А вы как считаете, Бернар?

Аньес не упускала случая призвать меня в арбитры. Она проделывала это с такой непосредственностью и нарочитой наивностью, бесстыдство которых просто поража-

ло меня. Запутавшись во лжи, я оскорблял одну из них своей сдержанностью, а другую — своими обещаниями. Я был уверен, что в любом случае останусь виноватым, поскольку прекрасно понимал, к чему была эта игра: обе хотели заставить меня сделать выбор между ними. Мои самые что ни на есть примирительные улыбки и безобиднейшие слова тут же служили аргументами правоты для каждой, вызывая почти победные вскрики. А затем мы расходились, с виду будто бы примиренные, но с отравленными ревностью душами. Потерпевшая поражение — то Элен, то Аньес — целыми часами подстерегали меня, чтобы тут же обрушиться с упреками.

— Я не намерена тащить вас силой под венец, — замечала мне вскользь Элен.

— Заметь, что я не чиню никаких препятствий твоему браку с ней, — в свою очередь говорила Аньес.

А тем не менее несмотря на все спокойствие Аньес, ее-то я опасался больше Элен. Она имела обыкновение делать рукой жест, как бы говорящий: «Давай, давай, продолжай в том же духе... Посмотрим, дружок, что из этого выйдет!» В момент крайнего отчаяния я говорил себе: «Сматывался бы ты отсюда, и чем скорее, тем лучше! Хуже, чем здесь, тебе уже никогда нигде не будет!» Но это были лишь мимолетные мысли. Я прекрасно понимал, что стоит мне только исчезнуть, как Элен в поисках меня поднимет на ноги весь город. Я слонялся по комнатам из угла в угол, словно майский жук, пойманный и посаженный в коробочку. Звуки пианино служили вполне подходящим аккомпанементом моим мрачным размышлениям. А улица представлялась мне не иначе, чем глухим колодцем, по дну которого ползают такие же, как я, букашки.

Я завел привычку прогуливаться каждый день, создавая себе таким образом иллюзию, что будто-бы ускальзываю из-под надзора сестер. Со временем у меня даже появились полюбившиеся мне районы, названия которых я так никогда и не узнал. Помню, только, что сначала поднимался куда-то вверх — по улочкам, разделенным надвое металлическими перилами, затем, уже сверху, мне открывался вид на крыши домов, их трубы, на дымы и облака. Это мне напоминало Монмартр. Создавалось двоякое впечатление: я одновременно парил под самыми небесами и тут же взглядом исследовал что-то напоминающее каменный карьер, потому что внизу город был изрезан множеством галерей из то и дело пересекающихся узеньких улочек. Иногда они переходили в глухой дворик или про-

ходной двор с двух сторон окруженный лестницами, на которых сушилось белье. Внизу катались на роликах дети, и на какое-то мгновение я затеривался в этом урбанистическом пейзаже, обретая свою анонимность, словно муравей, попавший в свой муравейник... Однако чувство усталости и мой собственный вес все же тянули меня вниз, и я вновь возвращался к своему одиночеству.

— Вы не очень хорошо выглядите, Бернар, — беспокоилась Элен.

Когда ей хотелось казаться хорошей, она начинала проявлять ко мне чуть ли не материнскую заботу, ужасно раздражая меня этим.

Наконец дело дошло уже до выбора формата и шрифта приглашений. Элен достала ящик, полный открыток и конвертов: здесь были собраны двадцать лет лионской супружеской жизни с ее альянсами и мезальянсами. Я без всякого энтузиазма смотрел на эту роскошную бумагу, курсив и заглавные буквы с завитушками, не известные мне имена, сопровождаемые современными титулами, написанными жирным шрифтом: Президент Торговой Палаты, Кавалер Ордена Почетного Легиона, Чиновник Народного Образования... Кончиками пальцев Элен вместе с Аньес переворачивали эти велени, альфа, люфюма, на время объединенные одним и тем же любопытством и воспоминаниями.

— А ты помнишь, когда выходила замуж малышка Беш? У них ковер лежал аж до самой паперти... А ее мужа убили в самом начале войны.

— О! Смотри: приглашение Мари-Ан!

Возбужденные воспоминаниями, они смеялись, в то время как я раскуривал сигарету. Аньес даже встала коленями на стул, чтобы ей было удобнее рыться в этой куче.

— Мне всегда нравились вот такие карточки, — сказала, показывая одну из них, Элен. — Весьма скромно, правда?

— Очень уж простая, — заметила Аньес. — Ты должна заказать карточки ничуть не хуже, чем у Дангийомов!

— Бернар, идите сюда к нам!... Вас же это тоже касается.

Я подошел к столу.

— После имени нужно будет указать род ваших занятий, — сказала Элен.

— Напишите «пленник», — с горечью пробормотал я.

— Ну что вы, Бернар!.. Я же ведь серьезно.

— Может, напишем «негоциант»? — предложила Аньес.

— Нет, лучше уж «промышленник»! — решила Элен. — Ведь так оно и есть на самом деле...

— Да, — сказал я. — Так оно и есть.

На оборотной стороне какого-то конверта Элен набрасывала приблизительную форму карточки. Эта игра захватывала их обеих, и ужин в тот вечер прошел довольно-таки спокойно. Элен до такой степени увлеклась, что даже съела кусочек мяса — мяса, предложенного ей Аньес. Венчание, само собой разумеется, состоится в соборе Сен-Мартен д'Эней, но вот какого числа и в котором часу? Взбешенный этими разговорами, под предлогом мигрени, я покинул ужинающих сестер, а на следующий день встал очень рано и, не заходя в столовую, сбежал на прогулку. Я плохо выспался и поэтому у меня хватило сил только на прогулку вдоль берегов Соны. Низко нависшее небо обдавало сыростью, вода была такой же серой. Над мостами кружила пара чаек. Все те же переживания и страхи наполняли мою душу. Меня как бы парализовало от этих сомнений, надежды покинули меня — мой взгляд был пуст, а глаза отражали лишь неподвижную воду. Время от времени я останавливался и облокачивался на парапет. Делать мне было нечего, да я и не хотел ничего делать, я просто не мог ничего делать: я ждал!

Войдя в прихожую, я чуть было не споткнулся о какой-то огромный чемодан. Что это? Подношение очередной посетительницы Аньес? Но обычно эти подношения имели вид свертков. Ругаясь сквозь зубы и пытаясь перебороть свое плохое настроение, я направился в столовую. Пианино смолкло, и мне навстречу выбежала Элен.

— Бернар... Вы уже видели ее?

— Кого?

— Жулию!

— Жулию?!

— Ну да, вашу сестру. Она только что вышла отсюда.

Я весь похолодел: все кончено... я пропал...

— Вы хотите сказать, что Жулия была здесь?.. — пробормотал я.

Элен присущим ей жестом коснулась ворота моего плаща, медленно поглаживая ткань.

— Не сердитесь, Бернар... Я знаю, что вы порвали с ней, но что я могла сделать? Она пришла и сказала, что хочет видеть вас... Я сказала, что вы скоро вернетесь, и предложила ей позавтракать. Но она решила отправиться на поиски гостиницы. Я сделала что-то не так, как следовало?

— Это ее чемодан там, в прихожей?

— Нет, это же ваш. Жулия привезла вам белье, одежду...

Так вот она — та самая брюнетка! Выходит, Аньес ничего не придумала!

— Но... — растерялся я, — но... Как же она узнала, где я?

— Я задала ей тот же вопрос, так как была удивлена не меньше вас. Оказывается, ее просто-напросто уведомил служащий мэрии Сен-Флур, приславший вам ваше свидетельство о рождении.

В комнату молча вошла Аньес.

— А вы тоже были здесь? Вы тоже видели ее? — спросил я.

Она кивнула.

— Жулия почти сутки провела в поезде, — продолжала Элен. — На железной дороге была диверсия. Она очень устала... Бернар, я бы не хотела вмешиваться в то, что меня не касается... но, в конце концов, если ваша сестра решилась на подобное путешествие, то, вероятно, потому, что вы ей не безразличны. Так неужели же вы со своей стороны не можете забыть эту старую ссору? Поймите меня... ведь это — ваша сестра, Бернар.

— Я не собираюсь ничего понимать.

— Нельзя же быть таким жестоким, — сказала Аньес.

— А почему тогда, когда я был в Германии, она ни разу не написала мне ни строчки?

— Да она понятия не имела, что вы попали в плен.

Мои нервы начали сдавать, и я вынужден был сесть.

— Бедняжка, — сказала Элен. — Я, конечно, знала, что ее приезд лишь раздосадует вас, но что я могла поделать?.. В каком мы теперь окажемся положении, если вы не согласитесь увидеться с ней?

— Вы должны встретиться с ней, — вмешалась Аньес.— Поговорить с ней... ну, хотя бы ради нас.

Будь на моем месте Бернар, он, вероятно, уступил бы, но если мягкость проявлю я, то тем самым подпишу себе смертный приговор. Часы показывали десять. Жулия, должно быть, вернется не раньше полудня. Значит, у меня есть два часа. Что же мне делать? Может, мне все-таки удастся придумать правдоподобную версию?

— Она так мила, — продолжала Элен. — Я должна признаться, что лично мне она очень понравилась.

«Мила» — на языке Элен означало «сносна». Жулия, разумеется, не принадлежала к людям обаятельным, к та-

ким, с которыми приятно общаться. Но если уж я желал выглядеть хорошо воспитанным человеком, а не каким-то там мужланом, то мне в свою очередь тоже следовало принять Жулию любезно.

— Хорошо, — пробормотал я.

— Спасибо, Бернар.

— Она, вероятно, остановилась в гостинице?

— Я посоветовала ей «Брес» — это гостиница на площади Карно. Как-то, еще до войны, нам выпал случай оказать услугу ее хозяину. Но если вы хотите, Бернар, мы можем предложить Жулии комнату здесь, у нас.

— И как долго она собирается жить здесь?

— Я не знаю. Ведь мы говорили очень недолго... Думаю, ей нужно подготовить бабушкину комнату...

Постепенно мое хладнокровие возвращалось ко мне, и я уже видел спасительный выход — признаться Жулии во всем. Я почему-то был уверен, что она непременно поймет меня. Ведь судя по тому немногому, что говорил мне о ней Бернар, сама Жулия не отличалась особой скрупулезностью. Если я расскажу ей о своей жизни и объясню, почему вынужден был остаться у Элен, она, вероятно, поймет меня, будет молчать, а, может, даже — ведь чем черт не шутит? — согласится мне помочь. Я уже решил, что приму безоговорочно ее любые условия. Ведь, в конце концов, я же был другом ее брата, а она, должно быть, любила его, если уж так вот, бросив все, примчалась сюда, как только узнала, что он жив... Да, Жулия могла спасти меня... но при условии, что мы встретимся с нею наедине. В противном случае произойдет ужасная сцена: увидев меня, она скажет: «Здравствуйте, месье»... От одной этой мысли я смертельно побледнел.

Элен деловито распаковывала чемодан, а Аньес, стоя за спиной, молча смотрела на меня. Этот приезд Жулии, который она мне предсказала, казалось, забавлял ее, и вовсе не исключено, что она догадывалась о причине моего замешательства и вовсе была не прочь еще раз подтвердить существование своего особого дара. И она вдруг зашептала, словно желая еще больше нагнать на меня ужас:

— А вы знаете, Бернар, ваша сестра совершенно не похожа на вас. У нее овернский генотип лица выражен гораздо ярче, чем у вас.

— Да, я знаю, —ответил я. — Вот уже пятнадцать лет, как все вокруг беспрестанно повторяют мне это.

— Оставь Бернара в покое, — сказала Элен. — Твои замечания совершенно ни к чему.

И она принялась доставать вещи из чемодана, а Аньес переносила их на кровать и отставляла в сторону обувь. В чемодане оказались два абсолютно новых костюма довольно-таки элегантного покроя, галстуки, белье, пуловер и несессер из свиной кожи...

— А вы, как видно, ни в чем себе не отказывали, — заметила Элен с некоторым оттенком уважения. — Держите-ка свой бумажник.

Он был из черной кожи, с двумя тиснеными серебром инициалами — «Б. П.». Открыв его, я увидел там целую пачку тысячефранковых билетов. А ловкие руки Элен по-прежнему извлекали из чемодана все новые и новые вещи: бритву в футляре, стоптанные туфли, носовые платки... Элен развернула пальто, которое жестом одобрила.

— К сожалению, Бернар, — пробормотала Аньес, — теперь в своих костюмах вы просто утонете. Мне кажется, они стали слишком велики для вас.

— Это не имеет никакого значения, — сказал я раздраженно.

— И тем не менее, — запротестовала Элен, — лучше быть элегантным, чем смешным. Померьте-ка этот голубой пиджак... Ну, пожалуйста, Бернар, прошу вас. Сделайте это ради меня!

Настенные часы пробили половину. Я механически надел пиджак; перед глазами у меня витал лишь образ Жулии, выходящей из гостиницы и направляющейся к дому.

— До чего же вы похудели, — заметила Элен. — Ну просто невероятно! Плечи, правда, на месте, а вот пуговицы придется переставить... Ну-ка, пройдитесь немного... Так. Что скажешь, Аньес?

— Скажу, что Бернар похож на ряженого. Чего доброго, люди подумают, что он эти вещи у кого-то одолжил...

— Ты просто несносна! Вечно ты все преувеличиваешь.

Они крутились вокруг меня, снимая мерки. Я же стоял, как вкопанный, одинаково ненавидя их обеих. Ведь если бы не эта идиотская женитьба, то мне не пришлось бы писать в Сен-Флур, и Жулия ни за то бы не узнала бы о моем появлении. А теперь суженая настоящего Бернара, которая бы могла составить ему счастье, просто уничтожит меня... Я снял пиджак.

— Ну ладно, с вашего разрешения, я, пожалуй, пойду.

— Подождите, Бернар! — воскликнула Элен. — Помогите мне перевернуть матрацы в бабушкиной спальне. Это минутное дело.

От нетерпения, ярости и страха я, как идиот, переступал

с ноги на ногу. Мне казалось, что если бы я напряг свой слух, то непременно услышал бы шаги Жулии, идущей по тротуару. И тут мною овладело еще одно опасение: если я встречу Жулию на улице, то, разумеется, не узнаю ее. Значит, мне необходимо ее застать еще в гостинице. В противном случае меня позорно выведут на чистую воду, как только я вернусь. Бежать и немедленно! Но Элен же заявит о моем исчезновении. Стоит им только разговориться обо мне, как обман сам собою выплывет наружу. И кто знает, какие тогда обвинения посыплются в мой адрес?

— Сними покрывало, Аньес... Тяните со своей стороны, Бернар. Сильнее. Боже мой, ну до чего же вы неуклюжи! А еще называли себя ловким.

— Так вы говорите, она в гостинице на площади Карно?

— Да, это за поворотом, сразу направо.

— Ну все, я пошел, — сказал я. — Ведь скоро уже одиннадцать.

— Обедать сегодня будем в половине первого, — бросила мне вдогонку Элен. — Не опаздывайте!

Я кубарем скатился по лестнице и что есть мочи побежал к набережной. Прохожих на улице было довольно много, и я пытался всматриваться во всех брюнеток, помня, что Жулия, должно быть, немного старше Бернара, с лицом овернского генотипа. Правда, я точно не знал, что именно следует подразумевать под последним. Итак, с чего же начать?.. В моем распоряжении было немногим больше часа, и за это время нужно было успеть завоевать ее расположение. Это казалось невероятным, но если мне не удастся ничего изменить — я пропал. Да и потом: какие силы в мире могут помешать Жулии расплакаться, когда она узнает о смерти Бернара? Она приехала к Элен веселой и улыбающейся, а со мной вернется побледневшей и с красными от слез глазами. Вся эта затея мне показалась невероятно глупой. Я даже не знал, зачем я продолжаю идти по направлению к гостинице, — до такой степени моя беспомощность представлялась мне очевидной. Пройдя перекресток, я увидел вертикальную вывеску: «Гостиница Брес». Она там! В полнейшем замешательстве я остановился у входа. Итак, я буду убеждать ее в том, что Бернар приказал мне назваться его именем... А вдруг она почувствует фальш и не поверит мне? Ну а если я начну ей рассказывать, что хотел этим скрыться от преследующего меня прошлого — прошлого испорченного, капризного и несчастного ребенка?.. Если я расскажу, как

моя жена тонула у меня на глазах, а я умышленно не бросился ее спасать? Если я признаюсь ей во всем, во всем... в своих самых глубоких переживаниях, в робких попытках созидателя, терзаемого сомнениями, в своих горестях, одним словом, во всем?... Только зачем ей все это нужно? С какой стати она вдруг согласится стать моей сообщницей?

Я вновь пошел вперед и прошелся перед гостиничной стойкой. За кассой, между двумя пальмами, лениво зевал служащий. И снова, в который уже раз, я задавал себе все тот же вопрос: почему это я позволил выдать себя за Бернара? Если разобраться, то ведь серьезных-то мотивов и не было. Точнее, было множество каких-то мелких, никчемных причин: отсутствие одежды, желание обрести пристанище, необходимость женской заботы... Нет, Жулия вряд ли войдет в мое положение: ведь для того чтобы завоевать взаимное доверие, нужно время. Несмотря ни на что, я вовсе не чувствовал себя преступником. Всего лишь незначительная поддержка с ее стороны, и все было бы в порядке... Пропадать так пропадать, но попытка не пытка.

С этой мыслью я и вошел в гостиницу. Дежурный администратор бросил на меня рассеянный взгляд.

— Мест нет, — сказал он.

— Я пришел вовсе не за этим. Мне небходимо видеть мадам Прадалье.

— Она остановилась в пятнадцатом номере — это третий этаж, налево. Лифт у нас не работает.

Он был похож на шпика: его вроде бы пустые глаза не упускали из вида ни единой мелочи и останавливались на моем костюме столетней давности. Испуганный, побежденный, вызывающий у самого себя отвращение, я поднимался по лестнице, один этаж... второй. Пробило четверть двенадцатого. Пятнадцатый номер. Мне вспомнились слова Аньес: «Женщина, желающая вам зла...» И моя рука повисла в воздухе, не решаясь постучать в двери номера. Мой конец был близок. Хотя Бернар и спас меня от голода и плена, но от Жулии он не мог меня уберечь...

Я очень робко постучал, надеясь, что она меня не услышит и я получу возможность уйти отсюда.

— Войдите!

Толкнув дверь, я сразу увидел и узнал ее, она была похожа на Бернара, как две капли воды: такое же крепкое телосложение и та же бородавка возле уха.

— Жулия, — пробормотал я.

Сделав несколько нерешительных шагов по направлению ко мне, она вдруг протянула ко мне руки:

— Бернар!.. Бернар!.. Как я тебя ждала, если бы ты только знал!.. Бернар!

Бросившись мне на шею и упершись лбом в плечо, она заплакала.

— Бернар!.. Мой Бернар! Мой бедный Бернар!

Я закрыл глаза и очень крепко сжал челюсти; я сжимал их все крепче и крепче, потому что пол начинал ускользать из-под моих ног и стены комнаты завертелись перед моими глазами.

Глава 7

Что это? Сон? Ведь это же Жулия — сестра Бернара, которая сидит сейчас перед зеркалом умывальника и, нанося макияж, рассказывает мне о Сен-Флуре, будто я и в самом деле ее родной брат Бернар! Она даже не замечает, что ее слова доставляют мне боль, несравнимую с любым упреком, а она, как ни в чем не бывало, улыбается мне, причесывается и ищет свои перчатки.

— Если бы ты только знал, как я переживала из-за нашей ссоры! Слава богу, что все это уже позади и давай отныне больше не будем к этому возвращаться. Мы с тобой сейчас рядом, а это — главное... Возьми-ка лучше вот этот сверток, там сало и яйца. Представляю, как эти бедняжки обрадуются! Должна заметить, что у тебя не дурной вкус: твоя «крестная» — сама изысканность!.. Она даже успела шепнуть мне о ваших планах. Нет, нет, ты не подумай ничего лишнего. Она только намекнула кое о чем, но в таких делах я хорошо разбираюсь...

Вытолкнув меня в коридор и выйдя вслед за мною, она закрыла дверь на ключ. У нее был такой вульгарный вид и от нее так сильно разило парикмахерской, что мне стало стыдно за нее. В то же время я совершенно лишился дара речи. Я не мог выразить свой протест, будучи парализован оцепенением, всецело охватывающим меня всегда в трудные минуты моей жизни и создающим иллюзию моего согласия, тогда как на самом деле в глубине души я яростно сопротивлялся.

Вот сейчас я был категорически против того, чтобы эта женщина называла меня Бернаром и говорила мне «ты»; мною овладело сильное желание выпалить ей прямо в лицо: «Какого черта вы ломаете эту идиотскую комедию?! Вы ведь прекрасно знаете, что я не ваш брат!» Однако

вместо этого я продолжал как ни в чем не бывало идти с нею под ручку и слушать ее болтовню. Особенно ошарашивали меня ее искренняя радость и естественность ее поведения... И вместе с тем я испытывал некое постыдное облегчение, будто бы мне удалось заключить с этой болтливой незнакомкой какое-то преступное соглашение. Итак, моя жизнь продолжается, она еще не кончена. Я, правда, не знаю, какой она будет потом, но сейчас она еще не кончена. Мною овладело ощущение чудодейственного спасения, точно такого же, как тогда, в тот вечер, когда Аньес открыла мне дверь парадного.

— Жулия, — выдавил я из себя наконец, — позволь мне...

— Нет, нет, Бернар, не надо меня благодарить! Когда я узнала, что ты здесь, я просто не могла не приехать. Я, правда, свалила в чемодан первое, что мне попало под руку, и кое-что, конечно, позабыла, ты уж прости меня. Надо было взять твой будильник, ну тот, помнишь? Который ты выиграл в финале Кубка Фабьена.

При желании она могла каждое свое слово превратить для меня в ловушку, я целиком и полностью находился в ее власти. Бернар никогда в жизни не говорил мне о каком-то Кубке Фабьена. Тем не менее на проверку это не походило.

— А что это за деньги, которые были в бумажнике? — спросил я.

— А почему бы мне не дать тебе немного денег?.. Вернешь мне, когда сможешь. Надеюсь, этот вопрос мы с тобой на этот раз сумеем уладить.

Мне показалось, что я одновременно живу двумя жизнями, и это еще сильнее разозлило меня. Однако больше всего меня удивило то, что эта женщина обращалась со мной развязно-фамильярно и без тени смущения обнимала меня... будто бы она и на самом деле была моей сестрой! Моя голова раскалывалась от противоречивых мыслей, и я в глубине души был уверен, что в конце этой длинной, мрачной дороги, которую мне необходимо пройти с Жулией под руку, меня подстерегает гораздо более серьезная опасность.

— А как они обращаются с тобой? Хорошо? — спросила она меня. — А то, похоже, что эта малышка с характером.

— Я вполне нахожу с ними общий язык... Ты надолго к нам приехала?

— Я бы очень хотела погостить у вас подольше, но, к

сожалению, я располагаю всего лишь несколькими днями. Ведь когда занимаешься торговлей, располагать собою уже не можешь! Знаешь, я сейчас занялась бакалейной торговлей и, кстати, веду дело довольно успешно. Во всяком случае себя я обеспечиваю.

Каждое ее слово и интонация, с которой она произносила его, привели бы Элен в шоковое состояние. И с нею нам придется какое-то время жить вместе!.. Ужас.

— Я должен был предупредить, — сказал я, — что у Элен довольно трудный характер. Она когда-то была неплохо обеспеченной, а теперь вот вынуждена работать, понимаешь? Так что не очень-то и рассказывай ей о своей торговле и вообще о своих делах.

— Я постараюсь вести себя тактично, — пообещала Жулия. — Ты же знаешь, что такие, как Элен, не производят на меня особого впечатления.

А Элен уже ожидала нас, стоя на лестнице. В своем темном костюме она выглядела весьма элегантно. Аньес, с массивным золотым браслетом на руке, стояла позади нее и улыбалась, глядя на поднимающуюся по лестнице Жулию. Ну вот! Все мое семейство в сборе!.. Я уже дышал с трудом.

— Проклятая лестница, — пробормотал я. — Похоже, я начинаю стареть.

Дверь за мною захлопнулась, и я остался наедине с этими тремя женщинами. Моя судьба была в их руках, и теперь они могли в любую минуту уничтожить меня. Все пути к отступлению были перекрыты: я полностью зависел от их воли.

Мы пошли в столовую. Блеск стоящего на столе серебра и хрусталя едва не ослепил нас. Элен указывала, кому куда садиться. Несмотря на все мои страхи и опасения, с чувством огромной радости и облегчения, я отметил смущение Жулии.

— Ну что, — спросила Аньес, — вы, наверное, рады, что наконец отыскали его?

— Да, я просто счастлива! — сказала Жулия краснея. — Он, конечно, похудел, но в общем-то почти не изменился.

Началась игра в прятки. Из осторожности я лишь молча ел, предоставляя Жулии вести разговор. Элен же, как всегда, держалась сдержанно, в то время как ее сестра, наоборот, ничуть не скрывая своего любопытства, засыпала свою собеседницу нескончаемыми вопросами. С прису-

щей ей интуицией она не могла не отметить в поведении Жулии что-то неественное.

— А вы, наверное, уже думали, что ваш брат погиб, да?

— А что же мне еще оставалось думать? Ведь сперва я получила о нем известие от одного товарища, которого из-за какой-то неизлечимой болезни отправили обратно во Францию. Он рассказал мне, что Бернара перевели в другой лагерь, в Померанию. И с тех пор у меня о нем больше не было никаких известий, и я потеряла всякую надежду увидеть его вновь.

— И тут вы вдруг случайно узнаете...

— Да, совершенно случайно захожу в мэрию, чтобы получить чек на бензин, и...

— А у вас есть своя машина?

— Да, видавший виды «рено», но ведь когда занимаешься торговлей...

— А вы занимаетесь торговлей? А Бернар ничего не говорил нам об этом...

— А он ничего не знал об этом. Я ведь только два года назад приобрела лавку, которая была в совершенном упадке.

Услышав это, я уже не осмеливался смотреть на Элен. Допрос тем временем продолжался. Да, это был именно допрос, самый что ни есть настоящий допрос. Время от времени Аньес обращала на меня свой мутный взор, словно желая приобщить меня к этой беседе. Однако я раскрывал рот лишь в случае крайней необходимости, когда Жулия заводила разговор о ком-то из Сен-Флура, кого, я, естественно, не мог знать. Я уже видел, что Жулия вовсе не намерена разоблачить меня, и все же чувствовал себя как на иголках. Мне даже показалось, что она неоднократно приходила ко мне на помощь, будто была моей союзницей. Жулия — моя союзница?! С тех пор, как эта мысль пришла мне в голову, она постоянно преследовала меня. Ситуация выглядела более чем абсурдно. Вместо того, чтобы спросить у меня, где же сам Бернар, Жулия безо всяких уговоров вместе со мною решила продолжать обманывать Аньес и Элен. Чего же она ожидала от меня?

— Бернар! Ты слышишь?

— Извините... Что?...

— Я говорила Элен, что с едой в Сен-Флуре тяжеловато, да и город перенаселен...

Боже мой, она уже начала называть их просто по имени! Скоро она начнет им просто тыкать!

— Будет лучше, если ты как можно дольше останешься в Лионе.

— Я и не собираюсь возвращаться в Сен-Флур, — вскричал я.

— Разве у вас нет желания вновь встретиться с вашими друзьями? — спросила Аньес.

— У меня их было не так уж и много. А сейчас, скорее всего, они все в плену. Да и вообще, я не хочу возвращаться в Овернь. Торговля лесом начала чахнуть еще до войны, ну а теперь, при конкуренции со стороны скандинавских стран, вероятно, вовсе сойдет на нет.

— И вы намерены продать свой завод? — спросила Элен.

— Разумеется.

Я не спускал с Жулии глаз. Тепер я ждал, что она выразит свое несогласие. Ведь в самом деле, не может же она допустить, чтобы я взял да попросту и ограбил ее брата.

— Ты принял совершенно правильное решение, — неожиданно признала она. — А то, ты знаешь, Шезлад... ну, этот — Гюсту... Он едва справляется со своим заводом. Кроме того, у него реквизировали его лучшие грузовики... Ему не хватает рабочих рук.

Было видно, что своими бесконечными уточнениями и цифрами она начинала заинтересовывать Элен: в ней чувствовалась практическая жилка и оборотистость в делах. Когда речь заходила о купле-продаже, ее некрасивое землистого цвета лицо начинало сиять от удовольствия. Аньес же внимательно рассматривала бородавку у уха... Кто знает, быть может, рядом с ее лицом ей представлялось лицо погибшего Бернара? Не удивило ли ее поразительное сходство моего друга Жервэ с моей сестрой Жулией? Скрытая, но очевидная разгадка находилась именно здесь, словно на детских рисунках, где предлагалось отгадать, кто здесь полицейский, а кто фермер? А кто Бернар?.. Аньес положила себе варенья. Она, по-видимому, еще не распознала Бернара. Надо полагать, что пока не распознала.

Кофе мы пошли пить в гостиную.

— Элен, а сколько стоит сейчас такой кофе? — спросила Жулия.

— Спроси об этом лучше у моей сестры, — сухо ответила Элен.

— Это просто подарок, — объяснила Аньес.

Обстановка опять начала накаляться. Однако Жулия,

по-видимому, что-то заподозрив, прекратила свои расспросы. В ней как-то странно сочеталась тончайшая деликатность с полнейшим отсутствием такта.

— Очень хороший кофе, — лишь заметила она вскользь.

Держалась она абсолютно спокойно и уверенно, полагая, очевидно, что Бернар жив, а я нахожусь здесь, видимо, по его поручению. Я заметил ее жадный взор, который она, хотя и украдкой, бросила на мебель, картины, рояль. Я же в это время мучительно думал: какие бы безобидные вопросы задать ей, чтобы этим еще раз хорошо сыграть свою роль?..

— Мы приготовили вам комнатку, — сказала Аньес. Здесь вы будете чувствовать себя намного удобнее, чем в гостинице.

Сначала протесты, потом благодарности, и наконец еще один трудный момент остался позади.

— Бернар, — попросила меня Элен, — будьте так добры: сходите в гостиницу за вещами Жулии.

Так. Тепреь они, наверное, просто хотят удалить меня на время. Я реагировал на все это так болезненно и чувствительно, как будто с меня заживо сдирали кожу. Мне всюду мерещились ловушки и поэтому мне вовсе не хотелось дать этим женщинам возможность поговорить между собой в мое отсутствие. Быть может, Жулия только и ждет моей отлучки, чтобы рассказать Элен, кто я есть на самом деле...

— Не стоит откладывать на потом, лучше идите прямо сейчас.

— Да, я уже бегу!

И я, действительно, побежал, не переставая лихорадочно размышлять: зачем Жулии понадобилось разоблачать меня перед Элен. Ей теперь абсолютно невыгодно предавать меня...

Я спешил, чемодан Жулии бил меня по ногам, и мне неоднократно приходилось останавливаться, чтобы перевести дыхание и дать передышку своим охваченным дрожью ногам. Однако силы мои так и не восстановились: я был совершенно не в состоянии перенести длительную физическую нагрузку. О! Им, наверное, будет вовсе не трудно одолеть меня, если они захотят предпринять против меня какие-то действия. Бросив чемодан в прихожей, я попытался определить, где они сейчас находятся. Несмотря на холодную погоду, я был весь в поту. Из кухни доносился звон тарелок и вилок, и я пошел туда. Все трое дело-

вито мыли посуду и, казалось, прекрасно находили общий язык.

— Не стой здесь, Бернар, ты нам мешаешь, — крикнула мне Жулия. — Куда положить деревянную ложку, Элен?

— В ящик буфета.

Наша совместная жизнь потихоньку налаживалась. За весь день мне ни разу так и не удалось остаться с Жулией наедине, и я вскоре заметил, что она специально избегает оставаться со мною тет-а-тет. Ей постоянно удавалось задержать в комнате то Элен, то Аньес, и я был невольно восхищен ее даром находить тысячи тем для разговоров. Со страстностью женщины, лишенной всяких личных удовольствий, она бесцеремонно вмешивалась в жизнь обеих сестер.

Было решено, что Жулия остается у нас на пять дней. Хватит ли на это время у меня сил и изворотливости, чтобы обойти все острые углы? Я был уверен, что нет. Я ни за что не соглашусь отпустить Жулию, не переговорив с ней. Ее совершенно необъяснимое молчание вызывало во мне лишь неистребимое чувство беспокойства. Как же мне поговорить с ней наедине? А что, если просто зайти к ней в комнату?.. Нет, это, пожалуй, было бы глупо с моей стороны: я рискую вызвать взрыв, которого и сам опасаюсь...

В эту ночь я совсем не спал, как, впрочем, и Жулия, которая занимала соседнюю комнату: всю ночь я отчетливо слышал скрип ее кровати. Но кроме этого, я еще слышал скрип половиц в коридоре. Вероятно, одна из сестер все-таки вела слежку.

На следующее утро я застал обеих беседующими в столовой. Увидев меня, они замолчали, а Аньес сразу же удалилась.

— Бернар, — зашептала Элен. — Я добилась от Аньес, чтобы в течение этих пяти дней она никого не принимала. Я надеюсь, вы ничего не говорили Жулии?

— Нет, ничего.

— Спасибо. Вы поступили очень правильно... Хотя, мне кажется, что вы не слишком любезны с ней.

— К сожалению, я вижу ее такой, какова она есть.

— Да, конечно... тем более что вы жили под одной крышей!.. Но ведь это же всего на пять дней, потерпите... Ну, Бернар! Сделайте над собой еще одно небольшое усилие. Вы все время какой-то грустный, озабоченный, нервный.

— Простите, но вы ведь знаете, как много мне пришлось пережить... Я все еще не в силах забыть о своем пребывании в плену. Вот и все.

— Это правда? Вас, действительно, только это тяготит? Или, может быть, существуют еще и другие причины?

— Да нет же Элен... уверяю вас...

— Временами мне кажется, что вы не слишком-то горите желанием... жениться на мне...

— Нет, нет, Элен... Вся беда в том, что мы с вами не одни: у вас есть Аньес, а у меня вот Жулия... Все это не так-то просто.

Элен задумалась, удивленная создавшейся ситуацией.

— А в финансовом отношении, — спросила она, — вы как-то зависите от Жулии?

— Абсолютно нет. Все, что у меня есть, нажито собственным трудом.

— А она может существовать без вашей помощи?

— Да. Я ведь никогда не помогал ей.

— Ну а если мы решим уехать... куда-нибудь очень далеко... она не станет докучать вам? Вы понимаете, что я хочу сказать?.. Ведь похоже, она очень привязана к вам...

Теперь пришла моя очередь задуматься. Отпустит ли меня Жулия?.. Откажется ли от меня Аньес?.. Будущее представлялось мне огромной черной глыбой.

— Я, право, не знаю, — признался я.

— Тихо, они идут!

Войдя, Жулия пожала Элен руку и, склонившись надо мною, поцеловала меня.

— Доброе утро, мой дорогой Бернар. Как тебе спалось?

Она гладила меня по волосам, по щеке: ведь я был ее братом, к тому же отысканным с таким трудом! Подобные проявления нежности окружающим казались вполне естественными, но только не мне. Раздраженно и вместе с тем с опаской я отклонился: мне казалось, что в ее чувствах таилось что-то зловещее. Боже ты мой, с каким же остервенением эти женщины пытались втиснуть меня в шкуру и облик Бернара!.. Если бы я вдруг перестал помнить о том, что все это — их интриги, то, наверное, бы я и сам уверовал в то, что я — это Бернар. Притворяться сразу перед тремя! Я уже начинал терять чувство своей индивидуальности.

— Я забыла тебе сказать, — обратилась ко мне Жулия, — что умерла эта... как ее... Пеляк. У нее, бедняжки,

случилось кровоизлияние. Помнишь, как ты любил играть с нею?

— Да, пробормотал я, — это очень печально. А что сталось с Андрэ Лубером?

Жулия удивленно посмотрела на меня.

— Я часто думаю о нем, — продолжал дальше я, — о нем и о Марселе Бибэ, с которым мы вместе играли в футбол.

Жулия, конечно, не знала, что я долгое время был другом Бернара, и эти имена, названные между прочим, испугали ее. Мы впились друг в друга глазами, словно дуэлянты, которые пытаются на глаз определить силу противника.

— Марсель уехал жить в Тюль *, — сказала Жулия.

Она улыбнулась мне, и я понял, что она в этот момент ненавидит меня.

— Я, пожалуй, дам вам возможность погрузиться в ваши воспоминания, — сказала Элен. — Мне самой нужно пойти кое-что купить.

Должно быть, она ликовала оттого, что присутствие Жулии помешает мне остаться наедине с Аньес.

— Нет, нет, — запротестовала Жулия. —Я с вами, я сейчас мигом оденусь и пойду с вами.

— Не стоит. Лучше останьтесь здесь и вдоволь поговорите с вашим братом! — ответила Элен.

Но отвертеться от Жулии было не так-то просто. Я же впервые за эти два дня почувствовал какое-то облегчение, и вовсе не потому, что я передумал объясниться с Жулией, а потому, что Жулия постепенно сама оказывалась в ситуации, аналогичной моей, и теперь ей будет не так-то уж просто и легко изобличить меня — ведь в таком случае тень подозрения падет и на нее: слишком уж она долго ломала всю эту комедию. Я подумал также, что пока мне не стоит особенно волноваться.

Проводя их обеих до самой лестницы, я подождал, пока они спустятся. Элен с яростью натягивала на себя перчатки: еще бы! — ей сейчас придется идти по улице вместе с этой женщиной, одетой совершенно безвкусно и выглядевшей, словно какая-то прислуга!.. Я бесшумно закрыл дверь и направился в комнату Аньес. Она уже ждала меня.

— Бернар!

...Мы никак не могли насытиться друг другом. Неужели мы действительно любили друг друга? Вряд ли. Скорее мы

* Тюль — город во Франции, департамент Корези.

любили не друг друга, а нависшую над нами угрозу, которая вызывала у нас необыкновенно острые ощущения. В то же время мы не осознавали, насколько далеки друг от друга, каждый со своими проблемами: она со своими тенями, а я со своей тайной. Даже находясь в объятиях, мы постоянно были настороже и испытывали друг к другу скорее скрытое недоверие, чем нежность. И все же это были превосходные минуты, утомляющие и выматывающие нас, отвлекающие от всех мыслей и одновременно успокаивающие. Мы чувствовали себя, словно беглецы, выброшенные волнами, на какие-то запретные берега. Но вернувшись к действительности, мы едва узнавали свои голоса.

— Бернар, — сказала Аньес. — Ну вот видишь, я же говорила, что она появится.

— Да...

— Я вижу вокруг нее красную ауру... Эта женщина таит в себе зло...

— Да?.. А что ты еще видишь?

— Это пока все... Но знай — она ненавидит тебя, Бернар... Она нас всех ненавидит.

— Прошу тебя, не надо больше о ней...

Аньес смотрела в потолок и уже больше не обращала на меня внимания; я же испуганно думал о тех образах, которые она вроде бы различала на пожелтевшей и потрескавшейся штукатурке потолка. Ее, наверное, как и меня, перследовали навязчивые мысли, и только любовь могла отвлечь нас двоих от этого. Я стал искать ее губы.

— Жулия очень похожа на твоего друга Жервэ, — прошептала она.

— Хватит, ни слова!

Я так стиснул ее в своих объятиях, что чуть не задушил. А может, именно это я и хотел сделать?

Аньес осторожно освободилась от меня.

— Бернар, скажи мне откровенно... Ты любишь Элен?

— Это очень сложный вопрос, — ответил я.

— Ну хорошо, тогда скажи мне: любишь ли ты ее больше, чем меня?

— Больше, чем тебя?... Я не знаю... Вы такие разные...

— Ну а ты бы мог жить со мной?

Я устало закрыл глаза.

— Думаю, что я ни с кем не мог бы жить вместе.

— И все же, несмотря на это, ты ведь полон намерений жениться на ней.

— Я повторяю тебе, что это очень сложный вопрос.

Я ничего никогда не решаю. В моей жизни за меня почти все всегда решают обстоятельства.

Она склонила свою голову к моей и начала гладить мою руку.

— Ты очень забавный, Бернар: ты говоришь одно, а делаешь совсем другое, никогда не знаешь, что от тебя ожидать. Хорошо, скажи мне: тебе бывает, как моей сестре, стыдно за меня?

— Нет.

— А ты доверяешь мне?

— А с какой стати ты вдруг задаешь мне все эти вопросы? — возмутился я.

— Ответь мне.

— Доверяю?.. Когда как.

— Ты не хочешь мне сказать правду, а значит, ты не доверяешь мне. Вы оба с Элен — ягоды одного поля. Я знаю, что вы меня презираете и частенько между собой перемываете мне косточки.

— Послушай, я терпеть не могу людей, которые плачутся в жилетку, — зло заметил я, и теряя остатки своего терпения, вскочил с места, так как мне вдруг показалось, что я опять переживаю одну из тех давнишних сцен: крики, слезы, пощечины, упреки... «Значит, я для тебя ничего не значу?.. Ты всегда считал себя выше меня!..» Лавина таких слов в свое время постепенно истощала, изводила, подавляла и, в конце концов, сломила меня. Начало всему этому задала еще моя мать, частенько унижавшая меня словами: «Из этого тупицы никогда ничего толкового не выйдет! О каком таланте может идти речь, если он в консерваторию не может поступить!» Сама же она, разумеется, привыкла к аплодисментам, вызовам на бис и цветам. И все же она была достаточно талантлива и имела право подавлять меня своей славой, но вот моя жена!.. А теперь еще и Аньес, Элен, Жулия... Нет, все к черту, хватит! Мне следовало бы избавиться от всех их троих!

Обеими руками я обтер лицо, как бы желая сорвать с него невидимую паутину. Но прошлое, переплетаясь с настоящим, цепко держало меня и не хотело выпускать из своих объятий. Нужно было отбросить гнев и искать какое-то средство избавиться от всех них.

Уткнувшись в подушку, Аньес рыдала. Я вышел, хлопнув дверью. Я почувствовал себя вдруг сильным, решительным и готовым разорвать сковывающие меня цепи. В поисках бумаги я наткнулся на корешок абонемента «Романист» с крупными печатными буквами, которыми

обычно пишут анонимки, нацарапал на обороте: «Нам с вами необходимо поговорить, и как можно скорее». Я дважды подчеркнул всю фразу, как бы указывая на ее особую значимость. Затем, войдя в комнату Жулии, положил эту записку на самом видном месте, на камине.

На этот раз я хоть что-то предпринял: противопоставил свою волю слепому ходу судьбы и поклялся продолжать сопротивляться ей. Правда, все мое прошлое существование в достаточной мере изобиловало подобными откровениями и бесполезными клятвами. Однако еще никогда в жизни я не испытывал такого сильного желания бороться за себя. Встревоженный, но довольный собою я вернулся в гостиную и решил подождать Жулию. Сев на табурет перед роялем, я приподнял его крышку и прошелся по клавишам. Как и всегда, подобные прикосновения очищали меня от всех грехов. Музыка, словно обряд крещения, смыла с меня всю грязь, оставляя в глубине души одну лишь печаль, которая возникала оттого, что я не виртуоз и не настоящий артист, что я не один из тех пророков, будоражащих и успокаивающих толпы. Отсюда и шло все зло... Едва касаясь клавишей, я играл начало соль-минорной баллады Шопена. Эта тихая музыка странно звучала в пустой квартире. Даже Аньес, привыкшая слышать мысли Элен, — и та не догадывалась, чем это я занимаюсь в настоящий момент. Откуда ей знать, что сейчас я становлюсь не Бернаром и не Жервэ, а хорошим, добрым, чувствительным человеком, способным даже полюбить, если ему дадут возможность полностью раскрыть свой талант. Мои пальцы едва касались клавиатуры, но, внезапно напуганный этой тишиной, я остановился и закрыл пианино.

Вернувшись в сопровождении Жулии, Элен спросила меня:

— Вы не очень скучали, Бернар?

На что я искренне ответил:

— Я превосходно провел время.

Жулия сразу же направилась в свою комнату, чтобы переодеться, и мною овладела леденящая душу тревога. Я уже сожалел о том, что написал эту записку. Жулия, конечно, прочла ее, она не могла ее не заметить, и, наверное, пишет ответ, который, вероятно, подсунет мне под дверь. Вот тогда я и узнаю, чего же она хочет, все пойму наконец и смогу предпринять какие-то шаги.

Аньес начала накрывать на стол, и со звоном приборов в столовую вошла улыбающаяся Жулия.

— Иди помоги нам, лентяй ты этакий!

И абсолютная непринужденность в голосе, абсолютная естественность во взгляде! Но она ведь не могла не прочитать записку и не обратить внимания на это «вы», которым я давал понять, что ее комедиантство несколько затянулось!

— Бернар, порежь, пожалуйста, хлеб.

Вручив мне нож, она имела наглость притянуть меня к себе за шею и поцеловать. Аньес, побледнев, молча наблюдала за нами. Может быть, Жулия хочет положить мне ответ в карман? Нет, она так и не пожелала мне ответить и продолжает играть роль любящей сестры, растроганной встречей со своим братом после столь длительной разлуки. Я надеялся отделаться от неизвестности, но мои надежды и на этот раз потерпели крах. Она тоже приговорила меня быть Бернаром, и я им был.

— Прошу всех к столу, — позвала нас Элен.

Глава 8

Зарядили дожди, и мы уже никуда не выходили из дому. Газеты писали в основном о диверсиях, нападениях и жестких мерах, предпринимаемых в ответ властями. Элен на время дала отдых своим ученикам, и мы вчетвером мирно и безмятежно жили в огромных комнатах, изредка освещаемых солнцем, да и то лишь с одной стороны. Втайне от обеих сестер я настойчиво преследовал Жулию, однако мои старания скорее походили на попытки человека, охотившегося за мухой: в последний момент, когда моя рука уже готова была ухватить ее, она, как муха, ускользала от меня. Все это происходило в квартире, как будто специально созданной для игры в прятки или для какой-то чрезмерно учтивой борьбы, начинающейся с улыбки на устах, в которой я, как правило, терпел поражение из-за того, что был мужчиной. Жулия всегда находила предлог, чтобы увязаться за Элен или Аньес. Будь то уборка, мойка посуды или стирка, она пользовалась этим и тут же ускользала от меня, любезно говоря:

— Я мигом вернусь!

И она, действительно, возвращалась, но, разумеется, ни в коем случае не одна. И когда мы собирались все вместе, она не упускала случая еще раз выставить напоказ свое нежное отношение ко мне — то гладя меня по голове, то целуя меня в шею. А однажды она даже взгромоздилась мне на колени, и мне не оставалось ничего другого, как обнять ее за талию, чтобы не дать ей упасть. Я чувствовал

исходящий от нее запах женщины — сбитой и горячей, ну, а ей было глубоко наплевать на мою руку у нее на бедре. Жулия приводила Элен в бешенство, и та уже даже не пыталась скрыть свое отношение к ней. В воздухе попахивало грозой. Мой провал приближался с каждой минутой. К счастью, Элен была слишком хорошо воспитана, чтобы дать волю своим чувствам. Аньес же владела собою намного хуже и в любой момент готова была учинить скандал. А Жулия, которая столь скромно и сдержанно повела себя вначале, теперь обнаружила всю свою сущность. Она, например, запрокидывала голову, чтобы допить оставшиеся в рюмке последние капли вина, или же бесцеремонно хватала в свои руки безделушки, стоящие на этажерках, вызывая тем самым нервные замечания Элен:

— Осторожно! Не разбейте!

— О, не беспокойтесь! У меня нет обыкновения разбивать вещи, — отвечала на это Жулия.

С виду казалось, что все это — мелочи, однако воспринимались они болезненно и тут же раздувались вроде бы ничего не значимыми словами, усугублялись при этом тишиной комнат и чувством, что квартира превратилась в какое-то замкнутое пространство. Самое ужасное все-таки заключалось в манере Жулии слишком уж по-хозяйски вести себя в чужой квартире, без всякого смущения рыскать по кухне, шарить по ящикам в поисках наперстка или иглы.

— Вы бы лучше у меня спросили! — обиженно замечала Элен.

Мне же оставалось лишь украдкой сжимать кулаки: до ее отъезда оставалось еще целых четыре дня... Три дня... Как-то вечером я случайно заметил, что наши с Жулией комнаты сообщаются наглухо закрытой дверью. Я тут же вырвал из какого-то старого блокнота, найденного мною в шкафу, листок и написал:

«Постарайтесь завтра утром сделать так, чтобы мы с вами вместе вышли погулять».

Услышав шаги Жулии, расхаживающей по комнате, я сложил листок вчетверо и попробовал, хорошо ли он пролазит под дверью. Хорошо. Убедившись в этом, я просунул записку под дверь, тихонько побарабанив по ней. Когда в соседней комнате все звуки стихли, я резким щелчком пальца отправил туда записку. Жулия не могла ее не заметить. Сидя по-прежнему на корточках, я ждал ее реакции, и по скрипу паркета, по легкой дрожи дерева под моей рукой я понял, что Жулия, наконец, подошла к две-

ри. Мне даже показалось, что я услышал ее дыхание. Может быть, она пожелает ответить мне тем же способом? Я встал на колени, потому что мои ноги уже затекли от долгого сидения на корточках. В соседней комнате скрипнул стул, а затем донесся звук упавшей туфли. Я с надеждой продолжал наблюдать за полом. Она, вероятно, сейчас думает, обдумывает фразу, которая объясняет мне ее намерение... Но за стеной скрипнула кровать и щелкнул выключатель. Мне тоже ничего не оставалось, как спать и, засыпая, без конца перебирать в уме самые невероятные версии.

На следующий день я чувствовал себя таким же разбитым и нервным, как и наутро после побега. Подняв занавеси, я увидел, что крыши стоящих напротив домов высохли, а водосточные трубы уже не извергали нескончаемые потоки воды. Это был хороший знак. Я оделся и, прежде чем выйти, постучал в дверь Жулии. И только после этого я направился в столовую, где уже сидела Элен. Поцеловав ее чуть выше уха, я лениво спросил:

— Ну, как спалось, Элен?

Она лишь пожала плечами.

— Мне очень бы не хотелось говорить вам об этом, Бернар, и вы, пожалуйста, не сердитесь на меня, но мои нервы на пределе. Так дальше не может продолжаться. Это выше моих сил, я больше не могу выносить вашу сестру.

— Надеюсь, теперь вы понимаете, почему я порвал с нею?

— После нашей свадьбы я не пущу ее даже на порог. Мне, конечно, нелегко говорить вам все это, но я должна откровенно предупредить вас.

— А я вовсе и не намерен навязывать вам присутствие Жулии! — живо возразил я.

— Просто удивительно, до чего вы оба разные! Можно подумать, что вы воспитывались в разных семьях и что у вас не одни и те же родители.

Положив свою руку поверх руки Элен, я прошептал:

— Прошу вас, потерпите еще немного. Обещаю вам, что мы больше ее никогда не увидим.

— Благодарю вас... А вам не кажется, что вот уже несколько дней, как Аньес ведет себя достаточно странно.

— Да нет... Я вроде ничего особенного не заметил...

— А вот я заметила... С ней явно творится что-то неладное, и это уже начинает беспокоить меня... Бернар, нам необходимо как можно скорее зарегистрировать брак. Так

будет гораздо лучше и для нас с вами, и для окружающих — одним словом, для всех.

— Ну, хорошо, — сказал я, сжимая ее руку, — договорились. Как только Жулия уедет... Но у меня небольшое условие: я бы хотел, чтобы наша свадьба отмечалась лишь в узком кругу... Мне не хотелось бы, чтобы вы пригласили еще кого-то, рекламируя наши отношения.

Я подошел к ней, и она, словно законная супруга, уже давно оправившаяся от своих первых страстных порывов, спокойно подставила мне свои губы. Я всегда был шокирован ее самообладанием, и в то же время это самообладание возбуждающе действовало на меня.

— Пустите меня, — прошептала она.

Увлеченные этой молчаливой борьбой, прижавшись друг к другу, мы на какую-то долю секунды потеряли свою привычную бдительность. Первым Аньес заметил я и тут же, подскочив, как пойманный на горячем, отпустил Элен, которая сперва сделалась пунцовой, как рак, а затем бледной, как смерть.

— В следующий раз я буду стучать, — съязвила Аньес.

— Ты... — начала Элен.

— Что я?.. — иронически переспросила та.

— Послушайте, — вмешался я, — но не будем же мы...

— А вы, Бернар, помолчите, — отрезала Аньес, — вас это не касается...

Тут я отчетливо понял, что мое мнение здесь, действительно, никого не интересует. Я был всего лишь предметом, который оспаривают и пытаются друг у друга выкрасть. Если бы не разделяющий их стол, они бы, вероятно, набросились одна на другую.

— До сих пор я все терпела, — продолжала Элен, — но я не позволю, чтобы...

Услышав шаги Жулии, идущей по коридору, сестры замолчали, и мгновенно изменили свое поведение. Здесь перед чужими принято было держать марку и сохранять внешние приличия.

— Доброе утро, Жулия, — сказала Элен почти нормальным голосом.

Жулия пожала им руки и с совершенно невинной улыбкой на устах направилась ко мне. Она, видимо, тоже была сильна в подобных играх и превосходно умела притворяться. Подойдя ко мне, она поцеловала меня без малейшей тени смущения, более того, я бы сказал, с некоторым чувственным лукавством, значение которого я прекрасно понимал. Ведь, в сущности, в молчаливом союзе со мной

она обманывала обеих сестер, и все эти поцелуи, ласки, рукопожатия как бы говорили: «Ну давай же, подыгрывай мне, дуралей ты этакий!» Хорошо, но почему же тогда она так упорно отказывалась отвечать мне?

Мы расселись вокруг стола, и чтобы хоть как-то рассеять эту угнетающую нас, тягостную атмосферу, я сказал:

— Сегодня, похоже, выдалась чудесная погода. Я, пожалуй, пойду немного погуляю. Ты не составишь мне компанию, Жулия?

— Нет, нет, только не сегодня. Я привезла с собою шитье, потому что дома я никак не могу выкроить время, чтобы привести свое белье в порядок.

И она отказалась от дальнейших пояснений. Итак, ее ответ отрицателен. Ну что ж, мы еще посмотрим, кто из нас более упрям. К завтраку она выходила не умывшись и имела обыкновение прохаживаться в халате, куря при этом сигареты марки «Голуаз», или громко, с причмокиванием попивала кофе, что приводило Элен в бешенство. Я пошел к себе в комнату и, вырвав из блокнота листок, написал: «Бернар погиб по прибытию в Лион», — и вновь подсунул записку под дверь. Я совершенно ничем не рисковал, потому что ни Аньес, ни Элен не переступали порог комнаты Жулии. Напротив, передав такое сообщение, я мог только выиграть, ведь Жулия, вероятно, еще не знала о смерти своего брата. И если рассуждать логически, то она и не могла знать об этом, потому что об этом никто не знал. Но тогда почему же Жулия продолжает обходиться со мною так, будто я действительно Бернар? Ну все, с меня хватит! Я желаю, наконец, узнать истину! Истину любой ценой!

Приложив к двери ухо, я насторожился. Мое волнение было в тысячу раз сильнее, чем накануне. Записку я просунул под дверью так, чтобы выглядывал только ее краешек, и Жулия вынуждена была подойти к двери как можно ближе. Поэтому я был почти уверен, что услышу ее. И я, действительно, отчетливо услышал, как она подошла, даже и не пытаясь заглушить свои шаги. Я даже услышал шорох ее халата. Затем последовала долгая, томительная пауза. Она, должно быть, читает... уже прочла. Ну, вот и все. Минутой позднее я уже слышал, как она преспокойно направилась к умывальнику. По крайней мере, по тому, как она шла, отодвигала со своего пути стулья и наливала воду, особого волнения не чувствовалось. Прислушиваясь, я анализировал каждый ее шорох, каждое скольжение, каждый скрип, чуть ли не до одури напрягая свое внима-

ние. Вот она застелила свою кровать, открыла чемодан... А теперь! Что она делает теперь?..

Устав, наконец, от этой оскорбительной для меня слежки-воображения, я поднялся с раскалывающейся от догадок головой. Остается последнее средство — подстеречь ее, когда она будет выходить из своей комнаты. Я не знаю, что именно ей скажу, но так или иначе, а непременно вырвусь из этого заколдованного круга.

День шел своим чередом. Аньес крутилась на кухне, затем к ней присоединилась Элен. Они разговаривали, но так, что ясно было: здесь тоже идет война. Пожалуй, скоро нам, чтобы не произошло крупного скандала, придется сидеть всем вместе, не расставаясь... Услышав, что Жулия поворачивает ручку двери, я тут же выскочил в коридор и бросился к ней. Увидев меня, она чуть было не попятилась назад.

Жулия, выслушайте меня!

Но она лишь оттолкнула меня резким жестом.

— Прошу вас, — сказала она голосом, несколько потерявшим свою былую уверенность, — сейчас же отпустите меня.

— Но нам необходимо поговорить с вами.

— Не сейчас.

— Нет, именно сейчас! Сию же минуту!

— Пустите меня или я позову на помощь!

Ее лицо не выражало ни переживаний, ни хитрости, хотя, пока она проходила мимо меня, прижавшись спиной к стене, ее темные глаза были широко раскрыты и неподвижны. Вероятно, прочтя мою записку и приняв ее за какую-то угрозу, она начала опасаться меня. Я попытался пойти за нею.

— Да нет же, — сказал я, — это вовсе не то, что вы думаете.

Но Жулия пустилась бежать и бежала аж до самой столовой, а очутившись там и почувствовав себя в полной безопасности, она вновь стала той Жулией, которую я так опасался.

— Бернар, помоги мне накрыть на стол!

Она называла меня на «ты» и делала это совершенно легко. Мне оставалось только замолчать, и все же я не спускал с нее глаз. Несмотря на свое притворное спокойствие, Жулия, я видел это, чувствовала себя уже не так уверенно. Она, без сомнения, вообразила, что я убил ее брата, что еще больше скомпрометировало меня. И, разу-

меется, она, не задумываясь, выдаст меня, если я проявлю слишком уж большую настойчивость.

Обед проходил довольно странно: никто не проронил ни слова, не осмеливаясь больше ломать эту комедию и обманывать всех остальных. Наши лица были неподвижны, как маски. Все мы по очереди вставали, чтобы взять то хлеб, то соль, то масло. Через четверть часа Элен вышла, не сказав никому ни слова.

— Она немного нездорова, — сказала Аньес. — Да и я сама чувствую усталость.

Тут же ухватившись за ее слова, я поспешил заверить ее:

— Так идите и отдохните, а мы с Жулией все сами уберем.

Аньес окинула меня недоверчивым взглядом.

— Да нет, не надо. Я вполне смогу отдохнуть на следующей неделе.

Но Жулия, казалось, даже и не заметила намека на ее отъезд. Она не спеша доедала яблоко. Она, вообще, обожала яблоки. Закурив сигарету, я окинул комнату взглядом. То там, то здесь валялись свертки — плата Аньес за ее предсказания... Без Элен мне будет гораздо легче загнать Жулию в угол и продолжить столь неудачно начавшийся разговор. Прохаживаясь рядом с кухней, я пытался понять, о чем это они так тихо говорят, не переставая анализировать создавшееся положение. Волей-неволей, но мне все равно придется просить Жулию о снисхождении ко мне — ведь теперь у меня уже просто нет никакой возможности завладеть средствами Бернара и скрыться. Но вначале все же нужно будет откупиться от Жулии, хотя надо мною всегда будет висеть угроза шантажа. Скорее всего, именно к этому она и ведет всю свою игру. Упрямая, коварная, она, пожалуй, не упустит такую возможность обогатиться. А вдруг она переключится на Элен, после того как вытянет из меня все, что будет в ее силах?.. Теперь я уже ясно увидел всю ее игру, теперь все находило свое объяснение. Она, по-видимому, изучала Элен, чтобы найти ее слабую точку, считая, вероятно, что сестры несметно богаты. А в день отъезда она выдвинет мне ультиматум: «Вы убили Бернара и благодаря этому сможете заключить выгодный для вас брак. Либо выгоду от этого брака мы разделим пополам, либо я разоблачу вас»...

Удар был бы неотразим, и вплоть до самого конца своей жизни она бы... Да, но не могу же я убить ее! В этот момент так хорошо мне знакомый мой внутренний

голос возразил: «Но ведь ты же убил свою жену!» Отшвырнув сигарету и заложив руки за спину, я принялся кругами ходить по гостиной. Этот голос — нарушитель моего спокойствия, он прекрасно понимал, в какие именно моменты я наиболее уязвим, подвержен страданиям и раздираем угрызениями совести. Я спорил с ним, защищая объективную действительность: «Я ее не убивал... Я просто оставался в нерешительности, вместо того, — чтобы броситься ей на помощь... И из-за этой нерешительности она и утонула... Ведь это совершенно разные вещи!»

«Но ты ведь дал ей спокойно утонуть, потому что она стесняла тебя!»

«Это ложь!.. Она меня не стесняла, она мешала мне жить, а это разные вещи!»

«Жулия тоже мешает тебе жить?» — спросил голос.

Ну ладно, этот спор мне уже порядком поднадоел. Я не убийца, и хватит об этом. Не может быть и речи о том, чтобы я поднял руку на Жулию... Тем более не может быть и речи о моей женитьбе на Элен. Я просто не имею никакого морального права затаскивать ее в то самое осиное гнездо, в котором оказался сам. Что же делать? Значит, выхода нет? Нет, все же один выход есть... но он мне не по зубам: уехать... с рюкзаком на плечах, как клошар, рыская повсюду в поисках работы, и, в конце концов, попасться и опять угодить в сети службы отправки на принудительные работы в Германию... Правда, еще можно броситься в Сону, в ее черные, грязные, пенящиеся водовороты... Да, Жулия всех нас держит в руках, и держит крепко...

Я ожидал их, машинально ввинчивая и вывинчивая табурет пианино. Вернувшись, они принялись раскладывать посуду. Вдруг я услышал голос Жулии:

— О, да у нас, оказывается, есть карты!

— К ним еще никто никогда не притрагивался, — сказала Аньес.

— Тем более это интересно! Хотите, я вам погадаю?

Это Жулия-то собирается гадать Аньес! Да это просто какой-то сумасшедший дом!

— Бернар! — крикнула Аньес. — Подойдите сюда, вы нам нужны!.. Почему вы скрывали от нас таланты вашей сестры?

— О! — скромно заметила Жулия. — Не стоит принимать это всерьез. Это просто способ коротания времени и не больше. Все же иногда я попадаю в точку.

— А кто вас этому научил?

— Моя соседка из Сен-Флур. Когда нам скучно или же когда новости не слишком утешительные, мы раскладываем карты.

Аньес, заинтриговавшись, положила сверток на стол.

— Я хочу посмотреть, как вы это делаете, — сказала она. — Потренируйтесь сперва на Бернаре... Ну, пожалуйста, Бернар, не противьтесь! И не нужно корчить такую мину!

— Срезай! — приказала мне Жулия.

Она принялась раскладывать карты по три, выбирая и откладывая в сторону некоторые из них по какому-то неясному мне принципу. Вскоре перед ней очутился веер, разложенный из карт.

— Хороший расклад, — пробормотала Аньес.

— Этот король — ты, — сказала Жулия. — Срежь еще... Так, интересно!

Она пересчитала отложенные карты. Их оказалось семнадцать. Ее указательный палец стал перебегать с одной карты на другую.

— Трефовый туз означает деньги... У тебя появится много денег... Пиковая десятка несет тебе какую-то неприятность, не знаю, правда, что это за неприятность... Похоже, ты никак не можешь овладеть этими деньгами... Пиковая дама — какая-то брюнетка... Бубной валет несет известие... Эта брюнетка получила письмо... Бубновая десятка — дорога... то ли она ее уже проделала, то ли собирается в дорогу...

— Эта брюнетка, — сказал я, — верятно, ты... Да?

— Может быть, — пробормотала Жулия. — Так. Пиковая девятка — болезнь. Эта женщина, может, заболеет, я точно не знаю... Но во всяком случае, ей грозит какая-то опасность... Бубновый король — военный... Только причем здесь военный — я так и не понимаю.

— Действительно, — сказал я, — брюнетка... военный... Что-то здесь мне не совсем ясно.

— Трефовая десятка... опять деньги.

Аньес, встав коленями на стул, следила за нами с уже нескрываемым вниманием. Она полузакрыла глаза, словно человек, пытающийся проникнуть в суть разговора, полного намеков.

— Червовая дама... кто-то любит тебя... Трефовая дама... могла бы означать твою жену, если бы ты был женат.

— Это, вероятно, Элен, — сказала Аньес.

— Ну, а червовая дама, в таком случае, — это вы, — заметил я.

Аньес покраснела и пробурчала:

— Все это чушь какая-то.

— Нет, нет, это все правда, только понимание всего этого приходит не сразу! — сказала Жулия.

Забыв, что это гадание было затеяно для нашего же собственного развлечения, мы напрягались, словно игроки, поставившие на карту свое состояние, а может, даже и что-то побольше.

— Пошла одна пика... еще раз пика... — продолжала Жулия. — Бедный Бернар, ты со всех сторон окружен пикой. Так, семерка — это удивление, но удивление неприятное, особенно когда пика, вот как сейчас, перевернута вверх ногами. И напоследок трефовая семерка — это опять деньги.

Жулия собрала все семнадцать карт и разложила их на маленькие кучки в форме креста.

— Ну-ка посмотрим, — продолжала она, что тебя ожидает в будущем. — И с этими словами начала поднимать одну за другой карты из центральной кучки.

— Трефовый король... пиковая семерка... бубновая семерка... О! Удивление для тебя в твоем же доме!

— А нельзя ли поточнее? — спросил я.

— Вероятно, тебя ожидает какая-то неприятная новость.

— Я так и думал.

Аньес мгновение растерянно смотрела на меня, а затем вновь погрузилась в игру.

— Пожалуйста, продолжайте, — сказала она. — Интересно, что будет дальше?

Жулия посмотрела на лежащие слева, справа и вверху карты.

— Пиковая дама... пиковая девятка... бубновый король... трефовый валет...

Она поморщилась.

— Понятно, — пробормотал я. — Этот военный принесет зло брюнетке... Кстати, он не один... Вот этот валет тоже что-то не вызывает у меня доверия!

Внезапно резким движением руки Аньес смела все карты на пол.

— Вы оба смешны с вашими дурацкими намеками. Если вам нужно поговорить, то вы так и скажите, и я сейчас же оставлю вас наедине.

— Какие еще намеки? — удивилась Жулия.

Но Аньес и слышать ничего не желала и поспешно выскочила из комнаты.

— Странная девушка! — воскликнула Жулия. Потом, поняв, что мы остались вдвоем лицом к лицу, она в свою очередь, начала очень медленно, с оглядкой подниматься, будто бы я был змеей, которую может разозлить любое движение. Не спеша я начал обходить вокруг стола.

— Ни с места! — приказала Жулия.

Окинув комнату быстрым взглядом, она лихорадочно пыталась найти выход.

— Жулия, клянусь, что вам совершенно нечего бояться меня.

— Если вы ступите еще хоть один шаг, — тихо сказала она, — то очень сильно пожалеете об этом.

И она отступила к коридору, не спуская с меня глаз.

— В конце концов, Жулия, вы же понимаете, что нам необходимо поговорить!

Но она скрылась за дверью и начала медленно закрывать ее. Я лишь увидел смотрящий на меня напоследок сверкающий глаз, а затем ручка двери бесшумно повернулась. Валяющиеся повсюду карты напоминали мне притон после драки, и я с отвращением принялся собирать их. Я то же понял все эти намеки Жулии, но они были для меня более ясными, чем для Аньес. Все же она сильно ошибалась, если полагала, что эти завуалированные намеки способны удовлетворить мое любопытство. Нужно постараться куда-нибудь спровадить Элен на пару с Аньес и тогда... Если возникнет такая необходимость, то я и дверь взломаю, а если это будет нужно, я с помощью кулаков заставлю ее признаться во всем! Клянусь богом, она у меня заговорит!..

Чтобы как-то успокоиться, я открыл крышку рояля и долго сидел, положа пальцы на клавиши и проигрывая в уме музыку Альбениза *, такую безмятежную в ее отчаянном отрицании. К чему все эти выходки, эти жестокости, потрясения? Я опять пропал... Впрочем, мне уже не в первый раз приходилось сдаваться вот так, без боя.

Было немногим больше четырех часов, когда Элен прошла коридором в кухню, чтобы заняться приготовлением чая. Слышались еще и другие шаги, к которым мне следовало бы прислушаться, но я находился в одном из тех состояний, когда мне хотелось лишь одного: лечь на землю и умереть. Стараясь ни с кем не столкнуться, я, наконец, добрался до своей комнаты и заметил, что дверцы-бортики алькова прикрыты неплотно.

— Кто здесь?

* Альбениз Исаак — испанский пианист и композитор.

И одновременно со своим вопросом, я услышал голоса трех женщин, беседующих в столовой. Как же я был смешон! В то время как они мирно, хотя бы с виду, беседуют между собой, я думаю, что кто-то из них спрятался в алькове. Раскрыв обе дверцы, я застыл на месте: свет упал на мою расстеленную кровать. Я все-таки не ошибся: здесь, действительно, кто-то побывал. На моей подушке лежала крошечная фотография, и мне не нужно было брать ее в руки, чтобы определить, кто именно на ней изображен. Да, это был Бернар... фотография такого формата, как для удостоверения, похожая на те, которые он показывал мне в лагере. Перед самой мобилизацией он поспешно сфотографировался, уже подстригшись под боск. Бернар! Я с опаской прикоснулся к фотографии. И как это следует понимать? Кто побывал в моей комнате? Да кто же еще, если не Жулия?.. Это она решила раскрыть свои карты, потому что вдруг почувствовала себя в опасности. Она хотела тем самым дать мне понять, что она посильнее меня. Стоило мне только посмотреть на эту фотографию, и сразу же становилось понятно, что это брат и сестра. Ей остается только положить вторую такую же фотографию в комнате Элен, а третью подбросить Аньес, и моя песенка спета!.. Вероятно, к этому она и вела все свои козни. Ей даже не придется ничего говорить — это за нее сделает сам Бернар. Бедный Бернар! Единственный человек, который, когда-либо доверял мне. Мой единственный друг!

Сунув в бумажник этот клочок бумаги, я вытер о покрывало свои влажные руки. Теперь мне было ясно, в чем тут дело. Пройдя по коридору на цыпочках, я приоткрыл дверь в комнату Элен. Ее кровать была пуста. Тогда я повернул обратно и, стороной обойдя столовую, пробрался в комнату Аньес. И здесь ничего не лежало на кровати.

— Бернар!

Это звала меня Элен.

— Бернар!.. Идите выпейте с нами чашку чая!

Глава 9

Втроем они чинно сидели за столом, невинно улыбаясь друг дружке, и делали бутерброды с маслом. Как только я вошел, их благосклонные взгляды тут же прикипели ко мне.

— Вы, наверное, спали? — спросила Аньес.

— Я мечтал.

— Он всегда был несколько рассеянным. А когда он был

маленьким, то его вообще невозможно было дозваться. Он обычно сидел, уткнувшись в какой-нибудь иллюстрированный журнал.

Вот подлое создание! Ложь прямо расцветает в ее устах!

— Он, должно быть, был забавным мальчишкой, — заметила Элен. — Вам, как старшей сестре, вероятно, было с ним нелегко?

— Еще как нелегко, — на полном серьезе ответила Жулия. — Он совсем не хотел ни учиться, ни работать.

— А как ему давалось обучение игре на пианино?

Жулия откусила кусок бутерброда, хлебнула глоток чая и лишь после этого ответила:

— С большим трудом. Учитель музыки постоянно делал замечания.

Мне показалось, что это говорит моя мать. Ведь я чуть ли не каждую неделю появлялся перед разукрашенными дамами, приходившими к ней на чай, и они все говорили обо мне точно вот таким же тоном, в то время как я, сдерживая бешенство, из-подо лба смотрел на них.

— Вы, вероятно, потратили на него много своего времени и сил, — заметила Элен.

Жулия вздохнула:

— Скажу вам без лишней скромности, что всем тем, что ему удалось достигнуть, он обязан мне.

— Может быть, поговорим о чем-то другом? — предложил я. — Все никак не могу выучить, что же означает это слово «обязан».

Аньес одобрительно рассмеялась и пододвинула ко мне сахарницу.

— Жулия уже сообщила вам, что собирается уезжать завтра утром?

— Нет, — ответил я. — А почему это все вдруг переигралось?

— Я предпочитаю ехать в поезде днем, — объяснила Жулия.

— Но в таком случае вы приедете к себе поздно вечером, — возразила Элен.

— Это не имеет значения. В любом случае я предпочитаю уехать утром.

Так вот благодаря чему возникла эта разрядка: оказывается, Жулия собралась уезжать, и делала она это без всякого предупреждения, чтобы помешать перейти мне в контрнаступление.

— Очень жаль, что вы покидаете нас, — из вежливости пробормотала Элен.

— А в котором часу отходит твой поезд? — поинтересовался я.

— В половине седьмого.

— Так рано? — удивилась Элен. — А если еще учесть, что вам придется выйти за час раньше... Ведь сейчас все поезда переполнены.

— Я возьму такси.

— Вряд ли вам это удастся. Их сейчас катастрофически мало, а те, которые есть, уже заранее заказаны.

Жулия мне показалась менее безмятежной. В начале разговора она было подняла голову, чтобы посмотреть на меня, но тут же склонилась над своей чашкой, как бы размышляя.

— Не стоит переживать, — успокаивал я ее, — вокзал не так уж далеко, да и чемодан не такой уж тяжелый. В любом случае, я провожу тебя.

— Ну что ж, тогда мы с Аньес займемся приготовлением сандвичей, — продолжала Элен. И еще сварим яиц вкрутую. Это хоть как-то поддержит вас во время поездки.

— Большое спасибо, но мне не хотелось бы вас так обременять.

И, обратившись ко мне, она добавила:

— Да и тебе совершенно не обязательно провожать меня... Как только я приеду — напишу тебе.

— Нет, нет, что ты, — не сдавался я. — В лагере я привык к ранним подъемам.

Жулия по-прежнему перемешивала в чашке уже давно растворившийся сахар.

— Но, может быть, я все-таки позвоню в таксопарк, узнаю насчет машины? — не унималась она.

— Как хотите, — отрезала Элен.

Жулия пошла звонить, а мы все молча слушали, как она там повторяла:

— Ну что ж, очень жаль!..

Вскоре она вернулась.

— Да никто не съест вас! — сказала Аньес.

— Я знаю, — бессильно пробормотала Жулия. — Простите, я пойду собирать вещи.

— Ну а мы — готовим вам завтрак, — сказала Элен.

И они оставили меня одного с фотографией Бернара в кармане. Подойдя к окну, вынув ее из бумажника и положив себе на ладонь, я начал рассматривать улыбающееся лицо моего друга. Мне было хорошо знакомо это

выражение его лица, освещенное хорошим настроением даже в те моменты, когда дела шли далеко не так, как нам бы хотелось того. Он, казалось, говорил: «Да ладно, не переживай, все обойдется!» Я чувствовал, однако, что на этот раз не обойдется! Пальцы мои дрожали. Чиркнув спичкой, я взял фотографию за краешек и поднес к огню. «Если ты видишь меня, Бернар, — думал я, — ты непременно должен простить!» Лицо Бернара сперва начало обгорать, затем перекосилось и исчезло. Осталась лишь кучка пепла в пепельнице.

Несмотря ни на что, немного приободренный, я направился к себе в комнату. У Жулии, вероятно, есть и другие фотографии брата, однако, если она желает договориться со мной, то ей ни к чему показывать их ни Элен, ни Аньес. И чего это я, дурак, испугался? Вырвав из блокнота листок, я нацарапал:

«Я понял ваше предупреждение и повторяю: вам нечего меня опасаться. Назовите свои условия».

Эта записка, отправившись под дверь, как и предыдущие, осталась без ответа. Напрасно я томился в ожидании, прислушиваясь к звукам, нетерпеливо переступая с ноги на ногу и грызя ногти. Жулия игнорировала меня. В конце концов я завалился на кровать. Она, конечно, же шла ва-банк, а на меня смотрела как на человека, готового ко всему и способного на все, — ведь иначе я бы не рискнул бежать из лагеря. Наверное, она считала меня вполне способным на убийство. Раздираемая страхом и алчностью, она пыталась обезоружить меня своими далеко не невинными ласками и угрозами...

Я почувствовал, что события начинают набирать разгон. Меня уже несло по воле волн, и мне казалось, что я вновь переживаю былое крушение среди едва возвышающихся над водой скал. Не желая больше ни о чем думать, я неподвижно лежал. Мне было холодно, а внутри меня царили мрак и противоречия. Я даже чуть было не отказался от ужина — до такой степени я возненавидел их всех троих. Однако закалка, полученная от матери, не прошла даром: быть может, на низость я еще был способен, но на нарушение приличий!.. Поправив на себе костюм Бернара, подогнанный Элен, я присоединился к своей сестре, своей невесте и своей любовнице. Вот куда я зашел, сам того не желая! А все из-за какой-то досадной ошибки.

Ужин прошел довольно оживленно. Мы говорили о войне и об участившихся нападениях. Между маки и немцами произошло настоящее сражение. Однако для Элен и Аньес

все это имело гораздо меньшее значение, чем отъезд Жулии. Втроем мы вполне удовлетворялись нашими маленькими джунглями; поэтому большие джунгли с их побоищами, расстрелами и убийствами всех мастей мы почти забыли. Выпив за счастливую дорогу Жулии, Элен выражала свои восторги по поводу их знакомства, но приезжать еще ее не приглашала. Жулия же, со своей стороны, выразила надежду, что мы все приедем к ней в Сен-Флур погостить. Все это выглядело весьма трогательно, а изощренная ложь звучала вполне искренне. Аньес, собственноручно заведя свой будильник, любезно предложила его Жулии.

— Бернару через перегородку тоже будет слышен его звон.

— До завтра, — добавила Элен, — спокойной ночи. Вам нужно как следует отдохнуть — ведь поездка будет утомительной.

Я уже больше не возобновлял попыток связаться с Жулией, однако заснуть все же я никак не мог, постоянно перебирая в уме те вопросы, которые мне нужно будет задать ей завтра по дороге на вокзал. В моем распоряжении будет от силы, минут двадцать, а за это время мне нужно будет уговорить ее...

Церемония прощания прошла быстро. Время подгоняло нас, да и никто не испытывал особого желания что-либо говорить. Жулия казалась озабоченной и всячески избегала наших взглядов. Я всегда терпеть не мог эти расставания на рассвете: они казались мне какими-то зловещими. Но это прощание было особенно тягостным. На лестничной клетке со свечой в вытянутой руке стояла Элен. Первым с тяжелым чемоданом в руке спускался я, следом за мной стучала своими каблуками Жулия. Когда мы спустились на первый этаж, то свеча потухла, и мы погрузились в кромешную тьму.

— Дайте мне руку, — сказал я.

— Не нужно... Идите вперед... Я хочу слышать ваши шаги... Идите же!

Открыв дверь универсальной отмычкой, которую дала мне Элен, я вышел на улицу. Моросил дождь, и это сильно напоминало мне о той ночи, когда я блуждал по городу. Жулия в нерешительности стояла на пороге.

— Мы опоздаем, — пробормотал я.

Она встала справа от меня, с той стороны, с которой я держал чемодан, и мы пошли, осторожно ступая по тротуару, как по льду. Пройдя метров двадцать, я почувство-

вал, что моя рука отрывается от тяжести и переложил чемодан в другую руку. Увидев это, Жулия завопила.

— Не будьте столь глупы, — сказал я. — У нас больше нет времени продолжать эту идиотскую игру в прятки. Итак?.. Что вы намерены мне предложить?

— Сначала я хочу знать, кто вы такой, — сказала Жулия.

— Это не имеет никакого значения. Будет вполне достаточно, если я скажу, что был товарищем Бернара в течение долгих месяцев и даже лет. У него не было от меня никаких тайн. Мы вместе бежали из лагеря и, клянусь вам, я не повинен в его гибели.

— Так это не вы его?..

— Конечно же, нет. Его сбил поезд, когда мы ночью, на ощупь, блуждали по сортировочной станции... Прошу вас, не летите как на пожар. Этот ваш проклятый чемодан чертовски тяжел...

Мы шли вдоль набережной Соны. Мелкая дождевая влага, словно дыхание ночи, окропила наши лица.

— Зачем вам понадобилось разыгрывать всю эту комедию? — начал я.

— Чтобы выяснить, что вы за человек и можно ли с вами договориться.

— Договориться? Но о чем?

— Ладно, так и быть, я расскажу. Дело в том, что в Африке умер наш дядя Шарль, с которым я была в ссоре, и он все свое состояние завещал Бернару.

— Ну и что из этого следует?

— Как? Вы что? Вы не понимаете?.. Да ведь речь идет о двадцатимиллионном наследстве!

Остановившись, я поставил чемодан на землю.

— И я.. то есть я хотел сказать, Бернар, его единственный наследник? А разве вам ничего не полагается в соответствии с завещанием?

— Ни сантима. В случае смерти Бернара все деньги должны быть переведены на счет благотворительных заведений.

Тяжело дыша, я вытирал носовым платком пот со лба и шеи. Ночь окутывала нас своим мраком и еще сильнее сближала, как двух сообщников. В ее темени лицо Жулии выделялось белым пятном, а голос обрел какую-то чрезмерную живость.

— А мне он не завещал ни сантима, — повторила она с надрывом в голосе.

— Так вот в чем тут дело, — пробормотал я. — В сущности, смерть Бернара вам даже на руку. Выходит, мы можем разделить эти деньги между собой?

— Ну, разумеется.

— Согласен на десять миллионов, — сказал я, не полностью еще осознавая то, что со мною происходит.

— Пять, — отрезала Жулия, — а не десять... Плюс я даю вам возможность жениться на Элен.

— Вы забываете, что в принципе я могу отказаться от этого наследства...

— И тем самым вызовете у властей подозрения.

— Ну хорошо, допустим, я соглашусь! А кто мне даст гарантии, что впоследствии вы не станете меня шантажировать и заниматься вымогательством?

— Да за кого вы меня принимаете?

Здесь, подумал я, явно таится какая-то ловушка — ведь не может же все быть так просто.

— А как же нам быть с формальностями? Ведь нотариус наверника знает Бернара?

— Нет, не знает. Он из Абижана *. По этому пункту я уже навела справки. Вам будет достаточно обзавестись двумя свидетелями, а в окружении Элен вы их легко сможете найти. Вот и все трудности.

Наверное, чтобы проанализировать создавшуюся ситуацию со всех сторон, мне нужно было время, много времени, а еще больше мне нужно было абсолютное спокойствие. В настоящий же момент я был способен лишь без конца повторять, не испытывая при этом чрезмерной радости: «Ты и богат и свободен... ты и богат и свободен».

Где-то далеко, на окраине города просвистел паровоз.

— Итак, вы согласны? — спросила Жулия.

— У меня просто нет выбора. Ведь если я откажусь, вы тут же выдадите меня, разве не так?

Она воздержалась от ответа. И мы оба прекрасно понимали, что означает это молчание. Ведь в настоящую минуту мы шли по пустынной набережной, по которой гулял лишь только ветер; сумерки полностью скрывали мои движения, и Жулия полностью была в моей власти.

На бульваре Верден нас обогнали два мотоцикла. Колокола зазвонили к заутренней, и я почувствовал, что страх начинает покидать Жулию. Она даже подошла ко мне поближе.

---

* Абижан — город в бывшей колонии Франции Берег Слоновой Кости, ныне в государстве Кот и д'Ивуар (прим. пер-ка).

— Я вовсе не желаю вам зла, — прошептала она. — Я думала, что ваши записки таят в себе какую-то западню. Ведь я прекрасно видела, как вы ходили вокруг меня кругами... Да еще с таким злобным видом!

— Я только хотел, чтобы мы с вами остались наедине, чтобы объясниться...

— А вы что, даже не заметили, как эти женщины следят за вами? Да они же обе без ума от вас!.. В особенности Аньес. Ну и уж раз мы с вами говорим, могу вам сказать, что это именно она сообщила мне о вашем появлении и подсказала мне версию со служащим мэрии. Она, конечно же, рассчитывала на то, что мое появление приведет вас в замешательство. Остерегайтесь этой...

В этот момент раздались два отчетливых пистолетных выстрела. Я поставил чемодан на землю.

— Что это? — спросила Жулия.

Словно ответ на ее вопрос, где-то неподалеку прозвучала автоматная очередь, а колокола тем временем по-прежнему звонили. На углу набережной послышался усиливающийся топот бегущих, и кто-то, выскочивший из-за поворота, направился прямо на нас.

— Сматывайтесь отсюда, да побыстрее, черт возьми! — завопил он. — Они сейчас будут здесь!

«Наверное, эти убили одного из немцев», — подумал я, и вдруг меня насквозь, словно током, пронзило ужасом. Я схватил Жулию за руку.

— А мой чемодан? — сказала она. — Как же мой чемодан?

— К черту чемодан!

И я побежал, увлекая ее за собой. Она бежала гораздо медленнее, ее рука дергалась в моей, туфли на деревянной подошве звонко шлепали по мостовой. «Так они услышат нас, и если я вновь попаду к ним в лапы... Мне уж наверняка грозит концлагерь... Бегством я от них не спасусь... Надо срочно где-то спрятаться... исчезнуть сию же минуту...» И я разжал пальцы, оставил Жулию позади.

— Бернар... подождите меня! — прохрипела она, уже совершенно не соображая, что говорит.

Я почувствовал, как от бега у меня обожгло грудь и горло. На ходу я пытался нащупать универсальную отмычку в кармане плаща. Я оглянулся: Жулия перестала кричать, чтобы не тратить силы понапрасну, а отчаянно пыталась догнать меня. Мертвенно-бледные силуэты домов и тротуар уже начинали вырисовываться на фоне пока еще прикрывавшей нас ночи. Светало. Нырнув в углубление

подъезда и дрожа всем телом от страха, я принялся ощупывать дверь парадного в поисках замочной скважины. Мое сердце чуть не выскочило из груди — скважины не было, а Жулия тем временем все приближалась. Наконец мои пальцы нащупали скважину, и я поставил свою жизнь на карту: либо моя отмычка открывает замок парадного, либо я поднимаю руки вверх и покорно жду их приближения. Я вставил отмычку в замочную скважину. Жулия была уже близко. Она шла, держась руками за стену и кашляя, как будто у нее был коклюш. Ключ застрял — наверное, я слишком глубоко засунул его. От пота мои руки стали мокрыми, но старательно и медленно я все же пытался правильно вставить отмычку. Замочная скважина была моим единственным спасением. Оскалив зубы, я злобно ругался. Жулия почти повисла у меня на спине и рыдала мне в затылок. Я оттолкнул ее плечом. А из вновь воцарившейся тишины раздавались шаги людей, идущих развернутой цепью по всей ширине улицы, которую они прочесывали как гигантской сетью. До нас доносились команды еще более ужасные, чем сами выстрелы. Но отмычка, зацепившись за что-то твердое, слегка повернулась и снова застряла.

— Бернар... не нужно здесь стоять...

— Заткнитесь!.. — пробурчал я.

Если бы мои руки не были заняты, то я с огромным удовольствием залепил бы ей пару пощечин. Но я не мог оторваться от дела. Я все-таки должен был открыть замок этой двери! Я должен был открыть ее!

— У них в руках электрические фонарики, — простонала Жулия.

Закрыв глаза, я полностью перевоплотился в отмычку и мысленно как бы попытался освободиться от зацепки в замке. А по мостовой уже громыхали сапоги. Неожиданно внутри замка раздался легкий щелчок. Осторожно проворачивая отмычку, я сильно дернул дверь на себя, и мною овладело такое чувство, будто передо мною открывается стена и на самого меня обрушивается целый поток света.

— Пустите же меня, если хотите войти!

Она послушно отступила, а я резко дернул дверь на себя, мигом заскочил внутрь и попытался захлопнуть дверь. Однако Жулия, как пойманный в ловушку зверек, повисла на двери. Некоторое время между нами происходила упорная борьба: она тянула дверь со своей стороны, а я со своей. Наши стоны вторили друг другу. Потом она издала что-то похожее на предсмертный вздох — я выиграл

у нее несколько сантиметров и почувствовал, что она уже покоряется своей судьбе. Щелкнув язычком замка, дверь захлопнулась. Жулия еще бессильно пыталась стучать кулаком по двери, но этот жест был похож на попытки утопающего, барахтающегося из последних сил. Потом раздался стук ее подошв, и мне показалось, что она, совершенно обезумев, кругами ходит по тротуару. Затем ее шаги начали удаляться, а грохот сапог — приближаться. Я услышал, как она побежала, и с моих уст сорвалась совершенно абсурдная молитва: «Господи, сделай так, чтобы она спаслась!» Одна за другой раздались короткие автоматные очереди — одна... две... три... четыре... пять... шесть... Стреляющему, должно быть, хорошо видна цель — ведь уже почти совсем рассвело. Затем топот стих и воцарилась полнейшая тишина. Сзади меня, где-то в глубине дома, раздался громкий, настойчивый звон будильника. Но обитатели дома, должно быть, и так уже проснулись и, стоя у своих окон, наблюдали за происходящим на улице. За дверью простучал сапогами отряд, доносились отрывки команд и топот.

Медленно сев на пол, я начал стучать зубами. Этот стук был непреодолим, как икота, и исходил откуда-то изнутри — меня сильно знобило. Я не испытывал и тени стыда, а по правде говоря — я просто не думал, превратясь во что-то дрожащее. Когда же эта дрожь прекратилась, я чуть было не заснул, прислонясь к двери и упершись подбородком в колени. Где-то неподалеку остановилась машина, захлопали дверцы, раздалась немецкая речь. Потом машина отъехала, а над моей головой начались осторожные приглушенные хождения. Постепенно дом стал оживать: где-то заплакал ребенок, кто-то принялся скрести сковороду. Тогда я встал и отряхнул с себя пыль. Мне казалось, что мое тело не принадлежит мне. Приоткрыв дверь, я выглянул наружу: между фасадов скользил грязный дневной свет, улица была пустынна, и я все-таки рискнул выйти.

Посреди тротуара темнела лужа. Чтобы продолжить свой путь от дома, я забрался в свою нору, мне пришлось обойти ее. Да, именно в нору, потому что сейчас мне нужна была только глубокая и темная нора.

Лестница отняла у меня остатки всех моих сил, и на верхней ступеньке я сел отдохнуть. У меня и так не было нормальной жизни — еще в те времена, когда я назывался Жервэ, а теперь, уже под именем Бернара, тем более... Господи! Ну когда же я наконец обрету покой?! Почувство-

вав, что сердцебиение уже прекратилось, я постучал в дверь. Открыла мне Элен.

— Ну наконец-то, Бернар! Мы ведь слышали выстрелы!.. Я перепугалась до смерти...

У меня не хватило сил дойти дальше гостиной, и я в изнеможении упал в кресло.

— Да, — пробормотал я. — Они стреляли.

— А что же там произошло?

— Очередное нападение... По крайней мере, я так думаю... Мы убегали... Жулию ранило... А мне случайно удалось спастись в одном подъезде...

— Они убили ее?

— Разумеется!

Она положила мне руки на плечи, и в этот момент вошла Аньес. Элен сделала ей знак, чтобы та не задавала никаких вопросов, и сама шепотом все ей объяснила:

— Там произошло какое-то нападение, они попали в перестрелку и Жулию убили.

— Вот это да! — вскричала Аньес. — Так вот он где, значит, этот военный... Она все предвидела!

Боже мой! Если бы только все эти пророчества и предсказания не мешали мне здраво взглянуть на вещи! Единственное, что я ясно понимал, так это то, что чемодан и сумка Жулии будут досмотрены, ее личность будет установлена, а затем в мэрию в Сен-Флур пошлют запрос.

— Расследование может привести к нам, — сказал я.

— Да ну, перестаньте. С чего бы это вдруг немцев заинтересовала личность Жулии? Они сразу поймут, что она оказалась там чисто случайно. Обнаружив ее чемодан и билет на поезд, отходящий в шесть тридцать, они не станут доискиваться и выяснять, кто она, уж поверьте мне.

Вероятно, она права. Они, действительно, не станут поднимать из-за нее переполох.

— Лучше выпейте, — предложила Элен, — вы выглядите совершенно изморенным.

Протерев стакан и достав бутылку, она поднесла мне к губам вино. Мне нравилась подобная заботливость, и я не стал противиться, думая в то же время, что Элен, вероятно, и есть именно та женщина, которая мне нужна.

— Вот, выпейте!.. Ну а теперь идите прилягте.

— Спасибо, Элен.

— На похоронах, разумеется, мы присутствовать не сможем, — чтобы не навлечь на себя подозрения. Да и вообще, о каких похоронах может идти речь в подобном случае?

— Можно подумать, — заметила Аньес, — что ты уже все предусмотрела заранее. Вот жаль только, что этот траур несколько нарушит твои планы...

— Ответьте ей лучше вы, Бернар.

— Прошу вас обеих, прекратите изводить меня. Разумеется, наши планы никак не меняются, — ответил я.

Элен протянула мне руку, даже не удостоив взглядом свою сестру.

— Пойдемте!

Встав, я послушно последовал за нею в свою комнату. Она зашла уже после того, как я лег, и приведя в порядок мою одежду, подошла к кровати.

— Как вы себя чувствуете? Вас не знобит?.. Может быть, принести вам грелку?

— Нет, нет, Элен... ничего не нужно... Прости, но мне пришлось перенести такое потрясение!

Склонившись надо мною, она поцеловала меня в лоб, и я почувствовал себя полностью умиротворенным.

— Не бойтесь, — сказала она голосом, которым обычно обращаются к больным, — я обещаю, что с вами ничего не случится. Время — лучший лекарь... Вот увидите: после нашей свадьбы все это совершенно забудется...

Глава 10

На следующий день после завтрака, вернувшись к себе в комнату, я обнаружил еще одну фотографию Бернара, которая лежала на кровати, явно ожидая меня. Увидев ее, я, как пораженный громом, едва устоял на ногах. От ужаса у меня сперло дыхание, а все мои мысли куда-то мигом улетучились. Рассеянно слушая доносящуюся издалека прелюдию Баха, я подошел к умывальнику, чтобы попить воды. Ну что ж, значит, я раскрыт. Этого и следовало ожидать...

Закурив сигаретку и засунув руки в карманы, я встал перед фотографией и принялся ее рассматривать. Это была старая, потрескавшаяся и пожелтевшая любительская фотография с загнувшимся уголком, но довольно четкая, так как на ней отчетливо были видны обе бородавки Бернара. Вот он опять обвиняет меня и при этом смотрит на меня с улыбкой, словно желая приободрить. Значит, я ошибся: ту первую фотографию мне подбросила не Жулия — это дело рук Аньес!..

Ошеломленный этим открытием, я медленно опустился на кровать. Господи! До чего же я устал!.. Так значит, это

Аньес? И она все знает, вероятно, с самого же первого дня моего пребывания здесь. В моей голове одновременно замелькало столько образов и мыслей, что я, в ужасе перед истиной, закрыл глаза. Эти две фотографии Бернар послал своей крестной — Элен, но до нее они так и не дошли: их перехватила Аньес. Ведь чаще всего почту из ящика вынимала именно она и, должно быть, время от времени занималась перлюстрацией корреспонденции, адресованной ее сестре. Но почему, почему?.. Мне достаточно было только представить себе ее худощавое личико, нежные глаза и всегда потерянный взгляд, и я сразу же понял, что здесь к чему. Да, теперь понятно, почему Аньес улыбалась, когда Элен заводила речь о свадьбе... о нашей с ней свадьбе. Это она, оскорбленная младшая сестра, руководила всей этой хитроумной игрой и держала в своих руках нити наших жизней. Но в таком случае...

Я окончательно запутался в хитросплетениях этой интриги, образ которой родился в моем нездоровом мозге. Ничего, надо разобраться по порядку! Жулия признала во мне своего брата, Аньес не сможет утверждать противоположное... Она может лишь подозревать, что я не Бернар, и для того чтобы вынудить меня признаться во всем и просить ее о защите, Аньес и проделывала этот трюк с фотографиями. Ну, а после моих откровений она сообщит Элен, что Бернар на самом деле не Бернар, и тогда осмеянной Элен придется удалиться, Аньес будет праздновать свой триумф. Нет, этого я не перенесу... Как это не выглядит странно — мне трудно сказать почему, — но я не смог бы предстать виновным в глазах Элен. Остается только одно: отрицать и еще раз отрицать, стать Бернаром до глубины души: только таким образом я смогу победить Аньес. Еще не зная точно, чем именно закончится эта моя авантюра, я твердо решил одно: не идти ни на какие уступки.

Теперь Аньес не вызывала во мне ничего, кроме презрения и отвращения. Нет, она не предала меня, она просто глубоко разочаровала, и это было гораздо хуже, чем предательство. Именно ее я и считал повинной в смерти Жулии, и у меня впервые возникло желание выместить на ней злость.

Это утро я провел в размышлениях, лежа в кровати. Некоторым людям всегда удается найти для себя какие-то оправдания в своих же собственных глазах; что же касается меня, то я лишь могу бесконечно долго анализировать совершенные мною ошибки и выворачивать себя наизнанку, пока у меня не возникнет отвращение к самому себе.

В моих ушах беспрестанно звучали выстрелы и шум оборвавшихся шагов... Эти воспоминания, наверное, будут преследовать меня до конца моих дней. Мои мрачные мысли сопровождали какие-то обрывочные мелодии. Я даже записал пару тактов на уголке конверта: автоматные очереди покорно превращались в аккорды. В моей жизни все было расписано заранее. В настоящих страстях, болях и преступлениях мне было отказано судьбой. Ничего не поделаешь — я, наверное, страдал параличом сердца и души.

В полдень мы, как обычно, вышли к столу.

— Как вы себя чувствуете? — спросила меня Элен.

— Уже лучше, спасибо. Я смирился с постигшим меня ударом, — ответил я и при этом посмотрел на Аньес. — Она тоже сострадательно склонилась ко мне.

— Вы ведь все равно были в ссоре, — заметила она.

— Но это же его сестра, — сухо заметила Элен. — Это еще одна смерть вдобавок к гибели его друга Жервэ... Его можно понять...

— Да, Жервэ! — пренебрежительно сказала Аньес, махнув рукой.

— Что это значит? — вопросительно посмотрела на нее Элен.

— То, что с тех пор прошло уже много времени!

— Тебе, разумеется, не дано понять и ощутить такие теплые чувства, как любовь, — заключила Элен.

Аньес пожала плечами и парировала:

— Можно подумать, что ты можешь об этом судить.

Взбешенный этой перебранкой и отчетливо видя намерения Аньес, я все же хранил молчание, безуспешно пытаясь сократить время обеда.

— Вы можете отдохнуть, — сказала Элен, — а мне нужно сходить в город.

— А я, думая, что Жулия задержится у нас надолго, отменила все свои встречи с клиентами.

Сестры обменялись недоверчивыми взглядами, и я поспешил обнадежить Элен:

— Я пойду немного посплю, а то я чувствую какую-то непреодолимую усталость.

Для себя же я решил раз и навсегда разобраться с Аньес. Более удачный случай вряд ли подвернется мне. С появлением на столе десерта я извинился и удалился в свою комнату, где стал придумывать себе наше объяснение. Увы! Это был напрасный труд! Мне никак не удавалось найти нужные слова, и я даже не знал, что же я, в сущности, хочу от нее. Мало-помалу мои мысли, как

всегда, начали превращаться в образы и перескакивали с одного пункта на другой. То я побеждал Аньес, то Элен и неизменно становился богатым, знаменитым и давал сольные концерты... Причесавшись и почистив свой костюм, я сунул в карман пиджака фотографию Бернара и таким образом подготовился ко встрече с Аньес. Одни за другими все часы в доме начинали бить два часа. До меня доносился сухой стук каблуков ходящей взад-вперед Элен. Наконец ее шаги удалились куда-то в вестибюль, затем входная дверь захлопнулась, и ее стук отозвался у меня в груди. Мой час пробил. На цыпочках я прошел в столовую, потом в гостиную. Это было, конечно, глупостью, но мне казалось, что тишина все же благоприятствует моей затее. Стукнув несколько раз в дверь, я непринужденно, словно к себе в комнату, вошел к Аньес.

— Простите, — сказал я, — вы, кажется, кое-что забыли в моей комнате.

И с этими словами я швырнул ей на стол, на котором валялись ножницы и щипчики, фотографию. Аньес же продолжала старательно подпиливать свои ногти.

— Это ваших рук дело. Я не ошибся?

— Нет, не ошиблись.

— Вы выкрали эти фотографии из писем, адресованных вашей сестре?

Пилочка продолжала тихо поскрипывать. Аньес на мгновение прервала свое занятие, чтобы рассмотреть вблизи свои ногти, и, поворачивая руки во все стороны, пробормотала:

— Выкрала? Ну и словечко же вы подобрали!

— Какое подобрал, такое и есть... Это вы написали Жулии о моем приезде?

— Да, я... Ну и что? Я имела на это полное право, потому что вы ведь не ее брат.

Я нежно положил ей руку на плечо.

— Увы, твои возможности к познанию довольно ограничены, — сказал я. — Ты ничего не поняла. Ты, что же, воображаешь, что я принял эту историю с крестной всерьез с самого начала? Да ты только представь себе: мы сидим на передовой в окопах, большей частью бездействуя, нам пишут какие-то женщины, ну и мы, черт возьми, развлекаемся тем, что строчим им ответы! Эта игра была куда увлекательнее карточной, но это было не более, чем игра... Иногда мы даже обменивались своими крестными. А те, которые присылали посылки, ценились у нас особенно высоко.

Пилочка смолкла.

— Ну а я тоже не отставал от своих товарищей. Мне всегда не хватало времени всерьез заниматься женщинами, и я счел эту игру в письма весьма забавной. Да, да именно забавной и даже волнительной. Как же, мною заинтересовывается женщина, живущая в Лионе. Это одновременно походило на розыгрыш и на сказку. Ты понимаешь, что я хочу этим сказать? Ребята, отвечая своим крестным, часто безбожно дурили их, выдавая себя то за богатых сынков, то за каких-нибудь чемпионов или просто богачей. Это ни к чему не обязывало и вместе с тем действовало возбуждающе, словно фильм, в котором ты — главный герой. У меня не настолько сильно развито воображение, чтобы что-нибудь придумывать, но когда Элен попросила у меня прислать ей мою фотографию, я решил выслать ей фото Жервэ, потому что он был внешне интереснее меня... Вот и все... А в действительности Бернар — это я.

Аньес внезапно взорвалась:

— Это ложь! — вскричала она. — Эту сказку вы придумали прямо сейчас, на ходу. Это вы — Жервэ, и я не дам вам жениться на Элен!

— Ага! Ну вот ты и открыла свои карты! Ну что ж, возможно, ты и права в том, что я не женюсь на Элен, но на тебе я тем более не женюсь!

— Почему?

— Да потому, что твой мелкий шантаж мне омерзителен. Я могу понять и простить ревность ко мне, но вот чего я тебе ни за что в жизни не прощу, так это твою комедию с предсказаниями! И здесь уже речь идет не только о нас троих, но и о всех тех простачках и о всех тех несчастных, которые принимают тебя чуть ли не за самого глашатая господа бога, о тех, кто приносит тебе самое священное, что у них есть — свои реликвии, о тех, которых ты так же низко обманываешь, как обманывала и меня, описывая мне портрет Жервэ с его двумя бородавками и предсказывая мне приезд Жулии!

Она смертельно побледнела, и только ее щеки покрыл легкий румянец, похожий на следы от пощечин. Ее потерянные глаза шарили по мне, переходя со лба на грудь, как бы желая определить место, по которому лучше нанести удар.

— Я обладаю даром ясновидения, — прошептала она. — Клянусь богом, я обладаю этим даром...

— Почерпнутым из этой макулатуры?

— Неправда! Я обладаю даром ясновидения.

— Так как же ты не можешь увидеть, что Бернар — это я?

Она со злостью швырнула пилочку мне в лицо, но промахнулась. За моей спиной раздался металлический звон. Подняв пилочку, я подошел к столу и положил ее на сваленную там всякую всячину .

— А разве одно то, что Жулия бросилась мне на шею, не является доказательством тому, что я — Бернар?

— Жулия мертва.

— Ну и что?

— А вокруг вас — кровь.

Охваченный всяческими суевериями, я зло улыбнулся и ответил ей:

— Нет, и даже не пытайся убедить меня в этом. Твой звездный час уже пробил.

Не спуская с меня глаз, она медленно села.

— Я люблю тебя, Жервэ!

— Хватит, — заорал я, — хватит! Не называй меня этим именем!

— Жервэ... или Бернар... — вздохнула она. — Какое это теперь имеет значение?.. Но я не дам тебе жениться на Элен!

— Я все равно на ней женюсь!

— Я не допущу этого!

— Интересно знать, каким же это образом?

— Жервэ, но ведь ты не знаешь ее так же хорошо, как знаю ее я!

Я влепил ей пощечину, и она тут же, вскинув голову, замерла, сдерживая брызнувшие из глаз слезы.

— Прости меня, — опомнясь прошептал я. — Аньес... Я не хотел.

— Убирайся отсюда!

— Но ведь Элен все равно не поверит тебе, если ты станешь ей говорить, что...

— Вон отсюда!

— А ты ведь не посмеешь признаться ей в том, что украла фотографии из ее писем. Она вообще перестанет принимать тебя всерьез. Ты станешь для нее не более, чем взбалмошная девчонка.

Слезы ручьем полились у нее из глаз, и я наблюдал, как они сперва быстро текли по ее щекам, затем приостанавливались на уголках рта, а потом замирали и искрились на подбородке. Все женщины, которых я знал, в один прекрасный день начинали плакать точно так же, будто бы их

прорывало изнутри. А ведь я всего лишь оборонялся и имел на это полное право.

— Аньес!.. Малышка моя!

Она не отвечала мне. Мне не оставалось ничего, как бесшумно удалиться, потому что я оказался невольным свидетелем того, что мне не следовало видеть. Прислонившись спиной к двери, я в последний раз окинул взглядом скромно обставленную комнату с ее уже никому ненужной библиотекой и вышел.

Я тоже был в отчаянии, пытаясь чуть ли не плачем, физически, отшвырнуть предчувствие смерти. «В сущности, она получила по заслугам! — думал я. — Никаких сомнений на этот счет. Ну, а если бы я не приехал в Лион?..» И я опять стал погружаться в лабиринты сомнительных философских рассуждений. Взяв свой плащ, а точнее — плащ Бернара, я вышел на улицу...

Бледное солнце туманно освещало камни. Сона пахла жаром, словно конь, проложивший свою борозду в поле. В этом тумане холмы и дома, отражаясь в воде, казались, плавали в ней. Я шел, низко опустив голову.

Что же теперь будет?.. Аньес не промолчит — тут даже не может быть никаких сомнений. Она ожесточится против меня, это ясно, так же, как и я только что ожесточился против нее. Доведенная до крайности, она будет готова погубить себя в глазах своей сестры, с тем чтобы погубить и меня. Меня вышвырнут вон, и мне придется искать другое пристанище. Жалкий претендент на наследство дядюшки Шарля! Те меры, которые мне следовало бы предпринять, уже заранее вызывали во мне чувство отвращения, и я понимал, что для новой схватки у меня уже не хватит энергии. И потом: слишком уж их много, этих миллионов! Я просто не верил в их существование. Идя вдоль набережной, низко склонив голову, я подставил свою спину солнцу. После того как Элен вышвырнет меня на улицу, я еще смогу некоторое время пожить беззаботно, благодаря тому, что сказала мне Жулия. Если только... Я бесконечно и с надеждой повторял: «Но ведь она любит меня? Если Элен действительно любит меня, она не поверит этим нелепым обвинениям, выдвинутым ее сестрой в мой адрес».

И солнечные лучи сразу показались мне теплее. Волноваться еще рано. Аньес ничего и не сможет мне сделать. Она, конечно, может сообщить в полицию, но для этого ей нужны уверенность и доказательства. И я совершенно уверен, что на это она не пойдет. Нет, нет, она никак не может мне повредить, и прекрасно сама осознает это. А ее

слезы... Подумаешь! Тоже мне горе! Небольшое потрясение, только и всего!

Стоп! Я вдруг отчетливо вспомнил рассказы Элен о том, как Аньес уже пыталась покончить жизнь самоубийством... Остановившись и положив руки на влажный парапет, я начал даже злорадствовать, и моя мысль уже безудержно неслась, питаемая моей собственной злобой. Я так было поверил в свои измышления, что еще немного — и бросился бы со всех ног бежать до самого дома... Но тут раздраженно урезонил себя: «Она не столь глупа для этого». Но еще через мгновение я уже возразил себе: «Однако ты же видел ее глаза! Это были глаза покойницы! Она ведь никак не могла пережить того, что ты залез в самую глубину ее души...» Опустив голову, я облокотился о парапет. Подобные мысли не давали мне дышать, сдавливали горло.

Услышав перезвон колоколов, я подумал, что ни одна из моих прогулок не сопровождалась колокольным звоном, но сегодня они, возможно, торжественно возвещают мне о похоронах Жулии! Что за чушь! Какие там похороны? Ее, в лучшем случае, закопают где-нибудь втайне, разумеется, безо всякой церемонии, и за ее гробом не будет следовать кортеж из безутешных друзей и родственников. Без сомнения, я — единственный, кто подумает о ней в этот час. Впрочем, это вполне естественно — ведь это я убил ее...

Внезапно остановившись, я резко развернулся. Да ведь никто и не станет интересоваться мною! Я — добыча своих собственных угрызений совести, думал я, прислушиваясь к звону колоколов, и стуку своего собственного сердца и к всплескам играющей с камнями воды. Мне пора было возвращаться, и это было совершенно необходимо. Ведь если я сейчас вернусь не медля ни минуты, то, возможно, еще успею как раз вовремя, чтобы... Да нет, я просто играю, пугаю себя и не более! И потом, даже если... если она и хотела покончить с собой, то... Разве это меня касается? Остановившись у моста, я попытался припомнить моменты нашей любви, но они уже не вызывали у меня никаких эмоций. Аньес окончательно и бесповоротно вышла из моей жизни и уже нисколько меня не интересовало, и в этот момент я даже пожалел о том, что бежал из лагеря, пожалел об его ограждениях из колючей проволоки и о барачной дисциплине. Устав того монастыря был именно по мне.

И я опять пошел, сам не замечая того, что незаметно приближаюсь к дому, обманывая самого себя, но будучи слишком усталым для того, чтобы сопротивляться. Непода-

леку от двери подъезда стояла какая-то собака и настойчиво обнюхивала тротуар. Достав из кармана свою отмычку, я открыл дверь парадного и вошел. Мне необходимо было еще раз поменять шкуру, чтобы отделаться от всех этих угнетающих меня знаков и зовов. Поднимаясь по лестнице, я тяжело дышал. Войдя в квартиру, остановился и прислушался.

— Аньес! — позвал я.

Неужели я действительно настолько глуп? Неужели я действительно ожидал, что она бросится мне навстречу с распростертыми объятиями? Мое натренированное ухо улавливало малейшие движения в тишине этих пустующих комнат.

— Аньес! — крикнул я, бросившись вперед.

Дверь ее комнаты была даже не прикрыта... Возле двери, ведущей в ванную, лежала распростертая Аньес. Она словно застыла в каком-то спазматическом движении, а черты ее лица были искажены ужасной гримасой. Прикоснувшись к ее руке, я ощутил металлический холод...

На полу валялись осколки разбитой чашки.

Обведя комнату взглядом, я убедился, что фотографии на столе уже нет, в комнате же валялись обгорелые клочки бумаги, писем, тетрадных листков. Аньес, по-видимому, не пожелала оставить на этом свете ничего из своего прошлого. Обуянный ужасом, я побежал в спальню Элен, а затем оббежал и все остальные комнаты, гостиную, столовую, кухню. Нет, Аньес нигде не оставила никакой компрометирующей меня записки.

Вернувшись к ее телу, я услышал звук ключа, вставляемого в замочную скважину. Хлопнула дверь, и я крикнул, сдерживая свой голос:

— Элен!.. Идите сюда!..

И отступив в сторону, я дал ей возможность увидеть Аньес, не переступая порога комнаты. Ее взгляд начал искать мой, естественно, желая найти объяснение происшедшему.

— Она мертва, — прошептал я. — Я только что обнаружил ее.

Элен начала делать именно то, что я от нее и ожидал: подобрав осколки чашки и обнюхав их, она вновь бросила их на пол, а затем приподняла голову сестры.

— Этого и следовало ожидать. Иначе это кончиться не могло, — сказала она.

— Я вышел на прогулку вскоре после вашего ухода и абсолютно ничего не знаю, — объяснял я. — Это ужасно!

Нахмурив брови, Элен встала и сняла перчатки.

— Вам необходимо немедленно уехать, — сказала она, — и причем не медля ни минуты. Не нужно, чтобы вас здесь видели... Так, дайте-ка мне подумать... Во Франшвиль. Нет, это слишком близко, а вот Сен-Дидье... Это место вполне подходящее... Значит, так: там есть одна небольшая гостиница, даже не гостиница, а, скорее, что-то наподобие пансионата. Он называется «Дом торговца». Скажите хозяину, что вы от меня, и он вас устроит.

— Но я едва ориентируюсь в самом Лионе, а уж окрестностей и вовсе не знаю.

Порывшись в сумочке, она извлекла из нее свой блокнот, в котором, видимо, записывала свои уроки, и, вырвав из него листок, спросила:

— Все же, надеюсь, вы в состоянии отыскать площадь Белакур?

Она начертила план своим крохотным серебряным карандашиком и отметила крестиками нужные мне места.

— На мосту Мутон вы пересядете на трамвай... — говорила она.

Какое счастье, я спасен! Как же я был счастлив в этот момент!

— Вы все поняли?

— Да, все, но мне очень жаль расставаться с вами, Элен...

— Сейчас мы должны с вами расстаться. Ваше присутствие мне может только помешать.

И повернувшись к телу, она сказала со вздохом:

— Бедняга! Она никогда не думала об окружающих. Что же это могло взбрести ей в голову?

— Наверное, нужно позвать врача? — спросил я.

— Да, конечно. Доктору Ландэ уже приходилось приводить ее в чувство семь лет тому назад во время ее первой попытки... Он еще тогда предупредил, что на этом она не остановится. Поэтому происшедшее его нисколько не удивит. На этот счет я совершенно спокойна, но вот что касается кюре, то...

— А при чем здесь кюре?

— Да при том, что он может отказать в отпевании! А если Аньес будет похоронена гражданской церемонией...

И мне показалось, что только сейчас происшедшее затронуло ее до глубины души.

— От нас и так уже все начали отворачиваться... — закончила она.

Схватив ее руку, я с жаром сжал ее.

— Но ведь я-то с вами, Элен.

— А вы еще не передумали жениться на мне? — спросила она несколько дрожащим голосом.

— Это еще что за вопрос? — возмутился я, силясь придать себе обиженный вид. И тут же добавил, чтобы сменить тему разговора: — А разве в случаях самоубийства нужно обращаться в комиссариат полиции?

— Разумеется, нужно, но дело в том, что комиссар был другом моего отца, и в былые времена он часто приходил к нам на обеды. Это скромный и понимающий человек... Поторопитесь, Бернар.

— Остается еще один вопрос: комиссар непременно поинтересуется, где Аньес раздобыла яд.

Элен с удивлением посмотрела на меня.

— Где она раздобыла яд? Да просто кто-то из этих приходящих к ней чокнутых принес! Ведь все они полуненормальные, что же тут не понять?

И взяв меня за плечи, она легонько подтолкнула меня к двери.

— Давайте, Бернар, а то если я вас не выпровожу, так вы до вечера будете собираться.

Войдя в мою комнату, Элен начала укладывать в чемодан белье и вещи, которые я вынимал из шкафа. Ее ловкость и предусмотрительность поражали меня. Дав мне продуктовые карточки, она объяснила мне цены, которые хозяин не должен был превышать, а затем, выждав, пока я обмотаю кашнэ вокруг шеи, добавила:

— Не заблудитесь, Бернар!

— Не беспокойтесь, ваш план у меня в кармане. Я хорошо помню, что мне предстоит сделать две трамвайные пересадки.

Мы походили на старую супружескую пару. Последнее препятствие между нами уже исчезло. Прежде чем открыть мне дверь, Элен подставила мне губы, и я поцеловал ее.

— Удачи вам, Бернар.

— Не падайте духом, Элен, держитесь.

— Не забудьте... «Дом торговца».. Хозяина зовут Дезирэ... Дезирэ Ландро.

Я начал спускаться, а Элен, перегнувшись через перила, провожала меня взглядом.

— Я приеду к вам... когда все это кончится...

И она вернулась в квартиру, чтобы позвонить.

Таща за собою чемодан, я вышел на улицу, чувствуя себя до глубины души одиноким. Для уверенности я нащупал в кармане план и похрустел кожей бумажника. Теперь

у меня были убежище и деньги, но вместе с тем я чувствовал себя как потерявшийся ребенок, ибо уже заранее знал, что буду считать дни и выглядывать на дорогу, пока Элен не окажется рядом со мною, подле меня, между мною и всем остальным миром.

Как мне сейчас необходима была рука, которая сжимала бы мою!

Глава 11

Мы с Элен поженились, и я был далек от того, чтобы называть себя несчастным. Я, вероятно, был бы даже более чем счастлив, если бы не мое здоровье, которое резко ухудшилось. Жили мы теперь в небольшом меблированном домике на берегу Соны, окруженном каштанами. Вокруг на земле сверкали совсем новенькие, в треснувшей скорлупе молоденькие каштанчики. Красные и желтые листья медленно опадали, и сквозь оголяющиеся ветви деревьев просматривалась река и были видны плывущие дымы города. А стекла по вечерам удерживали лучи солнца на соседних холмах. После обеда, когда была хорошая погода, Элен обычно усаживала меня на террасе. В общем-то, больным меня назвать было нельзя, просто, наверное, я слишком устал. Приходивший ко мне старый сельский врач, уже немного глуховатый и давно лишившийся всяких иллюзий, только пожимал плечами в ответ на мой вопрос, когда я спрашивал его о моем состоянии. «Это усталость, — говорил он, — плен всех нас состарил... Да к тому же у вас еще и с желудком не все в порядке. Другие страдают сердцем или печенью, но, в сущности, причина всех этих заболеваний у всех одна... Что я вам могу сказать? Вам необходим отдых!» Элен провожала его и о чем-то шепталась с ним. Возвращаясь, она всегда улыбалась мне и гладила по волосам.

— Вот видишь, мой дорогой, твои волнения совершенно напрасны.

Но вот в этом-то она как раз и ошибалась; я абсолютно не волновался, напротив: я был совершенно спокоен и избавлен от всех переживаний. Еще никогда в жизни я не чувствовал себя до такой степени спокойно. Целыми днями я лежал в шезлонге и дремал или же наблюдал за проплывающими облаками или падающими листьями. Иногда откуда-то из-за горизонта до меня доносился рокот самолетов — ведь там для всех остальных людей война все еще продолжалась.

В полудреме передо мною проплывают облака, образы, воспоминания, и я придумываю восхитительные мелодии, которые тут же забываю. Время течет совершенно незаметно. Элен же, сидя рядом со мною, вяжет и отгоняет мух от моего лица.

— Что тебе приготовить на ужин, Бернар?

— Мне все равно.

— Я сварю тебе бульон, картофельное пюре и поджарю яичницу.

— Великолепно.

Сперва я чувствовал себя несколько уязвленным, но вскоре понял, что, несмотря на все ее горячее желание, она так никогда ничего и не сможет понять в физической любви. От женщины у нее были лишь внимательные руки, созданные для нежных жестов, заботы и успокоения. И мысленно призывая, я каждый раз подстерегаю эти руки. Мне так хочется, чтобы они приросли ко мне и кормили меня, и умывали словно ребенка. Ведь в сущности своей я тоже не был склонен к плотской любви. Я рос боязливым, эгоистичным мальчиком и почти что круглым сиротою. А вот с Элен я уже вовсе не чувствовал себя одиноким. Я настолько привык к шороху ее платья, что, пожалуй, не смог бы теперь обойтись без него.

Беседовали мы с ней не часто. Она была слишком умна, а ее образование было каким-то суммарным и весьма условным. Она была просто хорошо воспитанной женщиной, и этим было сказано все! Но себя тем не менее она считала хорошей музыкантшей, потому что умела в такт стучать по клавишам, и это было единственное, что меня раздражало. Она, пожалуй, была бы самим совершенством, если бы согласилась излучать не слишком яркий свет, а слегка затемненный, как у ночника. И все же я не потерял надежды изменить ее. В снятом нами доме тоже стояло пианино, но очень старое, допотопное и совершенно непослушное на высоких нотах. По вечерам она мне на нем играла, а я слушал ее, сидя на старом, с провалившимися пружинами диване. В этом доме вся мебель была какой-то старой, распотрошенной и поэтому трогательной. Комнаты, однако, были просторные, а вылинявшие стены не были лишены некоторой прелести.

Я постоянно пил свою настойку, потому что редко когда не чувствовал глухого жжения в желудке. Приятно-сладкая настойка ромашки оказывала на меня, как правило, усыпляющее действие. Вытянув ноги и положив голову на спинку дивана, я смотрел на Элен, сидящую ко мне спиной

и освещаемую аппликациями пианино. К несчастью, она любила Шопена! Вот и сейчас она исполняет его с какой-то нарочитой жестокостью. О боже!

— Расслабься, — говорю я ей.

— Ты ничего не смыслишь в этом, — доносится мне в ответ.

— Наоборот, я очень даже понимаю музыку: здесь необходимо присутствие тепла, радости...

— У Шопена музыка грустная.

— Не всегда, Элен, не всегда.

— Что ты в этом понимаешь?

— Мне просто так кажется.

И когда искушение становится слишком сильным, я встаю, но не вынимаю рук из карманов.

— Начни еще раз, пожалуйста, доставь мне это удовольствие... И не обращай столько внимания на такт. Представь себе, что ты в воде, ты плывешь на гребне волны...

Так и есть, не выдержав, я уже рисую в воздухе кончиками пальцев музыку. Элен останавливается.

Тебе, Бернар, вновь бы следовало заняться музыкой. Я могу помочь тебе в этом.

Вернувшись к своему дивану и глотнув микстуры, я, сдерживаясь, отвечаю ей:

— Продолжай и больше не обращай на меня внимания.

И повернувшись ко мне вполоборота, чтобы видеть мою реакцию, она вновь начинает играть, а я лишь машинально покачиваю головой. В боку под ладонью я ощущаю боль, настойчивую и пульсирующую. Но она не приносит мне слишком много страданий, она похожа на вгрызающегося в дерево короеда. Элен опять останавливается.

— Тебе нехорошо?

— Немного.

Подойдя и садясь рядом со мною, она обнимает меня за плечи, а я упираюсь головой в ее голову.

— Мой дорогой, меня тревожит твое состояние.

— Не обращай внимания на подобные пустяки. Я уверен, что мои дела пойдут на поправку, как только у нас появится настоящий хлеб, сахар, кофе...

Но я тут же обрываю это перечисление, вспомнив, что все это мы уже ели, когда была жива Аньес. Теперь же мы, как и все, питаемся эрзац-продуктами. Элен помешивает ложечкой в чашке, и этот звук мне кажется необыкновенно нежным, а в затылке я ощущаю какую-то счастливую усталость. Устроившись поближе к Элен, я погружаюсь в тепло, и ее дыхание возбуждает меня.

— Ты видишь, мой дорогой Бернар, это проходит. На вот, выпей.

С этими словами она подносит ложечку к моим губам, и я, закрыв глаза, пью с нее. Металл позвякивает о мои зубы, и мною овладевает какое-то непонятное веселье. Мы оба находимся в самой середине погруженного в дремоту дома, и Элен обращается ко мне шепотом, а иногда слышится поскрипывание мебели и пианино отзывается эхом. И никаких движений! Мы целыми часами просиживаем неподвижно в комнате — у Элен просто ангельское терпение. Затем она помогает мне подняться в спальню и лечь в постель.

— Как ты себя чувствуешь? Тебе ничего не нужно?

Она поправляет подушки, и ее руки какое-то время гладят мое лицо, а затем она переходит к своему туалету. И все эти жесты мне так дороги и так успокаивающе действуют на меня. Уже в полусне я чувствую, как она ложится рядом со мною, и я еще поглаживаю пальцами эту нежную кожу, прежде чем окончательно заснуть. По утрам я чувствую себя довольно бодро и даже прогуливаюсь по саду или берусь за книжку, устроившись в гостиной, построенной в форме ротонды, из которой видна река. Элен приоткрывает дверь и спрашивает:

— Ты хорошо себя чувствуешь?

— Да.

— Значит, мне можно сходить за покупками?

— Ну конечно!

Городок находится совсем рядом, но все же, выходя, Элен неизменно надевает пальто и шляпу. Меня это уже не раздражает. Главное, чтобы она поскорее вернулась. Обедаем мы за маленьким столиком, который мы накрываем там, где нам заблагорассудится, но чаще всего на террасе, освещаемой последними теплыми лучами осеннего солнца. Элен умудряется превращать те жалкие продукты, которые нам выдают, в аппетитнейшие блюда. В то время как она пересказывает все новости, о которых поговаривают у бакалейщика и мясника, я медленно, с опаской принимаюсь за еду, чтобы, не дай бог, не разбудить дремлющую боль. И я уже начинаю опасаться последующего часа. Элен, впрочем, тоже волнуется, несмотря на то, что внешне она вся полна оптимизма. Моя посуду, она искоса наблюдает за мной, а я жду. Именно это ожидание и расшатывает мое здоровье. Бывает, что ничего такого и не происходит, и я с восторгом слушаю, как часы бьют четыре: раз я не страдал от боли — значит, я здоров! Эта передышка длится

и утверждается, а я, поверив в нее, начинаю болтать и даже смеяться. Но в самый неожиданный момент я начинаю ощущать приближение кризиса: во рту появляется сухость, меня скручивает от подступающей к горлу тошноты, а боль возникает в такой совершенно определенной точке, что я уже на память могу прикоснуться к ней кончиками пальцев. Временами она похожа на небольшое жжение, на какой-то жар, вспыхивающий, когда я хочу глубоко вздохнуть, а иногда эта боль больше похожа на зуд, раздражающий поверхность кожи. Меня начинает знобить, а в моих венах наоборот, на какое-то время подскакивает температура. Когда боль проходит, я ощущаю непреодолимую усталость. Мне прекрасно виден испуг Элен, начинающей припоминать, что именно мы ели, и приходящей к выводу, что все это из-за выпитого вина, а возможно, и сахарина.

— Перестань, — говорю я, — ты здесь ни при чем. Скорее всего у меня появилась язва, а в моем возрасте это еще не опасно.

— Тогда, может быть, обратимся к специалисту? — предлагает Элен.

Но мне здесь и так хорошо, вдали от города, где, судя по слухам, жизнь становится все тяжелее и тяжелее, а число арестов резко возросло и повсюду горожан подстерегает опасность. Нет. Я предпочитаю набраться терпения, напихиваясь таблетками. Ну, а если моя болезнь осложнится, то я всегда успею выбраться в Лион. Правда, существует еще одна причина, сдерживающая меня от обращения к специалистам: мы не располагаем средствами, чтобы оплатить дорогостоящее лечение. Конечно же, я буду богатым, даже несметно богатым, когда ко мне перейдет наследство дядюшки Шарля, но это дело требует времени, ибо сейчас колония принадлежит к одному миру, а метрополия к другому, и они разделены железным занавесом. Пока что мы живем на средства от заложенного в Лионе дома. И, живя на средства Элен, я не хочу этим злоупотреблять. Впрочем, война близится к концу, и весной мы уже будем освобождены. Я чувствую, что до весны я еще сумею протянуть, а как только у нас появятся нормальные продукты и как только мы сможем уехать подальше от этих мест и связанных с ними воспоминаний, я непременно выздоровлю. Воспоминания эти все еще тяготят нас, хотя мы никогда даже не намекаем на прошлое. Мы пришли к обоюдному соглашению, что Аньес никогда не существовала, а Жулия — и подавно.

Несмотря на это, между нами иногда все же проскаль-

зывает молчание, идущее, вероятно, не от счастья и благополучия, но мы быстро развеваем его, заводя обычно разговоры о нашем будущем. Элен бредит путешествиями, и она мечтает, совсем как маленькая девочка, об Италии и Греции. Еще она жаждет открыть для себя едва ей знакомый Париж. Я рассказываю ей о театрах и кафе, но ее интересуют больше Триумфальная арка и Эйфелева башня. Нам никак не удается прийти к обоюдному согласию относительно того, чем мы займемся после войны. Мне бы, например, хотелось обосноваться в Ницце или Мантоне, а она мечтает о возвращении в Лион...

Но вначале все же необходимо выжить, вырвать из меня с корнями эту боль, отнимающую чуть ли не все силы. Если все мои усилия будут направлены теперь на выздоровление — клянусь, они не пропадут даром. Элен советует мне почаще дышать свежим воздухом, и я иногда отваживаюсь выйти за пределы нашего дома, опершись на ее руку.

Места здесь просто восхитительные, однако мое нервозное состояние не покидает меня: я боюсь, что меня кто-то здесь увидит; мне все время кажется, будто бы надо мной нависла какая-то новая опасность. Поэтому я всегда тороплюсь обратно и с чувством глубокого облегчения вновь отбрасываюсь в своем шезлонге. Постоянство настроения Элен меня просто восхищает: она выполняет все мои капризы. Кроме того, несмотря на испытываемое беспокойство, она проявляет столько веры в мое выздоровление, что в конце концов, я не могу не оценить это. Она действительно превосходнейшая «крестная».

— Какое счастье, — сказал я ей как-то, — что я встретил именно тебя, а не какую-нибудь другую женщину!

Положив мне руку на плечо, она в ответ лишь улыбнулась.

— Элен, скажи мне откровенно: ты счастлива? Ведь ухаживание за больным — дело далеко не веселое...

— Дорогой мой, но ведь ты вовсе не болен... И перестань ты наконец терзать себя подобными вопросами!

Сказав это, она словно черной повязкой закрывает мне глаза, вероятно, это для того, чтобы я не слишком далеко заглядывал в будущее; я же, погрузившись в какую-то обворожительную бессознательность, ни о чем себя больше не спрашиваю. Как сквозь сон, до меня долетает ее шепот:

— Вот твоя настойка, Бернар... Выпей, а то она остынет.

Вот так мы и проводим время с утра до вечера и с ве-

чера до утра. Глядя на освещенные меркнущим осенним светом лужайки, я изо всех сил сражаюсь с болезнью, прижав свой кулак к боку, откуда исходит боль. Когда я смотрю на себя в зеркало, то вижу лишь одни мускулы, торчащие из моего осунувшегося лица. Кожа на моих руках, как листья, пожелтела, иссохла и потрескалась. На сколько же я похудел? Чтобы вновь набраться сил, мне необходимо много есть, а всякая пища камнем оседает у меня в желудке, а затем разъедает его. Как же мне вырваться из этого замкнутого круга? Будь моя воля, я бы вызывал к себе врача каждый божий день, а не томился бы в ожидании его очередного прихода. А так он приходит лишь изредка и, выслушав меня, сентенциозно, покачивая головой, произносит:

— Из старого башмака нового не сошьешь.

— Скажите лучше, доктор, что моя песенка уже спета.

— Ну, ну, что вы, до этого еще далеко. Это, пожалуй, дают о себе знать месяцы вашего плохого питания...

— Ладно, — выдыхаю я.

Напоследок он говорит:

— Лечение прежнее... Надеюсь со временем все уладится.

Несмотря на его заверения, у меня уже началась угнетающая меня рвота: рот начинает заполняться желчью, а воспаленный язык едва помещается во рту.

— Может, нам все-таки лучше вернуться в Лион? — предлагает Элен. Хотя сама она прекрасно знает, что я ни за что не соглашусь вернуться в дом, вызывающий во мне столько мучительных воспоминаний.

Уже начались затяжные осенние дожди, то и дело нависающие над Сеной и наполняющие сад шумами и вздохами. И вот я опять пленник: на этот раз за решеткой дождя. Переходя из комнаты в комнату, я наблюдаю за ним, чтобы преодолеть какое-то безутешное оцепенение, в которое я погружаюсь всякий раз после очередного приступа боли. Элен ни на миг не упускает меня из виду.

— Не утомляйся, дорогой мой, тебе вредно.

Бедная Элен! Это по моей вине ей приходится вести жизнь сиделки, и я уже больше не в силах обманывать ее. До болезни мне и в голову не приходило рассказать ей историю своей жизни, а вот теперь мне стало невыносимо трудно носиться со своей тайной. Ведь тайна не сблизит нас с ней еще больше? Ведь сейчас мы словно разделены каким-то слоем тумана — иначе зачем бы нам, точно по какому-то безмолвному и обоюдному соглашению, избегать

в разговорах некоторые щекотливые темы? Впрочем, их избегаю не я, а она. Такое впечатление, что Элен всегда чувствовала, что во мне есть запрещенные зоны, и ее тактичность, так высоко оцененная мною в свое время, теперь начинает меня раздражать. Мне кажется, что она должна была бы любить меня больше и глубже, пусть даже в моих ошибках. Ведь что я получаю от нее сейчас? Лишь внимательность сиделки... Она лечит меня с необыкновенной преданностью, но бывают моменты, когда эту преданность мне становится трудно переносить. Мне не нужна эта преданность! Я хочу, чтобы она заботилась обо мне ради меня самого. Интересно, как бы повела себя она, если бы узнала, что я... Была бы столь же обходительна?

Из последних сил я пытаюсь бороться с этим извращенным, совершенно неожиданным соблазном. Но к чему эти испытания, которые лишь обоим нам причинят чувство боли? И все же я не в силах изменить направление своих мыслей. Я почти перестал есть, и голод придает моим размышлениям остроту и пугающую меня обвораживающую глубину. У меня уже нет времени скучать: я смотрю на себя, смотрю на нас. Совершенно очевидно, что мне необходимо прощение. Ее руки, успокоительно гладящие мое лицо, разумеется, приносят мне облегчение, но они должны успокоить еще и другую, более глубокую и, возможно, неизлечимую боль. Кто поможет мне, прежде чем я отправлюсь на тот свет, рассчитаться с этим?..

— Чем ты встревожен, мой дорогой Бернар?

Неужели она не догадывается, что я терпеть не могу, когда меня называют этим именем? Ну как мне ей сказать: «Да я вовсе не Бернар!» Из-за этого я начинаю себя чувствовать все неуютнее и неуютнее, мясо мне кажется каким-то жестким, овощи — безвкусными, а кофе — отвратительным. Элен же по-прежнему улыбается, и эта улыбка доводит меня до полного отчаяния. А если бы она обо всем знала — хватило бы у нее сил вот так улыбаться? Словно ребенок, желающий разбить свою игрушку, я начинаю крутиться вокруг Элен.

— Элен!

— Что?

Нет, решительно я не могу сказать ей все! Дыхание в моем горле затрудняется, и я начинаю задыхаться...

Всунув ноги в старые деревянные башмаки, я выхожу из дому прямо под дождь и брожу по размытым аллеям, на которых гниют опавшие листья. Где-то в глубине тума-

на бурлит город. Посмотрев на наш почерневший от влаги дом, я замечаю дрогнувшую занавеску на первом этаже: это Элен. В тревоге она следит за мною. Тем временем я прогуливаю свою боль, забавляю, развлекаю ее, пытаюсь усыпить и одновременно подготавливаю фразы, придумывая не слишком оправдывающие меня признания, клянусь себе, что начну разговор, как только мы сядем за стол или немного позже, когда она поможет мне подняться в спальню на послеобеденный отдых. Я уже вижу эту сцену, она поцелует меня и скажет: «Ну и что, что тебя зовут иначе? Ведь я же люблю тебя!» В сущности, так оно и есть, что изменится, если я назову ей свое действительное имя? Но в таком случае зачем все это рассказывать?

Открылось окно:

— Бернар, возвращайся! Ты простудишься!

Вот так же и моя мать когда-то звала меня, и взбешенный, я возвращаюсь, приложив к боку сдерживающий жжение кулак.

Как-то внезапно, охваченный вдохновением, я не выдержал и сел за пианино. Сыграв сперва несколько гамм, перешел на вальс Шопена. Элен в это время была наверху — убирала в спальне, но ее шаги смолкли при первых же зазвучавших аккордах. Пробегая пальцами по клавишам, я чувствовал, что уже многие навыки мною потеряны, однако я еще в силах расставлять акценты и оживлять эту грациозную музыку, так трогательно соединяющую порыв с мечтательностью и отрешенностью. Погрузившись в музыку, я забыл обо всем, всей своей техникой вытягивая из этого разбитого инструмента страстный монолог, в котором последовательно проявляются все мои причины жить и умереть. Забыв о боли, я заиграл с жадностью и аппетитом, увлеченностью и отчаянием. Вот тот момент, когда я являюсь самим собой! Мои руки легко порхают передо мною, а в затылке появляется дрожь. Так! Теперь перейдем к ноктюрнам! Эта поверхностная грусть нравится мне меньше, но играть ее немного проще! Музыка строится, как лунный свет. Уже выбившись из сил, в заверение я решил сыграть полонез — мужественный, задумчивый, похожий на звездный марш с немного блуждающим взглядом сигнальных огней. Вот так нужно идти навстречу своей судьбе! Прозвучали последние аккорды, и мои руки бессильно обвисли вдоль туловища. Господи, как же я был счастлив в эти моменты! И лишь подняв голову, я заметил, что Элен стоит рядом со мною. Она чрезвычайно бледна и с трудом дышит.

— Бернар, — бормочет она, — я больше никогда не осмелюсь сесть за пианино...

Похоже, она сдерживает какой-то непонятный гнев. А я-то ожидал, что она осыпет меня комплиментами, я-то думал, что она вскричит: «Да кто же ты на самом деле, любовь моя?» И тогда бы я все рассказал. Но нет, не тут-то было! Она смотрит на меня с едва сдерживаемой яростью, будто я украл у нее что-то очень ей дорогое...

— Ты, должно быть, втайне насмехался надо мною? — прошептала она.

Я ответил лишь каким-то туманным жестом. Произведенные мною усилия источили меня, а боль разыгралась с новой силой.

— Почему ты никогда не писал мне, что обладаешь подобным даром?

Невероятно! Она намеренно не желает выяснить эту двусмысленную ситуацию! Она прекрасно понимает, что Бернар, этакий лихой торговец дровами, не может играть так, как играю я!

— Иди отдохни, мой дорогой, — говорит она. — Если бы я только знала... Но ты ведь такой скрытный! Ты знаешь, для любителя ты играешь просто великолепно!

Она помогает мне встать, в то время как мною овладевает непреодолимое желание смеяться, кричать и залепить ей звонкую оплеуху! Она назвала меня любителем! Меня — ученика Ива Ната! Да она же полнейшая идиотка! Да она даже не желает понять, она просто наотрез отказывается признавать, что я — не Бернар! Быть может, она испугалась? Ведь это ужасно обнаружить вдруг, что ты связан с каким-то незнакомым тебе человеком. Опершись на ее руку, я еле дотащился до дивана. Теперь мне просто жаль ее, однако я слишком устал для того, чтобы пускаться в сложные объяснения...

— Вот твоя настойка, мой дорогой.

Круговорот забот возобновляется, сперва она протягивает мне ложечку, затем поправляет подушку за моей спиной, ворча при этом:

— Вот видишь, до какого состояния ты себя довел, мой дорогой. И все это лишь для того, чтобы доказать мне, что ты был хорошим пианистом!

Сохраняя упорное молчание, прекрасно понимаю, что она хочет ввести меня в заблуждение. Какая твердость в ее голосе! Как же мы вдруг отдалились друг от друга!..

— Тебе больше ничего не нужно? — спрашивает она. — Я могу сходить в город за покупками?

— Да, конечно, иди, я спокойно буду ждать тебя.

Наши совместные усилия улыбнуться друг другу выглядели довольно жалко. Я закрыл глаза: настойка не облегчила моего состояния. Массируя сквозь одежду свой бок, я прислушиваюсь к ее удаляющимся в сторону сада шагам. Ну вот, я опять остался наедине с самим собою, и у меня предостаточно времени, чтобы продолжать терзать себя все новыми и новыми вопросами...

Решительно встав с дивана и держась за стену, коекак добрался до кабинета Элен. Здесь я бываю редко — это ее уголок, ее пристанище. Здесь она расставила привезенную из Лиона кое-какую мебель: книжные и посудные шкафы, секретер. Раз уж у меня не хватает смелости заговорить с ней, то, по-видимому, придется написать — хотя бы несколько слов.

«Я не Бернар, а Жервэ. Мне вовсе не хотелось тебя обманывать, но обстоятельства сложились так, что...»

И так далее. Одним словом, я вкратце изложу ей всю мою историю, а затем мы сможем спокойно обсудить это, и разговор завяжется сам собой.

Открыв секретер, я стал искать писчую бумагу. Интересно, где это она может хранить ее? Представляю, в какое бешенство она пришла бы, если бы застала меня роющимся в ее бумагах. Так, первый ящик не открывается: дерево слегка набухло от влаги. Я резко дернул его, и ящик, выскочив из своих пазов, оказался у меня в руках. Порывшись в нем, я не обнаружил ничего, кроме счетов да еще каких-то записок и квитанций. Вставив ящик в пазы, я попытался его задвинуть, но он, наткнувшись на что-то не входил на свое место. Протянув руку, я нащупал внутри углубление, а в нем какую-то связку бумаг и твердую картонку. Все это, должно быть, выпало из ящика, когда я дернул за него. Достав эту картонку, я увидел, что это не что иное, как потрескавшаяся, пожелтевшая фотография с оборванным уголком. Повернув ее к свету, я с ужасом увидел... улыбающееся мне лицо Бернара! Это была та самая фотография, которую я оставил в комнате Аньес!..

Скорчившись от пронзившей меня боли, я почувствовал, что близок к потере сознания. Я изо всех сил ухватился за доску секретера, напрягаясь и стараясь не упасть в обморок. Этого ни в коем случае нельзя допустить, ведь Элен может вернуться с минуты на минуту...

Я дышу глубоко и со свистом, и вот уже пелена перед глазами исчезает, я уже вижу очертания комнаты, ее сте-

ны. За моей спиной никого нет, но передо мною лежит Бернар, а я не осмеливаюсь понять все это...

Услышав скрип открывающейся калитки сада, я быстро кладу фотографию на место, и, закрыв секретер, возвращаюсь в гостиную. Подойдя к окну, я успеваю сделать вид, будто бы наблюдаю за дождем, серым небом и черными деревьями, и в этот момент входит Элен.

— Так вот как ты отдыхаешь? Ну прошу же тебя, Бернар, врач сказал, что...

Подойдя ко мне и нежно обняв, Элен подводит меня к дивану, прижавшись ко мне своим еще мокрым лицом. Она нежно гладит мой затылок, а мною внезапно овладевает желание заплакать, уткнувшись ей в плечо.

— Бернар, — бормочет она, — мой дорогой, Бернар...

Глава 12

После очередного приступа я оказался почти прикованным к постели. Стоит лишь мне шевельнуться или приподняться, как появляется тут же Элен. Никакой возможности спуститься вниз, чтобы раскрыть секретер и посмотреть сверток, спрятанный за ящиком. И вместе с тем мне совершенно необходимо узнать, что именно в том пакете. Необходимо потому, что я барахтаюсь в какой-то ужасной тайне.

Эти мысли убивают меня куда вернее, чем угнетающая физическая боль. Томясь в ожидании того момента, когда Элен наконец-то куда-нибудь отлучится, я веду с болезнью ожесточенную борьбу, принимая всевозможные настойки, микстуры, таблетки и капли. Мое всевозрастающее желание выжить заставляет меня неукоснительно поглощать все это. Теперь я снова в состоянии сделать несколько шагов по комнате. Однако с постели я встаю лишь тогда, когда Элен выходит в сад или в прачечную. Свои намерения я держу втайне, и вовсе не потому, что не доверяю ей, просто я хочу, чтобы она ничего не знала об этом.

Элен сообщила мне, что ей необходимо съездить в Лион по поводу заложенного дома. К тому же ей непременно хочется купить мне шерстяные носки. На ее лице читается все та же притягивающая меня заботливая нежность. Мне стыдно собственных подозрений — ведь в один прекрасный день все мои сомнения будут развеяны. Возможно, это произошло бы прямо сейчас, если бы, смотря ей в глаза, я наконец смог обо всем расспросить ее, но, будучи перед ней, я всегда опускаю глаза. Мне остается

лишь считать ставшие бесконечными дни, приближающие меня к могиле. Странная болезнь, которая, похоже, удаляется от меня в минуты отчаяния и внезапно возвращается именно тогда, когда я думаю, что кризис миновал! В конце концов я решил, что это у меня на нервной почве. Я становлюсь похожим на старика, страдающего тиками, маниями, злобой и сожалениями. Бедная Элен!

Уезжая, она прямо-таки засыпала меня наставлениями. В ответ мне оставалось лишь послушно кивать головой: да, я не буду нервничать, да, я выпью овощной бульон, да... да... А в голове у меня была лишь одна мысль: скорее бы она уехала. От нетерпения у меня выступил на лбу пот. Вот она уже идет по лестнице, спустилась в вестибюль, вышла в сад... Я с облегчением откидываюсь на подушки: наконец-то! Теперь уже мне некуда торопиться. Медленно переступая со ступеньки на ступеньку, оказавшись наконец внизу, я чувствую легкое головокружение. Это не страшно, пройдет. Я шел, будто переходил вброд реку, цепляясь за мебель; в ушах у меня стояли перестук колес и шум реки. Подвинув стул к секретеру и сев на него, я вытер со лба пот. Внезапно я почувствовал такую усталость, что мое любопытство переросло в мрачное желание упорно идти до конца в этой еще неизвестно куда ведущей меня авантюре. И что я раскрою — уже не имеет никакого значения!

Выдвинув ящики и нащупав углубление, я убедился, что бумаги лежат на прежнем месте. Вынув их и развязав ослабший узел, я открыл первый конверт. О, боже!..

«Частное сыскное агентство «Брулар» 17 ноября 1939 г.

Тайна расследований гарантируется.

Секретно.

Мадам,

данным письмом имеем честь сообщить вам результаты расследования, которое мы провели по вашему запросу, касательно месье Бернара Прадалье, проживающего в Сен-Флур, департамент Канталь и в настоящее время демобилизованного.

Интересующий вас человек родился 22 октября 1913 г. С начала своего совершеннолетия он вступил во владения лесопильным заводом и предприятием по рубке и заготовке леса. Несмотря на незначительные производственные трудности, появившиеся в последние месяцы, дела его, похоже, процветают. Стоимость обоих предприятий по приблизительным оценкам до-

ходит до миллиона франков. Серьезный, трудолюбивый и порядочный человек, месье Бернар Прадалье пользуется прекрасной репутацией во всей округе. Никаких сердечных привязанностей за ним не замечено.

Что же касается семьи месье Прадалье, то она состоит из двух человек: старшей на четыре года его сестры Жулии-Альбертины, с которой, судя по полученным данным, месье Прадалье порвал всякие родственные отношения, и его дяди по материнской линии — Шарля Метера, проведшего большую часть своей жизни во Французской Западной Африке, где он и находится по настоящее время.

Мы готовы и впредь предоставлять вам информацию по интересующим вас вопросам.

Примите наши искренние заверения в глубочайшем уважении к вам».

Мои глаза возвратились к началу письма:

«Частное сыскное агентство «Брулар». 17 ноября 1939 г.

Тайна расследований гарантируется».

От волнения никак не могу извлечь из конверта второе письмо.

«Частное сыскное агентство «Брулар».

Тайна расследований гарантируется.

Секретно. 11 февраля 1940 г.

Мадам,

в ответ на ваше письмо от 20 ноября, мы рады сообщить вам информацию, которую нам удалось собрать о Шарле Роберте Метере, дяде месье Бернара Армана Прадалье по материнской линии.

Обосновавшись вот уже более 50 лет тому назад во Французской Западной Африке, интересующее вас лицо проживает в настоящее время в Абижане (Берег Слоновой Кости), являясь хозяином огромного лесного хозяйства (в основном посадки красных и обычных деревьев). Помимо этого, с 1936 г. он главный акционер и уполномоченный администратор акционерного общества, занимающегося дистилляцией масел для духов. В начале войны дела месье Метера были на редкость процветающими. Его личный счет, похоже, доходит, по приблизительным подсчетам, до 15—20 миллионов франков.

В течение двадцати лет месье Метер сожительствовал с некой мадам Муро, Луизой-Терезой, ныне

уже умершей вдовой администратора колонии. Из официального источника нам стало известно, что месье Метер, состояние здоровья, которого внушает серьезные опасения, своим единственным наследником сделал своего племянника Бернара Армана Прадалье.

Мы по-прежнему готовы оказывать вам наши услуги.

Примите наши искренние заверения в глубочайшем к вам уважении».

Какой же удар нанесет мне третье письмо?

«Частное сыскное агентство «Брулар».

Тайна расследований гарантируется.

Секретно. *6 марта 1941 г.*

Мадам ,

узнав о вашем желании получить дополнительные сведения о месье Шарле Роберте Метере, мы сообщаем вам, что последний скончался в Абижане 9 декабря 1940 г., в возрасте 73 лет.

Весьма сожалеем, что мы не смогли сообщить вам эту новость раньше, но вам, наверное, будет не трудно представить, до чего сейчас нелегко стало производить поиски на заморских территориях.

Еще раз подчеркиваем, мадам, наше глубочайшее к вам уважение».

Подумать только! Это письмо датируется шестым марта 1941 года! Я уже не испытываю ни страха, ни отвращения, ни ненависти. Я уже почти мертв. И тем не менее у себя под веками я ощущаю какое-то жжение, будто под ними скопились слезы. Тщательно вложив письма в конверты, я, несмотря на дрожь в руках, завязываю узел и вновь закрываю ящик. Теперь все, как и прежде, на своих местах, а я, покачиваясь, встаю, потому что передо мною будто блеснула молния, осветившая мне скрытую истину. Я стою, словно окаменелый, и пытаюсь рассуждать, убеждая себя в том, что я вовсе не ошибаюсь. Нет, не может быть никаких сомнений. Разве я уже не догадываюсь обо всем?..

Прошаркав по полу мягкими туфлями, я добрался до кухни, чтобы выпить стакан воды. Вернувшись оттуда, я остановился в нерешительности. Царящая вокруг тишина пугает меня. Никто больше не может помочь мне. Впрочем, теперь я уже нуждаюсь не в отпущении грехов, а во мщении. И я начну защищать себя не медля ни минуты. Но как? К кому мне обратиться? Я долго размышлял, отвергая приходившие мне в голову возражения. В конце концов

в левом ящике я обнаружил бумагу и конверты, но вот ни ручки, ни чернил мне так и не удалось найти. Впрочем, мне, пожалуй, хватит и карандаша. Оставаясь по-прежнему в нерешительности, я подумал, что мне нужны были бы все мои мыслительные запасы былых времен, чтобы сжать до крайности обдумываемый мною рассказ. И я начал:

«Месье Прокурор!..» *.

А может, мне следует обратиться не к нему? Да, но если я буду останавливаться на мелочах подобного рода, то, наверное, так никогда и не выполню своей задачи. А время меня поджимает...

«Пишет вам умирающий, через несколько дней меня уже не будет в живых, так как, без сомнения, моя жена медленно отравляла меня. Я хочу, чтобы вы знали всю правду. История моя проста: зовут меня Жервэ Ларош. Родился я 15 мая 1919 года в Париже. Если вы наведете обо мне справки, то без труда узнаете все интересующие вас детали. Добавлю лишь, что имя моей матери — мадам Монтано и что она была известной актрисой. Теперь я перейду к главному. В июне 1940 года я вместе со своим товарищем Бернаром Прадалье попал в немецкий плен. Нас переводили из одного концлагеря в другой. Бернар был владельцем лесопильного завода в Сен-Флуре. Если вы наведете о нем справки, то без труда узнаете, что из всех родственников у него осталась лишь сестра Жулия, между собой они были в ссоре и давно не виделись, а также старый дядя Шарль Метера, проживающий в Африке в Абижане. Этот дядя владел довольно солидным состоянием, а своим единственным наследником он объявил Бернара».

Тут мне пришлось прерваться — до такой степени я разволновался. Глотнув воды, я почувствовал, как опускается жидкость по моему горлу. Теперь я знаю, что облегчение продлится недолго, и, воспользовавшись им, я смогу продолжить письмо. Лишь бы успеть закончить его!

«...Итак, еще в самом начале войны, ответив на объявление в газете, мой друг Бернар вступил в переписку с мадемуазель Элен Мадинье, проживающей в Лионе на улице Буржела, и стал ее «крестником». У меня имеется доказательство, что Элен не случайно из всех полученных писем ответила именно на письмо Бернара — ведь, поместив объявление в газету, она, вероятно, получила не один ответ. Видимо, она знала, что делала. В ее секретере я

* В Вишистской Франции в то время сохранялся установленный коллаборационистами старый порядок судопроизводства для населения.

обнаружил три письма из частного сыскного агентства «Брулар», доказывающие, что вышеназванное агентство наводило справки о Бернаре Прадалье и подробно доложило своей клиентке о состоянии дел моего друга и о вероятности получения им огромного наследства...»

Написав это, я начал терять ниточку своей истории, не находя более нужных мне слов. Зачем я пишу это письмо? Сколько же у меня шансов, что оно дойдет до адресата? А впрочем, это не имеет значения! Я должен создать себе иллюзию действия — в противном случае мне остается лишь перерезать себе горло. А так, по крайней мере, я буду знать, ради чего я терплю все эти муки!

«...Почему Элен решила выйти замуж за Бернара (так как замужество прочно вошло в ее планы, как только она узнала о дяде-миллионере), она вам, наверное, расскажет сама, если вы запасетесь терпением и как следует допросите ее. Элен хитра, женщина она очень непростая. Ее отец, овдовев, вторично женился на женщине, впоследствии разорившей его. Попробуйте отработать эту версию; возможно, именно здесь и заложена психическая мотивация поступков Элен...

Но вернемся к Бернару. В начале года он решил бежать из лагеря, взяв с собой и меня. Он намеревался укрыться в Лионе у своей «крестной». О нем самом, его жизни и планах я знал абсолютно все. Прошу вас, месье прокурор, обратить особое внимание на эту деталь.

Побег нам удался, но вот одной кромешной ночью, мы, наконец, прибыли в Лион в вагоне товарного состава. Произошло все это в конце февраля — точной даты я не припомню. Очутившись на вокзале Ла Гийотер, мы заблудились, и Бернара сбил маневровый локомотив...»

Карандаш выпал у меня из рук... К чему мне опять переживать все эти события? Ведь я же отвратительно лгу, обвиняя во всем лишь одну Элен. Разве на мне не лежит в равной степени та же вина, что и на ней? Разве мне не нужно рассказать кое-что о своем прошлом? И будь я мужчиной — разве бы я не согласился умереть, как подобает мужчине, без проявления всякого там возмущения?

Сложив листок вчетверо, я попытался найти место, куда бы его можно было спрятать. Пожалуй, лучше всего будет, если я спрячу его в пианино, которое Элен уже никогда не раскроет! Позже я непременно продолжу это письмо, а впрочем — не знаю...

Неуверенный и глубоко несчастный, не в силах смириться со всем, что узнал, я брожу по комнатам первого

этажа. Вскоре мне приходится сесть. Я так слаб, что свежий воздух сада и дороги наверняка вызовет у меня обморок. К тому же нет никакого сомнения в том, что калитку она закрыла на ключ. Что ж, мне пора возвращаться в кровать, а то у Элен могут возникнуть подозрения.

Лестница отнимает у меня остатки моих последних сил, и я в изнеможении валюсь на кровать. Нет, я ни за что не принесу себя в жертву!..

...Она вернулась улыбающаяся и, подойдя к кровати, поцеловала меня.

— Ты был паинькой? Ну-ка угадай, что я тебе привезла? Вот смотри: лепешки!

— Спасибо... но я что-то не хочу есть...

— Да в них же нет ничего, что могло бы повредить тебе: молоко, яйца, мука.

Мне лучше помолчать. Сжав зубы, я стараюсь не закричать от охватывающей меня ярости: молоко, яйца, мука — а еще что?!

С ужасающим спокойствием и нежностью она показывает мне свои покупки. Приоткрыв глаза, я наблюдаю за ней. Ну уж теперь я буду зорко следить за пищей! Хотя нет... Ведь я не смогу пойти за ней на кухню и посмотреть, что она там стряпает и что отмеряет. Вот она уже готовит маленький на колесиках столик и уносит поднос. Я останавливаю ее за руку и говорю:

— Прошу тебя, не уходи. Сегодня утром мне вовсе не хочется есть.

— Но послушай, дорогой мой, сделай над собой еще одно усилие — тебе же необходимо хоть как-то поддерживать себя.

Осторожно высвободившись из моих рук, она удаляется, и до меня доносится лишь звук открывающихся дверок кухонного шкафчика. Она ставит еду на плиту, звеня кастрюлями, и колдует над моей маленькой смертью... Ничего, это я тоже объясню со всеми подробностями! Да, да, я все же закончу это письмо!

Вернувшись, она усаживает меня, подложив под спину подушки и поставив мне на колени поднос с пищей.

— Суп несколько горяч, и я особенно не солила его — не знаю, понравится ли он тебе. Ну, давай, дорогой, выпей... доставь мне удовольствие.

Осторожно сев на краешек кровати, она набирает ложку супа, и так хорошо мне известная смертельная сладость вновь сковывает меня. Открыв рот и проглотив ложку супа, я не ощущаю никакого подозрительного привкуса, и тем

не менее я задерживаю жидкость у себя на языке, прежде чем решаюсь проглотить ее. Но затем все же решительно проглатываю. Я должен расплачиваться. Это расплата за тех, кому я позволил умереть...

— Вкусно, правда? — спрашивает Элен.

— Да, неплохо.

После бульона следует лапша.

— Она горькая, — противлюсь я.

— Бог знает, из чего они ее делают, — не моргнув отвечает Элен.

Затем я съедаю еще кусочек лепешки и все пью, пью. Меня постоянно мучает жажда.

— Вот твои пилюли, Бернар.

— Давай уж, если ты так хочешь...

— Как это?! Если я хочу?!

— Мне они ни к чему...

— Что ты такое говоришь?! Они ведь приносят тебе облегчение! Ты ведь совсем плохо выглядишь, Бернар!

И обняв меня за шею, она прижимается своей щекой к моим волосам, и мы долго и молча так сидим. Даже зная, что она медленно отравляет меня, я вовсе не испытываю к ней никакого отвращения и даже не боюсь ее. Просто для нее я такое же препятствие, каковым для меня была Жулия. Теперь я даже не иду в счет: она ведь меня не убивает, а просто убирает с дороги. И я даже уверен, что ей меня жаль. У меня начинается сильная икота, и последующие четверть часа я бьюсь в приступе боли. Элен держит меня за руки, а я стараюсь уцепиться за нее. Затем спазмы постепенно ослабевают, и я погружаюсь в дремоту, а открыв глаза, вновь вижу ее с уже готовой для меня молочной пищей. Самое большое через три часа начнется обед, и она опять заставит меня есть. Никто и нигде сейчас не думает обо мне: я нахожусь в полной власти этой женщины-привидения. О, боже!

Вот хлопнула садовая калитка. Быстрее! В моем распоряжении не более получаса. Сегодня я чувствую себя слабее, чем вчера, а завтра, вероятно, еще больше ослабну. Осторожно спустившись вниз, я убеждаюсь, что мое письмо лежит нетронутым на прежнем месте. Чтобы выиграть время, я усаживаюсь в гостиной прямо за круглым столом и, перечитав написанное, впадаю в глубокое уныние. Кто мне поверит? Наверняка скажут, что это написал какой-то маньяк! Но... другого выхода у меня нет!

«...Итак, я пришел домой к Элен Мадинье, и она приняла меня за Бернара, а у меня не хватило сил начать

переубеждать ее, потому что я предельно устал. Клянусь вам, месье прокурор: я говорю вам чистейшую правду! Когда чувствуешь приближение смерти, то ты уже не в силах лгать... У Элен была сестра, а точнее — сестрами они были только по отцу. Звали ее Аньес. По целому ряду причин, указывать которые у меня сейчас просто нет времени, сестры питали друг к другу взаимную неприязнь, а кроме того — сильно завидовали одна другой; из-за этого Аньес удалось перехватить и спрятать от сестры одно письмо Бернара с его фотографиями, которые он выслал своей «крестной». Итак, с самого первого дня моего приезда, Аньес знала, что я не Бернар, и потому решила любыми средствами помешать Элен выйти за меня замуж. Вот с чего, месье прокурор, и началась эта драма...»

Мое запястье и плечо начала сводить судорога, и строки под карандашом запрыгали. Чтобы прогнать холод, забиравшийся в мои кости, я принялся растирать себя. Мне захотелось рассказать еще и о Жулии, однако ж этот эпизод не относился к области правосудия, а мне все-таки нужно было поторапливаться.

«Так вот. В один прекрасный день мы с Аньес сильно повздорили (должен признаться, что она была моей любовницей). Все это очень сложно объяснить. Я вовсе не намерен отрицать свою вину, месье прокурор, — ведь во всем этом есть доля и моей вины. Короче, я в бешенстве выбежал из дому, чтобы поостыть и слегка прогуляться на свежем воздухе, а когда вернулся, то нашел Аньес мертвой, а точнее —отравленной. Ее смерть была похожа на самоубийство. И действительно: Элен сразу же после обеда вышла из дому за покупками, а вернулась уже после того, как я обнаружил, что Аньес мертва. Расследование же велось чисто формально. Всем было известно, что Аньес — человек крайне неуравновешенный. К тому же она уже пыталась покончить жизнь самоубийством за несколько лет до того. Но вам, месье прокурор, видимо, будет необходимо произвести это расследование еще раз, потому что я со всей ответственностью обвиняю Элен в преднамеренном убийстве ее сестры».

Услышав доносящиеся с садовой дорожки шаги, я быстро сунул листок под крышку рояля, однако наверх подняться так и не успел.

— Что ты здесь делаешь, Бернар?

Если бы во мне была еще кровь, то я, вероятно, покраснел бы.

— Мне захотелось пить, — выдавил я из себя.

— Но там наверху у тебя стоит целый графин свежей воды!

— Мне захотелось испробовать свои силы...

— Свои силы!.. Свои силы!.. Ты ведь едва держишься на ногах!

В ее голосе проскользнуло раздражение, и твердой рукой она подтолкнула меня к лестнице. А я чувствовал себя, неизвестно почему, виноватым.

— Не сердись, Элен.

— Я не сержусь, но ты ведешь себя как ребенок, мой дорогой Бернар.

С огромной радостью я вновь ложусь в кровать, а Элен уже вскоре начинает улыбаться. День, как и все предыдущие дни, медленно близится к концу. Вечером у меня начинается рвота, после которой я, опустошенный, лежу неподвижно в полусознательном состоянии.

— Ну все, хватит, — шепчет Элен, — теперь-то я уже никуда не выйду. Попрошу продукты приносить на дом.

— Это пустяки, — отвечаю я. — Просто очередной небольшой приступ — вот и все... Не беспокойся.

Весь следующий день она неотступно просидела подле меня, а я так и не посмел посоветовать ей идти заниматься своими делами. После обеда я притворился спящим, а она, сидя возле меня, вязала, время от времени прикасаясь к моим рукам. Догадывается ли она, что я хочу перехитрить ее?

Шумно дыша, я начинаю бормотать какие-то неясные гортанные обрывки слов. В своей жизни я частенько дурачил женщин таким образом — тех, которые внимательно следили за моим сном. И вот звон спиц смолкает, затем доносится поскрипывание паркета, и мгновение спустя я уже слышу, как скрипят петли калитки.

В одной пижаме я поднимаюсь, но чувствую, что уже настолько ослаб, что у меня хватит сил лишь на то, чтобы осторожно переступить со ступеньки на ступеньку.

Фразы уже созрели в моей голове: пока она вязала, я четко упорядочил их. А ей и в голову прийти не могло, что занимаемся мы, по сути, одним и тем же делом...

«...И вот теперь я совершенно уверен, что в мое отсутствие Элен возвращалась домой. Перед этим мне на глаза попалась одна из фотографий Бернара, послужившая, кстати говоря, причиной нашей ссоры с Аньес. Так вот: когда я уходил из дому после ссоры с Аньес, фотография эта оставалась на столе в ее комнате, но когда я вернулся — ее уже не было... Я был совершенно уверен, что Аньес

сожгла, уничтожила ее. Но оказалось, что это далеко не так: фотография эта попала в руки к Элен — моей будущей жене. Об этом мне стало известно совсем недавно, когда я случайно обнаружил эту фотографию в бумагах Элен. Из этого следует, что Элен вернулась домой именно во время моего отсутствия, а Аньес, по-видимому, рассказала ей, кто я есть на самом деле, и в качестве доказательства показала ей фотографию настоящего Бернара. А не догадывалась ли Элен и сама, еще раньше, об этой истине? Так ли уж легко она поверила моей лжи?.. Мне это пока не известно, равно как и то, каким же все-таки образом ей удалось подсыпать сестре в чай яду. Но что не подлежит никаким сомнениям, так это то, что она была просто вынуждена убрать Аньес с дороги, чтобы получить беспрепятственную возможность выйти за меня замуж — за меня, то есть, за лже-Бернара, за наследника богатого дядюшки Шарля. Теперь же, став моей женой, она вынуждена устранить и меня. Цель проста — стать вдовой Бернара Прадалье. Вы понимаете, месье прокурор? Ведь вдова Прадалье может безо всякой опаски для себя потребовать на законных основаниях выдачи ей наследства дяди Шарля. Ведь с юридической точки зрения — все в порядке: Элен автоматически становится наследницей. А вот пока я жив, она подвергается слишком большому риску — ведь меня в любой момент могут не опознать и разоблачить (кстати говоря, это уже чуть-чуть не произошло: меня едва не разоблачила Жулия Прадалье — родная сестра Бернара, которую божественное провидение вовремя убрало с моего и Элен пути. Об этом вы можете тоже узнать в ходе расследования). А если умру я, то вместе со мной умрет и тайна, что я несколько месяцев вынужден был называть себя Бернаром Прадалье. Вот эта небольшая уловка принесла Элен несколько десятков миллионов».

... Я весь пылаю в огне. Еще немного, и у меня начнут стучать зубы. Но я уже почти закончил. Так, осталось еще одно, последнее усилие.

«...Вот в чем скрыта истина, месье прокурор. Стоит вам лишь поискать хорошенько в секретере моей жены, и вы обнаружите в нем письма частного сыскного агентства «Брулар», касающиеся Бернара и его финансового положения. Вместе с той фотографией, которую Аньес предъявила сестре, эти письма спрятаны в углублении за выдвижным ящичком. Но будет лучше, если вы произведете эксгумацию и вскрытие моего трупа — тогда вы сразу получите доказательства правдивости моих слов. И последнее: я бы

хотел, чтобы правосудие отнеслось к Элен снисходительно. На этот шаг ее толкнул исключительный страх перед нищетой. При иных обстоятельствах она бы не осмелилась пойти на это. Но что стоит человеческая жизнь в наше военное время? И в частности моя? Я вовсе не хочу сказать, что Элен поступила правильно, медленно отравляя меня, но вместе с тем она не так уж и виновата во всем этом. Поэтому я хочу, чтобы она все-таки знала, что ей не удалось одурачить меня. Это мое единственное желание.

Примите, месье прокурор, мои искренние заверения в глубочайшем к вам почтении.

Жервэ Ларош.
«Ли Марон'е».
Сент-Фуа, департамент Рона».

Я так и не решаюсь войти в кабинет, открыть секретер и поискать конверт. Адрес я напишу завтра. Ведь до утра я еще потяну!

Положив письмо на место, я начинаю взбираться вверх по головокружительно крутой лестнице. Когда Элен открывает дверь и заходит в спальню, я начинаю зевать, делая вид, будто я только что проснулся.

— Ну что? Тебе хорошо спалось? — ласково спрашивает она.

— Очень даже хорошо... Ты где была?

— Внизу.

Бедняжка! Она так безыскусно лжет! Но я первым начинаю улыбаться и поглаживать ее по руке. Сейчас страх отступил. Он вернется позже, за обедом.

— Ты хочешь кушать? — спрашивает она.

— Нет.

— Я приготовлю тебе картофельное пюре.

Похоже, это ее «любимое» блюдо. Может быть, именно в него она и подсыпает...

— Так ты поешь?

— Попытаюсь.

И я действительно пытаюсь есть. От этого виски у меня покрываются потом, и я тут же отказываюсь от своих усилий.

— Ну что же ты? — говорит она. — Ведь это пюре просто восхитительно!

И она начинает его есть прямо у меня на глазах. Значит, не оно... Что же тогда?.. Вода? Компот? Настойка? Она смотрит на меня своими серыми, несколько затуманенными глазами, и мне кажется, что я нахожу в них какой-то

невероятный проблеск сострадания. Мы уже начинаем обсуждать меню ужина.

— Мне все равно, — говорю я, — я уже не в силах больше бороться.

Ночь проходит в мучениях: меня донимают колики, и мой рот наполняется горькой слюной, куда более горькой, чем желчь. Затем наступает мрачное, туманное утро, но я едва вижу его. Я лежу на кровати, словно побег дикой виноградной лозы, который потрескался и скрутился на камне здания.

— Я пойду схожу за врачом, — предлагает она.

И не желая ничего говорить, в ответ я лишь качаю головой.

Подождав немного, я предпринимаю свою, наверное, уже последнюю вылазку. Ох, эта чертова лестница! До чего же она крута! И совершенно нескончаема! Но мне любой ценой необходимо дойти до секретера. Стены шатаются, комната наполняется шумом, издаваемым моими легкими. Найдя, наконец, конверт, я пишу:

«Месье Прокурору Республики.

Дворец правосудия.

Лион».

Мой язык до того высох, что я уже не в силах смочить кончики конверта, чтобы заклеить его; для этого мне приходится опустить палец в вазу с тремя хризантемами. С письмом в руке я иду на кухню и вижу через окно старика, распиливающего бревна.

Он не замечает меня. Его пила оставляет после себя две белые кучки опилок, и эта картина внезапно начинает волновать меня. Но даже такие относительно легкие эмоции вызывают у меня чувство удушья. Стоя у окна, я наблюдаю за пилой, за покрытым мхом бревном и за его свежеотпиленным торцом.

Боже мой! Как все-таки я люблю жизнь!

Старик очень ловко орудует своей пилой, она послушно поет и ходит взад-вперед. Я прислоняюсь лбом к стеклу. Не отступать же мне теперь!

Ствол падает, распадаясь на два обрубка, на каждом из которых еще видны следы улиток. Старик выпрямляется и вытирает лоб. Приоткрыв окно, я жестом подзываю его к себе... Он послушно подходит, и я протягиваю ему письмо.

— Пожалуйста, — говорю я ему, — опустите это в почтовый ящик. Только не забудьте, хорошо?

— А мадам?

— Пожалуйста, не говорите ей ничего и не думайте о ней.

— Но здесь нет марки...

— Ничего страшного, опустите его так, как оно есть, — без марки.

— Хорошо, — говорит он не слишком уверенно.

— Спрячьте его в куртку, прямо сейчас...

— Хорошо.

Закрыв окно, я уже ни о чем больше не думаю...

Вскоре возвращается Элен.

— Врача сегодня нет дома, Бернар. Я так расстроилась... Придется подождать до завтра...

Она лжет. Она уже бесповоротно решила покончить со мной сегодня; врач завтра, конечно же, придет, но я уже буду мертв... Он лишь покачает головой, потрогает мои руки и без колебаний выдаст справку о смерти и разрешение на погребение. А тем временем мое письмо уже дойдет по назначению. Поэтому сейчас я абсолютно спокоен.

Элен берет чашку с настойкой, и, поддерживая мое тело, приподнимает меня; моя щека ложится ей на грудь.

— Выпей, дорогой.

Ее голос еще никогда не звучал так нежно. Помешав ложечкой настойку, она подносит чашку к моим губам. Жесты ее полны самой изысканной нежности и дружелюбия. Я покорно пью. Вытерев мне губы, она с трогательным состраданием помогает мне лечь вновь и склоняется надо мной. Ее пальцы скользят по моему лбу и слегка надавливают мне на веки. Я закрываю глаза...

— Отдыхай, мой дорогой Бернар, — шепчет она.

— Хорошо, —отвечаю я, — я посплю... Спасибо, Элен.

В ЗАКОЛДОВАННОМ ЛЕСУ

ПОВЕСТЬ

Замок Мюзияк, 7 ноября 1818 года

«Это мое завещание, через несколько дней я поставлю точку в моей печальной судьбе и меня больше не станет. Эти строки я пишу в здравом рассудке, и, клянусь честью, что события, которые я вознамерился пересказать и свидетелем которых невольно стал, происходили именно нижеизложенным образом. Если бы их можно было хоть как-то истолковать рассудком, то я бы не был доведен до такой, увы, печальной крайности. Да простит меня Всевышний, вняв тому, что я по крайней мере не предал своей клятвы и возвратил моим предкам, графам де Мюзияк, их родовое имение, из которого они были несправедливо изгнаны, и где я нашел свою могилу. Посему тем, кто познакомится с этими зловещими записками, — моим дальним родственникам, судейским и, кто знает, быть может, эрудитам грядущего столетия — я все же должен дать несколько предварительных разъяснений.

Я, Пьер Орельен де Мюзияк дю Кийи, являюсь последним потомком по прямой линии графов де Мюзияк, ведущих свою родословную, хотя это и не точно, еще со времен до начала религиозных войн. Наш родовой замок Мюзияк был выстроен моим предком, благородным Орельеном дю Кийи, в благословенный 1632 год. Стоит мне только окинуть взглядом стены моего кабинета, в котором я нахожусь в данный момент, и я вижу всех, кто в свое время обитал в нашем родовом гнезде. Вот Пьер де Мюзияк — друг маршала де Тюренна, а вот Эдуард и Пьер — совет-

ники в парламенте Бретани, и наконец, Жак Орельен — мой несчастный отец, лейтенант полка Королевы, гильотинированный в 1793 году — ровно двадцать пять лет тому назад. Моей бедной матери все же удалось вместе со мной бежать в Англию, где я и воспитывался неподалеку от белых скал Дувра. Иногда она брала меня за руку и вела через ланды * к крайней точке какого-нибудь мыса и там, указывая пальцем в сторону нашей страны, похожей на нависающее над волнами облачко, страстно взывала ко мне: «Обещайте мне вернуться туда, вырвать замок из рук самозванцев и предать погребению останки графа — вашего отца — в склепе часовни, рядом с останками его предков... Ради меня!..»

Моя бедная мать поднимала к небу глаза, полные слез, уже не в силах закончить фразу. Мы оба возвращались взволнованными до глубины души, и моя решимость внять ее призывам с каждым днем все возрастала. Да, я уеду во Францию сразу же по достижении возраста, в котором смогу отстаивать свои права. Между тем я изо всех сил старался закалить свой дух, читая, затаив дыхание, возвышенные произведения своего соотечественника — графа Шатобриана; его «Ренэ» стал моей духовной книгой. Увы! Не был ли я, подобно Ренэ, обречен, будучи существом особым, на те же ужасные испытания и трагическую любовь? Впрочем, пока еще рано рассказывать о Клер...

Итак, я рос одиноким и диким на берегу океана, через который иногда докатывались грохот битв и звон набата, возвещавшие всей Европе о приближении Узурпатора. Иногда нас навещали эмиссары с потерянной нами родины. Они заезжали к нам в промежутке между своими разъездами: то вандеец, приехавший просить о субсидиях, то бретонец, уклоняющийся от воинской повинности. При свете свечи, за скромным ужином, они рассказывали новости о нашем замке. Со времен нашего изгнания замок Мюзияк уже дважды сменил хозяев, и оба раза его новых владельцев постигла трагическая и страшная участь. Что касается первого — члена Конвента, от он покончил с собой; второй же — скупщик национальных ценностей — просто сошел с ума. Крестьяне видели в этом карающую руку Господа, да и мы сами были склонны думать именно так — ведь все знали, что эти безбожники сровняли нашу часовню с землей. «Это месть наших предков», — утверждала моя

* Ланды — песчаные или болотистые пустоши, поросшие вереском. — Здесь и далее примечания переводчика.

мать, которая с каким-то неистовым увлечением зачитывалась тогда книгами Левиса **, Матюрэна *** и Байрона. И вот эта столь набожная женщина взывала к бретонским святым — Ронану, Жальдасу, Корантену и Тюгдваллу **** с такой страстью, что ее молитвы походили скорее на проклятия.

Незадолго до падения Бонапарта и его краха в 1815 году моя бедная мать заболела. В ее переполненном воспоминаниями, сожалениями и химерами мозгу что-то, должно быть, надломилось, так как она утратила способность ходить и временами бредила. Реставрация Бурбонов дала мне возможность вернуться во Францию, однако я не мог бросить мою бедную мать, которой дорожил больше жизни, а о том, чтобы взять ее с собой, не могло быть и речи. Смирившись, я решил ждать ее кончины, пребывая в состоянии такой глубокой печали, что даже не в силах описать ее. Доходившие из Мюзияка новости умножали мою печаль: некий Луи Эрбо — свежеиспеченный имперский барон — откупил наш замок. Поговаривали, что он несметно богат. Так как же мне, с моими скромными средствами, удастся убедить этого выскочку возвратить землю славных предков? Разумеется, я мог бы заполучить часть пресловутого эмигрантского миллиарда, так сильно занимавшего газеты того времени. Но для этого мне пришлось бы интриговать при дворе, а ведь в ту пору я находился на чужбине, прикованный к постели умирающей матери. О Всевышний, как я вслед за матерью стал докучать тебе своими мольбами! Как я просил тебя либо излечить мою родительницу, либо же дать нам возможность обоим умереть друг подле друга! Как я заклинал тебя в моменты помутнения рассудка уничтожить эту проклятую семью Эрбо, которая вследствие какого-то странного психического расстройства моего переутомленного разума превращалась в образ торжествующего беззакония. Тогда я еще не знал, о Всемогущий Боже, что ты удовлетворишь мою просьбу так жутко и непредвиденно для меня самого.

Незаметно и тихо год назад моя мать угасла. Испуская свой последний вздох, она сжала мою руку в своей и голосом, который я никогда не забуду, прошептала:

— Поклянись!

** Мэтью Левис (1775—1818), английский писатель.

*** Шарль Робер Матюрэн (1782—1824) — ирландский романист и драматург.

**** Исторические личности, жившие в V—VI веках и распространявшие христианство.

И я поклялся посвятить себя изгнанию нуворишей Эрбо из колыбели нашего рода. Затем, преисполненный отчаяния, одним прекрасным утром я сел на шхуну, направлявшуюся в Кале. Не стану описывать охватившее меня волнение на одной земле, замечу лишь, что мое лицо красноречиво свидетельствовало об этом. По крайней мере в первые дни своего путешествия я служил объектом весьма пристального внимания и деликатного отношения со стороны хозяев гостиниц, начальников почт, равно как и всех прочих людей — ремесленников, студентов или же разряженных мещаночек, с которыми обычно теснишься в дилижансах. Несмотря на свою печаль, увидев Париж, я пришел в неподдельный восторг. Моя бедная матушка в своих рассказах часто описывала красоты столицы и меланхолическое изящество ее неба, однако она умолчала об очаровании этого города, упорядоченного каким-то художником-геометром, о его огромных садах и широких оживленных улицах с магазинами, витрины которых ломились от самых разнообразных и самых дорогих товаров. Она умолчала о свободе этих улиц, разбегавшихся лучами во все части света, словно спицы колеса, от горделивого монумента, который должен был свидетельствовать о победах изгнанника острова Святой Елены, а своими недостроенными арками символизировал спасительное падение Узурпатора. Какие бы угрызения совести я ни испытывал, признаю, что эти немудренные соблазны утешили меня, и поскольку я начал с того, что ничего не скрывал, то мой хмурый облик смягчился от вида многочисленных миловидных мордашек. Представьте себе мальчика, воспитанного при бряцании оружия, привыкшего к трауру, слезам, спартанскому образу жизни, к культивированию горького чувства мщения и к торможению нежных порывов, заставляющих сердце подростка биться чаще, — и вы составите себе точное представление о мужчине, коим я и был: наивным и полным огня, отчаявшимся и вместе с тем жаждущим утешения. Так, что улыбки, обращенные ко мне благодаря моей приятной наружности, воспринимались словно жесткие укусы, боль от которых еще долго не проходит. «Неужели, — думал я, — у меня не хватит мужества не дать себя отвлечь от выполнения моей миссии какой-нибудь лживой прелестнице!»

Вот почему я решил ускорить свой отъезд и заранее оплатил место в дилижансе, который менее чем за неделю должен был довезти меня до Ренна, а оттуда до Мюзияка два дня езды.

Вскоре мы уже пересекли первые ланды и сосновые леса; наконец-то я вдыхал воздух Бретани. Я слушал жужжание пчел родного края, и высокопарные слова Ренэ зажигали в моем сердце огонь.

Казалось, голос с небес предрекал мне: «Человек, пора твоего возвращения еще не наступила; подожди, когда поднимется ветер смерти, тогда ты полетишь к этим не изведанным тобою местам, к которым так тянется твое сердце».

Откуда мне было знать, что ветер смерти очень скоро подует мне в лицо?..

Наш дилижанс под звон бубенцов и щелканье кнута прибыл в Мюзияк в начале второй половины дня. Слуга вынес мой багаж, и несколько мгновений спустя я уже устроился под вымышленным именем в лучшей комнате постоялого двора. Из своего окна я увидел ярмарочную площадь: несколько старых домов с величественными подъездами, горстку низеньких домиков и густую зелень какого-то парка, закрывавшего вдали линию горизонта. Я хорошо помнил, что этот парк примыкал к замку. Значит, старинная обитель Мюзияков находилась где-то здесь, на расстоянии нескольких ружейных выстрелов. Я даже почувствовал легкое недомогание от охвативших меня радости, опасения, горечи и надежды. Мне захотелось закричать, и, сраженный силой своих чувств, я упал на кровать. Однако через мгновение я был уже на ногах, так мне хотелось побыстрее пройтись по поселку, где, будучи еще ребенком, я часто гулял со своей матерью. Сняв с вешалки непритязательный редингот и надев его, я обулся в туфли с пряжками, а затем взглянув в висящее над камином зеркало, убедился, что могу выйти, что и не замедлил сделать.

Ориентировался я без особых трудностей и сразу же направил свои стопы к верхней части поселка, так как намеревался посетить нотариуса. Жив ли еще метр Керек? Если да, то он наверняка не откажет мне в помощи. Поскольку было очень жарко — не помню, говорил ли я вам, что дело было в августе, — я решил зайти в церковь. Остановившись на какой-то момент в тени колонны, я посмотрел на баптистерий, где мой крестный отец — граф де Савез — держал меня над купелью. Он тоже исчез в этом революционном водовороте, так же как моя тетка — Аньес де Лезей и ее две дочери — Франсуаза и Аделаида. И вот я — последний отпрыск этой могучей ветви, срубленной топором в самом расцвете... При этой мысли отчаяние камнем ле-

гло мне на плечи, поэтому, когда я стучался к нотариусу, настроение мое было мрачным. Оно стало еще более мрачным, когда я узнал, что метр Керек умер, а его контора принадлежит теперь некоему метру Меньяну, имя которого я услышал впервые. Когда меня ввели в его комнату, я отметил, что вид он имел компанейский и приветливый. Очки придавали его взгляду какой-то оттенок молодости, удивления, внушавший доверие. Я сразу же почувствовал, что смогу довериться ему и рассказать о своей жизни. Тут он весьма любезно поинтересовался, кто я такой.

— Пьер Орельен де Мюзияк! — не колеблясь, ответил я.

Лицо этого добряка стало пунцовым, и он принялся мять свои маленькие грациозные руки.

— Господин граф, — очень трогательно пробормотал он. — Господин граф... Возможно ли это!..

Будучи крайне удивленным, он подошел ко мне, и мы долгое время стояли молча, испытывая сильное волнение. Наконец он взял себя в руки и предложил мне подробно рассказать историю своей жизни.

— Боже мой!.. Боже мой!.. — то и дело повторял он в то время, как я описывал ему плачевную картину нашего существования в Англии. Потом, сняв очки, он стал рассматривать меня своими близорукими глазами, в которых читалась беспредельная доброта. Когда же я окончил свой рассказ, он горячо сжал мои руки.

— Господин граф, — воскликнул он, — еще никогда в жизни я не слышал столь волнующего рассказа, и вы видите, насколько я потрясен услышанным! Я весь к вашим услугам — располагайте мною по своему усмотрению.

— Прежде всего, — сказал я, — мне бы хотелось оставаться инкогнито — по крайней мере до моего очередного указания. Малейшего намека будет достаточно для того, чтобы зародить у барона подозрения и обречь мои планы на провал. И еще бы мне хотелось, чтобы вы поговорили с ним и выяснили его намерения.

— Увы, — вздохнул нотариус. — Увы, господин граф.

— Что это значит?

— Да то, что барон Эрбо не болтливого десятка, и признаюсь, я никогда не видел его.

— Как же так? Даже в день составления купчей?

— Контракт составлял не я, а мой предшественник — метр Керек, это произошло буквально за несколько дней до его кончины. Господь принял его бедную душу!

— Но неужели с тех пор?..

— С тех пор я часто видел ландо барона в поселке и даже беседовал с Антуаном — его слугой, но вот поговорить с его хозяином случая не выпадало.

— Как?! Вас ни разу не пригласили в замок?

— Ни разу. Эрбо не принимает у себя никого.

— Отчего же?

— Оттого, что они знают, господин граф, что этот замок принадлежит не им. Между нами говоря, они купили его за бесценок, но все же в Мюзияке они чувствуют себя чужаками. Появись они в поселке, с ними бы никто даже и не поздоровался. А к их кучеру Антуану здесь тоже относятся с недоверием. Наши люди не любят его и всякий раз дают ему понять это.

— Но...

— Да нет же, господин граф! Здесь дело ясное. Все вас только и ждут, как мессию, да и сам барон уже долгие годы живет в страхе, опасаясь вашего возвращения. Стоит вам только появиться, как он сразу же уберется отсюда.

— Спасибо, — пробормотал я, весьма смущенный простотой и откровенностью этого доброго малого. — Однако в мои намерения вовсе не входит выгонять этого господина. У него, вероятно, семья...

— Да, он женат, — подтвердил нотариус. — И у него есть дочка... похоже, прехорошенькая. Иногда, по вечерам, ее видят прогуливающейся в глубине парка.

— А сколько ей лет?

— Двадцать, и зовут ее Клер.

— Однако она не виновата в том, что отец нажил состояние на службе у Бонапарта.

— Разумеется, нет!.. И все же чувства, испытываемые нашими согражданами по отношению к ее семье, не являются тайной и, я полагаю, даже доставляют ей страдания. К ее изголовью уже неоднократно призывали врача. Рассказывают, что она несколько... странновата. Все это весьма печально.

— Быть может, это из-за нее, — предположил я, — Эрбо живут столь уединенно.

— Нет, господин граф. Они замкнулись потому, что прослышали о проявлениях враждебности, жертвами которой стали предыдущие владельцы замка. Его первый покупатель — некий Мерлен, — выйдя покрасоваться в поселок, вызвал своим появлением даже небольшой бунт. Его чуть было не забросали камнями, и ему пришлось окопаться за водяным рвом. А когда он выходил прогуляться в

парк; то на нижних ветвях дубов висели манекены с дощечками на шее и надписью: «Смерть члену Конвента!» Затем кто-то отравил его собак. И тогда, побежденный одиночеством и страхом, он повесился. Несколько месяцев спустя ему на смену появился некий Леон де Дерф, которому сразу же устроили настоящую травлю. Я не в силах перечислить все оскорбления, которым он подвергался. Дошло даже до того, что он вообще не высовывал носу из замка без своего ружья. Мало-помалу он начал худеть, одичал и в конце концов лишился рассудка. Пришлось его увезти в карете, и, когда она проезжала через поселок, было слышно, как он внутри воет и стучит кулаками. Затем многие годы замок стоял бесхозным. Эрбо купил его тогда, когда Бонапарт уже отрекся от престола. Возможно, он желал найти себе убежище вдали от Парижа, где власти начали преследования сторонников Императора. Наши люди оставили семью барона в покое, увидев, что новые хозяева замка ведут себя крайне скромно. Чтобы вы, господин граф, могли представить себе, как они ведут себя, скажу лишь, что когда им изредка случается проезжать через поселок, то занавеси кареты всегда тщательно задернуты, так что даже профиль сидящих внутри невозможно различить.

— Знаете ли вы, — воскликнул я, — какую вы вызвали во мне жалость по отношению к этим людям?! Я хочу немедленно написать им письмо и предложить выгодную сделку, ибо я вовсе не из тех людей, которые пользуются чьим-либо затруднительным положением, извлекая при этом для себя максимальную выгоду. Я, увы, уже не столь богат, но никто не посмеет сказать...

Нотариус возвел обе руки к небу, словно священник перед алтарем.

— Позвольте уведомить вас, что ваше состояние попрежнему значительно. Мой предшественник, метр Керек, весьма удачно поместил ценности покойного графа де Мюзияка. Я тоже, в свою очередь, сделал все от меня зависящее. Мы еще поговорим о ваших делах поподробнее, но знайте, что отныне и навеки, каковы бы ни были притязания барона, вы сможете выкупить замок!

— Хвала господу! — воскликнул я. — И да будете вы благословенны. Итак, я не хочу медлить...

Нотариус поклонился и, вызвав клерка, приказал принести мне бумагу и чернила. Он почел за честь самому заточить перо, при помощи которого я одним махом составил письмо, настолько любезное, что лучшего и желать

нельзя. Но у меня никак не выходила из головы несчастная девушка, ставшая, как и я, жертвой сумасшествия людей и ненастных времен. Предложенная мною сумма представляла собой несравненно большую, чем барон мог того ожидать. И все же в своем письме я дал понять, что в случае отказа мой гнев не уступит по величине моей щедрости. В то время, как я писал, метр Меньян отошел к амбразуре окна, откуда рассеянно наблюдал за рыночной площадью.

— А вот, кстати, и слуга барона, тот самый Антуан, о котором я вам только что говорил, — сказал он в то время, как я осушал чернила песком. — Он, вероятно, приехал за какими-нибудь покупками. Я полагаю, господин граф, что вам лучше было бы отдать письмо ему в руки.

Согласившись с метром, я предложил ему просмотреть написанные мною строки. Увидев предложенную сумму, он вздрогнул и закачал головой.

— Господин граф весьма щедр, однако позволю себе усомниться в том, что барона можно убедить подобными доводами!

— Ну что ж! Попытка не пытка.

Этот добрый малый проявлял величайшую любезность, он проводил меня и, показав на слугу барона Эрбо, распрощался со мной. Антуан покупал свечи и коноплю, однако я не стал задерживать свое внимание на его покупках, так как тут же узнал наше старое ландо, стоящее на площади, и мое сердце учащенно забилось. Улисс, в свое время вернувшись с Итаки, был встречен верным псом. Меня же встретил лишь этот древний, изъеденный годами экипаж, словно трогательный остаток нашего бывшего великолепия, — ведь даже кобыла уже давно околела. Подойдя к нему, я положил руку на деревянную дверцу, на которой уже полустерся наш герб: крест, окаймленный золотом, на небесно-голубом фоне. И вот здесь, перед этим экипажем, пахнущим кожей и пóтом, я вновь увидел графа, моего отца, причем с такой поразительной отчетливостью, что даже застонал от ужаса и отступил на несколько нестройных шагов.

«Будьте покойны, — подумал я в этот миг, — ваш сын решительно намерен сдержать свою клятву, так что ваши останки вернутся в ваше родовое имение». Но тут показался слуга, нагруженный множеством пакетов.

— Эй! — крикнул я. — Будьте любезны передать это господину барону Эрбо.

— От кого? — недоверчиво буркнул грубиян.

— От графа Мюзияка дю Кийи, — бросил я гневно.

Стоило только этому неотесанному мужлану услышать мое имя, как он тут же, поклонившись мне до земли и побросав кое-как свои покупки на сиденья, лихо взмахнул кнутом и погнал лошадей, понесшихся во весь опор и потрясших мою бедную карету так, что она чуть было не рассыпалась. Я не мог удержаться от улыбки. Значит, поручение будет выполнено молниеносно, и вскоре барон задрожит за своими башнями и галереями с навесными бойницами.

Мною овладело непреодолимое желание вновь увидеть обитель своих предков, и, выйдя за пределы поселка, я быстрым шагом направился к густой зелени, наполовину закрывшей стену парка. Еще несколько мгновений, и я уже шел вдоль ограды замка. Она, слава Богу, не пострадала от страшных событий, опустошивших всю местность. Тем не менее то там, то сям сраженные бурей деревья повредили своим падением верхнюю часть стены. Благодаря выкорчеванным корням и переплетенным ветвям я без труда забрался в парк. Лишенная постоянного ухода зелень разрослась настолько буйно, что ориентировался я не без труда. Выпутавшись из кустов и кустарников, обхвативших меня со всех сторон, я неожиданно узнал ведущую к пруду дорожку, и мною овладело нежное волнение. Я даже не стал сдерживать свои слезы. Мне хотелось броситься на землю, поцеловать ее, прижать к сердцу мои родные владения, которыми я дорожил больше, чем своей плотью. Наконец, перед моим восторженным взором открылась величественная картина мирных вод, простирающихся до самой стены замка, и у меня из горла сам собой вырвался возглас: «О Мюзияк, твой сын вернулся к тебе!» Пав на колени на тенистый берег пруда, я возоблагодарил небо за свое счастливое возвращение. Вечерний ветер нагибал тростник, развевал мои волосы, он был похож на дуновение надежды. Уверенный в своей победе, я обратил свой ясный взор к колыбели моих первых лет. Бросая вызов временам и ненастьям, замок все так же возвышался всеми своими горделивыми башнями, обвитыми густым плющом вплоть до самой крыши. Флюгеры, сделанные в виде вставших на дыбы драконов, рассекали поднимающийся из труб тонкий сизый дым, а заходящее солнце освещало фасад и окна замка. Неожиданно я заметил на нависающей над клумбой балюстраде изящный силуэт мечтательной девушки в белом, с букетом цветов в руках.

«Это она», — подумал я, бледнея.

Меланхолический вечер, легкий всплеск бьющейся о берега воды, сплетение всевозможных волнительных чувств делали эту непредвиденную встречу куда сладостней, чем первое свидание. Но эта прекрасная девушка была дочерью вторженца, а я — законный господин этих мест — вынужден был прятаться, словно какой-то бродяга. В конце концов, любопытство победило возмущение, и, укротив свою злость, я украдкой, прячась за заросли тростника, дошел до террасы, вокруг которой летали стрижи. Но меланхолическое дитя даже и не подозревало о моем приближении. Силуэт ее вырисовывался темным пятном на фоне пурпурного неба так, что я не мог разглядеть ее лица, а видел лишь руки, обрывающие розу, душистые лепестки которой, плавно кружась, долетали до меня. Из окон гостиной доносился томный звук спинета *, и на какое-то мгновение я почувствовал мимолетные угрызения совести. Ведь я же невольно разрушу царящий здесь мир и покой. Ведь из-за меня девушка, черты которой я мог лишь домыслить, зальется слезами! Нет, нет, дорогая мама! Я вовсе не забыл о ваших уроках, но я всегда терзался от их безжалостной строгости. В то время, как я мучился сомнениями, опьяненный этими горькими прелестями, послышался женский голос.

— Клер! — звал он ее. — Клер!..

Вздохнув, девушка исчезла из моего поля зрения. Я повторил про себя это имя, которое без всяких видимых причин стало мне казаться восхитительным. Клер! Уж ее-то по крайней мере мне хотелось бы уберечь...

Наступила ночь; по водной глади прошла рябь, в тростнике подали голос лягушки. Изворотливый, словно рептилия, я обошел террасу и бесшумно прошел вдоль хозяйственных построек, но внезапно остановился на углу конюшни. Боже! Исчезла. Часовня исчезла, точнее, она была здесь, в траве: ее тонкие колонны рухнули, арки развалились, и руины заросли чертополохом. Словно слепой, я сделал несколько шагов, вытянув вперед руки. Неописуемый ужас охватил меня. Но нет! От страшнейшего испытания я все же был избавлен: склеп остался нетронутым, алтарный камень с искалеченным крестом, на который пауки набросали паутины, заслонил собой вход.

Теперь жестокое упорство посельчан мне стало понятнее. Вместе с тем страх, сразивший Мерлена и де Дерфа,

---

* Спинет — старинный музыкальный инструмент, клавесин небольших размеров.

тоже стал объясним. Я ощущал одновременно гнев и ужас других — настолько скорбное величие святого места делало содеянное святотатство ощутимым. «О Боже, — прошептал я, — прости их и прости меня!» И я перекрестился, чтобы снять проклятие, нависшее над замком Мюзияков... Тогда я еще не знал, что оно обрушится и на меня, что мне вскоре предстоит пасть невинной жертвой для искупления преступления!

...Кто бы ты ни был, читатель, потерпи минутку, пока я отдохну на своем бесконечном пути. Позволь мне поразмыслить над тем торжественным моментом, когда я, стоя у развалин семейного храма, возобновлял свою клятву мщения. Моя судьба пошатнулась именно в ту минуту. Взвешенный на ее весах, я был отброшен в потемки. За что, Господи? За какой проступок ты наказал меня? Быть может, я неправильно действовал, предложив Эрбо слишком уж большую сумму для возмещения убытков? Быть может, мне следовало вообще оставить их в покое и очистить свое сердце от ненависти, заложенной моей матерью? И следовало ли заставлять Клер и меня расплачиваться за пролитую кровь?

Этого мне знать не дано. Меня окружает темнота, и в душе моей царят потемки. О, боги мщения, еще одно усилие! Помогите мне поднять этот столь тяжелый пистолет. Пусть и моя кровь прольется в свой черед! Тогда я смогу присоединиться к моей любимой и заснуть подле нее сном Тристана!..

...На постоялый двор я вернулся в изнеможении: мои руки и лицо были все исцарапаны, а сердце наполнено любовью и гневом.

Увы, я уже полюбил эту девушку, которую толком-то и не разглядел, поэтому и возненавидел эту любовь. Еще долгое время я стоял и смотрел на поднимавшуюся в небе луну, слушая лай собак.

Наконец, я лег спать и погрузился в полный кошмаров сон. И вместе с тем это была моя последняя спокойно проведенная ночь.

На следующий день я вновь увиделся с метром Меньяном и составил с ним контракт на случай, если барон все же уступит моему желанию. Мои финансовые дела оказались крайне запутанными, мне потребовалось приложить невероятные усилия, чтобы вникнуть во все множащиеся объяснения этого доброго малого. Видно, мне недоставало ощущения действительности, благодаря которому мой отец и дед сколотили себе солидное состояние. Замечу вскользь,

что от них я унаследовал лишь некоторую выправку, неординарную наружность и непомерную любовь к верховой езде. От матери же, напротив, наряду с явной склонностью к мистицизму я унаследовал меланхолический и угрюмый характер, вследствие чего я не уделял своим интересам должного внимания. Итак, из разговора с нотариусом я извлек лишь его ручательство собрать за двадцать четыре часа предложенную мною для барона сумму. При этом мне пришлось подписать несметное количество бумаг, и мы расстались, назначив встречу на следующий день.

Настал полдень, и я решил совершить моцион верхом. Найти приличную лошадь в Мюзияке не составляло труда: поэтому я не замедлил остановить выбор на «огнедышащей» полукровке, которая понесла меня бешеным галопом по соседним ландам. Поначалу, опьяненный, я полностью забылся в этой скачке. Душистый ветер с луга развевал мои волосы, а букет запахов чебреца, утесника и майорана наполнил мои легкие. Я чувствовал, как кровь закипает в жилах, словно забродившее молодое вино. Но мало-помалу я замедлил скачку, утомившись от избытка испытанного мною счастья. В моем воображении предстал образ девушки с розой, подобно ночному светилу над ревущим штормовым морем. Пустив шагом своего скакуна и опустив поводья, я погрузился в одно из тех смутных мечтаний, которые даже самым горьким страданиям придают какую-то сладостную привлекательность. Нет, я, конечно же, не мог полюбить незнакомку, черты лица которой скрыла от меня ночь. Она была всего лишь тенью, вздохом, сном, женщиной в белом, появившейся вдруг из пруда среди сумеречного тумана. И совершенно бесполезно пытался я прогнать из своей головы это навязчивое видение. Напрасно, используя все доводы разума, я пытался в своих глазах презреть дочь этого облагородившегося за счет интриг мужлана. Мое сердце призывало ее, а губы произносили ее имя. Чувства, восстав против чести, горели таким жаром, что я почувствовал, что мое состояние близко к обморочному. Словно умалишенный, я без конца повторял: «Клер! Клер!», и мне казалось, что вся природа вторит мне пением птиц, шепотом ветра и журчанием ручейка. Клер!.. Клер!.. Я чувствовал себя одновременно несчастнейшим и счастливейшим из смертных.

Лошадь моя отклонилась с пути, и моему удивлению не было предела, когда я обнаружил, что она идет дорогой, ведущей к замку. Он стоял, обращенный задней стеной к

поселку, а фасадом к ландам. Для того чтобы достичь главной аллеи, ведущей к воротам, мне необходимо было сделать довольно большой крюк. И вот, пока я пребывал в сомнениях относительно того — ехать ли мне дальше, рискуя столкнуться с человеком, смерти которого я так часто желал, за моей спиной неожиданно раздался грохот мчавшегося экипажа. О том, чтобы повернуть поводья, нечего было и думать, а вот укрыться за посадкой деревьев, тянущейся слева от меня вдоль парка, у меня еще хватало времени. Как только я достиг этого убежища, появился экипаж. Это была та же знакомая мне карета из замка. Слуга голосом и кнутом подгонял лошадь, и наш старый экипаж, трясясь и вздрагивая, несся, словно летящий по волнам корабль. Он, вероятно, лишился рассудка, либо же какая-то серьезная причина заставляла его мчаться во весь опор. Однако у меня не было времени разрешить эту дилемму, так как в этот момент произошло то, чего я опасался: раздался оглушительный треск, и экипаж, наклонившись вперед, чуть было не перевернулся. Антуан отчаянно пытался совладать со своей взмыленной лошадью. Пришпорив коня, я помчался на помощь, и к счастью, сумел справиться с обезумевшим животным, в то время как этот малый, спрыгнув с козел, схватил удила и пытался успокоить лошадь. В этот момент дверца кареты хлопнула, что, разумеется, заставило меня обернуться. О Господи! Какие слова могут выразить то, что я тогда испытал?! Едва не лишившись чувств, я был не в состоянии пошевелиться. Я весь превратился в зрение, и моя жизнь продолжалась лишь благодаря тому, что я видел девушку, рука которой по-прежнему сжимала ручку дверцы. Пораженная, она смотрела на меня, словно лань на охотника, и, прочтя в ее глазах ужас, я тут же обрел все свое хладнокровие. Спешившись, я церемонно поприветствовал ее и представился. Пока мой язык говорил, глаза усердно запечатлевали каждую черточку ее лица! И сегодня, несмотря на ужасные события, удручившие меня, я без труда представляю себе ее золотистые волосы, обнажившие нежное ухо, боязливую улыбку, бездонной глубины глаза, изящную ручку, судорожно впившуюся в дверцу, испуганный лик... Она ответила мне несколько дрожащим голосом, и я убедился, что не ошибался, — это была именно она, дочь барона Эрбо — Клер!.. Клер!..

— Не бойтесь меня, — сказал я. — Я оказался здесь совершенно случайно, и я рад, что мне выпал случай помочь вам в трудную минуту.

Она склонила голову в знак благодарности, и, приподняв край платья, подошла к кучеру, рассматривавшему лопнувшую ось.

— Сможет ли экипаж ехать дальше? — спросила она.

— Надеюсь, — проворчал слуга весьма не понравившимся мне тоном. — Я скреплю ее.

— Поторопитесь!

Чувствуя, что мое присутствие становится навязчивым, я готов был уже откланяться и прыгнуть в седло, но тут очаровательное существо жестом остановило меня.

— Господин граф, я хочу выразить вам свою благодарность...

Понизив голос, без тени страха она своенравно махнула рукой, чтобы остановить готовые сорваться с моих губ возражения.

— Знайте, — прошептала она, — что ваше письмо было благосклонно воспринято в замке. Мой отец как раз думал о том, чтобы покинуть эту местность... по небезызвестным вам причинам... Увы! Меня бы это очень огорчило.

— Мадемуазель!

— Я вас ни в чем не упрекаю, — продолжала она, — этот замок принадлежал всегда только вам...

— Уверяю вас, что...

— Прожитые здесь нами дни были исполнены неприятностей... О! Не только из-за окружающей нас враждебности. Неприязнь людей ничто по сравнению с неприязнью вещей!..

И, вздохнув, она пригладила рукой платье цвета зеленого луга и продолжила разговор.

— По правде говоря, мои родители боятся. Молчание деревьев, отделяющих нас от поселка, печальное одиночество этих ланд, по которым лишь изредка проходят отдельные группы путников, крики куликов над прудом — словом, все кажется им дурным предзнаменованием...

— Но вам!.. — вскрикнул я.

— Мне?.. Я слишком хорошо сочетаюсь с меланхоличностью этого места. Я люблю голоса теней и нашептываемые старыми стенами секреты. Иногда мне кажется, что я начинаю понимать, почему этот бедный Мерлен повесился, а его преемник потерял рассудок.

Пока она говорила, какая-то странная восторженность мало-помалу оживляла ее тонкие черты, а ее сверкающие взгляды, казалось, устремлялись к какой-то варварской и приковывающей к себе сцене за моей спиной. Совершенно спонтанным порывом, в котором она даже не почувствова-

ла ничего оскорбительного, я подошел к ней, взял ее за руку и пылко сжал ее.

— Мадемуазель... — начал я.

Но она деликатно высвободила свою руку.

— Приходите завтра, — сказала она, улыбаясь. — Мой отец будет вас ждать вместе с метром Меньяном. Он собирался вам написать, но я скажу ему, что встретила вас и передала это приглашение.

— Значит, я могу считать себя приглашенным! — живо отреагировал я.

Антуан, убедившись в прочности сделанного им крепления, уже забрался на козлы. Я хотел было открыть дверцу, однако Клер, легкая, словно птичка, уже успела опередить меня и исчезла за окном с опущенными занавесками. Прищелкнув языком, Антуан тронул с места свой экипаж. Карета удалялась в дымке наступающей ночи. Вскоре она полностью исчезла из виду, и до меня доносилось лишь цоканье копыт, а через некоторое время воцарилась мертвая тишина.

Какое перо смогло бы описать боровшиеся в моем сердце чувства? Мною почти одновременно завладевало возбуждение, граничащее с сумасшествием, и крайнее отчаяние. То я, словно ребенок, беспрерывно повторял: «Я увижу ее завтра!», то начинал каяться и умолять свою мать простить меня. Однако вскоре, вновь охваченный страстью, я припоминал прелестные черты ее лица и грациозные движения тела с мучительным любованием подробностями. Я мысленно повторял ее слова, в которых, как мне казалось, звучали скрытые оттенки страсти, не менее жгучей, чем моя. Стоило нам только расстаться, как я тут же начал страдать от ее отсутствия и требовал свою возлюбленную у лесов и долин. Спустя некоторое время, охваченный мрачной меланхолией, я удивился тому, что барон не направил ко мне своего посыльного, и мне оставалось подозревать эту романтичную девушку в какой-то злой интриге, в результате которой ее отец встретил бы меня завтра с сарказмом, а, возможно, даже грубостями. Неожиданно я счел ее речи и действия слишком уж смелыми, но тут же поспешил обвинить себя в том, что веду себя как жестокое и горделивое чудовище, и, всадив шпоры в скакуна, заставил его полететь стрелой, да так, что он высекал искры из гранита.

Я сообщил метру Меньяну о своей неожиданной встрече и попросил его поехать со мной на следующий день в замок, после чего вернулся к себе разбитый и с горящей

головой. К ужину, так тщательно приготовленному хозяином, будто тот догадывался, что за скромной внешностью его постояльца скрывается вернувшийся из изгнания господин де Мюзияк, я едва притронулся. Однако вернулся ли я действительно из изгнания? Не останусь ли я несчастным скитальцем до тех пор, пока не оживу в сердце своей возлюбленной? Прокручивая эти и другие еще более горькие мысли, я очень рано удалился в свою комнату, надеясь, что усталость избавит меня от терзаний. Но не тут-то было. Часы проходили, не принося мне отдыха. Вскоре бледные лучи луны упали мне на лицо, пробудив какое-то сильное волнение. Поспешно одевшись и встав у окна, я пытался насладиться свежестью. На горизонте скопились тяжелые облака, таящие в себе бурю, голос которой уже гулко раскатывался вдалеке в то время, как зарницы иногда освещали верхушки леса. Над моей головой небо все еще было чистым и звездная пыль мерцала, словно множество светлячков на темно-синем фоне. Беспокойство, словно изголодавшийся хищник, вновь ожило во мне. Не в силах больше сдерживать себя, я перескочил через подоконник и соскользнул на землю, зацепив при этом глицинию, осыпавшую меня целым дождем благоуханных лепестков. Заперев двери на ночь, поселок спал. Я был один, вместе со своей лежащей на земле тенью, и мы вместе отправились в путь еще более молчаливые, чем привидения.

Час спустя вдоль ограды замка на ощупь пробирался призрак. Вы, вероятно, уже догадались, что это я не смог совладать с соблазном повторить свою вчерашнюю вылазку, поэтому до некоторой степени я считал себя призраком замка, который мысленно никогда не покидал. И если иногда легкое поскрипывание пола или двери, открывающейся под тяжестью собственного веса, зарождали мимолетный страх в сердцах владельцев, то я мог преспокойно думать, что это мой двойник прошелся по паркету или толкнул дверь. Я мог бы, — а тепреь знаю, что именно так мне и следовало поступить, — дождаться утра, и тогда я бы не испытал этого неописуемого ужаса. Однако мною овладело желание вновь увидеть одному, без свидетелей, дом, в котором я провел свое детство. Мне захотелось приложить руку к этим покрывшимся мхом камням и услышать ветер, разгуливающий по башням замка. Я хотел увидеть окно, за которым почивала та, которая отняла мой сон. Я хотел... О Боже, кто в состоянии выразить все то, чего может хотеть юношеское сердце?! Я шел вперед по

освещенной лунным светом дорожке, а впереди меня шествовала моя любовь.

Обойдя стороной дорогу, огибающую пруд, я пошел по длинной аллее, на которой мой отец когда-то учил меня ездить верхом. Эта аллея, идущая полукругом, вела к входу в замок. В старые времена она содержалась в идеальном состоянии, будучи высеянной песком и мелкими речными камешками. Теперь же она наполовину исчезла в густой траве, и я то и дело спотыкался о мертвые ветви деревьев. Медленно ступая, счастливый, я наслаждался прогулкой в этом парке, который вскоре должен был быть мне возвращен: неподалеку виднелся замок, который через несколько часов примет меня навсегда. И хотя сейчас любовь была моей единственной мечтой, она все же прерывалась мыслями, которые были отнюдь не неприятны; я уже мечтал о восстановлении часовни, о том, как буду заплатывать бреши в стенах замка, приводить в порядок парк, сад и огород. Пруд будет вычищен и, возможно, даже осушен, если близость стоячей воды будет неприятна Клер. Я уже считал решенным то, что она останется здесь со мной и будет царствовать в этом имении, возвращенном к его первоначальной красоте. Строя эти радужные проекты, я бродил под сводами деревьев, находясь во власти несказанного восторга, как вдруг странный звук резанул мой слух: это уже не эхо бури ворчало на горизонте... и это не сон... это гудит замковый колокол... Он звонил медленно, глухими ударами, словно на похоронах, распространяя смертельную печаль. Время уже наверняка было за полночь. Кто же это может звонить в колокол? Барон? Но с наступлением ночи он запирался на все засовы. Антуан? Быть может, он заметил пожар в каком-то из уголков замка? Эта мысль привела меня в ужасное смятение, однако я без труда превозмог его, так как заметил, что колокол стал звенеть короткими ударами, словно чья-то осторожная рука специально смягчила их. Так что же это? Клер?.. Клер, забавляющаяся после вечерней прогулки тем, что заставляет заговорить бронзовый голос, соединяя его металлические звуки с секретными отзвуками своей экзальтированной души? Увы! Это предположение, каким бы очаровательным оно ни выглядело, было совершенно необоснованным. Разумнее было бы предположить, что это какой-нибудь бродяга бьет в колокол, чтобы напугать обитателей замка. Но он бы, прежде чем бросить веревку и сбежать, растрезвонил бы вовсю, а таинственный звонарь неторопливо придавал монотонной мелодии форму сигнала.

Быть может, этот сигнал оповещал о моем приближении?.. Однако я тотчас прогнал от себя эту нелепую мысль. Но если мне удалось изгнать ее из головы, то из сердца, куда она начала по капле вливать неуловимую тревогу и непреодолимое желание узнать разгадку тайны, мне полностью изгнать не удалось. Колокол смолк, и в этот самый момент, словно по мановению волшебной палочки, в природе что-то изменилось. Задрожав, я начал прислушиваться, и все звуки, которые мгновение назад очаровали меня, словно деревенская музыка, начали вдруг казаться подозрительными. Я старался приглушить шорох своих шагов, начал всматриваться в темноту больших деревьев и вздрагивал при каждом вздохе совы. А эхо по-прежнему доносило замогильные раскаты далекой бури. Мне следовало бы вернуться обратно, поскольку я уже получил предупреждение столькими предзнаменованиями! Однако к чему повторяться? Я заупрямился; ведь меня воспитала суровая школа изгнания, так что я никого не боялся, будучи уверенным в своих силах. К тому же у меня не было никаких причин заподозрить что-то неладное. Я лишь ощущал смутное беспокойство, вполне объяснимое поздним часом, местом и неожиданным звоном колокола.

Понадобилось довольно много времени, чтобы дойти до двора и увидеть при обманчивом свете луны фасад здания с закрытыми окнами, по обе стороны которого возвышались башни. Во дворе никого не было видно. Над подъездом неподвижно висела цепь, привязанная к языку колокола. И ни души! Я принялся бранить себя. Так кого же я ожидал встретить здесь в столь поздний час? Как и всякий бретонец, я был суеверен и в детстве не раз содрогался от поэтичных и полных ужаса сказок, которые любят рассказывать по вечерам в стране Амор *. Однако, будучи на открытом пространстве и чувствуя над своей головой небо нашего Господа, я не был склонен, подобно малолетнему, испытывать страхи. Я смело пошел вперед и обнаружил свет в «Башне Маршала», названной так потому, что знаменитый маршал Тюренн провел там как-то одну ночь. Эта башня возвышалась с левой стороны здания и прежде служила моему отцу библиотекой. Большая стеклянная дверь вела оттуда во двор. Я пошел в сторону этой двери, приглушая шум своих шагов. «Вероятно, кто-то за-

---

* Амор — кельтское название морской части Бретани (на море) в противоположность название внутренней части Бретани — Аросат (страна лесов).

болел», — думал я и тут же вспомнил слова метра Меньяна о том, как часто вызывали врача к изголовью Клер. Мои опасения возросли, и с неописуемой тревогой я опрометью бросился к башне.

Стеклянная дверь оказалась закрытой, однако сквозь ромбы стекла мне все же удалось рассмотреть стоящий на столике канделябр. Я тут же увидел основные детали интерьера, мебель, картины, все еще стоящий накрытым столик на колесиках, однако мое внимание приковала находящаяся в комнате странная компания: в глубоких креслах, расставленных кругом, сидели три человека. Я тотчас же узнал сидящую ко мне лицом Клер. Мужчину и женщину, сидящих вполоборота ко мне, я раньше никогда не видел, но у меня имелись все основания полагать, что передо мной сидели барон и баронесса Эрбо. Все трое сидели неподвижно, однако эта неподвижность походила скорее на неподвижность восковых фигур, чем на неподвижность задремавших людей. Их руки лежали на подлокотниках кресел, а головы были слегка склонены набок. Пламя свечей колебалось под дыханием сквозняков и отбрасывало от застывших тел пляшущие тени. От моего дыхания стекло запотело, но я был до того ошеломлен, что даже не догадался прислониться к нему в другом месте. Недоверчиво я пялил глаза, ожидая, что один из спящих пошевелит хотя бы пальцем. Я желал этого изо всех сил и в глубине души увещевал Клер: «Встаньте!.. Заговорите!.. Это же ужасно!..» Однако все трое продолжали ночное бдение, поражающее своей молчаливостью и отсутствием признаков жизни. Они все мертвы! Эта мысль, словно удар молота, вбилась мне в голову. Мертвы! Да быть не может этого! Я тихонько постучал пальцем по стеклу. Вот сейчас они все трое повернут головы... Что же я им тогда скажу? Какое приемлемое объяснение своему появлению я мог бы дать? Но смертельное забытье всех троих вовсе не было потревожено издаваемым мною звуком, не вздрогнула ничья рука, не всколыхнулась ничья грудь. Ничто не могло потревожить их безмолвного совещания. Свет от канделябров падал на лоб и щеки девушки, и я отметил их крайнюю бледность. Можно было подумать, что Клер и ее родители были внезапно, мгновенно околдованы во время своей беседы и превращены в изваяния. Теперь я был уверен, что веки их сомкнулись под тяжестью смертельного сна. Необходимо было действовать немедля. Но что же делать? Позвать на помощь? Разбудить Антуана? Но у этого малого слишком подлая физиономия. И я принял

решение действовать самостоятельно. Я налег на дверь и чуть было не влетел в комнату, так как она оказалась всего лишь прикрытой. Войдя на цыпочках, я взял канделябр и поднял его над головой, чтобы получше рассмотреть всю сцену. Увы! Я сразу же убедился в бесполезности каких бы то ни было действий. Барон, которого легко было узнать по элегантности наряда и по перстню с выгравированной короной на правой руке, представил моему взгляду затылок воскового цвета, при виде которого моя рука с канделябром дрогнула. Кроме того, я увидел еще одну деталь, за достоверность которой полностью ручаюсь: вокруг его бакенбардов кружилась муха, а затем села и поползла по уху, не вызывая при этом ни малейшей дрожи на его теле. Ступив шаг вперед, я взял барона за руку, пытаясь нащупать пульс, однако ледяной холод запястья, к которому я прикоснулся, вырвал из моей груди лишь стон. Отступив, я наткнулся локтем на кресло баронессы. Последняя медленно завалилась на бок, словно манекен, чье равновесие оказалось нарушенным. Стоя перед этими тремя людьми, сраженными каким-то несчастьем, более скорым, нежели чума, но гораздо менее объяснимым, я пошатнулся от ужаса. Легкий ветер, ворвавшийся в открытую дверь, склонил огонь канделябра, который моя дрожащая рука не в силах была удержать, и капли воска усеяли ковер. Отставив канделябр в сторону, на карточный столик, я машинально поднял веер мадам Эрбо и так же машинально положил его рядом с ней на столик, после чего обратил свой взгляд к Клер. На ней было все то же зеленое платье с буфами, изящностью которого я восхищался несколько часов назад. Ее волосы соскользнули на одно плечо, а руки покоились на коленях. Погрузившись в глубокое кресло, оббивка которого была с набивным рисунком в виде кувшинок, она походила на Офелию, заснувшую среди цветов и водяных листьев. Я изнемогал от отчаяния, глядя на нее, похищенную у моей любви в ее первые весенние дни. Итак, мое предчувствие не обмануло меня. Значит, колокол звонил как раз в ту минуту, когда моя любимая испускала свой последний вздох. И там, на аллее, ее душа что-то жалобно шепнула мне, убегая вдаль и доверяя ветру свое печальное прощание. О несчастный! Я осмеливался жить, осмеливался дышать подле той, которая навсегда покинула меня! Подавляя слезы, я напрасно призывал к себе смерть. В течение некоторого времени, показавшегося жутко долгим, а на самом деле продлившимся, возможно, не более минуты, я находился в полной

прострации и даже думал, что потеряю сознание и упаду бездыханным. Я приложил руку к покрывшемуся потом лбу, и рассудок постепенно начал возвращаться ко мне. Я еще раз окинул взглядом эту невероятную сцену, посмотрев на барона, его жену, Клер, на всех троих, еще недавно совершенно незнакомых мне и занимающих теперь такое большое место в моем сердце. Я стоял здесь, среди них, словно друг, чьего прибытия они ожидали. Но, по-видимому, при моем приближении их беседа оборвалась, и я нашел лишь три бездыханных тела. Что же я медлю? Нужно ведь скорее бежать в поселок за врачом! Это было самым разумным решением, но уйти не хватало сил. В этой тройной смерти было что-то необычное, какой-то смутный ужас, который остановил меня, и я начал сомневаться в себе. Наконец я решился, несмотря на отвращение, еще раз ощупать руку барона. Дотронуться до руки Клер я бы ни за что не осмелился. Мне лишь пришлось признавать очевидное. Смерть забрала эти три жизни, предварительно отняв их у Мерлена и де Дерфа, предыдущих владельцев замка. Этот факт только умножил мое замешательство, и я направился к порогу, охваченный паникой, которую уже ничто не могло предотвратить. В тот момент я услышал, как где-то в глубине замка скрипнула дверь, и я опрометью вылетел во двор. Совершенно потеряв голову, я уже не знал, бегу ли я за помощью, или же сам пытаюсь спастись. Я сбежал и должен в этом признаться! Я бежал, не зная, что мчусь навстречу еще более нестерпимому ужасу...

...После тяжких недель, проведенных в глубоких размышлениях, я дал клятву, читатель, ничего не опускать и скрупулезно описать все, что произошло в первой половине этой ненавистной мне ночи. Моя память навсегда отпечатала невероятные события, невольным свидетелем которых я стал. Поэтому сколь нереальным ни показался бы мой рассказ, я все же продолжу его, так как я уверен в том, что я видел ЭТО, я и готовлюсь сейчас умереть.

Глядя прямо перед собой, я бежал по аллее, приведшей меня в замок. Мною руководило лишь одно желание: поскорее удалиться от этого проклятого места, потому что среди живых уже не было возлюбленной. Сильная душевная боль довела меня до безумия, и, охваченный растерянностью, в которой позже мне пришлось раскаяться, я несся, полностью отдав себя на волю случая. Не помню, когда именно я очутился в лесочке. Лунный свет заполнял его миражами, вырисовывая заросшие колючим кустарником тропинки, словно потешался, вводя меня в заблуждение.

И вот я уже начал путаться в этом заколдованном бледным светом мирке, то открывавшем, то закрывавшем мне путь к спасению. Помню лишь, что из-за сильного удара я упал у подножия какого-то дерева, на которое, видимо, я налетел на бегу. Почувствовав приступ головной боли, я поднес руку ко лбу и увидел, что на ней остались какие-то темные следы, вероятно, крови. Еще долгое время я лежал неподвижно, пытаясь собраться с силами и превозмочь эту слабость, приковавшую меня к земле. Постепенно я начал приходить в себя и уже собирался встать и продолжить свой путь, как вдруг какой-то странный звук остановил меня. До моего слуха донеслось какое-то мерное поскрипывание. Источник звука двигался на некотором расстоянии от меня. Оно походило на поскрипывание качающегося на ухабах неровной дороги экипажа. Заинтригованный этим звуком, я спрятался получше за ствол сбившего меня с ног дерева. Скрип все приближался, сопровождаясь звуком, похожим на стук лошадиных копыт по газону.

Признаюсь, что звуки возбудили мое любопытство. Несмотря на мигрень, первые приступы которой уже давали о себе знать, я старался глядеть во все глаза. Движущийся во тьме предмет наверняка был каретой, и в этом не было никаких сомнений. Неожиданно истина молнией сверкнула в моем сознании, и я похолодел от непреодолимого ужаса, узнав это специфическое поскрипывание, свойственное нашему старому ландо. Оно катилось по заросшей высокой травой центральной аллее, наезжало на камешки, на хрустящие ветки: ландо продвигалось с величавой медлительностью, вызвавшей в моем воспаленном сознании картины моего детства и легенды о похоронном экипаже, увозящем мертвых в царство Аида. Каким образом оно могло оказаться здесь, в парке, в столь поздний час?.. И все же это был не сон: я все отчетливее слышал скрип приближающегося экипажа. Бушевавшая где-то за горизонтом гроза стихла, и тишина была такой, что каждый вздох ночи был отчетливо слышен. Неожиданно в конце усеянной темными пятнами длинной дорожки, в бледном свете луны я увидел его! Этот странный экипаж скользил, словно корабль, по поверхности воды молочного цвета. Над нечеткими очертаниями лошади, казавшейся окутанной каким-то легким паром, возвышался высокий силуэт сидевшего на козлах кучера. Несмотря на расстояние, я ясно увидел колеса, и каждая их спица отражала, перемещаясь, лунный свет. Экипаж катился словно на прогулке, а его тяжелый каркас вяло покачивался на ухабах дороги.

От волнения мое сердце забилось еще сильнее. Я смотрел и ждал, что будет дальше, спрашивая себя: не меня ли ищет это ландо и не выбран ли я жертвой для какого-то неминуемого события?

В этом сумраке лошадь показалась мне огромной и черной. Выдохнув две струи пара, она встряхнула удилами. Когда же экипаж погружался в полосы тьмы, до меня доносились лишь глухие удары подков, топчущих высокие травы, и неровный скрип. Но вот колдовской свет луны вновь упал на ноги животного и поблескивающие контуры экипажа. Я невольно вытянул шею, чтобы получше рассмотреть крайне странных ночных гуляк, и заметил, что верх экипажа оказался откинутым. Я разглядел двух человек, сидящих в глубине, и третьего, сидящего напротив них. Однако по мере того, как ландо приближалось ко мне, картина становилась все более четкой, будто бы я смотрел на нее в бинокль, постепенно налаживая его. Первое, что я узнал, это был пышный рукав зеленого платья, затем луна осветила волосы Клер и тонкие очертания ее профиля. Я укусил себя за руку, чтобы не закричать. Клер повернула голову в сторону леска, где я прятался, и, несмотря на бледный свет, окрасивший ее лицо смертельной краской, я заметил, как сверкнули ее зрачки в тот момент, когда карета поравнялась с моим наблюдательным постом. В ту же секунду моему взгляду открылись спутники ее ночной прогулки. Не знаю, какие силы помогли мне написать эти строки, потому что от волнения, перехватившего тогда мое дыхание, у меня даже сейчас начинают дрожать руки. Барон выдыхал густые клубы дыма и стряхивал пепел с сигары пальцем, на котором поблескивал перстень. Пятна тени усеяли его бакенбарды, манишку и сюртук. Сидящая подле него баронесса поигрывала веером — тем самым веером, соскользнувшим с ее платья на ковер в тот страшный момент. Нет! Нет! Я находился во власти иллюзии, галлюцинации, вызванной ударом о ствол дерева. А вместе с тем лицо Клер, сидевшей теперь напротив меня в удалявшемся ландо, приобрело восковой цвет, и по этой смертельной маске, словно масло, медленно струился лунный свет. «Ну разве все это не плод моего воспаленного воображения?! — думал я. Вместе с тем я отчетливо видел, как склоняется трава под колесами экипажа, и слышал, как фыркает лошадь и скрипит ось. Да что тут говорить! За удаляющимся экипажем тянулся скручивающийся в клубы дым, а легкий ветерок донес до моих ноздрей запах табака... Ландо неожиданно погрузилось в островок тьмы.

У меня перехватило дыхание, словно какая-то страшная опасность готова была разразиться над моей головой. Неужели экипаж исчез? Неужели он провалился сквозь землю со своими призраками-пассажирами?.. Однако его уже несколько расплывчатые очертания неожиданно возникли вновь. По ландо заскользили кружевные тени листьев, которые, как казалось, усеяли его, отправляя в небытие. Через мгновение он исчез в темноте ночи. Мною овладело желание броситься за ним, догнать и дотронуться до него. Однако ноги мои словно приросли к земле. Полный недоверия и сомнений, я еще долгое время стоял и всматривался в лесок. И лишь раздавшаяся мелодичная песня соловья развеяла все это колдовство. Покинув свое укрытие, я подошел поближе к месту, по которому проехало это странное видение. В траве, блестящей от покрывшей ее росы, четко виднелись две параллельные линии — следы от колес. О Боже, почему в это мгновение ты не лишил меня рассудка? Тогда бы мне не пришлось испытать столько страданий и пролить столько слез!

Мое сознание терзалось тысячью ужасных подозрений. Я стоял неподвижно посреди аллеи, мой лоб задевали черные крылья летучих мышей, однако мои страхи частично уже исчезли, и колдовству ночи более не удавалось растревожить мои нервы. Я пытался разрешить зловещую задачу, противоречивыми условиями которой я обладал. Так были ли они мертвы? Или же все-таки живы? Можно было выбрать лишь одно из двух. В какой именно момент мои глаза обманули меня? Я колебался, не зная, что выбрать. У меня сложилось впечатление, что, вступив в стены нашего замка, я попал в сказку, в одну из тех страшных легенд, которыми по вечерам зачитывалась моя бедная мать. И вместе с тем это явно был не сон. Я даже чувствовал, что мое любопытство возрастает все больше и больше. Наконец, после длительных сомнений я все же решил возвратиться. Невзирая на таинственные опасности, возможно, окружавшие меня, я считал своим долгом возвращение, чтобы найти хоть какой-нибудь знак, который помог бы мне разобраться во всем, какое-нибудь новое доказательство. Если бы моя любимая действительно оказалась мертва, то я бы отказался от своих планов. Но если она жива, если... Перекрестившись, дабы снискать себе защиту ангелов, я осторожно направился к замку, обходя стороной перекрестки аллей, круглые поляны — словом, все те места, которые были хорошо освещены луной. Понапрасну я на-

прягал слух — кроме трелей соловья и доносящегося издали кваканья лягушек ничего не было слышно...

Я долго всматривался во двор замка, на котором вырисовывались симметрические тени двух башен и фантастические силуэты флюгеров. Уступлю ли я страху, находясь так близко от цели? Внутренне увещевая себя, я неожиданно решился и преодолел в несколько прыжков те десять — пятнадцать тауз *, отделявших меня от злополучного салона. За стеклянной дверью по-прежнему мерцал свет канделябра. Я медленно посмотрел сквозь стекло, и ледяной холод пронзил меня до костей. Они все трое так и сидели здесь, хотя уже не на тех местах, — они переместились! Черт возьми! Да ведь они, вероятно, совершив прогулку по парку, только что вернулись обратно... Я полагаю, что меня спас гнев, здоровая реакция широкой натуры, унаследованной мной от отца. Посему я без всяких колебаний вошел в комнату.

— Вот я! — сказал я. — ...Мюзияк!

Мои слова прозвучали странным образом в пустоте салона. Никто даже и не шелохнулся, лишь пламя свечи слегка дрогнуло, потревоженное моим приходом. Вокруг меня вращались огромные тени, и, казалось, на какое-то мгновение неподвижные силуэты трех Эрбо, похожих на мраморные изваяния, ожили. Они сидели все в тех же глубоких креслах, в которых я их увидел в первый раз. Барон все же несколько приблизился к своей жене. Он вновь положил свои руки на подлокотник, а в пепельнице догорала его сигара. Рядом с баронессой стоял низенький столик с корзинкой для шитья, а на ее пальце был теперь наперсток... Клер... Однако к чему продолжать? Царящее молчание не может обмануть даже очень скептически настроенного человека. Совершенно очевидно, что эти тела были лишены жизни, словно восковые фигуры, имеющиеся в некоторых музеях и снабженные пружинами, заставляющими их двигаться, дабы поразвлечь публику. Но, быть может, передо мною просто великолепно сделанные манекены? Едва эта мысль пронеслась у меня в голове, как я ее тут же с отвращением отвергнул. А чтобы заставить замолчать это второе «я», которое вот уже час, как докучало мне своими нездоровыми умозрительными построениями, повинуясь не знаю какому инстинкту насилия и страха, я взял блестящие в корзине ножницы и, примерившись к руке барона, быстрым движением ударил ими ее.

* Тауз — старофранцузская мера длины, равная 1 м 94 см.

Лезвие задело большой палец правой руки, глубоко ранив его. На краю раны появилось нечто вроде коричневой серозной жидкости, которая немедленно свернулась, и из моего горла невольно вырвалась насмешка. Барон уже так давно был мертв, что даже кровь в его венах застыла. Я мог сколько угодно изощряться, ударять их ножницами... однако я был не в состоянии вырвать всех троих из объятий смерти...

Ноги мои подкосились, и я лишь чудом удержался на них благодаря усилию воли. Голова давала знать о полученном мной ударе. Бросив ножницы, я осенил крестным знамением три трупа, а затем украдкой удалился, будучи не в состоянии ни думать, ни стонать, чувствуя полнейшее изнеможение души и тела... В тот момент, когда забрезжил восход, я добрался до гостиницы и ценой последних усилий вскарабкался на балкон своей комнаты. Рухнув на кровать, я погрузился в сон, похожий на смерть...

Когда, много часов спустя, я пришел в себя, то оказался в сером ватном мире, словно недавно освобожденная и погруженная в преддверие рая душа. Кем я был? Что это за тяжелая печаль тянется за мной? Перед моим удивленным взглядом открылась незнакомая комната. Какая-то лошадь била копытом о мостовую, рядом в саду щебетали птицы. Внезапно я понял причину своих терзаний: счастье навсегда покинуло меня. Сходя с ума от душевных мук, я проклял день, увидевший мое появление на свет, и начал строить зловещие планы. Зачем не жить в Бретани? Не лучше ли мне покинуть родину, чтобы найти где-нибудь вдали от этой негостеприимной страны безвестную, но приносящую пользу смерть? С состоянием, которое собрал для меня нотариус, я бы легко нашел какое-нибудь прибыльное занятие в далекой Америке, предпочитаемой всеми европейскими эмигрантами. Я даже представил мысленно свое будущее, вносящее гармонию в мое отчаяние, как тут кто-то стал царапаться в мою дверь. Это был слуга, пришедший объявить мне, что метр Меньян к моим услугам и ожидает меня в большом зале внизу.

Метр Меньян! Что же я ему скажу?.. Заканчивая свой туалет, я перебирал приемлемые объяснения, которые избавили бы меня от возвращения в замок и скрыли бы мою душевную рану. Однако ни одно из них не было убедительным, а истина представала в таком маловероятном виде, что я тотчас же предстал бы в глазах нотариуса сумасшедшим, если бы отважился сообщить ему о виденном. И совершенно понапрасну я бы утверждал, будто бы

видел ЭТО, что уверен в том, что видел ЭТО, — мне бы смогли возразить очень просто: мол, плохо вы видели. А если бы я, с другой стороны, признался, что побывал в парке и даже в самом замке, то, зная мою враждебную настроенность по отношению к барону, меня тотчас же обвинили бы в причастности к смерти барона и его близких. Итак, я вынужден был молчать. Но тогда метр Меньян повезет меня туда... И я буду вынужден в третий раз увидеть... О Боже! Я чувствовал, что бледнею при одном воспоминании об ожидающей нас сцене. Время текло, а я так и не смог придумать ничего, что могло бы спасти меня. Я чувствовал крайнюю усталость, и мне казалось, что мои волосы побелели за время той отвратительной ночи. Едва хватило сил стоять, словно я был старцем, разрушенным тяжестью годов и несчастий. Спускаясь по лестнице, я попрежнему мысленно продумывал множество противоречивых вариантов беседы, но был не в состоянии выбрать хоть один из них, который бы помог мне.

Нотариус встретил меня с той же предупредительностью, что и накануне. Он держал на своих коленях большой портфель, закрытый на замок.

— Здесь у меня, — сказал он мне, похлопав по коже рукой, — собрано то, благодаря чему мы сможем держать их в своих руках. Однако пусть Господь простит меня, не заболели ли вы, господин граф?

— Пустяки, —ответил я. — Это просто волнение...

— Да, действительно, — признал этот добрый малый, — мы приближаемся к торжественной минуте. Даже я сам...

И лихо опрокинув стопку водки, он добавил:

— Я был бы тоже не прочь сказать этому барону Эрбо пару крепких словечек. Мой экипаж стоит на площади и через четверть часа...

— Я вот думаю... — начал было я.

Но он улыбнулся с хитрым видом.

— Пусть господин граф полностью положится на меня. И мы проведем сделку без всяких трудностей.

— Тем не менее...

— Ни слова больше! Я хорошо знаком с делами подобного рода, пойдемте!

И, взяв под руку одновременно приветливым и почтительным образом, он повел меня к двери.

— Но нас ведь никто не торопит, — попробовал я было возразить.

— Нужно ковать железо, пока оно горячо. А не то барон может передумать. В данный момент он все еще нахо-

дится под впечатлением от вашего прибытия и готов пройти под Кавдинским ярмом *.

Я забылся, приободренный увлеченностью и доброжелательностью своего спутника. Впрочем, моя слишком явная нерешительность могла показаться ему подозрительной. Кроме того, из-за какого-то помутнения рассудка я начал находить ситуацию, в которой я беспомощно барахтался, небезынтересной. Из всех неудачников я, несомненно, был самым печальным и самым жалким. И все же мне было любопытно присутствовать в качестве высокомерного зрителя при крушении своих же собственных чаяний, и я сел в кабриолет рядом с нотариусом, мысленно читая сонеты Шекспира. Кто сможет разгадать тайну человеческого сердца, которое в тот самый момент, когда оно угаснет под пронизывающими ударами, способно найти отчаянное удовольствие в самой суровости боли? Погрузившись в подобные мысли и пребывая в оцепенении, которое хотел бы продлить вечно, я слушал бойкую болтовню нотариуса. Он уже видел себя хозяином положения: он покупал право ренты, он договаривался о выгодной арендной плате и клялся восстановить менее чем за пять лет мое потрепанное состояние. Я бы поступил очень жестко, выведя его из этого заблуждения сообщением о желании отказаться от борьбы.

Вскоре кабриолет уже ехал вдоль лесопосадки замка, и нахлынувшие воспоминания ввергли меня в состояние крайнего уныния (что не прошло мимо внимания метра Меньяна).

— Мы, вероятно, могли бы отсрочить наш визит, господин граф, поскольку я вижу, вы сильно возбуждены.

— Это всего лишь усталость, — пробормотал я, — ...путешествие. Впрочем, свежий воздух идет мне на пользу.

— Прошу прощения, что я был настойчивым, — продолжал он.

Между нами воцарилось молчание, в то время как кабриолет приближался к воротам замка. Я узнал место, на котором в первый и последний раз беседовал с Клер. Это было вчера, и это было так давно. Вчера она, должно быть, была жива, но сейчас... Затем мои мысли потекли в иное русло: я почему-то подумал, что три человека не умирают разом от болезни и не решают вместе — что было

* В ущелье Кавдия римская армия, разбитая в 321 году до н. э., позорно прошла под ярмом. Пройти под Кавдинским ярмом — принять унизительные условия.

бы чудовищно! — покончить со своим существованием. Следовательно, какой-то таинственный преступник... Но я тут же оставил эти сумасбродные предположения. Разве я не был уверен в том, что видел их всех троих, двигающихся в ландо? Разве я не вдыхал запах от сигары барона? Правда, мгновение спустя, в салоне... Я не смог удержать свой стон, и нотариус сочувственно склонился ко мне.

— Вы побледнели, господин граф. Скажите только слово, и мы вернемся.

Однако я был решительно настроен испить до дна этот роковой кубок, раз уж отодвинуть его от моих губ было невозможно. Не паду ли я завтра духом еще больше и соответственно не предстану ли я перед еще большими опасностями? Я знаком показал, что отказываюсь от этого предложения, и мы выехали на большой двор. Здесь ничто не изменилось с предыдущего дня. Слева виднелась по-прежнему приоткрытая дверь небольшого салона. Перелетая с башни на башню, каркали вороны, а весеннее солнце, освещая старые стены праздничным светом, делало их еще более серыми и, как мне показалось, более враждебными. Во дворе не было ни души.

— Это настоящий замок спящей красавицы, — пробурчал метр Меньян, который, без сомнения, надеялся на то, что нас встретят.

Он остановил кабриолет перед подъездом, и мы вышли.

— Эй! Кто-нибудь! — позвал он.

Я чуть было не сказал ему, что он понапрасну теряет время и что владельцы замка не в состоянии нас услышать, но все свои усилия я тратил на то, чтобы стоять прямо и побороть слабость, которая исподтишка подтачивала мои последние силы. Мой спутник ухватил цепь колокола, и я услышал леденящие кровь удары.

Колокол заунывно звонил, а мне казалось, что я все еще слышу похоронный звон, стоя в глубине леса. Я дернул метра Меньяна за рукав.

— Клянусь Богом, я не знаю, почему эти люди, пригласившие нас, позволяют заставлять вас ждать, господин граф.

Он в бешенстве и с еще большим усердием стал дергать веревку, без умолку трезвоня. Наконец дверь раскрылась. На порге появился Антуан и низко поклонился.

— Не желают ли господа пройти за мной?.. Господин барон тотчас же примет их.

— Хочется надеяться, — сказал нотариус надменным голосом

Что касается меня, то я походил на человека, доведенного до бреда лихорадкой. Нотариус пропустил меня вперед, и я прошел за слугой внутрь этого проклятого замка, принадлежащего моим предкам. Проходя через многие залы, я лишь мельком окинул их взглядом — до такой степени мое сердце было охвачено страхом. Мы направились к башне. Неужели слуга хотел посмеяться над нами или, быть может, он следовал полученным накануне, до происшедшей драмы, указаниям? Это, без сомнения, было удачное предположение. Но ведь этот же слуга, ведь это же он управлял ландо тогда, во время прогулки в парке... Я вновь настолько запутался в противоречивых предположениях, что, когда слуга постучал в дверь гостиной, я не смог удержаться, чтобы не схватить нотариуса за руку.

— Не бойтесь, — шепнул мне метр Меньян, — я не дам провести себя.

Как будто бы я боялся этого! Сейчас выяснится ужасная истина, и я спрашивал себя...

— Войдите! — вдруг раздался голос.

Распахнулась дверь, слуга объявил:

— Господин граф де Мюзияк... Метр Меньян.

Ступив несколько шагов я увидел их всех троих, сидящих в глубоких креслах. Я увидел Клер в ее одеянии наяды * и баронессу, прикрывающуюся веером. Я увидел идущего навстречу и протягивающего мне руку барона Эрбо, большой палец которой был перевязан.

— Добро пожаловать, господин граф. Мы счастливы познакомиться с вами...

Его голос звенел в моей голове, словно труба Страшного Суда. Я вздрогнул от ужаса, когда моя рука дотронулась до его руки, которая оказалась теплой и сухой, но еще страшнее стало мне, когда я склонился над рукой баронессы. Сошел ли я с ума? Или же передо мной находились демоны? Вместе с тем взгляд моей любимой, обращенный ко мне, был чистым, словно родниковая вода, и не скрывал никакой тайны. Кто придвинул мне кресло и в какой именно момент это произошло? Что отвечал я на приветливые слова барона? Этого я не могу вспомнить. Помню лишь очень четко свой страх, возрастающий по мере того, как моим глазам представились на мгновение забытые детали: перстень, сверкающий на пальце барона, в то время как он машинально приглаживал свои бакенбарды, корзинка с рукоделием, стоящая прямо у моих ног, и еще

* Наяды — в греческой мифологии водяные нимфы.

видимый на ковре след от капель воска, тщательно соскобленных.

— Не желаете ли сигару, господин граф?

Я отказался. Нотариус объяснил, что путешествие утомило меня и что я нуждаюсь в длительном отдыхе. Но я уже не слушал его, а лишь тупо уставившись на кончик горящей сигары, вдыхал ее дым, пытаясь сравнить его с тем дымом, который я вдыхал вчера в лесу. Затем, оставив в покое сигару, мои взгляды упорно возвращались к трем глубоким креслам, к трем силуэтам в полумраке комнаты, они были на том самом месте, где я их видел накануне. А когда беседа, скупо поддерживаемая нотариусом, смолкла, то у меня возникло чувство, что сейчас все должно было начаться сначала, что наши хозяева сейчас заснут, застынут в своих креслах, погрузятся в сон, который на этот раз будет вечным. Однако барон тут же, как будто бы разделяя мои опасения, выразил замечание, оживившее беседу. Мне было нетрудно догадаться, что его предупредительность была насквозь фальшивой и невыносимое ощущение принужденности, которое я чувствовал, должно быть, разделялось всеми, поскольку Клер упорно молчала и сидела теперь, не поднимая глаз. Мне стало неприятно, когда я заметил, что щеки ее побледнели, глаза были как бы обведены синими кругами, а губы полностью лишены притока крови. Ее мать казалась мне еще более исстрадавшейся. В частности, я отметил, что ее руки дрожали. Да и сам барон, несмотря на веселость, сигару и полноту деревенского дворянина, как показалось, только оправился от какой-то болезни, поскольку его голос моментами слабел и как-то странно надламывался. Да и метр Меньян уже стал замечать некую неловкость, терзавшую меня. Он ерзал на своем стуле, покашливал и, не осмеливаясь перейти к цели нашего посещения, говорил об урожаях, домашнем скоте и о погоде.

— А не пройтись ли нам по замку? — неожиданно предложил барон, поворачиваясь ко мне. — Я полагаю, что это — ваше самое жгучее желание.

Выходя из гостиной, метр Меньян шепнул мне на ухо:

— Вы не находите, что они странноваты?

Я предложил свою руку Клер, и мы несколько отстали от барона, его жены и метра Меньяна, поскольку нас вовсе не интересовали деловые вопросы, к которым нотариус уже явно приступил. Мы медленно проходили через огромные комнаты, которые я узнавал со щемящим чувством мелан-

холии. Дошло до того, что я даже начал сожалеть о том, что замок не разорили, поскольку моя странная судьба заставляла меня в полнейшем одиночестве обосноваться в нем. Когда Эрбо уедут, у меня будет бездна времени, чтобы бродить из комнаты в комнату, словно его последнее привидение. И я беспрестанно буду вспоминать о трех трупах в гостиной, об этих трех мертвецах, которые в настоящий момент окружали меня и беседовали самым что ни на есть любезнейшим тоном... Я так и не смог сдержать судорожную дрожь, пробежавшую по моему телу, и Клер тихо спросила меня:

— Господин граф, если вы нездоровы, мы могли бы, быть может...

Очаровательное существо! Я готов был поделиться с ней истиной и сегодня с трудом понимаю, что именно меня остановило от этого.

— Здесь под сводами довольно свежо, — сказал я. — Пойдемте!

Не знаю, что помешало мне намекнуть ей на ночные события. Я все еще горел желанием проникнуть в эту тайну, но не знал, как именно высказать свои мысли, чтобы естественным образом завязать непринужденную беседу на терзающую меня тему. Кроме того, шелковое шуршание платья Клер, легкое прикосновение ее пальцев к моей руке, запах ее волос, словом, все ее присутствие окончательно взволновало меня до того, что я просто потерял дар речи. Так незаметно мы перешли на второй этаж замка. Я смутно слышал голос нотариуса, называвшего цифры и, казалось, поддерживающего оживленную беседу. Вдруг мы вошли в мою небольшую спальню с побелевшими стенами, обставленную крайне строго.

— Моя спальня! — пробормотал я.

— Мы отремонтировали ее, — сказала Клер.

Я долго смотрел на узкую железную кровать, стоящую под белыми крыльями занавесей, на распятие и высохшую веточку освященного кустарника, на секретер, крышку которого я отбрасывал, когда садился что-то делать, и стоящий в углу, подле окна, выходящего на крепостную стену, скромный столик с тазиком и кувшином воды. Из этой комнаты я был безжалостно выгнан в ссылку, а теперь я возвращался, чтобы выдержать новое, гораздо более тяжкое испытание. Как я желал, чтобы эти нежные излияния, милые откровения и воспоминания придали бы немного твердости и одновременно надежды моему сердцу!

Но имел ли я право признаться этой девушке в терзавших меня чувствах? Мог ли заставить ее разделить мои опасения? В особенности как мне сказать ей о том, что я вижу сейчас? Я чувствовал себя похожим на одного из рыцарей прежних лет, заколдованных любовью феи, и, возможно, я бы нисколько не удивился, если бы моя любимая превратилась на моих глазах в райскую птицу или единорога.

Не без труда я отогнал все эти абсурдные мысли и подвел Клер к дозорному посту, с которого открывался вид на парк с его благородными деревьями, на пруд, сад и руины часовни.

— Я мечтал о другой участи! — вздохнул я. — Сколь сильно я желал, чтобы однажды этот замок вновь вернулся ко мне, столь безразлично будет мне отныне прожить в нем, если, разумеется, между мной и вашими родителями будет заключено соглашение. Да что же я говорю? Пожалуй, я подпишу подобное соглашение с чувством крайней неприятности.

— Почему? — спросила Клер. — Разве вы?..

— Я буду испытывать огромное сожаление, когда стану бродить в одиночестве по аллеям, по которым так часто прогуливались вы. Здесь все — вдумайтесь в эти слова — будет напоминать о вас. Эти лепестки, плывущие по пруду, которые вы обрывали, эти камни, на которые вы ежедневно смотрели, а если мои пальцы прикоснутся к спинету, то разбудят любимую вами музыку.. Ваша тень останется пленницей в этом замке, а я стану пленником вашей тени.

— Замолчите! — вскрикнула она.

Ее грудь страстно вздымалась, а ее щеки стали бледными, словно цветки камелии. Мягко отводя ее руку, я покрыл ее поцелуями.

— Клер... Клер... Послушайте меня. Мне совершенно необходимо это. Речь идет, возможно, о вашей жизни и о моей... Я более не смогу жить без вас.

— Прошу вас, господин граф, пустите меня!

Я не оставил своей добычи, и в то время как слезы заливали ее красивые глаза, я рассказал ей о своем детстве, жизни изгнанника и отчаявшейся любви. Она больше не пыталась оттолкнуть меня, и, теряя остатки хладнокровия, я упал перед ней на колени, предлагая ей свое имя и титул, свое состояние и этот замок, который я тем не менее раньше поклялся отнять у нее.

— Нет, — простонала она. — Нет... Это невозможно!

— Значит, вы меня не любите?

Она провела рукой по моим волосам.

— Я не говорила этого.

Тогда я мгновенно вскочил на ноги и, притянув ее к своему плечу, сказал:

— Так, значит, вы меня любите! Я это знаю! Я это вижу! Вы любите меня, Клер! Вы — моя!

— Я навсегда останусь ничьей. Так предрешено.

— Кем? Вашими родителями?

— О нет! Мои родители предоставили бы мне полную свободу действий.

Тогда я вдруг вспомнил ее пропитанные тайной слова, ее намеки на жестокость вещей и опасения барона.

— Клер, — настаивал я, — у вас есть какая-то тайна. Доверьте ее мне. Я сумею вам помочь.

— Увы! — сказала она. — Эта тайна принадлежит не мне.

— Нет такого ужасного секрета, который я бы не смог сохранить в тайне. Вы опасаетесь какого-нибудь врага?

— Против этого врага вы не в силах что-либо предпринять.

— Где он скрывается?.. В замке?

Она скрестила руки у горла, ее глаза блуждали в поисках чего-то неведомого.

— Он скрывается во мне... Мне часто хочется умереть. Как Мерлену и как де Дерфу! Порой мне кажется, что мои мольбы вскоре будут услышаны и я наконец обрету мир, спокойствие, а затем...

— Клер, дорогая, успокойтесь! Мне не нравится это ваше исступление. Рядом со мной вам нечего опасаться... А позже вы мне все объясните...

Обняв ее за плечи, я шел с ней по дозорному пути. Вокруг нас скользил легкий ветерок. По нагретым солнцем камням, словно язычки пламени, то тут, то там мелькали ящерицы. От наполнившей меня божественной радости я почувствовал, как воспрянул мой дух.

— Вы, как и я, — жертва одиночества, — прошептал я ей на ухо. — Эти величественные леса, эти мирные стоячие воды, эти травы, выросшие, словно лианы, и превратившие парк в какой-то дикий уголок, — вот что постепенно вызвало в вас ипохондрию, это мрачное и нелюдимое настроение. Но я намерен переделать замок Мюзияк. Я вырублю деревья, осушу пруд, а на том месте, где шумел тростник с камышом, зацветут лилии и розы. А сам замок...

Она покачала головой:

— Прошу вас, не усугубляйте мою печаль!.. Ах! Вот и отец.

И в самом деле, в замковой башне раздался голос барона. Я отошел от Клер на несколько шагов.

— Я никогда не покину вас, что бы ни случилось! — поклялся я.

Появился барон, идущий впереди жены, и потирающий руки нотариус.

— Мы пришли к согласию, — сообщил мне барон. — Вы можете гордиться, господин граф, тем, что нашли в лице метра Меньяна такого прекрасного союзника.

Я смотрел на его перевязанный палец, и его слова странным образом отзывались в моей голове.

— Я счастлив, — пробормотал я. — Лично я ничего не смыслю в подобного рода сделках...

— Нужно только подписать документы, — вмешался нотариус. — Я уже все подготовил.

— Ну что ж, — подытожил барон, — давайте спустимся вниз... Быть может, господин граф, вы хотели бы еще что-нибудь посмотреть?

В какой-то момент я в нерешительности замер, боясь показаться смешным.

— Да, — вымолвил я наконец. — Да... Я бы хотел еще осмотреть склеп под часовней.

— Склеп? — повторил барон.

Внезапно он остановился, и кровь отхлынула от его полнокровного лица, а его жена прислонилась к амбразуре, став такого же серого цвета, что и камень, поддерживающий ее. Клер же опустила глаза, и, несмотря на заливавшее нас солнце, они все трое, казалось, застыли, мучимые изнутри какой-то странной и смертельной болью.

— Это не к спеху, — поспешно добавил я.

— Да, это не к спеху, — повторил барон слабым голосом.

А затем, взяв меня под руку и ведя обратно, он добавил:

— Лучше оставить мертвых в покое.

— Как? Вам никогда не приходила в голову мысль спуститься в склеп? — спросил я.

— Я туда уже однажды спускался...

— И что?

— А то, что у меня нет ни малейшего желания спускаться туда вновь.

— Он что, оказался... слишком поврежденным?

— Вовсе нет. Однако, поверьте мне, господин граф, что погребать мертвых столь близко от живых далеко не самая удачная мысль.

После этих слов воцарилось молчание, едва нарушаемое свистом ветра. Я вновь ощутил то тягостное чувство, столь взволновавшее меня в начале визита, и подумал, что барон, возможно, не согласился бы с предложением нотариуса, не будь у него каких-то определенных оснований. Почему этот человек, который раньше и не думал о продаже замка, столь поспешно принял мои предложения? Клер накануне сказала мне: ее родители терзались страхом... Мой взгляд без конца возвращался к пальцу барона, к тому самому пальцу, который я так глубоко ранил всего несколько часов назад. Нет, страх — это не объяснение, и тайна Эрбо, без сомнения, заключалась в чем-то гораздо более ужасном.

Запутавшись в своих мыслях и отчаявшись убедить свою любимую, я, желая умереть сам, следовал за бароном в гостиную. Нотариус утратил свою живость и, казалось, погрузился в какое-то мрачное размышление. Вынув из своего портфеля договор, он принялся отсчитывать деньги, в то время как мы с бароном ставили на пергаменте свои подписи. По правде говоря, я уже не понимал, сон ли это или же реальность. Во время нашего отсутствия в гостиную принесли поднос и бокалы. Барон налил нам старого вина, аромат которого я едва заметил. Совершенно напрасно я твердил себе: «Замок принадлежит тебе. Ты у себя дома. Прошлое — не в счет», — и все же я был опечален еще больше, чем на похоронах моей матери. Наконец нотариус уверенным жестом закрыл свой портфель.

— Разумеется, господин барон, — сказал он, — вы располагаете достаточной отсрочкой, чтобы забрать...

— Благодарю вас, но мы уедем с наступлением ночи.

Я попытался было возразить.

— Не настаивайте, господин граф, — продолжил он. — Я намерен уехать в Ренн, где мне предлагают одно очень интересное дело. С вашего разрешения, несколько позже, я заберу некоторые вещи, которые мне дороги. Вместе с тем я был бы вам чрезвычайно признателен, если бы вы оставили ландо в моем распоряжении еще на несколько дней.

Оценив его учтивость, я, в свою очередь, предложил ему оставить карету у себя навсегда, и мы расстались лучшими друзьями. В то время как метр Меньян прощался с бароном и баронессой, я подошел к Клер.

— Я тоже поеду в Ренн, — прошептал я.

— Я запрещаю вам это.

— Но я не хочу терять вас.

— А я не хочу выходить за вас замуж.
— Почему?
— Это секрет.
— Уверяю вас, что я его раскрою.
— А я умоляю вас забыть меня.
— Ни за что!

Это были последние слова, которыми мы обменялись. Сильно взволнованный, я сел в кабриолет, и мы уехали из замка. В голове моей уже крутилась тысяча смелых планов. Я был готов, в случае надобности, выкрасть Клер. Я поклялся, что она будет принадлежать лишь мне и никому другому. Мое возбуждение, в конце концов, привлекло внимание нотариуса.

— Я вижу, господин граф, что вы испытываете то же впечатление, что и я... Странная семья, не правда ли?

— Да, странная.

— Я бы даже сказал: вызывающая беспокойство, — уточнил этот славный малый. — В их жилище царит... не знаю, как поточнее передать словами мое впечатление, — какая-то угнетающая вас атмосфера... Эти люди, похоже, живут иначе, чем мы с вами. Однако нельзя сказать, чтобы они были таинственными, нет... Должен даже признать, что барон весьма недурно разбирается в юриспруденции... Однако я бы все же не хотел пребывать в замке вместе с ним... Возможно, это смешно...

— Вовсе нет. Я полностью разделяю ваше чувство... Была ли у вас возможность общаться с предыдущими владельцами замка Мюзияк, с этими Мерленом и де Дерфом?

— Нет. Никогда.

— Вы говорили, что один из них сошел с ума?

— Совершенно верно, господин граф. А другой покончил с собой.

Какое-то время метр Меньян пребывал в задумчивости, несомненно, размышляя над моими вопросами, а затем продолжил:

— Меня удивляет другое. Я ожидал встретить серьезный отпор, однако, когда Эрбо узнал, что вы намерены тут же расплатиться наличными, он немедленно уступил. Полагаю, что он спешит избавиться от замка.

Нотариус был несколько обижен тем, что ему не пришлось прибегнуть ко всевозможным юридическим уловкам. Я же решил не рассказывать ему то, что я видел накануне, так как был почти уверен, что Эрбо явились жертвами какого-то загадочного колдовства. А слова барона о склепе лишь подтверждали мое предположение. Разумеется,

это не помогло мне проникнуть в тайну, оставшуюся для меня непостижимой. Вместе с тем я догадывался, что она как-то косвенно была связана с трагической судьбой тех, кто первыми завладели замком. Странное поведение Эрбо только укрепило мою уверенность в том, что я видел, и в том, что я не был подвержен галлюцинациям. Но тогда!.. Я опасался, что вновь приду к умозаключениям, которые поставят под угрозу мой рассудок. В итоге я решил раскрыть свои затруднения духовнику, когда у меня будет на это время.

Между тем мы приехали в поселок, и нотариус, видя мое уныние, и, возможно, догадываясь — ведь он был человеком на редкость проницательным — о пагубной страсти, которую я питал к дочери барона, весьма любезно пригласил меня на обед. Я с радостью принял приглашение, опасаясь остаться наедине со своими душевными муками. Рассказывать, каким был обед и как прошел остаток дня, было бы пустой тратой времени. Нотариус поставил меня в известность о придуманных им путях укрепления моего состояния. Вежливо внимая ему, я не переставал думать о владельцах замка, готовящихся к отъезду. Разумеется, через некоторое время я мог бы тоже поехать в Ренн и попросить у барона руки его дочери. Покидая Мюзияк, Клер не была потеряна для меня навсегда. Вместе с тем я испытывал глубокое беспокойство. Какое-то смутное предчувствие предупреждало меня, что я не должен дать ей уехать, и, по мере того как солнце опускалось к горизонту, тревога моя становилась все невыносимее. Я удалился, будучи не в силах выносить дальше вид подобных себе людей. Теперь я остро нуждался в одиночестве.

Выйдя из поселка, я направился к ландам, и величественный вид заходящего солнца, пурпурно-перламутрового цвета, еще больше возбудил мою любовь. Мои глаза наполнились горькими слезами. Я брел наугад, молча призывая себе на помощь небо и чувствуя себя еще более заброшенным, нежели скорбная душа. Сумерки вскоре окутали цветущие травы пепельным светом, и я так и не пришел ни к какому решению. Временами идея с женитьбой казалась чудовищной, и я прекрасно осознавал, что посельчане будут показывать на меня пальцами. Вдруг я так сильно пожелал этого союза, что даже почувствовал, как сердце перестало биться, и я зашатался, словно дуб под ударами топора. Над верхушками деревьев появилось огромное и красное ночное светило, похожее на ту древнюю

луну, что вела друидов * к месту их жертвоприношений. Я же, словно неприкаянная тень, подсознательно направлялся к воротам замка. Я узнал дорогу, когда под моими ногами заскрипели камешки. Итак, я вернулся на место нашей первой встречи, я все еще ждал свою любимую в тот момент, когда она садилась в ландо, готовясь навсегда покинуть эти места! Полностью предавшись своему отчаянию и почти что сраженный болью, я побрел к воротам замка. Уцепившись за решетку, словно узник, в последний раз наблюдающий из своей камеры дневной свет, я обратил свой умирающий взор к этим высоким стенам, за которыми в течение многих лет она, наверное, заочно любила меня, не зная даже моего имени. А теперь... О жестокий Бог! Едва наши руки успели соединиться, как мы тут же оказались разлученными. Просто и трогательно вплетая язвительные насмешки в мольбы, я поднял свои глаза к небу.

Луна бросала серебряные отблески на наклонные крыши, и постепенно я обнаружил, что двор пустынен. Вдруг я ясно услышал скрип едущей кареты. Она огибала северную часть замка, посему я должен был вскоре увидеть ее. Шаги лошади, четко ступавшей по твердой земле, отдавались эхом, и, охваченный каким-то суеверным страхом, я отступил к самой стене. Колеса ландо вскоре заскрипели во дворе, и оно возникло из темноты, столь же фантастичное в этом едва освещенном пространстве, что и накануне, там, в глубине парка. Лошадь выдыхала пары, и сдержанное ржание вырывалось из его горла с неровным шумом. Щелкали поводья. Цилиндр кучера, похожий на какой-то воинственный шлем, зловеще блестел. Карета с поднятым и тщательно закрытым верхом, двигалась с какой-то холодной и смутно угрожающей величественностью, бросая перед собой бесформенную тень, лежащую огромным полумесяцем на чудовищно вытянутых ушах лошади. Выехав, Антуан — я сразу же узнал его худощавый силуэт — соскочил с козел и вернулся назад, чтобы закрыть тяжелые железные ворота арки. Я четко видел окно ландо, отражающее часть усыпанного звездами неба. Что же делали Эрбо за этим окном? Курил ли барон сигару? Не наклонилась ли баронесса, чтобы в последний раз посмотреть на проданное ими владение? А Клер? Думала ли она обо мне в этот момент?

---

* Друиды — жрецы древнекельтских народов в Галлии и Британии. Здесь и далее примечания переводчика.

Ворота сопротивлялись, и их петли отчаянно скрипели. Я не в силах был больше сдерживаться. К черту приличия! Пусть говорят обо мне все что угодно, но я все же коснусь напоследок руки своей любимой! И на цыпочках я побежал, перешел через дорогу и, взявшись за ручку, приоткрыл дверцу.

...Они были здесь, все трое, застывшие и как бы положенные на сиденья кое-как. Три тела, которые я плохо различал, но которые я узнал как-то инстинктивно. Луч луны коснулся бакенбард барона, а светлые пряди Клер сияли в темноте почти фосфоресцирующим отблеском. Потеряв голову, я пробормотал тихим голосом:

— Прошу вас извинить меня.

Но я уже знал, что никто мне не ответит. За спиной у меня хлопнули ворота, и подбежал кучер. Я хотел было принять оборонительную позу, потеряв все свое хладнокровие, однако у слуги не было никаких дурных намерений. Он сделал мне знак рукой, чтобы я не производил ни малейшего шума. Да и сам он шел теперь, приглушая шум своих шагов. Подойдя ко мне, он приложил палец к губам, а затем настежь раскрыл дверцу кареты.

— Быстро садитесь, — молвил он мне. — И ни звука!

Я пытался на ощупь сориентироваться в темноте, натыкаясь на тела, а затем упал на сиденье подле Клер. Вытянув руку, я почувствовал ледяную кожу ее руки. У меня вырвался крик ужаса, не получивший, однако, никакого отголоска. Карета по-прежнему катилась, сильно раскачиваясь и скрипя всеми своими перегруженными рессорами, причем каждый наклон сопровождался невероятными шатаниями сидящих передо мной силуэтов. Я задыхался. Легкий запах забытого в застоялой воде букета забил мое обоняние. Где-то мне уже приходилось вдыхать подобный запах... Это был запах погребальных комнат и ночных бдений у гроба матери. Более сильный толчок перевернул тело барона и отбросил его на меня, с отвратительной фамильярностью он надавил на мое плечо. Я высвободился и с воплем ударил кулаком по перегородке кареты. Антуан подстегнул лошадь — колеса запрыгали по кочкам, а в моей голове отдавался нарастающий шум. Заблокированная дверца кареты уже не открывалась. Я видел перед собой лишь мертвенно-бледные лица, которые, похоже, оживились каким-то до неистовства пугающим меня бешенством. Лунный свет по очереди скользил по ним, показывая их рты с поблескивающими зубами.

В последний раз призвав к себе Клер, я лишился чувств...

Почему же смерть не приняла меня в этот момент в свое лоно? Она бы помогла мне избежать множества испытаний — ведь самое страшное было мне уготовано позже. И оно не замедлило обрушиться на меня.

Когда я раскрыл глаза, было темно. Я лежал в огромной кровати, и, повернув голову, заметил слева от себя деревенский шкаф, а справа — комод с зеркалом. У моего изголовья в медном подсвечнике горела свеча. Вокруг царило молчание. Где я нахожусь? В гостинице? Но почему тогда меня не отнесли в мою комнату? Внезапно я вспомнил то, что со мной произошло, и, я, убитый этим воспоминанием, повернулся на бок. И чуть было вторично не потерял сознание. Я становился сумасшедшим или же оказался жертвой какого-то ужасного кошмара... Клер!.. Клер!.. Даже в бреду я произносил ее имя. И вдруг какая-то тень пересекла комнату и подошла ко мне. Свет свечи позолотил ее светлые волосы и зажег две сверкающие точки ее зрачков.

— Я здесь, — прошептал призрак. — Спите. Отдыхайте.

Нежная и мягкая рука опустилась на мой лоб и вытерла пот, выступивший у меня на висках.

— Клер!.. Вы ли это?

Девушка улыбнулась.

— Конечно, Орельен. Это я... Я вас больше не покину...

— А где ваши родители?

— Они продолжают путешествие.

— Вы в этом уверены?

— Абсолютно уверена.

— А они не... больны?

— Больны?.. А почему они должны быть больны? В изнеможении я закрыл глаза.

— А я? — спросил я. — Я болен?

— Вы переутомлены, — пробормотала Клер. — Не говорите больше, спите. — И она оставила свою руку в моей руке, а я погрузился в черную бездну.

Кем бы ты ни был, читатель, я не желаю больше ни злоупотреблять твоим вниманием, ни вызывать жалость обстоятельным рассказом о своих злоключениях. Я лишь желал точно передать основные моменты моей исповеди, которая покажется тебе невероятной, но которая тем не менее полностью правдива. Все, о чем я рассказал, мне довелось пережить, и под подобными жестокими ударами не устоял бы никто. Но будь столь любезен выслушать меня

еще немного — ведь я рассказал пока что не все. Мне осталось рассказать самое печальное и самое худшее, и я чувствую, что, по мере того как я приступаю к заключительной части своего рассказа, силы начинают покидать меня.

Благодаря своему мощному телосложению я относительно быстро поправился. По-моему, даже слишком быстро, так как этот короткий период выздоровления, среди стольких таинственных и ужасных событий, походил на настоящий оазис счастья. Клер по-прежнему находилась подле меня, проявляя сострадание, словно добрый ангел, и ее нежная рука быстро согнала с моего лба меланхолические мысли, которые иногда все же посещали мой рассудок, словно грозовые тучи, и пытались разрушить мою любовь и счастье угрожающим шквалом. Мы молча наслаждались несказанными радостями. Ведь я получил ее обещание! Я уже был уверен, что она навсегда останется со мною. Будущее рисовало перед нами самые радужные перспективы. Почему же я не спешил идти ему навстречу? Потому что, несмотря на все усилия моей любимой, несмотря на мое желание забыться, прошлое упорно жило в моей памяти. Оно отметило нас обоих своими несходящими царапинами, и я без труда различал их на лице Клер, опущенные глаза и бледность которой не переставали вызывать во мне беспокойство. Но с каждым днем улыбки все чаще освещали наши лица. И, несомненно, разгорающий огонь страсти все чаще сверкал в наших глазах и соединял наши сердца. Но как могли мы принадлежать друг другу, не зная друг о друге всего? Итак, я ждал, что Клер заговорит первой и согласится объяснить те загадочные происшествия, свидетелем которых я стал. Готов поклясться, что она должна была испытывать сходные чувства. Впрочем, я множество раз видел, как откровение вот-вот было готово сорваться с ее уст. Однако какая-то щепетильность, может, тайный стыд или непобедимый страх мешали ей открыться мне. Вот так, несмотря на соединенные руки и нежные взгляды, мы чувствовали, как между нами возникает определенное расстояние, и наши души перестают соприкасаться, вновь впадая в прежнее одиночество.

Вскоре я мог уже вставать и, понимая, что пришло время определить наше совместное существование, выразил ей свое желание написать ее родителям. Она, похоже, удивилась и даже рассердилась.

— Но, моя дорогая, — сказал я, — щекотливое положение, в котором мы находимся, не может длиться так долго.

Ваше присутствие подле меня уже противоречит общепринятым нормам морали. Возблагодарим же небо за то, что моя болезнь настигла меня в этой маленькой деревушке, где нас никто не знает и мнение которой нас особо не волнует. Однако же ваши родители имели бы полное право считать меня презренным соблазнителем, если бы я все еще медлил просить у них вашу руку и сердце.

— Я совершеннолетняя, — ответила она мне, — и могу свободно распоряжаться своей судьбой.

— Но ведь приличия...

— Мне достаточно лишь предупредить их о замужестве. Вряд ли они станут возражать.

— Должен ли я это понимать так, что вы не очень-то ладите с ними?

— Наши вкусы действительно не совпадают.

Я не стал допытываться, и не только потому, что не хотел выглядеть нескромным, но главным образом потому, что я чувствовал, как ступаю на зыбкую и опасную почву. Я надеялся, что полное доверие, вызванное совместной жизнью и нежностью, сопровождающим всякую страсть, рассеет сдержанность Клер. Итак, мы обсудили детали нашей свадьбы, и я заставил ее согласиться не без труда, правда, жить со мной в замке, в котором я поклялся обосноваться. Она поняла, что я буду мучиться тягостными угрызениями совести всю свою жизнь, если уступлю ей в этом, и согласилась с моими доводами, скорее устав от спора, чем повинуясь мне. С этого момента в ее поведении и даже в разговоре появилось небольшое изменение. Она стала настолько покорной, что однажды я даже рискнул спросить у нее:

— Я думаю, что вид замка вызывает в вашей памяти какое-то тягостное воспоминание. Но его легко перестроить. Скажите, что бы вы желали изменить в нем?

Она убедила меня в своем желании оставить замок в первозданном виде, в каком он и есть, и заверила, что он не вызывает в ее памяти никаких болезненных воспоминаний. Будучи юной, она любила мечтать. Как и у всех девушек, а также в силу склонностей, присущих ее натуре, мечты Клер были несколько болезненными, однако все это постепенно осталось позади. Подле меня она чувствовала бы себя вполне счастливой и спокойной. В то же время, пока она пыталась успокоить меня, ее щеки побледнели еще больше, и даже самый непроницательный наблюдатель догадался бы, что она скрывает от меня часть истины. Сам

же я по мере того, как силы возвращались ко мне, увлекался размышлениями, которые тем не менее запретил себе, но, оставаясь в одиночестве, я невольно приоткрывал дверь в недавнее прошлое, словно дверь склепа, полного мрачных останков. Из этих экскурсов в проклятое прошлое я выходил глубоко потрясенный и уверенный, что Клер хранила в себе живую тайну. Более того — horresco referens * — иногда я думал, что чистейшее создание содержало в себе, помимо своей воли, какое-то слишком грустное начало, действие которого я начал ощущать. Но я старался быть веселым, водил свою любимую на очаровательные прогулки, делился с ней воспоминаниями о пребывании в Англии. Страна эта, похоже, возбуждала ее любопытство... А однажды она даже воскликнула:

— Вот где нам следовало бы жить. Там я бы чувствовала себя в полной безопасности!

— В безопасности от чего, душа моя?

В ответ она лишь положила мне на плечо свою голову. Вместе с тем дата нашей свадьбы приближалась, и мы наконец прибыли в Мюзияк. Нотариус, которого я поставил в известность о наших планах, очень хотел принять нас у себя. Он был готов сопровождать по поселку ту, которая через несколько дней должна стать моей женой. Это стало бы для меня подлинным испытанием, которое я хотел во что бы то ни стало встретить безболезненно. Как поселок воспримет эту новость? Как примут будущую графиню де Мюзияк? Пусть будут благославенны наши бретонцы. В данном случае они выказали пример незабываемого великодушия. При посредничестве метра Меньяна я дешево купил нечто похожее на тильбюри **, что позволило ездить во всех необходимых случаях из замка в поселок. Некоторые благоустройства, которые я поклялся провести на втором этаже замка, вскоре были завершены. Для церемонии бракосочетания все было готово.

Иногда я по пальцам пересчитывал разделяющие нас дни и видел, как Клер закрывает глаза, но не знал, делает ли она это от удовольствия или же от страха. Она отвечала на все мои ласки то страстно, то рассеянно, так что я все время мучился вопросом: действовал ли я разумно или же готов был совершить какую-нибудь непоправимую ошибку. Накануне нашей свадьбы я решил осмотреть замок

---

* Horresco referens (лат.) — «Трепещу, рассказывая об этом».

** Тильбюри — легкий, открытый двухместный экипаж на двух колесах, названный так по имени изобретателя.

сверху донизу. Я испытывал какой-то смутный страх, который даже затрудняюсь описать. Но я хотел осмотреть все детально, в частности, склеп, единственное место, куда я пока не спускался. С опасением, граничащим с отвращением, я осторожно ступил на первые ступеньки, ставшие от влажности скользкими. Сдвинув алтарный камень и вытянув руку с факелом, я попытался проникнуть в темноту, хранящую останки моих предков, однако удалось мне это не сразу. Пламя замерцало и наполовину погасло от зловония. Лестница углублялась в кромешную тьму, и, взволнованный, с сильно бьющимся сердцем, держа перед собой агонизирующий огонь, я продолжал погружаться в до ужаса молчаливое спокойствие склепа. Вскоре мои ноги ступили на липкую почву, и я начал различать каменные ниши, в которых покоились останки Мюзияков, ожидая воскрешения. Медленно опустив факел, я обратил к своим умершим предкам одну из бессловесных молитв, в которых охваченная дрожью душа полностью доверяется божественному милосердию. Мои жизненные бури стихли на пороге этого склепа. Сумасшествие людей, похожее на бешеный океан, кончалось здесь, у подножия этой обители, которую оно осквернило своей пеной, прежде чем отступить. Я же, путник, качающийся на волнах ссылки, возвращался, наконец, в свою родную гавань, но не увенчанный цветами, как античные возницы из преисподней после удачной переправы, а уставший, постаревший, несчастный, изнеможенный, подстерегаемый бурей даже в этой спасительной гавани, которой я так мечтал достичь. Я не смог сдержать горячих слез, и мои размышления продлились столь долго, что светящий мне факел почти весь сгорел, когда я решил, что пришла пора покинуть эти печальные места. Выйдя на свет, я обнаружил множество следов на липкой поверхности каменных ступенек, а также каплю воска, что меня немало удивило. Впрочем, я тут же вспомнил рассказ барона Эрбо о том, как он однажды уже спускался в подземелье.

Выяснив для себя этот вопрос, я поставил камень на место, давая себе обет потратить часть своих доходов на сооружение нового склепа, лучшего, нежели этот. Затем под суровыми взглядами предков, взирающих на меня из потускневших золотых рам, я прошелся по просторным залам замка. Две прислуги, которых я устроил в крыле замка, украсили цветами комнаты, где мы должны были жить. Солнце заливало своими лучами все залы. Замок, в котором я готовился встретить Клер, уже не выглядел печаль-

ным, несмотря на некоторую строгость, и я поклялся еще больше украсить его...

Наша свадьба была отпразднована на следующий день. Я не стану говорить ни об этом дне, ни о последующих... Они нежным огнем сияют в моей памяти и напоминают мне рай.

Счастье это, увы, продлилось недолго. Однажды вечером, сидя в библиотеке над счетами, с головой, полной цифр, я обратился к Клер:

— Душа моя, я забыл наверху необходимые мне бумаги. Не могли бы вы принести их мне? Если пойдете наверх.

— А где они лежат?

— В комнате мушкетера.

Эта небольшая комната, расположенная в северной части, называлась так по причине висевшей в ней картины с изображением одного из двоюродных братьев моей матери, служившего у Великого кардинала в чине капитана. В теплые часы дня я любил там работать. Клер взяла подсвечник и вышла. Я вновь погрузился в свои подсчеты и долгое время не замечал ничего, кроме скрипа своего пера. Окончив работу, я зевнул и случайно взглянул на часы. Клер отсутствовала уже двадцать пять минут. Что она могла так долго делать там? Я не был обеспокоен, но испытывал неприятное чувство и тут же принялся за поиски. Я пошел прямо в комнату мушкетера, даже не освещая себе дорогу, — ведь я прекрасно знал все закоулки замка. Ни на лестнице, ни в коридоре, ведущем после множества закоулков в комнату мушкетера, не оказалось ни души. При тусклом свете сумерек я увидел лежащие на столе бумаги и сунул их под руку. Затем, несколько встревоженный, зовя Клер, я пошел назад.

Я обнаружил ее лишь в противоположном конце замка, всю в слезах. Сквозняк задул ее свечу, и она призналась мне, что не решилась больше двигаться, испуганная медленно надвигающейся на нее темнотой.

— Но, ради бога, объясните мне, зачем вы пришли сюда? — спросил я у нее.

— Я заблудилась.

Я не стал выяснять, как это могло произойти, а просто провел ее в наши комнаты, где она быстро пришла в себя. Однако этой ночью спал я крайне плохо. Еще бы! Клер заблудилась в доме, в котором она прожила не один год своей жизни! Такое объяснение не могло удовлетворить меня. Она явно что-то скрывала. Мои задремавшие опасения пробудились с новой силой. Я незаметно наблюдал

за своей женой и немного погодя опять повторил свой опыт с комнатой мушкетера, на этот раз среди бела дня. И вновь Клер ошиблась и некоторое время блуждала по замку, словно человек, лишенный рассудка, среди хорошо известных ей предметов. И тут я вспомнил рассказ нотариуса, когда он впервые заговорил об Эрбо. Тогда он сказал мне, что Клер считал немного ненормальной. До этого мне не доводилось замечать, что ее рассудок был несколько помрачен, однако не исключено, что таинственная болезнь уже набирала свою силу после кратковременного затишья. Клер, бесспорно, была больна. Ее тело, вероятно, подвергалось болезни, по крайней мере в той же степени, что и душа. У нее пропал аппетит, а ее похудевшее лицо стало бледным и несло на себе отпечаток какого-то тайного страдания. Тогда я вызвал в замок некоего де Ванна — молодого врача, таланты которого мне расхвалили. Он долго обследовал Клер, слушал ее дыхание по методу, введенному его соотечественником Лаэнеком, после чего отвел меня в сторону и прошептал:

— Не скрою от вас, господин граф, что я весьма обеспокоен состоянием здоровья вашей жены. Диагноз, по-моему, однозначен: ярко выраженное истощение...

— Вы опасаетесь чахотки? — спросил я, испугавшись этого самого ужасного слова, таящего в себе еще более опасную действительность.

— Я не стал бы утверждать, что мой прогноз категоричен. Тем не менее беспрестанный уход, обильная пища и полный отдых вполне могут победить эту болезненную вялость. А главное — никаких забот, никаких умственных напряжений. Ваша больная супруга должна жить огражденной от любых потрясений. Для начала мы применим лечение молоком ослицы. Я наведаюсь через две недели...

Куда только подевалось все мое счастье! Начинался самый черный период моей жизни, которому никогда не суждено было завершиться. Вскоре Клер была вынуждена слечь в постель, и она совершенно не выносила, когда ее оставляли одну, даже ненадолго. Увидев, что Клер задремала, я иногда покидал ее, чтобы пойти прогуляться по парку, но, возвратясь, находил ее возбужденной, в лихорадке и нередко в слезах. А когда я умолял ее объяснить мне, почему она поддавалась подобным беспокойствам, она неизменно отвечала:

— Я боюсь... Я боюсь...

— Но, дорогая моя, чего вы боитесь? Ведь я рядом, да и к тому же вам никто и ничто не угрожает.

Но она упорно молчала, закрывала глаза, брала мою руку и погружалась в сонную дремоту, длившуюся часами. Лекарства не улучшали ее состояния. Обеспокоенный, я предложил ей написать родителям, молчание которых я лично находил довольно необычным. Они ведь даже не соизволили присутствовать на церемонии венчания своей дочери, несмотря на любезнейшее приглашение, которое я отправил им. Клер весьма болезненно восприняла мое предложение, и я остерегался повторить его, так как она показалась мне столь взволнованной, что я опасался, как бы это не вызвало у нее какого-то опасного кризиса. Все же с наступлением ночи, вытягиваясь на своем ложе и беспрестанно прислушиваясь к звукам в соседней комнате, я не мог помешать себе воскрешать в памяти поразительную цепь событий, которые вот уже три месяца держали меня в мучительной неизвестности. Сам того не желая, я пришел к выводу, что между всеми загадочными событиями и болезнью Клер существовала какая-то непонятная мне связь. Ведь в противном случае откуда бы взялась эта медленно разрушающая ее боязнь? Откуда этот страх перед одиночеством? Откуда эти вздрагивания при малейшем поскрипывании пола? Почему иногда ее глаза смотрели на стены и мебель таким взглядом, будто больше не узнавали их? Я вынужден был признать: моя жена умирала от страха. С тех пор, как Клер, взяв меня под руку, вошла в замок, она не переставала дрожать. В глубине души я должен был признаться, что такую же дрожь от страха я часто ощущал в своих собственных костях. Она проходила по мне, словно гальванический ток, и оставляла на висках и ладонях горячий пот. Это случалось со мной в самые непредвиденные моменты, но чаще всего, когда я подходил к гостиной или же когда заходил слишком далеко в глубь парка. А что касается звона колокола, то он тоже оказывал весьма странное действие на мои нервы. Да что тут говорить! Я никак не мог привыкнуть к этому замку, несмотря на то, что появился на свет именно тут. Я не мог избавиться от чувства, что за мной постоянно кто-то следует по пятам или скрывается за дверью, которую я собираюсь открыть. Но кто? Увы! Как назвать этот фантазм, являющийся плодом моего взбудораженного воображения? Быть может, мне тоже следовало бы обратиться к врачу?.. Я притворялся изо всех сил. Я пытался казаться веселым и доверительным. Все же нетрудно было заметить, что я не в силах обмануть Клер. И наши два

страха поддерживали друг друга, словно две головешки, передающие друг другу поглощающий их огонь.

Осень зажгла лес огнем своих красок. Опавшие листья, несомые ветром, кружились над камышом, садились на гладь озера, где их хрупкие лодочки некоторое время скользили по поверхности, прежде чем погрузиться. Клер продолжала чахнуть. Тогда я позвал другого врача. Он говорил уклончиво, не скупился на подбадривания, уверял, что всему виной погода, и посоветовал увезти больную в горы. Его отъезд повергнул меня в крайнюю степень отчаяния, настолько угнетающую, что я даже потерял всякое желание бороться. Я жил нелюдимо, словно отшельник в пустыне. Даже нотариус перестал наведываться к нам. После Мерлена, де Дерфа и Эрбо настала наша очередь оказаться пленниками замка. И как только ночь начинала наполнять своей мглой его залы, я, проверив прочность запоров, приходил и садился у изголовья Клер, и мы, прислушиваясь, ждали... будучи неспособными ни двигаться, ни заснуть. Лишь с первыми проблесками дня, когда смутно вырисовывались силуэты окон, мы погружались в изнурительную летаргию. Выхода не было. Я уже знал, что моя жена обречена. Я также знал, что и мои дни сочтены тоже. Я знал, что нам предстоит погибнуть, потому что мы оказались свидетелями какой-то страшной тайны, запретной для простых смертных. В глазах моей возлюбленной временами мелькала тень смерти. Клер почти не принимала никакой пищи; золотой перстень — свидетельство нашего союза — болтался на ее пальце, сухой кашель, приступы которого все усиливались, торопил прогрессирующую болезнь. Весь в слезах, я решился позвать местного священника. Последовавшая церемония настолько взволновала меня, что я крайне затрудняюсь описать это величественное и раздирающее сердце зрелище. Забившись в угол комнаты, я едва сдерживал рыдания, в то время как священник, читая молитвы о прощении, мирил это болезненную душу со своим Создателем. Его рука, рисующая над кроватью умиротворяющие благословения, казалось, рассеивала дурные влияния, сдавливавшие наши сердца. Он долго молился и, прежде чем покинуть нас, взяв меня под руку, прошептал:

— Она много выстрадала, сын мой. Но теперь она успокоена. Будьте же мужественны и доверчивы и не пытайтесь разгадать пути божественного провидения.

Когда я вернулся в ее комнату, Клер дремала. Она была спокойна, и с ее губ слетало ровное дыхание. Это

было обманчивое затишье, предшествующее буре. И действительно: когда сумерки сгустились над голыми верхушками деревьев и когда ночь прислонила к нашим окнам свое мрачное обличье, Клер охватило нечто вроде оцепенения. Я зажег два канделябра и сел подле нее, мысленно спрашивая себя, отчего это она, бедняжка, так страдает и почему так тщательно скрывает от меня то, в чем призналась на исповеди священнику. Иногда она стонала, приоткрывая веки, и тогда я видел ее потерянные глаза, в которых вновь появился страх.

— Дорогая моя, — прошептал я, — слышите ли вы меня?

— Я больше не хочу, — простонала она, — нет. Я больше не хочу... Вы же прекрасно понимаете, что все они мертвы...

Это были ее последние слова. Она еще немного пошевелила губами, но я не смог уловить ее последней мысли. Затем она стала неподвижной. С этого мгновения прошло много часов. С рассветом я обнаружил, что она уже не дышит. Моя жена была мертва. Или по крайней мере она была такой же, какой я увидел ее тогда в гостиной, подле ее родителей, в ту ночь, когда я забрался в замок, и такой, какой она предстала передо мной в ландо... Вот почему, несмотря на переполнявшую меня печаль, я не стал будить прислугу. Несмотря на ослепляющие меня слезы, я все же нашел в себе силы достать из шкафа прекрасное зеленое платье времен нашей начинавшейся любви. Моя любимая стала такой легкой, что я без труда смог одеть ее. Сделав это и причесав ее, я положил тело на кровать и стал ждать чуда, которое неминуемо должно было произойти. Время от времени я прикасался к ее медленно остывающей руке. Однако ее рука, к которой я прикоснулся тогда в карете, была не только ледяной, но и несгибаемой. Почему бы жизни вновь не расцвести в этом теле, которое уже неоднократно было охвачено смертью? Целый день я молчаливо наблюдал за все более сереющим лицом моей дорогой супруги. Я потерял способность думать и молиться. Я ждал признаков жизни и был уверен, что они скоро проявятся. К пяти часам я отпустил прислугу, и, вероятно, напуганные моей бледностью, они, не задавая никаких вопросов, поспешили удалиться. Я же вернулся в комнату, где высокими светлыми огнями горели свечи. Не двигалась ли она? Я сел прямо напротив кровати, решив сидеть здесь до тех пор, пока моя любимая не будет мне возвращена. Затем, среди ночи, меня посетила мысль, которая должна

была бы прийти мне в голову гораздо раньше. Для того, чтобы чудо повторилось, тело, несомненно, должно быть помещено в те условия, в которых оно уже находилось. Итак, я открыл настежь все двери, зажег все свечи и пошел в ту самую небольшую гостиную. Клер ничего не весила на моих руках. Я нес ее, медленно идя по пустынному замку, под застывшими взглядами своих предков. Я спустился по широкой лестнице, по которой до меня поднималось множество счастливых пар. Та, которая столь недолго была плотью моей плоти, склонила голову мне на грудь, но теплота моей крови не распространялась в ее артериях и не достигала ее остановившегося сердца. Затем я попытался посадить ее, сохраняя равновесие, на то кресло, которое занимал барон. Ну же!.. Наступил момент ожидания и надежды... Сконцентрироав всю свою волю, я умоляюще протянул руки...

Она незаметно соскользнула с кресла и рухнула на ковер, я же потерял сознание...

Теперь я знаю, что она по-настоящему мертва. Я более не испытываю ни печали, ни надежды. Я похожу на сраженное молнией дерево. Моя жизнь лишена всякого смысла. Я только что зарядил один из пистолетов отца, а через минуту, окровавленный, буду лежать подле нее, и замок, со своими красивыми, освещенными залами, будет стоять в карауле подле наших холодных тел. К этим листам, содержащим грустную и правдивую историю, я прилагаю имена тех, кто унаследует все мое состояние. Пусть они не оставляют себе замок Мюзияк! Это заколдованное место лучше всего уничтожить! И пусть они каждый год заказывают мессу о спасении наших навечно соединенных душ.

— Ну что ж, — сказала Элиан, — вы можете утверждать, мой бедный Ален, что ваш предок был довольно странным малым.

— Элиан!

— Не сердитесь. Но я имею полное право посмеяться. Вот так история!

— Вы, разумеется, не верите ни единому его слову.

— Напротив. Бедняга был совершенно не способен лгать.

— Вы что же хотите сказать, что он был сумасшедшим?!

Девушка отдала Алену пожелтевшие листки и выключила плитку:

— К столу, маркиз! После трехсот километров на мотоцикле я чувствую себя проголодавшейся.

Глядя на руины замка Мюзияк, Ален в задумчивости сел возле Элиан.

— И все же это любопытно, — пробормотал он. — Вы, конечно же, принадлежите к ученым. Значит, ваша истина должна быть такой, чтобы ее можно было увидеть и прикоснуться к ней. Этакая аптекарская истина. Но если бы вы чувствовали рок судьбы, если бы вы могли оценить тайное стечение всех обстоятельств...

— Осторожно! — предупредила Элиан. — На хлебе муравьи.

— Это вынырнувшее из прошлого послание... всего лишь случайно найденный документ. Я вполне мог писать диплом, например, по английскому языку, а не по юриспруденции, и тогда бы, вероятно, пренебрег этими старыми семейными бумагами...

— А я вполне могла не встретиться с вами и была бы помолвлена с другим парнем.

Расхохотавшись, она игриво посмотрела на Алена.

— Нет, — сказла она, — я не согласна... Мне очень нравится ваша семья. Было бы весьма забавно называться мадам де Круази. Если хотите, мы будем часто совершать паломничество в этот довольно милый уголок. Однако не требуйте от меня, чтобы я принимала всерьез измышления вашего предка...

— Измышления? — возмутился Ален. — ...Да вы настоящий варвар, моя дорогая Элиан. Прочитав этот текст, я был глубоко потрясен. Вот почему я захотел разобраться во всем этом. И вы видите, граф де Мюзияк не обманул нас...

— К несчастью, — сказала Элиан, — замок на три четверти уничтожен, парк исчез.

— Вместе с тем я уже представляю себе более-менее четкую картину.

— Вы лучше представьте себе мертвецов на прогулке!

— Прекрасно! А почему бы, собственно говоря, и нет? Вот и попытайтесь объяснить тайну — ведь вы утверждаете, что всему этому можно найти логичное объяснение.

Раскурив сигарету, Элиан уселась по-турецки.

— Я вовсе ничего не утверждаю, — сказала она, — однако я уверена, что ваш родственник не мог видеть живыми людей, которые были мертвы. Либо он ошибся, и эти люди не были мертвы, либо же, если они действительно были мертвы, увидел, уже впоследствии, других людей, вполне живых.

— Вы безукоризненны, когда начинаете размышлять. Продолжайте! Продолжайте!

— Вот, собственно говоря, и все. Эрбо не были мертвы.

— Но вы забываете о ране на пальце барона.

— Ну, раз они были мертвы, значит, кто-то другой и занял их место, чтобы обмануть графа.

— Ну, а как же Клер, черт возьми? Вы же напрочь забыли о ней! Орельен влюбился в нее во время их первой встречи, на дороге. Я уже не говорю о ее появлении на балконе, во время своего первого тайного посещения замка моим двоюродным прадедом, хотя, конечно, это происходило в сумерках, и он отмечает, что не смог рассмотреть черт ее лица. Но потом! Ведь потом это была одна и та же девушка, вы слышите? Одна и та же появлялась вновь и вновь в каждом новом эпизоде его истории. И в гостиной, и в карете, и на следующий день после его официального визита в замок! Это была одна и та же девушка, одна и та же! Ваше объяснение не выдерживает никакой критики.

Элиан нахмурила брови.

— Погодите? Если это та же девушка, которую он увидел вполне живой, то, значит, там, в гостиной, Клер не была мертва. Она только притворялась... или, скорее всего, она потеряла сознание.

— Ну, а почему она потеряла сознание?

— При виде мертвецов, несомненно, настоящих мертвецов. Поставьте себя на ее место... Ваш двоюродный прадед установил, что в комнате находится двое мертвецов, и решил, что Клер тоже мертва, но он все же не решился проверить это. Да он и сам говорит: он едва осмелился войти.

— Допустим, но это нам ничего не дает.

— Напротив. Ваш дедушка видел одну и ту же девушку, но разных барона и баронессу. Он, без сомнения, видел то настоящих мертвых, Эрбо, то людей, подменивших их собой.

— Я бы не сказал, что мне все стало ослепительно ясно, — съехидничал Ален.

— Да, — сказала Элиан, — пока еще не все ясно, но кое-что я начинаю понимать. Послушайте... Мне пришла в голову одна мысль. Считайте, что тайна уже раскрыта.

— Прекрасная мысль, ну что ж, предположим!

— Так вот, замок стал собственностью барона Эрбо... Имперского дворянина... Эти люди чувствуют себя косвенно виновными. Они опасаются враждебности со стороны

соседей, потому что знают о подобных прецедентах. Они также помнят трагическую судьбу двух своих предшественников: Мерлена и де Дерфа. Вы понимаете?

— Разумеется!

— Антуан же, их слуга, вероятно, какой-то отпетый мошенник. У него плутовской вид. Кроме того, связь с поселком осуществляет только он, и я полагаю, именно он и рассказывает своим хозяевам страшные истории.

— Зачем?

— Чтобы держать их в страхе и помешать всякому контакту между поставщиками провизии и хозяевами замка. Он, должно быть, сильно раздувает счета. Не забывайте, что Эрбо ни разу не осмелились показаться на людях. Никто не видел их в лицо. Посмотрите в манускрипт... что говорит метр Меньян...

— Не смейтесь, Элиан. Все это гораздо сложнее. Я допускаю, что Антуан — личность темная. Ну и что из этого?

— Однажды утром ваш двоюродный прадед отдал ему письмо — вы припоминаете?.. Так вот, Антуан раскрывает это письмо и узнает о предложении графа де Мюзияк откупить владения. Предложенная сумма весьма значительна... Разве не естественно то, что этот алчный слуга пытается использовать ситуацию?

— Ну, допустим?

— Он знает мужчину и женщину такого же возраста, как и барон с баронессой... и девушку или женщину, которая, вероятно, не является их дочерью... Кто эти люди? Родственники или, может, друзья Антуана? Это в принципе не имеет значения!.. Они живут где-то неподалеку, и наш кучер, несомненно, состряпал с ними уже не одно дельце...

— Гм, это несколько притянуто за уши.

— Погодите!.. Итак, Антуан покидает замок под каким-то предлогом и спешит к своим сообщникам. Он объясняет им суть дела. Они, мол, пригласят графа, перед этим подменив настоящих Эрбо, от которых предварительно избавятся. Комедия продлится совсем недолго: будет достаточно буквально нескольких минут для того, чтобы прикарманить деньги. Ожидая момента своего появления, они тем временем спрячутся где-нибудь в замке. Те соглашаются, и Антуан увозит их в своем ландо... Но вот с каретой происходит небольшая поломка, и тут случайно появляется Орельен... Клер, точнее, лже-Клер, ловко использует эту ситуацию. Представившись графу, она сообщает, что отец принимает его предложение и приглашает его на следующий день в замок.

— Завидное, однако, хладнокровие!

— Не такое уж и завидное. Вы вспомните, что Орельен говорит в своей исповеди. Он, напротив, утверждает, что у девушки был испуганный вид.

— Допустим... Ну и что дальше?

— В тот же вечер все трое замковладельцев убиты... точнее, отравлены. Когда все закончено, Антуан звоном колокола созывает сообщников, которые прячутся где-то неподалеку...

— Прошу прощения... вы это сейчас придумали или логически размышляете?

— И то, и другое... Я пытаюсь развить вероятные последствия заговора... Теперь им необходимо избавиться от тел. Бандиты, несомненно, расчитывают закопать их где-нибудь в парке. Однако из предосторожности, пока еще ямы не выкопаны, они решают отнести покойников в склеп —это идеальный тайник. Первым они несут тело дочери Эрбо — деталь, в сущности, незначительная, но именно она и является основным моментом, от которого проистечет все последующее. Оба мужчины несут труп, а женщина освещает им дорогу... Клер же остается в гостиной одна, в качестве часового. Она менее закалена, нежели ее сообщники, и теряет сознание... Именно в этот момент и появляется граф... Перечитайте манускрипт. Обоих мертвецов он видит лишь со спины, и то плохо освещенными канделябром с мерцающим светом. Ведь единственная деталь, отмеченная вашим двоюродным прадедом, это, то, что барон носит бакенбарды... как, впрочем, и большинство горожан того времени. На самом же деле граф де Мюзияк смотрит лишь на Клер, сидящую лицом к нему. Он считает ее дочерью Эрбо. Следовательно, двое других мертвецов могут быть лишь бароном и баронессой.

— Что вполне соответствует истине, если я вас правильно понял.

— Да, это вполне соответствует истине. Так как эти двое явно мертвы, то граф приходит к выводу, что и Клер, которую он видит недвижимой и смертельно бледной, также мертва. Мне это кажется вполне логичным. А вам?

— Пока что да.

— Но вот бандиты возвращаются. Услышав шум, граф пугается и убегает, оставляя за собой на полу капли воска.

— Теперь испугаться пришла очередь бандитов.

— Совершенно верно... И они задаются вопросом, кто бы мог быть этот таинственный посетитель и что он смог обнаружить в комнате, в которой пробыл лишь несколько

мгновений. Они решают, что это, видимо, какой-нибудь бродяга или какой-нибудь неотесанный крестьянин. И все же они действуют без промедления. Антуан запрягает лошадь, в то время как его сообщники приводят Клер в чувство, и вся троица усаживается в карету. Под сенью деревьев подмена не рискует быть обнаруженной. К тому же женщина не перестает обмахиваться веером баронессы перед своим лицом, в то время как мужчина обволакивает себя клубами дыма. Кроме того, он чванливо подставляет свету луны свой перстень, снятый с пальца мертвеца. Если негодяям доведется встретиться с незнакомцем, они полностью нейтрализуют увиденную им картину: граф — человек весьма образованный, прекрасно понял, что если он расскажет об увиденной им сцене, то никто ему не поверит.

— Да... Да... Это вполне логично. Ну, а что же дальше?

— Они возвращаются в гостиную, и там несчастная Клер, которая не в силах перенести все это, вновь лишается чувств. Она падает, а в это время слышатся приближающиеся шаги. Трое сообщников поспешно удаляются и прячутся в соседней комнате, готовые вмешаться, если возмутитель их спокойствия проявит какую-то нескромность. Но они узнают графа, которого Клер не преминула им описать. Но о том, .чтобы убрать с дороги свидетеля, теперь не может быть и речи... К тому же последний, за малейшими движениями которого они внимательно следили, и не думает пристально рассматривать обоих мертвецов. Орельен лишь ранит барона в палец руки, выступающей за подлокотник, и, напуганный иллюзией, заставляющей его сомневаться в своем рассудке, стремительно убегает прочь... Думаю, что я ничего не упустила.

— Нет, все это мне, кажется, вы рассказали прекрасно.

— О, прошу прощения! Вот теперь я почти уверена в том, что все-таки добралась до истины. В сущности, все остальное кажется мне совершенно простым.

— Простым?

— Совершенно простым... Находясь так близко от цели, бандиты не стали бы отступать. Они не стали бы понапрасну совершать это свое тройное убийство. Если бы все затеянное ими дело обернулось против них, то у них всегда было бы достаточно времени, чтобы предпринять необходимые меры... Поэтому подложный Эрбо перевязывает себе палец. Вспомните визит на следующий день и неловкость так называемых замковладельцев, их испуг, когда граф неожиданно выразил желание спуститься в склеп... где,

вероятно, лежали все три трупа. Даже нотариус почувствовал что-то неладное.

— Согласен! Однако эта девушка... Похоже, она вовсе не была созданием, способным на такое.

— Вот это самый деликатный и трогательный пункт в этой истории. Ее, вероятно, заставили играть ту роль, а она к тому времени уже успела влюбиться в графа... Должно быть, он был весьма обольстительным.

— Само собой разумеется! Как и все Мюзияки!

— Не перебивайте, не то я потеряю нить своих рассуждений. А, так вот... Граф сообщил, что он намерен перестроить замок, осушить пруд и благоустроить парк. Таким образом, создавалась опасность, что все его уголки будут перерыты.

О том, чтобы оставлять трупы на территории замка и парка, теперь не могло быть и речи. Необходимо было их увезти и закопать где-нибудь вдали от Мюзияка. Таким образом, трупы в тот же вечер грузят в ландо, а кучер садится на козлы. К несчастью, появляется ваш двоюродный прадед и открывает дверцу кареты. У Антуана не остается другого выхода. Он вынужден затолкать вашего предка в темноту кареты и... ну, остальное вам известно. Граф теряет сознание. Антуан привозит ландо к месту встречи со своими сообщниками. Что делать? Убить графа? Кучер и подложные супруги Эрбо, вероятно, так бы и поступили, будь они одни. Но Клер противится этому плану. Ведь она уже безумно влюблена в Орельена. Она остается подле него, мечтая довести свой роман до конца. Но представьте себе ее чувства, когда, став графиней де Мюзияк, она вновь оказывается в замке. Она постоянно терзается страхом, а возможно, и угрызениями совести. Она, вероятно, не уверена, что устоит перед последующими испытыниями... Вспомните хотя бы мимоходом одну деталь: эпизод с комнатой мушкетера. Из него прекрасно видно, что Клер не знает замка, в котором ей никогда не доводилось жить.

— Признаюсь, все это меня взволновало... Вы умеете объяснять вещи... Давайте немного пройдемся.

Ален помог Элиан подняться. Сумерки сиреневым светом окутали руины замка, а в камыше тихонько квакали лягушки.

— Ваша версия, — продолжил Ален, —это логическая версия... Но посмотрите...

Они пошли вдоль стен с зияющими провалинами. Кое-где кустарники просовывали свои ветви в окно. Над их головами летало несколько летучих мышей.

— А теперь представьте здесь Орельена наедине с его женой...

Молодые люди подошли к углу главного двора, заросшего травой и превратившегося теперь в настоящий луг, усеянный ромашками и лютиками. Стоя рядом, они внимательно осматривали руины слева от обрушившегося подъезда, где виднелись останки гостиной, а также нечто вроде темного погреба, заросшего колючими кустами. Вдруг одновременно они услышали глухие, блуждающие шаги, раздающиеся с другого конца двора.

— Что это? — прошептала Элиан.

— Похоже, лошадь, — ответил Ален.

Неожиданно она предстала перед ними: черная, с поднятой головой, могущественная и одинокая, стоящая посреди этого цветочного луга. Лошадь задумчиво разглядывала их издалека, выдыхая легкий пар. Затем она продолжила свой путь, пошла рысью, и, наконец, ее копыта ритмично застучали по земле. Вскоре она исчезла, лишь стук ее копыт еще долго слышался в наступающей ночи.

— Пора возвращаться, — сказала Элиан.

— Подумайте, — продолжил Ален, — подумайте о де Дерфе, о Мерлене... Мой предок тоже ведь покончил с собой. И вместе с тем он не был сумасшедшим... Вот если бы мы оба жили в те времена...

— Да замолчите же вы, — сказала Элиан.

Они посмотрели на разбитый ими лагерь и поспешно принялись укладывать вещи.

— А эта лошадь, — спросила Элиан, — вероятно, отбилась от своего табуна?

— Вероятно, — вторил ей Ален.

СОДЕРЖАНИЕ:

Сдано в набор 11.09.90. г. Подписано в печать 25.10.90 г. Формат 84×108 1/32. Бумага типогр. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Печ. лист. 10 1/4. Усл. изд. л. 19,45. Тираж 30 000 экз. Зак. 5660. Цена 6 р.

СП «Крещатик» при содействии МХП «Информ ВТ Сервис».

Отпечатано в 4-й военной типографии 252015 г. Киев, Январского восстания, 40 на дополнительно приобретенной бумаге.